Автор: Л. Х. Косуэй

Книга: Шестерка сердец

Оригинальное название: Six of Hearts

Серия: Сердца #1.

Переводчик: Milena

Редактор: Anastasiya Goncharova, Nell Jo, Вероничка Богатырева, Ms.Lucifer, Gabriella A

Вычитка: Ms. Lucifer, Gabriella A

Художественное оформление: Ms.Lucifer

Л. Х. КОСУЭЙ
ШЕСТЕРКА СЕРДЕЦ

АННОТАЦИЯ:

Я мыслю треугольниками, в то время как вы — прямыми линиями.

Я покажу вам стол и заставлю поверить, что это кресло. Обман зрения, ловкость рук, дезориентация. Я жульничаю и обманываю. Но чаще всего я устраиваю отличное шоу.

Мир считает, что я убил человека, но это не так. Будьте терпеливы, это всё часть плана.

Месть — вот, чего я хочу. Она нужна мне и ей. Она нужна нам всем шестерым.

Она не помнит меня, но в ней кроется причина всего. В итоге она станет моей наградой… точнее, если я буду настойчив. Хотя… наверняка станет ошибкой немного попробовать ее на вкус.

Так что выбирайте карту. Заходите и наслаждайтесь шоу. Смотрите на мои руки, смотрите очень внимательно — и вы даже не заметите происходящего вокруг. Прямо сейчас я разрушу ваш мир у вас на глазах.

Вы не почувствуете моего приближения, пока не станет слишком поздно.

У меня лишь одно сердце. И после того как проверну свою грандиозную аферу — я отдам его ей.

Так что садитесь поудобнее, расслабьтесь, и пусть моя девушка расскажет вам нашу историю. У вас впереди чертовски незабываемая поездка.

«Покажи все самое худшее в себе, ибо я сделаю так же!»

Граф Монте-Кристо, Александр Дюма

ПРОЛОГ

1998 год

У соседей Джейсона дома было гораздо приятнее, чем в его собственной обители. У себя он только и слышал, что крики, плач или молчание. Там он чувствовал только боль от ударов кулаков его отца по той или иной части тела.

Однажды, гуляя во дворе, он подружился с дочерью соседа. Она была самой красивой девочкой, которую он когда-либо видел. Джейсону нравилось быть рядом с ней, потому что ее белозубая улыбка всегда была полна счастья. Он хотел запечатлеть ее, украсть для себя маленький кусочек.

Когда его отец был на работе, он иногда все же чувствовал нечто вроде счастья — ведь они с мамой и братом, Джеком, оставались одни. Он любил их так сильно, что ради них был готов на все. Они смеялись, играли в саду и на время забывали, что через несколько часов вернется, как всегда, беспощадный отец.

Соседская девочка приносила еду ему и его младшему брату. Она, должно быть, чувствовала их голод и каким-то образом знала, насколько ограничивал их во всем отец, а мать была не в силах его остановить. Он был большим и сильным, а она была маленькой и слабой. Именно это и нравилось его отцу.

В доме соседей больше всего ему нравился телевизор. В своем доме им не разрешалось его смотреть. Это было против правил отца. Он слышал его только по ночам, когда их с братом отправляли спать, а отец возвращался с работы. В доме соседей он часами мог смотреть телевизор. Насчет этого там не было никаких правил. В ту ночь он ждал в старом сарае в саду, зная, что отец пил и, скорее всего, вернется домой не в настроении. На этот раз Джейсон собирался остановить его. Он сделал бы все, что в его силах, лишь бы удержать отца от пыток, которые он устраивал маме и брату, даже если это означало принять удар на себя.

Чтобы скоротать время в сарае и отвлечься от мысли о скорой боли, Джейсон взял с собой шарики и колоду карт, отрабатывая разные трюки, которые сам придумал. Он всегда любил показывать фокусы людям и видеть удивление на их лицах, когда они поражались его таланту. В школе он и его лучшая подруга — Джесси — на этом зарабатывали. Джесси принимала ставки, а Джей спорил со своими одноклассниками, что может узнать, какая из карт у них в руке, даже не видя ее. Это был один из самых простых трюков, но он всегда стремился к большему и осваивал новые фокусы, которые производили бы впечатление на людей и заслуживали их уважение.

Было уже за полночь, когда он услышал, что вернулся отец. Входная дверь захлопнулась, и его шаги отдавались ударами, когда тот поднимался по лестнице. Он знал, что его отсутствие отвлечет отца - он отправится его искать и не подойдет близко к матери и Джеку. Выглянув в окно, он увидел свет в спальне родителей. Они о чем-то тихо поговорили, а потом свет снова погас. Тишина. Джейсон тяжело вздохнул. Возможно, это был один из тех редких случаев, когда его отец не нуждался в боксерской груше.

Он решил подождать минут двадцать, прежде чем вернуться в дом. К тому времени отец бы уже спал и не услышал, как он крадется. Пока Джейсон ждал, до него донеслись приглушенные голоса где-то поблизости.

Выглянув в окно, он увидел, как трое мужчин в черной одежде подошли к черному входу. Было темно, поэтому Джейсону было не видно их лиц. Застыв на месте, он увидел, как один из мужчин разбил стеклянную часть двери, а затем протянул руку и открыл дверь с другой стороны. Сердце Джейсона заколотилось — это были плохие люди, возможно, даже хуже, чем его отец. Он это чувствовал. Они ломились в его дом, и он должен был их остановить. Подбежав к двери, Джейсон вошел на кухню. Двое мужчин в капюшонах смотрели на него, в то время как третий ходил по комнате, все обливая бензином.

— Мать твою! Это малыш МакКейба! — выругался самый высокий из трех.

— Позаботьтесь о нем, — хрипло сказал парень с бензином, прежде чем перейти в соседнюю комнату.

Высокий схватил Джейсона, но тот сопротивлялся, кусая и пиная его. Как только он начал кричать, мужчина сунул ему в рот смятое кухонное полотенце, чтобы не издавал ни звука. Он продолжал бороться, а затем почувствовал жуткую боль в области затылка.

Это было последнее, что он помнил, а когда очнулся, дым и пламя выедали глаза. Его дом был в огне, а вся его семья все еще спала наверху. Он вскочил на ноги, чтобы пойти и разбудить их, но потом услышал, как кто-то кричал ему, чтобы не двигался. Пожарный схватил его и перекинул через плечо. Джейсон брыкался, но мужчина крепко его удерживал. Спустя несколько секунд они оказались на улице, и пожарный уложил его на носилки в машине скорой помощи.

— Моя семья! Я должен разбудить их!

Он истерично кричал, но врач держал его. В горле поднялась желчь, накатила тошнота, и его вырвало в корзину.

— У него сотрясение мозга, — Джейсон смутно услышал эти слова. Глядя на дом, охваченный пламенем, он никогда в своей жизни не чувствовал себя более беспомощным.

Он сильно старался вспомнить лица тех троих, но они были размытыми пятнами в его памяти.

В больнице женщина-врач с добрыми, обеспокоенными глазами, осматривала его. Она нахмурилась, заметив синяки на ребрах и начала расспрашивать, где он их получил. Джейсон ответил, что упал с велосипеда, но, кажется, она ему не поверила.

Время шло то ли слишком медленно, то ли слишком быстро. Он не мог понять. Всякий раз, спрашивая о своей матери и Джеке, он не получал ответа. Потом лысый мужчина в очках пришел к нему в палату и сел рядом. Он держал в руках множество игрушек для маленьких детей, но в свои двенадцать лет Джейсон решил, что больше они ему не интересны.

Мальчик увидел глаза мужчины, не предвещавшие хороших новостей, и сорвался. Схватив игрушечные машинки, он стал швырять их по палате. Он не желал слышать того, что собирался сказать этот человек. Он знал, что не перенесет этого.

Через несколько часов ему сказали, что дядя из Америки уже на пути сюда и заберет мальчика к себе. Джейсон слышал об этом дядюшке — мамином эксцентричном брате — но они никогда не встречались. Тем временем соседи пришли позаботиться о нем. Они заполнили дверной проем: мама, папа и дочь. У девочки были огромные голубые глаза, его любимые глаза. Они были идеальной семьей, а его семьи уже не существовало.

У него больше не было цели. Какой был смысл в его жизни, если он больше не мог защитить маму и Джека?

Тело Джейсона затряслось, и по щекам потекли слезы. Девочка бросилась к нему. Обвив маленькими руками его шею, она крепко его обняла, прошептав, что все будет хорошо, и что он останется с ними в течение следующих нескольких дней, пока не приедет его дядя. Джейсону потребовалось много времени, чтобы успокоиться, а после соседи забрали его к себе домой. В их доме он провел самые грустные три дня в своей жизни.

Затем приехал его дядя и сухо сообщил Джейсону, что его семья мертва. Он забрал его в другой мир, но вместе с тем напоминающий тот, что он оставил позади.

Каждый день Джейсон думал о тех мужчинах в капюшонах, о матери и брате, которых он в итоге не смог защитить. Все эти мысли приводили его к единственному решению.

К мести.

ГЛАВА 1

Наши дни
Матильда

Иногда в жизни просто необходимо смеяться.

Последние пару недель я зависаю в рискованном мире онлайн-знакомств, и прямо сейчас смотрю на экран компьютера, стараясь понять: серьезен ли мой последний «ухажер» или просто издевается.

Как он выглядит? Спросите вы. Как сказать… я знаю, что он обладает действительно блестящим набором кубиков пресса — ну или нашел в гугле крутую картинку и использовал в качестве своей аватарки. А блестит-то от чего: от масла или пота? Не могу сказать.

Во всяком случае, его сообщение гласит:

«Привет, милая дама.

Ништяк, я так возбужден! Ваша фотография привлекла мое внимание, как только ее заметил. Вы офигенноооо красивы. Я очень надеюсь, что мы сможем узнать друг друга получше. Пожалуйста, просмотрите мою страничку и ответьте мне. Если вы этого не сделаете, я просто расплачусь.

Стив :-:-* :-*:-* :-*:-*»*

Здесь столько непонятного, что я даже не знаю, с чего начать. Прежде всего, нужно достать с полки в моем офисе словарь, чтобы проверить значение слова «возбужден». Его определение: «в состоянии страстного желания» или «сгорать от страсти, любопытства, предвкушения». Верно.

Применив слово «возбужден», Стив уж точно меня не возбуждает. На самом деле, я нахожусь «в состоянии страстного желания» удалить его сообщение из моего списка входящих. Не говоря уже о слове «ништяк». В его профиле говорится, что ему двадцать семь, он родился и вырос в Северной части графства Дублин, где никто не использует слово «ништяк». А если и говорят, то им нужно сделать серьезный выговор. Видимо, кто-то слишком много смотрит MTV. А упоминание про плач? У меня просто нет слов.

В любом случае на его попытки ухаживания я реагирую большим и жирным «спасибо, не хочу». Это все потому, что его сообщение попахивает копипастом[1], отсюда и использование *«милая дама»* вместо моего настоящего имени. Представляю, как он рассылает это письмо каждому Тому, Пенну и Гарри на сайте. Или, правильней сказать, каждой Томе, Пенни и Гарриет, в возбуждении ожидая, что какая-нибудь, ничего неподозревающая женщина, ответит и будет вовлечена в киберсекс. Бьюсь об заклад, Стив ждет около десяти секунд, прежде чем засыпать жертву порно-картинками.

На самом деле, мы живем в мире полном извращенцев. Кроме того, я сочувствую каждой женщине, чьи родители были слишком жестоки, назвав ее Пенни.

Быстро взглянув на часы, я поняла, что уже восемь сорок пять. Еще пятнадцать минут до официального открытия офиса, так что я быстро выбираюсь из ямы отчаяния, известной также как мой сайт знакомств, и проверяю на всякий случай, что все готово к назначенным на сегодня встречам.

Адвокатское бюро «Брэндон» — юридическая фирма моего отца, которая расположена в небольшом трехкомнатном офисном помещении в центре Дублина. Окончив школу, я стала работать здесь в качестве его полноправного секретаря. В основном мы имеем дело с мелкими исками. Например, когда люди подают исковое заявление в суд на местный супермаркет, потому что они поскользнулись на мокром полу и упали. Или, когда люди подают исковое заявление в суд на местный супермаркет, потому что они «поскользнулись на мокром полу и упали».

Вы заметили мой сарказм в последнем предложении?

По существу, мы птицы невысокого полета в здешнем юридическом мире, но держимся на плаву.

Входная дверь открывается, и мой папа, Хью, хромая, идет в свой кабинет. Его хромота сегодня особенно заметна, что заставляет меня нахмуриться. Папа отдыхает меньше обычного.

---

[1] Копипа́ст (от англ. *copy & paste* — копировать и вставлять) — скопированный в статью из внешних источников текст.

Когда мне было всего восемь, в наш дом вломились бандиты. Они так сильно избили моего отца, что теперь его левая нога постоянно болит, и он хромает. Но это было не самое худшее. Один из них выстрелил в мою мать, когда она попыталась позвонить в полицию. При виде мертвой матери у меня началась истерика, и стрелявший швырнул меня прямо на зеркало. Стекло разбилось, а я получила сильный порез, оставивший шрам, который начинается чуть ниже моего уха, идет по шее вниз и под подбородок.

Мама умерла той ночью, оставив нас с отцом одних., а грабителей так и не поймали.

Я была всего лишь ребенком, когда это произошло, но мое сердце помнит маму, и я скучаю по ней каждый день. Папа никогда не говорит о ней, но я знаю, что он тоже скучает. Она была любовью всей его жизни, и он так и не нашел в себе силы жить с какой-нибудь другой женщиной.

— Доброе утро, Матильда, — говорит папа. — Не могла бы ты принести мне кофе из соседней кофейни? Наша кофеварка снова сломалась.

— Сделаем, — весело отвечаю я, в попытке отмахнуться от ужасающих воспоминаний, которые крутились в моей голове. — Как ты спал?

Он морщится и поглядывает вниз.

— Полагаю, ты обратила внимание на ногу?

— Ага, ей нужно больше отдыха, — говорю я, хватая сумочку из-под стола.

— Я полночи провел в работе над делом О`Коннелла, — объясняет он.

— Ясно, сегодня пораньше ложись спать, ладно? — настаиваю я, подойдя, чтобы чмокнуть его в щеку. Он отвечает, что так и сделает, и я покидаю офис. Могу быть очень суетливой в том, что касается здоровья папы, потому что в целом мире только мы и остались друг у друга.

Он пообещал, что выполнит мою просьбу, и я вышла из офиса. Спускаясь вниз по узкой лестнице, которая ведет из здания на улицу, я налетаю на высокого мужчину с золотисто-каштановыми волосами.

Обычно я не обращаю внимания на волосы человека, но у этого парня серьезный подход к стилю. У него выбриты виски, а на макушке длинные пряди — он похож на сексуального злодея из фильма двадцатых годов. Я уставилась на него. Парень одет в изящный темно-синий костюм, кожаная сумка переброшена через плечо. Хотя это было первое, что я заметила, но его волосы меркли в сравнении с чудом, которым являлось его лицо. Не думаю, что когда-либо в жизни мне приходилось стоять рядом с таким великолепным экземпляром самца.

«Почему такие мужчины не пишут мне на сайте?» — размышляю я уныло.

«Потому, что такие как он даже не знают, что значит понятие “социально неловкий”», — отвечает мой мозг.

Мои полтора метра с хвостиком пялятся вверх на его метр восемьдесят с чем-то, и я думаю про себя: *«что же такой приз как ты забыл в подобном притоне»*. Смотрю на него, и он кажется мне смутно знакомым, но ума не приложу, где видела его раньше. Судя по внешности, скорее всего, на страницах журнала мод.

Если вы еще не сделали вывод из того факта, что я не могу даже найти кого-то, с кем пойти на свидание через романтичную шлюху под названием Интернет, тогда поясню: я никудышна по части мужчин, и это касается абсолютно всех мужчин.

А прямо сейчас я смотрю не на славного дружелюбного парня, а на тигра, говорящего *«прожую и выплюну тебя»*.

Р-р-р-р.

Поскольку вход в здание очень узкий, мы должны обойти друг друга. Я одариваю его нерешительной улыбкой и пожимаю плечами. Когда мужчина дает мне пройти, его глаза светятся каким-то скрытым знанием: будто красивые люди ведают о смысле мироздания и потешаются над нами — простыми людишками, блуждающими в темноте.

Я как раз собиралась выйти за дверь, когда Тигр заговорил:

— Я ищу Адвокатское бюро «Брэндон». Вы не знаете, оно в этом здании?

Я захожу обратно. Его голос похож на голос Марка Уолберга[2], когда тот позволяет своим южным корням вырваться наружу. Его глубокий американский акцент вызывает у меня желание закрыть глаза и наслаждаться звуком. Но я этого не делаю, потому что еще не совсем сумасшедшая.

— Да, это то самое место. По правде говоря, я здесь работаю. Я — секретарь, администратор и обычный работяга в одном лице. Это фирма моего отца, — отвечаю я.

Слишком много информации, Матильда. Слишком. Много. Информации.

Тигр улыбается, что делает его еще красивее, если такое вообще возможно. И, к счастью, он ничего не говорит о моем суетливом поведении.

— У меня в девять назначена встреча с Хью Брэндоном. Я — Джей, — говорит он и подходит ближе, протягивая мне руку.

Я упираюсь спиной в стену, его высокая фигура еще сильнее подчеркивает миниатюрность моей.

Не думаю, что он понимает, насколько узкое тут пространство, и теперь я чувствую аромат его одеколона. Ничего себе, не часто я бываю так близко к мужчине, чтобы ощущать его запах, а Джей Филдс пахнет *неприлично* хорошо.

— Точно. Джей Филдс. Да, я вас записывала. Можете подняться наверх, и папа позаботится о вас, — отвечаю я, пожимая ему руку, и отпускаю ее так быстро, чтобы он не заметил моих вспотевших ладоней. — Мне нужно отлучиться по делам.

Он задерживает на мне свой пристальный взгляд, будто его глаза стараются рассмотреть каждую мою черточку, что вряд ли.

И когда он, наконец, отвечает, то произносит просто:

— Не буду вас задерживать, Матильда.

Боже. Почему то, как он произносит «вас задерживать», заставляет мое сердце биться сильнее? Прошло буквально тридцать секунд, а я уже была готова влюбиться. Он пронзает меня взглядом, затем разворачивается и поднимается по лестнице в офис. Уже на улице я понимаю, что не называла своего имени, однако, он его знал. Возможно, он просматривал наш веб-сайт.

Наши офисы, может быть, невзрачные, но я всегда стараюсь вести сайт нашей компании на должном уровне. На странице «О нас» есть фото меня, папы и Уилла — другого адвоката, который работает для практики.

И если он уже знал кто я, зачем спрашивал здесь ли наш офис?

Чудо из чудес, он действительно хотел со мной заговорить или как? Успокойся, мое стучащее сердце. Может, он просто дружелюбный и болтливый тип? Я обдумываю эти вопросы, пока захожу в кафе, которое находится через три здания от нашего офиса, и заказываю два латте на вынос. Мимоходом подумываю заказать что-нибудь для Тигра, то есть Джея Филдса, но он может оказаться одним из тех придирчивых кофеманов, поэтому ничего не покупаю.

Вернувшись, я обнаруживаю, что папа закрылся в своем кабинете с Джеем, а следующий клиент уже ожидает его. Это женщина средних лет с фиксатором на шеи. У меня не было возможности посмотреть о ней данные, но могу представить по какому поводу она здесь. Какой-нибудь иск на возмещение ущерба при ДТП.

Но мне больше хочется узнать, для чего здесь Джей. Ага, я уже подумываю об этом человеке слишком часто. Помню, когда он звонил на прошлой неделе, чтобы записаться на прием, я почему-то не спросила, какого рода иск он хотел подать. Это тоже странно, потому что у меня своя заготовленная речь для записи на прием, и я никогда не забываю узнать всю необходимую информацию. Словно мое подсознание знало, что я разговариваю с потрясающим мужчиной, таким образом отплатив мне в двойном размере: изнуренностью и забывчивостью.

Зная, что отец захочет получить свою дозу кофеина как можно скорее, я тихо стучу в дверь и жду, когда меня впустят. Папа просит войти, и я открываю дверь с бумажным стаканчиком в руке. Джей сидит в кресле перед столом отца, небрежно развалившись и сцепив руки над головой. Я чувствую его взгляд на себе, когда иду к папе и отдаю ему напиток. Он, кажется, немного не в духе, поэтому кладу ему руку на плечо и спрашиваю:

---

[2] **Марк Роберт Майкл Уолберг** — американский актёр, двукратный номинант на премию «Золотой глобус», двукратный номинант на премию «Оскар» за роль второго плана в фильме «Отступники» и за фильм «Боец», в качестве продюсера. Он также является моделью, филантропом, музыкантом.

— Все хорошо?

В течение минуты папа погружен в раздумья, и мне приходится повторить вопрос еще раз, чтобы получить от него ответ.

— Что? Ах, да, все в порядке. Спасибо за кофе, цыпленок, — бормочет он.

— Может быть, проблема во мне, — вставил Джей. — Я только что ознакомил твоего старика с делом, и он не уверен, что хочет его взять.

Теперь я, нахмурившись, смотрю на Джея. Кто, черт возьми, этот парень? Его слова вызвали мое любопытство, поэтому я закрываю дверь и складываю руки на груди. Если мне ничего не нужно записывать, обычно я не присутствую на встречах с клиентами, но поведение папы сделало меня нетерпеливой, задействовав защитные инстинкты. Джей так улыбается, что заставляет меня подумать, будто он доволен моим вниманием.

— Теперь ей стало любопытно, — ладно, этот мужчина возможно красив, но он также немного странный.

— Ты хотел подать иск против кого-то? — спрашиваю, потому что отец до сих пор молчит. Полагаю, что он по-прежнему обдумывает дело Джея.

— Не-а. Я хочу возбудить дело против кое-кого, — говорит Джей скучным голосом.

— За что?

— За дискредитацию, — отвечает он, прежде чем достать газету из сумки.

Он листает ее, раскрывает на странице, которую искал, и передает мне. Я перевожу взгляд на газету, изучая жирный заголовок, который гласит: **«ИЛЛЮЗИОНИСТ — ДЖЕЙ ФИЛДС — ВИНОВАТ В СМЕРТИ ДОБРОВОЛЬЦА».**

Я пробегаю глазами по статье, в которой размещено рекламное фото Джея, держащего карту — шестерку червей.

Ой. Теперь я вспомнила, откуда его знаю. Пару недель назад в *«Дейли Пост»* опубликовали историю об ирландско-американском иллюзионисте, который показывал новую программу на Ирландском телевидении. Он был на съемках предстоящего эпизода, когда произошел несчастный случай. Я просматриваю открытую передо мной статью и вспоминаю подробности. Пару часов спустя после завершения съемки эпизода, в котором Джей оказывал почтение Гудини[3], воссоздавая его трюк «похоронен заживо», доброволец, который принял в нем участие, умер от сердечного приступа.

Что Джей предложил сделать, так это поместить добровольца, Дэвида Мерфи, в гипнотическое состояние, в котором он мог вдыхать совсем немного воздуха, что позволяло ему быть похороненным в течение двадцати четырех часов в пустой могиле и не задохнуться в процессе. «Невероятный подвиг», — скажут многие. Добровольцу дали тревожную кнопку, и если что-то пошло бы не так, он мог нажать ее, и его бы сразу выкопали. В итоге тревожная кнопка не понадобилась, и он чудом сумел выжить под землей в течение двадцати четырех часов. Несмотря на это, отправившись в ту ночь спать, он умер от сердечного приступа.

Излишне говорить, что журналисты узнали про эту историю и начали задавать вопросы о том, действительно ли трюк Джея каким-то образом вызвал сердечный приступ у Дэвида Мерфи. Ведь быть похороненным заживо — это довольно травматический опыт.

Эту статью написала хорошо известный журналист-криминалист по имени Уна Харрис, которая исковеркала первоначальную историю о Джее, что было, конечно, сильным утрированием. Она, углубившись в жизнь Джея в Америке, утверждает, что он провел год в исправительном учреждении для несовершеннолетних за нападение на человека на улице, а до этого был в бегах, укрываясь в заброшенных зданиях Бостона.

Харрис ставит под вопрос безупречное прошлое Джея. Она удивляется тому, что человеку, отсидевшему некоторое время в тюрьме - даже если он был в колонии для малолетних преступников - было разрешено выполнять такие опасные трюки, как в его шоу. Она также желала знать, почему Джей, который провел несколько очень успешных представлений в Лас-Вегасе, бросил все, чтобы переехать в такую маленькую Ирландию ради съемок передачи, которую покажут лишь крошечной аудитории в сравнении со Штатами. В целом, она, в сущности, заявляет, что Джей прибыл сюда с нечистыми

[3] **Гарри Гудини** — знаменитый американский иллюзионист и филантроп. Прославился разоблачением шарлатанов и сложными трюками с побегами и освобождениями.

помыслами, и, возможно, он даже рассчитал смерть Дэвида Мерфи. Он ведь чуть ли не до смерти избил человека, когда ему было всего пятнадцать. *«Возможно, он просто ищет более продуманный способ утолять свою нужду в причинении вреда людям»,* - размышляет Харрис.

Вау, эта женщина действительно не стесняется в выражениях со своими небылицами. Она, можно сказать, напрашивается на судебный процесс. То есть, я работаю с отцом достаточно долго, чтобы знать, что всегда нужно иметь веские доказательства, прежде чем публично делать заявления о людях, которые могут быть расценены как клевета. И за исключением нескольких туманных обрывков информации о подростковых годах Джея, у Уны Харрис нет доказательств.

Я отвлеклась от газеты и заметила, что папа и Джей разговаривают между собой, пока я поглощена статьей.

— Не поймите меня неправильно, — говорит папа, — одна мысль о том, чтобы взяться за такое дело меня вдохновляет. Я много лет не работаю с подобными случаями, но в то же время, оставаясь бескорыстным, должен сказать вам, что есть адвокаты гораздо лучше. Даже могу назвать несколько имен, с кем можно связаться. Вы же хотите выиграть это дело, я полагаю?

Джей вытягивает ноги и складывает руки на груди:

— Черт возьми, да, я хочу его выиграть. И знаю, что вы — подходящий человек для этой работы, Хью, как бы вы не убеждали меня в обратном.

Я молча возвращаю ему газету, и когда он берет ее, пальцы Джея задевают мои. Это прикосновение вызывает покалывание на моей коже.

Глупый красивый мерзавец.

Папа смотрит на Джея, и могу сказать по его взгляду, что он хочет сказать «да» — ему просто не хватает для этого уверенности. Положа руку на сердце, я надеюсь, что он продолжит говорить «нет». Я знаю, насколько нелегкое дело предлагает Джей, и не хочу, чтобы папа проходил через все это. В прошлом месяце ему только исполнилось шестьдесят. Его день рождения теперь все чаще наталкивает меня на мысли о том, сколько лет ему осталось.

— Простите, мистер Филдс, но я собираюсь придерживаться своего мнения, — папа говорит извиняющимся тоном. — Подать иск на журналиста — это одно, но судиться с газетой сможет только первоклассная фирма. Как вы могли заметить, мы не одна из них.

Ой.

Джей хочет подать в суд на настоящую газету? Я впечатлена.

У него, должно быть, стальные яйца.

Ну, все, Матильда, хватит думать о мужских яйцах.

Джей тяжело вздыхает и поворачивает голову к окну. Секундой позже он встает со своего места и протягивает руку отцу.

— Раз нет никакого способа убедить вас, — отвечает он, и двое мужчин пожимают друг другу руки. — В любом случае, спасибо за потраченное время.

Джей направляется к двери, но потом на секунду оборачивается с плутовской искоркой в глазах:

— Ах да, прежде чем уйду, не могли бы вы порекомендовать, где можно снять жилье недалеко от города? Мне пришлось съехать с прежней квартиры.

Я делаю резкий вдох, когда глаза папы загораются. Пару недель назад он вбил себе в голову отремонтировать свободную спальню в нашем доме, чтобы он мог взять квартиранта и заработать немного дополнительных денег. Меня не слишком увлекала эта идея, поскольку я очень не хочу делить свою жилую площадь с незнакомым человеком, но как только папа становится одержимым идеей, его ничто не остановит.

Я однозначно не хочу делить свою жилплощадь с Джеем Филдсом. Не из-за его предполагаемой истории, которую составила Уна Харрис, а потому что не смогу расслабиться рядом с ним. Он обладает магнетической энергией, которая меня одновременно беспокоит и будоражит.

— Забавно, что вы спрашиваете, — говорит папа. — Я планировал сдать свободную комнату, конечно, если вы заинтересованы. Там и ванная есть, недавно отремонтированная.

Я крепко сжимаю кулаки, возвращаюсь в приемную, и, плюхнувшись за стол, делаю глоток кофе. Мне не нравится, что мое сердце так быстро бьется при мысли о переезде Джея в эту комнату, так что я вышла раньше, чем услышала его ответ.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть он скажет «нет».

Папин хриплый смех доносится из кабинета; очевидно, что Джей его безумно очаровал. Про себя я ругаю папу за то, что им так легко помыкать.

Не более чем минуту спустя, папа и Джей выходят из кабинета. Краешком глаза я вижу, как Джей смотрит на меня, но продолжаю вбивать данные в компьютер, который находится передо мной. Чувствую, если посмотрю прямо на него, он как-то поймет, насколько привлекательным я его нахожу.

— Матильда, не могла бы ты оказать мне огромную услугу и в обеденный перерыв отвезти Джея домой, чтобы показать ему комнату? Я бы сам это сделал, только мне нужно идти на встречу.

Ну, папа. Ты не представляешь, каким пыткам меня сейчас подвергаешь. Стук сердца не давал мне ответить. Когда я успокаиваюсь, мой голос звучит тихо:

— Да, хорошо.

На самом деле мне хочется сказать: «черта с два», но иначе я бы выглядела настоящей стервой. А я не стерва. Ну, за пределами своего внутреннего диалога я ею не являюсь.

— Отлично, — говорит папа, прежде чем повернуться к ожидающей его женщине с фиксатором. — Миссис Келли, вы можете проходить.

Миссис Келли следует за отцом в его кабинет, оставив меня наедине с Джеем.

— Когда у вас обед? — спрашивает он вполголоса, подходя к моему столу.

— В час. Нам придется взять такси, потому что мне нужно будет вернуться сюда к двум.

— Ничего. Мы можем поехать на моей машине, — говорит Джей, и я кусаю губу, взглянув на него. Ух ты, глаза у него такие завораживающие: не совсем карие, не совсем зеленые. Мы смотрим друг на друга долгим взглядом, и слабая улыбка появляется на его идеально вылепленных губах.

— Ладно. Жду вас в час, — весело говорю ему и после его ухода возвращаю взгляд к экрану передо мной.

С виду я вся в делах, а внутри вся на нервах. Как мне, черт возьми, вести себя подобно обычному человеку в течение, по меньшей мере, часа в его компании? Он даже понятия не имеет, во что ввязался.

Держу пари, меня хватит только на пять минут, прежде чем ляпну что-то глупое, а последующие пятьдесят пять минут стану предаваться нелепому восторгу. А под «восторгом» я подразумеваю кошмар.

Пока я формирую файлы в компьютере и в то же время страдаю от грядущей социальной обреченности, в дверь входит Уилл. Его каштановые волосы растрепались от ветра. Он пришел в офис поздно, потому что был в суде. В отличие от большинства мужчин, с Уиллом мы в хороших отношениях. Вероятно, потому что я считаю его таким же сексуально—привлекательным, как громадные бабские труселя. Поэтому должна подправить свое утверждение, что лажаю со всеми мужчинами. Я лажаю со всеми мужчинами, о которых *фантазирую*.

Безусловно, я могу быть их другом. Но их девушкой? Ну, просто, кажется, что это никогда не увенчается успехом. Мой единственный парень несколько лет назад попросту кинул меня через смс, и этим все сказано. У меня до сих пор остался след от пережитого.

— Доброе утро, Уилл, — здороваюсь со своим коллегой, когда папка выскальзывает из его полуоткрытого портфеля. Он наклоняется, чтобы поднять ее, и приветствую его невыразительный зад: два плоских жареных яйца в носовом платке.

Что? Я говорила, что мой внутренний диалог — стерва. Главное, что я никогда по-настоящему не говорю подобного вслух. У нас всех есть мысли, которые мы никогда не высказываем. И люди, которые утверждают, что таковых нет - лжецы.

— Привет, Матильда. Будь добра, сделай мне чашку чая. Во рту пересохло.

— Конечно, — отвечаю я. — Хорошо, что ты любитель чая, потому что мы с кофемашиной снова не в ладах.

Он качает головой.

— Этот аппарат ломается чаще, чем функционирует. Думаю, что бедной старушке пора на пенсию.

Я поддельно вздыхаю.

— Никогда не говори этого при папе. Ты ведь знаешь, он никогда ничего не выбрасывает до тех пор, пока оно окончательно не выйдет из строя.

Уилл смеется и заходит в свой кабинет. Я регистрирую следующие пару встреч по мере их появления и провожу часы до обеда, выполняя свои обычные, рутинные, административные задачи. Я бы предпочла быть дома за своей швейной машинкой. Днем я, может быть, и секретарь, но ночью я — экстраординарный модельер платьев. Я разрабатываю и изготавливаю собственные творения и продаю их через Etsy[4]. Получаемый от них доход недостаточен для надлежащей заработной платы, поэтому я и работаю здесь.

До гибели моя мама была швеей, и одним из моих самых ранних воспоминаний было то, как она учит меня шить. Хобби перешло ко мне, и теперь оно мое настоящее спасение. Забыться в новом дизайне — самое замечательное лекарство. На самом деле, это единственный способ, который помогает мне до сих пор чувствовать близость мамы.

Посмотрев на часы и увидев, что уже почти час, быстро бегу в ванную. Глядя на свое лицо в зеркале, поправляю волосы и макияж, который нанесла утром. Если бы я знала, что встречу сегодня такого человека как Джей Филдс, то приложила бы больше усилий.

Моя подруга, Мишель, говорит, что у меня восхитительные губы, и что мне нужно стараться выделять свои лучшие черты. На самом деле, она сказала «губы для минета», и я покраснела как безумная. Я склонна сходиться с людьми, которые являются моими противоположностями. Уверенные в себе девушки, которые чувствуют себя с мужчинами и в сексе как утка в воде. Они плывут через озеро знакомств без всяких забот. Мишель — одна из тех девушек, и это меня в ней восхищает. Надо быть несомненно храбрым, чтобы плевать на мнения людей и просто хватать то, что хочешь в жизни.

Я пробегаюсь расческой по моим длинным темно-каштановым волосам, стараясь уложить их ближе к лицу со стороны шрама. Я почти всегда ношу их распущенными, чтобы его скрыть. Это всего лишь несколько выступающих линий, и все-таки я непрестанно осознаю его наличие и надеюсь, что люди не замечают.

Я едва помню лицо этого человека, и до сих пор больше всего на свете ненавижу того, кто оставил мне шрам. Но еще больше я ненавижу его за то, что он убил маму.

Ненависть — отвратительное чувство, поэтому стараюсь не дать ему меня поглотить. Я нанесла еще один слой туши, чтобы подчеркнуть мои светло-голубые глаза, собрала сумку и вернулась в приемную.

Резко останавливаюсь, увидев Джея, прислонившегося к стене и небрежно сложившего руки на груди. Я не слышала, чтобы кто-то входил в офис, поэтому немного испугалась, и на секунду моя рука потянулась к сердцу. Черт, он обладает теми самыми супер-бесшумными навыками ниндзя.

Он смотрит на меня, и уверена, что всякий раз, встречаясь с ним взглядом, я чувствую слабо горящее пламя. Что такого в этом мужчине? Он невероятно привлекателен, но есть в нем что-то еще, чего я не могу разгадать.

Джей улыбается мне, обнажая зубы, и позвякивает ключами от машины в своем кармане.

— Ты готова, Матильда?

Я делаю глубокий вдох и киваю головой.

---

[4] Etsy.com (произносится как «Этси») - это торговая площадка, увидевшая свет в 1995 году, и, объединившая креативных людей со всего мира. Разнообразие выставленных на Etsy.com предметов, чаще всего выполненных вручную, поражает воображение. Это и ювелирные изделия, и вязаная одежда, и продукты для ухода за собой, и предметы домашнего интерьера, и картины малоизвестных художников, и фотографии начинающих фотографов, и великолепная глиняная посуда, и неповторимые шедевры из обычного дерева.

ГЛАВА 2

Первое, что я замечаю, когда мы заворачиваем за угол, где Джей припарковался - у него *очень* хорошая машина. Черный «астон мартин V8». Одно из любимых телевизионных шоу отца - «Top Gear»[5], так что иногда ненужная информация о машинах сама лезет в голову. Второе - мне показалось, что все его пожитки упакованы на заднем сиденье.

Странно думать, что он временно бездомный, а разъезжает на автомобиле стоимостью более ста тысяч евро. Это просто нелепо. Когда Джей открывает для меня дверь, я усаживаюсь на пассажирское сиденье, наслаждаясь ощущением кожи. На секунду представляю себя авантюрной девушкой Бонда, которую шпион-любовник собирается отвезти в шикарный отель для потного, страстного, умопомрачительного секса.

— Так, куда ехать? — спрашивает Джей, уже сидящий на водительском месте и ждущий моих указаний.

Я немного потерялась в фантазиях.

— Наш дом находится в Клонтарфе[6], знаешь дорогу?

— Приблизительно знаю. Будешь направлять меня, когда доедем, — отвечает он, улыбаясь и отъезжая от обочины.

Как только он заводит двигатель, включается радио. Тяжелый рок разрывает динамики. Я смотрю на приборную панель, чтобы понять, какая станция играет. Моя нервная система призывает меня заполнить эту недолгую поездку какой-нибудь беседой.

— Я вижу, ты поклонник «Фантом FM», — говорю я сквозь музыку. Фраза не могла быть более тупее, но это первая бредятина, которая пришла мне в голову.

Глаза Джея переключаются на меня, затем на приборную панель и снова на дорогу впереди. Выражение его лица непроницаемо, пока уголки рта не изгибаются в улыбке.

— Да, наверное, — наконец, отвечает он, прежде чем сделать тише музыку, так что мы можем спокойно разговаривать. Только не это! — Они крутят всякую хорошую хрень.

— Тебе нужно послушать радио «Nova». Они тоже крутят, хм, хорошую хрень.

У Джея вырывается глубокий смешок, и я борюсь с желанием закрыть лицо рукой.

— Вот как? Какую хорошую хрень?

— Ну, обычный рок. Они проигрывают много Флитвуд Мэк[7]. Я люблю Флитвуд Мэк.

Джей еще раз смеется, и я не могу понять: то ли он смеется надо мной, то ли над моими шутками. Затем он посылает мне тот теплый взгляд, который говорит о том, что все-таки последнее. И снова этот *огонь*. Я очень хочу, чтобы он перестал так на меня смотреть, но просить его прекратить будет, несомненно, слишком странно.

— Как такой ребенок, как ты, может слушать Флитвуд Мэк? Разве ты не должна падать в обморок от Брэндона Флауэрса[8] и ему подобным? — дразнит он, и у меня появляются мурашки на коже.

— Я не ребенок. Мне двадцать три, к твоему сведению.

Джей на короткое мгновение поворачивает голову, чтобы вновь на меня посмотреть. Его губы изгибаются, и я понимаю, что он всего лишь дразнит.

— Значит, Флитвуд Мэк? — уточняет он.

Я пожимаю плечами

— Не знаю. Просто люблю каждую их песню, не говоря уже о том, что тоскую по былым временам. Так много эмоций, витающих в воздухе, понимаешь?

---

[5] **Top Gear** (рус. Высшая передача) — популярная британская телепередача, посвящённая автомобилям.

[6] **Клонтарф** — городской район Дублина в Ирландии, находится в административном графстве Дублин. Наиболее известен тем, что в 1014 году дал имя Битве при Клонтарфе, в которой Бриан Бору победил викингов.

[7] **Fleetwood Mac** (читается «Флитвуд Мэк») — влиятельная и коммерчески успешная британо-американская группа, которая с момента своего создания в июле 1967 года знала немало взлётов и падений, несколько раз обновляла состав и меняла стиль исполняемой музыки, благодаря чему смогла сохранить популярность дольше подавляющего большинства конкурентов — вплоть до самого конца XX века.

[8] **Брэ́ндон Фла́уэрс** (англ. Brandon Flowers) — вокалист, клавишник и автор большинства текстов группы The Killers.

— Конечно, — говорит Джей, сосредоточив свое внимание на дороге. — Мне здесь махнуть налево или направо? — спрашивает он, когда мы приближаемся к круговому перекрестку.

Его оборот речи забавляет меня, и я отвечаю:

— Налево, затем продолжай ехать вперед. Наш дом недалеко. Кстати, по поводу нашего дома, с какой стати ты хочешь снять комнату у нас, если разъезжаешь на такой машине? Люди, которые водят «астон мартин» могут позволить себе приобрести собственный дом. На самом деле, даже несколько.

Джей награждает меня коварным взглядом:

— Если ты так хочешь знать правду, я выиграл эту машину в споре.

Я выгнула бровь:

— Видимо, это было очень принципиальное пари.

— Так и было. Однажды ночью я сыграл в покер с компанией парней, выступающих в цирке. Короче говоря, я уходил с «астон мартин», пятью тысячами, двумя ламами и слоном. Я был великодушен и оставил им лам и слона. То есть, у кого найдется двор достаточно большой для слона?

Я смотрю на него с приоткрытым ртом:

— Это правда?

Его руки стиснули руль:

— Конечно, это правда. Зачем мне врать?

Я заливаюсь хохотом:

— У вас, должно быть, очень яркая жизнь, мистер Филдс.

Его улыбка говорит о том, что ему нравятся сказанные мною слова. Когда мы подъезжаем к дому, Джей выходит первым, и прежде чем я успеваю открыть дверь, он обходит машину и делает это за меня. Мне нравятся его поступки.

Я вылезаю и начинаю рыться в своей сумке в поисках ключей. Даже добравшись до двери, я их так и не нахожу, поэтому мысленно возвращаюсь назад, чтобы вспомнить, не забыла ли взять их с собой сегодня утром.

Я улавливаю тихое позвякивание, и, обернувшись, вижу Джея, который стоит позади меня с ключами, болтающимися у него в руке, и с наглым блеском в глазах.

— Ты это ищешь? — спрашивает он с ухмылкой.

Я смотрю на него, уперев руки в бока, и меня одолевает легкое любопытство:

— Ладно, как ты это сделал?

Он отдает мне ключи, прежде чем невинно ответить:

— Сделал что?

Я хихикаю:

— Знаешь, из тебя бы получился отличный карманник.

— Поправочка, — говорит Джей. — Я и есть отличный карманник.

Я невольно смеюсь:

— Ты уверен, что хочешь поделиться такой информацией с потенциальной соседкой по дому?

— Если честно - нет, но ты уже решила, что я нравлюсь тебе, так что новость о моем воровском прошлом ничего не изменит, — говорит он с абсолютной уверенностью, покачиваясь на каблуках и одаряя меня своей дьявольской улыбкой.

Ладно... Секундочку. Как он мог это знать? Хотя он и прав. Я делаю шаг в прихожую, и он следует моему примеру.

— Когда ты пришел к такому выводу? — спрашиваю я тихим, застенчивым голосом.

— Ты, правда, хочешь знать? — усмехается он, наклоняясь ближе.

Я смотрю на него секунду, и мое сердце замирает. Он просто великолепен, особенно вблизи. Думаю, что если скажу «да», открою целую банку с червями, поэтому выбираю безопасный путь:

— Нет, кажется, не хочу.

Его глаза искрятся озорством, и я быстро прохожу вперед, чтобы отвести его вверх по лестнице.

— Комната находится здесь, — говорю я, не оглядываясь.

Я на полпути вверх, а он так тих, что мне приходится повернуться и убедиться, что он идет следом. В результате я обнаруживаю, что его гипнотические глаза безошибочно прикованы к моей заднице, и, похоже, он наслаждается видом, что заставляет мое сердце забиться сильней. Покалывание

разливается по всей груди, когда его взгляд поднимается вверх, и губы изгибаются в ухмылке. *О, Боже*. Прежде, чем он успевает сказать что-нибудь, я разворачиваюсь и чуть ли не пробегаю оставшуюся часть пути. Когда мы добираемся до свободной комнаты, Джей начинает осматриваться. Все, что там стоит из мебели - это двуспальная кровать из сосны, такой же шкаф для одежды и прикроватная тумба. Стены окрашены однотонным цветом «магнолия», а на окне висят простые кремовые хлопковые шторы. Джей с довольным выражением лица идет осматривать ванную. Через минуту он возвращается и признает:

— Комната идеальна, Матильда. Где подписать?

Я едва не заикаюсь:

— Хорошо, сначала мне нужно поговорить с папой. У него, вероятно, есть несколько потенциальных арендаторов, он собирается показать всем комнату, прежде чем выберет человека, которому будет ее сдавать. Он также хочет навести справки о будущем сожителе.

Джей опирается рукой на дверную раму и испытывает меня взглядом:

— Хм, она врет или говорит правду? Мне кажется, она врет. Ты не хочешь, чтобы я здесь жил, дорогая?

— Я не вру, — защищаюсь я, скрестив руки на груди. — Если хочешь, сейчас позвоню папе, и пусть сам все расскажет, — говорю я, запустив руку за телефоном в сумку. Не найдя его, испытываю разочарование.

Поглядывая на него с подозрением, я спрашиваю:

— Ты случайно не стащил мой телефон так же, как и ключи?

На щеках Джея появляются ямочки, и он отвечает:

— Я не стащил твои ключи, Матильда. Они выпали из твоей сумочки, когда ты вылезала из машины. Я просто их подобрал для тебя.

Здорово, это означает, что я потеряла телефон и теперь, видимо, придется раскошелиться на новый. Ведь отчетливо помню, как кинула его в сумку за двадцать минут до обеда. Я выронила его, когда была на улице?

Джей отталкивается от дверной рамы и подходит, останавливаясь в шаге от меня. Склонив голову набок, он пристально смотрит в мои глаза. Секунда длится словно час, прежде чем он засовывает руку в карман и достает iPhone.

— Я сам позвоню твоему отцу. Скажу, что заинтересован.

— Ага, давай звони, — как можно бодрее отвечаю я.

Он молчит мгновение и подносит трубку к уху, а потом говорит:

— Хью? Да, это Джей. Слушайте, я только что осмотрел комнату, и это именно то, что мне нужно.

Он делает паузу, пока на линии говорит отец. Я подхожу к окну, рассматривая дома на соседней улице, а моя кожа покрывается мурашками. Джей был прав, когда сказал, что нравится мне, и я даже не знаю почему, не считая его очевидной привлекательности. Что-то подсказывает мне, в нем есть нечто, что делает его одним из хороших парней, и, несмотря на то, что я мало о нем знаю, мне хочется в это верить. И все же мысль о совместном проживании вызывает бабочки в моем животе.

— Здорово, здорово, увидимся завтра, Хью, — говорит Джей, кладет трубку и снова обращает свое внимание на меня.

Улыбка на его лице означает, что он выигрывает в этом раунде. Так и знала, он смог очаровать папу.

— Твой старик сказал, что есть копия договора аренды в шкафу в гостиной. Еще он сказал, что я могу подписать его и переезжать завтра. Он верит в мою добросовестность, а наведет справки обо мне завтра утром.

— Хорошо, пойду, принесу тебе документы, — говорю я натянуто и направляюсь к лестнице.

Когда прохожу мимо него, он хватает меня за локоть, чтобы остановить. Его теплые пальцы на моей коже разжигают огонь до самых вен.

— Тебя это не устраивает, дорогая? — спрашивает он в полном замешательстве.

Каждый раз произнося «дорогая» своим голосом с завораживающим акцентом, он буквально убивает меня. Боже. Тупые гормоны. Я сглатываю:

— Меня все устраивает. Ты не против, если мы задержимся здесь на несколько минут? Я хочу пообедать бутербродом, который лежит у меня в сумке.

Я горжусь, что так быстро сменила тему. Он смотрит на меня еще секунду, прежде чем отпустить:

— Без проблем. Можешь не торопиться.

Сначала я приношу документы ему на подпись - он раскладывает их на кухонном столе, читая все, что написано мелким шрифтом - а затем сажусь за стол, разворачиваю бутерброд с курицей и луком, и с жадностью кусаю.

— Здесь шестимесячная аренда, — говорит Джей. — Думаешь, твой старик мог бы продлить до двенадцати месяцев? Я ненавижу переезжать, если уже устроился на одном месте.

— Не знаю. Спроси у него сам.

Он задумчиво кивает, но не возвращается обратно к документам. Вместо этого подходит к нескольким фото в рамках, висящим на стене напротив него. Показывая на фотографию, на которой я сижу на диване со старой кошкой — Мэгги - на коленях, он замечает:

— Милая кошка.

— Была, — говорю я, жуя. — Она умерла в прошлом году.

— Жаль. Ты возьмешь другую?

Я качаю головой.

— Никакая кошка не заменит Мэгги. Она была кошкой полной таинственности. Каждый вечер, возвращаясь с работы, я находила ее сидящей в саду и пахнущей лавандой.

— Вот как? — говорит Джей и с заинтересованным видом садится напротив меня за столом, поэтому рассказываю ему историю.

— Да. Это стало моей тайной детективной миссией: узнать, почему она так пахнет. И в каждый выходной день утром я следовала за ней. Она была быстрее меня, поэтому я постоянно упускала ее. Я так и не узнала, в чем дело, пока она не умерла. Пожилая женщина, которая живет через несколько домов, заявилась к нам вся зареванная. У нее была куча фотографий Мэгги в ее доме, и от нее разило лавандой. Видимо, моя кошка жила двойной жизнью. Проводила дневные часы с этой старушкой, а по вечерам была со мной.

— Похоже, Мэгги была очень умной кошкой, Ватсон.

Я расхохоталась.

— Вне всяких сомнений. — Пауза. — Почему ты меня так называешь?

— Ну, знаешь, из-за твоей детективной работы. Холмс и Ватсон.

Я морщу нос.

— Почему я не могу быть Холмсом?

Джей складывает руки на груди и выгибает бровь.

— Потому что только я имею право быть Холмсом.

— Ну, он был немного безумным, — соглашаюсь я, поддразнивая.

Что это? Я на самом деле флиртую? Джей выглядит, словно сдерживает широкую улыбку. Это меня подбадривает, и я продолжаю:

— Так я Люси Лью[9] — Ватсон или Мартин Фримен[10] — Ватсон?

Он наклоняется вперед, опираясь локтями о стол и сближая наши лица.

— Кем бы ты хотела быть?

— *Очевидно* ведь, что Мартином Фрименом. Таким образом, я могу быть лучшим другом Бенедикта Камбербэтча[11].

---

[9] Люси Алексис Лью — американская актриса, продюсер и режиссёр. Стала известна по роли Линг Во из сериала «Элли Макбил» Также известна ролями в голливудских фильмах «Ангелы Чарли», «Убить Билла», «Чикаго».

[10] Мартин Джон Кристофер Фримен — английский актёр. Получил широкую известность благодаря участию в фильме «Автостопом по галактике», сериалам BBC «Шерлок» и FX «Фарго», а также по роли Бильбо Бэггинса в кинотрилогии «Хоббит».

[11] Бенеди́кт Ти́моти Ка́рлтон Камбербэ́тч — британский актёр театра, кино и телевидения. Лауреат премии Лоуренса Оливье (2012) и «Эмми» (2014), двукратный номинант на премию «Золотой глобус», номинант на премию «Оскар». Командор ордена Британской империи (2015).

— Но если бы ты была Люси Лью, то была бы лучшим другом Джонни Ли Миллера[12], — парирует Джей.

— Ну уж нет, спасибо. Мне придется слушать его нытье о том, как он упустил свой шанс с Анжелиной Джоли, и что это самое большое сожаление в его жизни.

Рот Джея открывается, и он громко хохочет:

— Тут ты тонко подметила, Ватсон!

Не обращая внимания на его комплимент, я спрашиваю:

— Хочешь вторую половину моего бутерброда?

От его присутствия в моем животе слишком много бабочек, поэтому я не в силах съесть все это самостоятельно.

— Давай его сюда.

Я протягиваю ему бутерброд через стол, и Джей съедает тот не более чем в четыре укуса. Наблюдая за тем, как он ест, я будто испытываю дежавю.

Странно. Джей подписывает договор аренды и говорит мне, что переедет сюда завтра вечером, когда его данные будут проверены.

— Могу я задать вопрос? — спрашиваю я застенчиво, когда он везет меня обратно в офис.

— Валяй.

— Дэвид Мерфи действительно умер из-за испытания, которое ты провел?

Кулаки Джея рефлекторно сжимаются на руле, он не смотрит на меня, когда отвечает:

— Кто я, Матильда?

— Я не...

— Какова моя профессия?

— Ты — иллюзионист.

— Правильно, и что такое иллюзия?

Я немного сомневаюсь, прежде чем ответить:

— Что-то ненастоящее?

— Точно. Несмотря на то, что некоторые психи убеждают в обратном, все, что я делаю — это трюки. Ловкость рук, дезориентация, обман зрения. Я показываю людям стол и заставляю поверить, что это кресло. Но в итоге он остается столом. Сердечный приступ у Дэвида случился бы в ту ночь независимо от того, принял бы он участие в моем фокусе или нет.

— Но в статье Уны Харрис говорится, что ты дал его семье двадцать тысяч, — произношу я почти шепотом.

— Да, я дал, потому что Дэвид был не просто какой-то случайный доброволец. Он был моим хорошим другом. Я хотел помочь с оплатой за похороны.

— Ох.

— В самом деле «*ох*», — говорит Джей, и после долгого молчания на его губах появляется улыбка. — Чувствуешь себя теперь дерьмово, Ватсон?

Я стараюсь не улыбнуться ему в ответ:

— Есть немного.

Он тихо смеется:

— Хорошо.

Минуту спустя он подвозит меня к офису и уезжает на своей гламурной тачке. Поверить не могу, что через день этот человек будет официально жить со мной в одном доме. Когда я захожу и спешу к столу, несколько человек уже сидят в приемной, ожидая очереди. Я занимаю свое место и быстро записываю всех клиентов, и тут что-то красное бросается в глаза. На стопке папок, которые нужно подшить к делам, оказывается мой телефон.

И довольно загадочным образом, появившаяся из колоды карт, шестерка червей лежит на экране.

---

[12] **Джонни Ли Миллер** (англ. Jonny Lee Miller; род. 1972) — британский актёр, известный своими ролями в фильме «На игле» и «Хакеры», а также по роли Шерлока Холмса в сериале «Элементарно». Обладатель премии имени Лоуренса Оливье.

ГЛАВА 3

На следующий вечер, в полседьмого, мы с папой вернулись домой как обычно, поехав на автобусе. У нас есть машина, но он говорит, что неэкономично ездить в офис и оплачивать непомерную стоимость парковки, когда мы просто можем пользоваться общественным транспортом.

Собственно говоря, рекомендации Джея подтвердились, поэтому папа уже позвонил ему, чтобы сообщить хорошие новости. К моему облегчению, он до сих пор не появлялся. Мне определенно нужно время, чтобы привыкнуть к мысли, что Джей будет жить здесь. Я собиралась приготовить лазанью на ужин и включила духовку для разогрева. Папа сидел за столом и разбирал документы из своего портфеля.

— Убери их, — пожурила я его. — Думаю, хотя бы сегодняшний вечер ты можешь отдохнуть от работы. В последнее время ты себя перегружаешь.

Папа кладет документы и потирает свой лоб.

— Я знаю, милая. Просто в последние дни совсем не успеваю.

— Что ты решил по поводу книжного клуба, о котором я говорила на прошлой неделе? Будет чем развлечься, и у тебя появится занятие, не связанное с работой.

— Ха-ха, а что, если они читают рассказы о судебных делах? — возражает он, и я вздыхаю:

— *Папа*...

— Ладно, я пойду в книжный клуб, если это сделает тебя счастливой.

— Отлично, следующее собрание в среду.

Теперь папа улыбается мне:

— Забавно, как меняются роли, не правда ли? Помню времена, когда я заботился о тебе. Теперь ты заботишься обо мне.

Я ласково улыбаюсь ему:

— Мы заботимся друг о друге, папа. И всегда будем.

Хотя он прав. До того, как мне исполнился двадцать один, папа охранял меня, всегда обеспечивал мне безопасность и защищал, насколько мог. Он даже отослал меня в католическую школу для девочек, где я и выросла, возможно, поэтому отстаю от других женщин моего возраста в плане мужчин.

Потеряв маму, когда она была еще совсем молодой, папа стал держаться за меня крепче, чем любой другой родитель.

Я быстро прошла в комнату, сменить свою рабочую одежду на спортивное трико и мою любимую футболку *«Игры престолов»*, на которой написано: *«Заколи их заостренным концом»*. Если Джей собирается жить здесь, пусть видит меня настоящую. Не горю желанием притворяться, что хожу по дому вся из себя расфуфыренная двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Лучше с самого начала развеять иллюзии иллюзианиста. (в оригинале disillusion the illusionist, — это игра слов, и о Джее всегда пишем, что он иллюзионист)

Смываю косметику и увлажняю кожу, затем снимаю контактные линзы. Надеваю свои очки «Рей-Бэн» в черной оправе и завязываю волосы в пучок. Вот. Наряд говорит: *«Это я. Бери такую или уходи»*.

Как раз, когда я ставила в духовку лазанью, а папа уселся перед телевизором, в дверь постучали.

Нервно пройдя по коридору, я узнала высокую фигуру Джея, стоящего за стеклом. Делаю глубокий вдох и открываю дверь.

Ух ты. Кажется, не только я решила не наряжаться. Его деловой костюм со вчерашнего дня исчез. Теперь на нем выцветшие джинсы и серая футболка, зажженная сигарета зажата во рту. И — ничего себе! — обе его руки покрыты татуировками до самых кистей.

Я устраиваю целое представление, награждая его любопытным взглядом.

— Ой, привет. Прости, но я ожидала другого человека. Ты, случайно, не видел его? Отзывается на имя Джей Филдс, примерно твоего роста, носит костюм, без видимых чернил.

— Не умничай, Ватсон, и помоги мне с вещами, — усмехается он, и глазом не моргнув на мое одеяние. Ну ладно, так тому и быть.

Я беру коробку, которую он держит, и ставлю ее на край лестницы, затем следую за ним к машине, помочь с остальными вещами.

— Так кто ты на сей раз — Кларк Кент или Супермен? — шутя спрашиваю я, когда он передает другую коробку. Она гремит, заглядываю внутрь и вижу пластиковую кукольную голову, шлем средневекового рыцаря, кучу фальшивых монет и обычный рулон скотча.

— Говорил же, что я Шерлок, — отвечает он с ухмылкой, потушив свою сигарету носком ботинка. Он становится передо мной и застает врасплох, щелкая меня по носу. — К тому же, это ты у нас носишь миленькие очки.

Я смеюсь. Что поделаешь. Он просто такой… очаровашка. Как только мы занесли все вовнутрь, включая огромный чемодан на колесиках и два рюкзака, я спрашиваю, не хочет ли он поесть.

— Конечно. Что бы ты там ни готовила, пахнет вкусно, а я умираю от голода, — говорит он, крепко сжимая мое плечо, и направляется в гостиную поговорить с отцом. Я до сих пор чувствую на себе давление от его руки, пока готовлю салат в качестве гарнира для лазаньи.

В дальнем углу кухни находится мой уголок по пошиву одежды — старая швейная машинка и ткани. Я нетерпеливо смотрю на них, предвкушая, как закончу после ужина вечернее платье, над которым сейчас работаю. Из гостиной доносится разговор Джея с отцом, они оживленно обсуждают дело Джея о диффамации[13].

Я уверена, он все еще думает уговорить папу взять его в качестве клиента, что сбивает меня с толку. Просто не понимаю, почему он так сильно хочет, чтобы отец представлял его интересы. Накладывая еду на тарелки, зову их к столу. Он садится напротив меня, и я замечаю, как Джей разглядывает мою футболку озорным взглядом.

— Это какая-то непристойность? — спрашивает он, видимо, пытаясь меня смутить.

Телефон отца вибрирует, и он начинает печатать сообщение, пока ест, не обращая на нас внимания. Отец не привык отдыхать от работы.

— Нет, — отвечаю я раздраженно, — это из телешоу, которое мне нравится.

— Это порно шоу? — его ухмылка превращается в настоящую улыбку, и я могу быть только благодарна тому, что папа поглощен своим телефоном.

Мои щеки покраснели, когда Джей засунул в рот вилку с лазаньей, потому что в этом было *что-то* сексуальное.

— Порно шоу не бывает, — хмурюсь я.

— Ох, позволю себе не согласиться.

— Дик![14] — громко говорит отец, отвечая на телефонный звонок, забирает тарелку и идет в соседнюю комнату принять звонок. — Как ты? Я хотел поговорить с тобой насчет той встречи на прошлой неделе.

Повисло долгое, затяжное молчание. Это было весело, но я не буду смеяться. Не. Буду. Смеяться. К сожалению, в ту же секунду, как мы с Джеем пересекаемся взглядом, взрываемся в приступе смеха.

— Как он вовремя, — бормочу я.

— Ага, — ухмыляется Джей. — А насчет футболки я просто шутил, Ватсон. «Зима близко»[15] и прочая чепуха.

— А ты безжалостный!

— Только если ты от этого краснеешь.

А теперь я покраснела еще сильней. Начинаю поглощать свой ужин со смаком, так, что не приходится отвечать. Обретя способность говорить, я спрашиваю:

— Так зачем ты оставил ту карту на моем телефоне?

Он смотрит на меня и проглатывает.

— О чем речь?

— Мой телефон. Я нашла его в офисе с шестеркой червей на нем.

---

[13] **Диффама́ция** (из лат. diffamo «порочу») — распространение порочащих сведений. В большинстве стран рассматривается как правонарушение, заключающееся в распространении не соответствующих действительности порочащих сведений, умаляющих честь, достоинство и деловую репутацию потерпевшего.

[14] Здесь игра слов: Дик (**Dick**)- сокращенный вариант имени **Richard**, и «dick», что переводится с английского как «член».

[15] **«Зима близко»** (англ. Winter Is Coming) — первый эпизод фэнтезийного сериала «Игра престолов», впервые вышедший на канале HBO 17 апреля 2011 года.

От улыбки у него снова появляются ямочки:

— Это очень интересно.

— Ага, так зачем ты это сделал? — я втыкаю вилку в салат.

— Я ничего не делал.

Нахмурив брови, пытаюсь мысленно вернуться в тот день. Прямо перед обедом я положила телефон в сумку, а затем взяла ее с собой в ванную комнату. Когда вышла, Джей появился в офисе, и мы ушли. У него ни разу не было возможности украсть телефон.

— Вау. А ты хорош, — выдыхаю я. — Уверена, ты его взял, просто не могу понять где и как. — Его улыбка стала еще шире, пока он жевал еду.

Затем он понизил голос и ответил:

— Ты даже наполовину не знаешь, *насколько* я хорош.

Ладно, эту тему я ни за что затрагивать не стану:

— Так значит, твое шоу полностью отменили?

— Он пожимает плечами.

— В данный момент все висит в воздухе. Они не сказали, что отменили, но также и не сказали, что не отменяли. У меня завтра встреча, но сомневаюсь, что они дадут какие-нибудь точные ответы. Все зависит от дела. Если я смогу очистить свое имя, то, надеюсь, мы вернемся к съемкам. Но обвинения запятнают твою репутацию, даже если тебя признают невиновным, знаешь ли?

— Да, знаю.

— Думаю, я смогу убедить твоего отца взяться за это дело, — говорит он, понизив голос.

Я вздыхаю:

— Почему ты так настаиваешь, чтобы он его взял?

Он долго смотрит на меня, так долго, что уже начинаю думать, Джей не ответит. Затем, ни с того ни с сего, спрашивает:

— Ты знаешь, что несколько лет после смерти родителей меня воспитывал дядя?

— Какое это имеет отношение?..

— Он был профессором по поведенческой науке, — перебивает Джей, прежде чем я успела закончить. — Привез меня с собой в Штаты, когда мне было двенадцать. Веришь или нет, но до того момента я жил здесь, в Ирландии. Короче, он был тот еще псих, и постоянно заставлял меня изучать книги на уровне колледжа. Если я этого не делал или не мог понять чего-то, он по-разному наказывал меня, пока я не возьму в толк. Не давая мне есть, не давая сходить в туалет. Это одна из главных причин, почему я убежал и стал уличным подростком. Но, несмотря на такое жестокое обращение, бесконечное обучение научило меня технике чтения людей. Когда я смотрю на твоего старика, вижу человека, который поможет мне выиграть дело. Меня не волнуют известные специалисты. Мне нужен твой отец, и меня ничто не остановит, пока я не смогу убедить его.

— Вот как, — говорю я, успокоившись. — Мне жаль насчет твоих родителей… и твоего сумасшедшего дядьки.

Джей отмахивается от моих извинений:

— Все это в прошлом, Ватсон. Так ты поможешь мне убедить старика?

Я доедаю последний кусочек лазаньи, прежде чем ответить:

— Не думаю, что тебе нужна моя помощь. Но и препятствовать тоже не стану. Обещаю. И все же, если он согласится, тебе придется съехать. Совместное проживание со своим поверенным может рассматриваться как конфликт интересов.

Джей награждает меня понимающим взглядом. Встав из-за стола, я иду включать посудомоечную машину, а когда оборачиваюсь туда, где сидел Джей, он уже исчез.

Загрузив посудомоечную машину, тут же села за швейную, чтобы начать работу над вечерним платьем. Включая машинку, морщусь при нездоровом звуке, который она издает. Я коплю на новую, но пройдет еще много времени, прежде чем соберу достаточно денег.

Платье, которое сейчас шью — заказ одного из моих постоянных онлайн-клиентов. Я сажусь и сразу принимаюсь за работу, в надежде, что машинка продержится, пока не закончу. Я занималась им почти час, когда Джей снова зашел в комнату, откусывая большой кусок яблока.

— Здорово, Ватсон, твоя старая развалюха выглядит не слишком впечатляюще, — комментирует он, прислоняясь к дверной раме.

Я хмурюсь, когда провожу последнюю кайму.

— Знаю. Надеюсь, она продержится до тех пор, пока я смогу позволить себе новую.

— Ты копишь?

Откинувшись назад, чтобы передохнуть, я киваю:

— Ага.

— Сколько у тебя есть?

— Немного. Около ста пятидесяти, но мне нужно восемь сотен на машинку, которую я хочу купить.

Джей жует свое яблоко и обдумывает мои слова:

— А что, если я скажу тебе, что могу превратить твои сто пятьдесят в восемьсот за ночь?

— Я бы сказала, что ты разыгрываешь меня, — отвечаю я осторожно.

— Ну, нет. Завтра пойдешь со мной, и у нас будут твои восемь сотен уже на утро среды.

— Ладно. Но как?

Озорной блеск появляется в его глазах.

— Блэкджек[16], Ватсон. Блэкджек.

Я смотрю на него с сомнением.

— Как в казино?

— Да. Где же еще?

— Я никогда раньше не была в казино.

— Соглашусь, что в Дублине нет ничего подобного Вегасу, но здесь есть несколько хороших местечек. Я научу тебя основам.

Взглянув на свою старую швейную машинку, я вздохнула. Знаю, мне очень нужна новая, иначе придется приостановить прием заказов на невесть сколько недель, пока накоплю.

Предложение Джея, безусловно, было заманчивым.

— Я буду делать ставки? Понятия не имею, как играть в блэкджек, Джей.

— Ты умеешь считать до двадцати одного?

Я окинула его циничным взглядом:

— Естественно.

— Тогда нас ждет хорошее начало, — он проходит мимо, чтобы выбросить огрызок яблока в корзину. — Выдвигаемся в восемь. И надень что-нибудь симпатичное.

После чего он снова выходит из комнаты.

[16] Одна из самых популярных карточных игр в казино по всему миру. Большая популярность игры обуславливается простыми правилами, скоростью игры и наиболее простой стратегией в подсчёте карт.

ГЛАВА 4

Мне подфартило: машинка испустила последний вздох, как только я закончила платье. Я все убрала и поднялась наверх, в надежде, что в грядущий вечер четверга у меня на столе будет стоять абсолютно новая швейная машинка.

Устроившись под одеялом, беру свой телефон с тумбочки, чтобы проверить сообщения. Только одно от Мишель.

Мишель: *Как прошел день? :-* :-* :-**

Она при любых обстоятельствах всегда ставит поцелуи в конце сообщения, и в девяносто девяти процентах случаев в них нет необходимости.

Матильда: *Как ни странно, очень насыщенно. Как прошел твой? P. S. прекрати зацеловывать меня. Я не одна из твоих парней :-P*

Мишель: *Думаешь, я не знаю этого, лол? Ты любишь меня намного больше, чем эти придурки. Сегодняшний день был смертельно скучным. Значит, у тебя было много событий? Рассказывай.*

Матильда: О*тец, наконец, нашел кому сдавать комнату…*

Мишель: *Это многоточие вызывает у меня сомнения. Я его знаю? Боже, надеюсь, это не Лэрри с большим носом? Мы недавно прекратили нашу дружбу с взаимовыгодой. Он стал занудным.*

Я зашла в Гугл в поисках картинок Джея. Как ни странно, их тут предостаточно. Самая лучшая та, где он стоит на сцене в Вегасе в джинсах и футболке с «Sex Pistols»[17], пистолет хорошо виден на экране.

Я сохраняю ее в телефоне и отсылаю Мишель.

Матильда: *Ему.*

Мишель: *ОМФГ! Ты шутишь!*

Матильда: *Не шучу.*

Мишель: *Я читала о нем в новостях на прошлой неделе. Такой сексуальный. Я не верю, что подобный красавчик может быть дьяволом.*

Матильда: *Джастин Бибер?*

Мишель: *Бибер не в счет. Он скорее похож на симпатичную лесбиянку.*

Матильда: *Вот спасибо. Теперь меня всю передергивает. Хотя Джей кажется мне хорошим парнем. Ты же знаешь, что пресса всегда врет.*

Мишель: *Ага, ты права. Но как это случилось?*

Матильда: *Он пришел в офис в поисках адвоката, а взамен ушел с арендодателем.*

Мишель: *Лол. Забавно, насколько часто это случается. Так, когда я смогу прийти и увидеть его? Я буду вся такая СННВ: подойди ко мне и оплодотвори своими сексуальными магическими малышами.*

Матильда: *СННВ?*

Мишель: *Сиськи наружу, ноги врозь.*

Матильда: *Ясно. Прости, что спросила.*

Мишель: *Честно. Я хочу встретиться с ним. Обещаю, буду хорошо себя вести.*

Матильда: *В это я верю так же, как верила в «Путешествие в неизведанное» с Джоном Эдвардом*[18]**.**

Мишель: *Эй, это было хорошее вечернее шоу!*

Матильда: *Самая пустая трата шестидесяти евро, которые я отдала.*

Мишель: *Вот Фома неверующий. Пожалуйста, позволь мне встретиться с ним. Я никогда раньше не встречала знаменитостей.*

Матильда: *Со знаменитостью ты немного преувеличиваешь, ну да ладно. Спрошу, захочет ли он потусоваться с нами в пятницу.*

Каждую пятницу мы с Мишель проводим разгульную ночь. Обычно она заканчивается тем, что она уходит с каким-нибудь счастливчиком, а я ухожу домой одна. Неудивительно, ведь я так и не смогла

---

[17] **Sex Pistols** —британская музыкальная группа, образованная в 1975 году в Лондоне и исполнявшая панк-рок.

[18] Джон Эдвард — известный медиум

преуспеть со «случайными связями». Надо пригласить ее на завтрашнюю вылазку в казино, но эгоистично пока попридержу Джея только для себя.

Мишель: *Ура! Теперь надо подумать, что надеть.*

Матильда: *Лол. Надень черное платье от Шанель. Оно всегда выручает.*

Мишель: *Хорошо. Ты никогда не ошибаешься.*

Матильда: *Крепких снов. Поговорим завтра.*

Мишель: *Тебе тоже. :-* :-* :-**

Когда я собираюсь закрыть поисковую страницу, замечаю ссылку на видео в ютубе и не в силах остановиться даю волю своему пальчику щелкнуть по нему. Видео называется: **«Джей Филдс: пугающий, вызывающий ненависть и внушающий любовь к себе».** Слишком длинное.

Нажимаю «воспроизвести», и появляется уличная сцена: торговая зона в Бостоне. Кто-то идет позади Джея, снимая, как он проходит по улице в бежевых брюках и серой футболке, которая обнажает его татушки. Его уверенность в себе вызывает у меня покалывания в груди. Он один из тех, по кому не определишь: хочется быть *с ним* или просто хочется быть *им самим***.**

Две женщины, болтая, подходят с покупками в руках. Они не замечают его, пока он не проходит мимо них с одним из этих огромных стаканов колы. Джей случайно врезается в блондинку, полностью обливая коричневой жидкостью ее белый топ.

— Ох, Иисусе, прошу прощения, — говорит Джей, когда женщина вздыхает и награждает его убийственным взглядом.

— Черт возьми! — восклицает она, в то время как ее подруга смотрит с удивлением.

— Я ведь попросил прощения. Но знаете, это можно исправить, дайте мне секунду, — говорит он и начинает водить рукой над пятном. Две женщины смотрят на него как на полоумного, и камера приближается к ее топу. Каким-то чудом коричневое пятно начинает уменьшаться, пока полностью не исчезает, как будто он вытянул его из ткани одной лишь силой желания.

— Какого… — выдыхает блондинка, уставившись на ранее испорченную вещь, которая сейчас выглядела как новая.

Ее подруга широко улыбается, когда замечает человека с камерой позади Джея.

— Как вы это сделали? Ну же, расскажите нам! Вы для шоу снимаете, ребята?

Сцена в видео меняется, теперь все происходит в ночном клубе. Камера двигается над толпой людей на танцевальной площадке, а над ней висит огромный экран, мерцающий множеством цветных огней. Тихий ужас. Джей проходит сквозь толпу и подходит к девушке с короткими рыжими волосами в серебряном топе. У него в руках колода карт, он эффектно тасует их, в воздухе перекидывая из одной руки в другую. Все следят за ним, когда он проходит мимо, женщины в особенности.

Он протягивает колоду девушке:

— Выбери карту.

— Что? — кричит она сквозь музыку.

— Давай, выбирай карту, но ни за что не показывай мне.

Девушка слегка замешкалась:

— Ну ладно, — она выбирает карту и смотрит на нее. Джей вручает ей маркер.

— Я хочу, чтобы ты написала название своей любимой песни, любимый цвет и любимое животное.

Она кивает и, немного задумавшись, чиркает на карточке, потом поднимает взгляд.

— Что теперь?

— Положи в свой карман.

Засовывая ее в свои узкие шорты, она хихикает и спрашивает:

— Это какой-то магический трюк?

Джей подходит ближе к ней и улыбается:

— Спорим, я угадаю какую карту ты взяла.

Девушка засияла:

— Не может быть. Не может быть, чтобы ты это знал.

Он оглядывает ее, как будто очень сильно задумался:

— Восьмерка бубен.

Ее улыбка в триумфе становится еще шире:

— Нет.

— Черт! Как насчет королевы червей?

— Снова ошибся. Думаю, ты должен купить мне выпивку.

Джей делает шаг назад и потирает виски:

— Нет, нет, погоди. Я смогу угадать.

Он замолкает и поднимает взгляд, затем указывает на экран позади них — на нем теперь высвечивается гигантская двойка треф.

— Посмотри… это не твоя карта?

— О Боже! — обернувшись, визжит девушка.

Музыка, которая играла, останавливается на середине песни, сменяясь на песню Бейонсе «Single Ladies».

— Не может быть!

— Что? — спрашивает Джей.

— Эту песню я написала на карточке.

Это ее любимая песня? Какая безвкусица.

— Правда?

— Да! Как ты узнал?

— Счастливая догадка, — улыбается он. — Но не спеши! Мне еще нужно узнать твой любимый цвет и животное.

Неожиданно все цвета в клубе становятся фиолетовыми и двойка треф исчезает с большого экрана, заменяя ее наброском черепахи. Рыжеволосая смотрит в восхищении.

— Обалдеть, — вздыхает она.

— Я правильно угадал? — спрашивает Джей. — Дай посмотреть твою карточку, чтобы проверить.

С разинутым ртом девушка тянется в карман, но ничего там не находит. Рыжеволосая хмурит брови:

— Она исчезла.

Девушка осматривается, будто хочет убедиться, что никто не мог подобраться так близко, чтобы украсть ее.

— Минутку, а это что? — спрашивает Джей, снова указывая в направлении экрана, в полуметре от нее. Камера идет следом. Все сверкает теми же психоделическими цветами как прежде, но прямо в середине, кажется, что-то застряло. Девушка косится на экран, трясет головой и смеется, будто не верит этому.

— Да ладно тебе, это не может быть моей картой.

— Возьми ее и посмотри, — отвечает Джей, приглашающим жестом указывая ей идти вперед.

После недолгих колебаний девушка идет через клуб. Залезает на сцену, где находится будка диджея, идет к экрану и хватает карточку, прилипшую к нему. Она смотрит на нее, открыв рот от неверия.

— Это моя карта, — говорит она, поднимая ее к камере, чтобы показать свою писанину. Там написано: *Бейонсе «Single Ladies», фиолетовый и черепаха.* — Я в шоке, — продолжает она, запуская руку в свои волосы.

Слышно, как человек, держащий камеру, смеется, и Джей поворачивается к нему с улыбкой. У него просто потрясающая улыбка. Джей подходит к девушке и обнимает ее за плечи.

— Пойдем, угощу тебя выпивкой.

Следующее видео снято в дневное время в пивнушке, где куча мужчин и женщин, одетых в майки с футбольными эмблемами, смотрят игру. Джей, спотыкаясь, подходит к группе плотных мужиков, держащих кружки пива. Он неуверенно держится на ногах и выглядит в хлам пьяным. Подходя к одному из мужчин (к самому здоровому и сильному из всех, между прочим), он выхватывает пиво прямо из его рук и выпивает его залпом.

Здоровяк смотрит на Джея, будто не может поверить, что у того хватило смелости сделать такое. Затем он начинает злиться.

— Чертов говнюк, ты только что украл мое пиво, — говорит мужик, ища поддержки от друзей. — Этот мудак только что выхватил пиво прямо из моей руки.

Джей, казавшийся довольным собой, ставит пустой стакан на стол, когда один из друзей хватает его за плечо:

— Так не пойдет, чувак.

— Меня мучила жажда, — отвечает Джей, просто пожимая плечами, чуть ли не подстрекая мужчину ударить его. Через несколько секунд он так и делает, замахиваясь кулаком и целясь прямо в лицо Джея. Джей уворачивается и отступает в сторону.

— Эй, не стоит прибегать к насилию. Я готов заменить его.

— Пойди принеси мне пива, — говорит здоровяк.

— Ладно-ладно, просто смотри, — говорит Джей, проводя рукой над пустым стаканом. — Спорим на пятьдесят баксов, что я заставлю напиток появиться заново, даже не дотрагиваясь до стакана.

— Ага, ты заставишь его появиться, направив свою задницу к бару, и купив мне новый.

— Нет. Я собираюсь сделать это не так. Спорим?

Остальные теперь казались заинтересованными. Все их внимание было приковано к Джею и мистеру Здоровяку, про футбол давно забыли.

— Ты рехнулся, но так и быть, спорим.

— Закрепим, — говорит Джей, протягивая руку, и они пожимают их друг другу. Заметив, что он больше не ведет себя как пьяный, я вдруг понимаю, что все это было притворством. Часть уловки.

Камера сосредоточена на руке Джея занесенной над пустым стаканом. Он водит ей, будто собирается вытащить кролика из шляпы (или в данном случае пиво из стакана).

Медленно что-то коричневое начинает появляться, и жидкость поднимается со дна стакана, наполняя его. Мужчины вокруг начинают ругаться матом, когда Джей доказывает им, что может это сделать. Он только что заставил напиток заново появиться, будто из тонкого воздуха. Теперь стакан снова полон.

— Ты издеваешься, — заявляет мистер Здоровяк, потирая макушку с озадаченным видом.

— Ну и дерьмо, с меня пятьдесят баксов и пиво, — говорит один из них, шагая вперед и хлопая Джея по спине. — Это было потрясающе.

— Вы принимаете заказы на вечеринки? — спрашивает, вероятно, жена одного из парней этой компашки. Джей награждает ее лукавым взглядом и трясет головой, прежде чем мужчины начинают окружать его, восхищаясь фокусом. Мистер Здоровяк смеется.

— Ладно, ты победил, но я не собираюсь пить это пиво. Это было чертовски омерзительно.

Видео заканчивается, я откидываюсь назад, и широкая глупая улыбка расплывается у меня на лице. Там еще много видео, которые можно посмотреть, но я решаю этого не делать, потому что могу просидеть так всю ночь. Взамен пробегаю взглядом правила игры в блэкджек, прежде чем полностью вырубиться.

Утром мой будильник оживает, издавая тихие, мелодичные звуки, и я просыпаюсь. Мне приснилось, что Джей уменьшил меня, сделав размером с пенни, и бросил в кружку с пивом. Не думаю, что смогу найти толкование такого сна в книге.

Я слышу, как включился душ в соседней комнате, поэтому знаю, что он тоже только что проснулся. Одна лишь мысль, что мы будем жить вместе бок о бок следующие несколько месяцев, приводит меня в возбуждение.

К тому времени, как я приняла душ, оделась и была полностью готова к работе, снизу уже разносится запах бекона. Отец никогда не готовит завтрак — он всегда перехватывает что-нибудь легкое — поэтому я знаю, что это Джей. Мои каблуки стучат по деревянному полу, когда захожу на кухню, одетая в простое черное платье-рубашку и кремовый кардиган, а волосы распущены. На мне минимум косметики: только консилер поверх шрама, блеск для губ и тушь для ресниц.

Я не большая любительница наносить косметику по утрам. Да и вообще в любое другое время. Мне кажется, когда ты наносишь ее, чтобы прикрыть что-то, это становится скорее неприятной работой, чем радостью. А потом все время переживаешь: стерлась ли она, и не увидят ли люди то, что ты пытаешься скрыть.

Когда мне было пятнадцать, я была влюблена в мальчика со своей улицы. Однажды, возвращаясь из школы, я попыталась заговорить с ним, и он, указав пальцем, спросил, что случилось с моей шеей.

Дело не в том, что он сказал, но его полный отвращения взгляд стал ужасным воспоминанием. С тех пор я всегда стараюсь скрывать шрам.

На кухне Джей стоит возле плиты спиной ко мне, а отец сидит за столом, радостно читая газету и поедая яйца с беконом. Я смотрю с восхищением на сексуальную мускулистую спину Джея и вздрагиваю, когда он спрашивает:

— Ты голодна, Ватсон?

Как он узнал, что я здесь? Скорее всего, по цоканью моих каблуков.

Отец смеется над прозвищем, сразу поняв его значение. С самого детства я была любопытной, всегда хотела разгадывать тайны, хотя не особо в этом преуспевала. Отец часто называл меня Шпионкой Хэрриэт, но я всегда ненавидела это. Хотя мне нравится, как Джей называет меня Ватсоном. Это заставляет меня чувствовать себя его сообщницей. И за компанию делает меня клевой.

— Немного, — отвечаю я, когда он поворачивается и кладет еду мне на тарелку.

— Решил возместить вчерашний ужин, — говорит он и ставит тарелку на стол, а я наливаю апельсиновый сок в стакан.

— Очень мило с твоей стороны. Спасибо, — отвечаю я с улыбкой.

— Слышал, у вас запланирована азартная ночь, — говорит отец, складывая газету и убирая ее. — В молодости мне нравились игровые автоматы. Никогда не выигрывал много денег. У меня несчастливая рука в таком деле.

— Удача здесь ни при чем, Хью. Ты играешь в покер — учишься читать противников. Ты играешь в рулетку — взвешиваешь свои шансы. Иногда это срабатывает, иногда нет.

— Боюсь, что моя игра в блэкджек будет полной катастрофой, — вставляю я. — Не найдется игры полегче, которую я смогу сыграть?

— Понаблюдаешь, как я играю первые несколько партий. Ты быстро схватишь, — уверяет меня Джей с теплой улыбкой и откусывает тост.

— Я не настолько уверена, но поверю тебе на слово, — говорю я скромно, а папа встает из-за стола, закончив завтракать.

— Я хочу успеть на автобус пораньше, Матильда, так что увидимся в офисе, — он чмокает меня в щеку и идет за своим пальто и портфелем. Я рассматриваю потрепанную кожу, отмечая, что нужно приобрести ему новый на Рождество.

Входная дверь открывается и закрывается.

— Ты сегодня прелестно выглядишь, — говорит Джей, и я не могу заставить себя посмотреть на него, поэтому сосредотачиваюсь на еде.

— Спасибо, — мямлю я, сдвигая волосы ближе к шее.

— А ты постоянно так делаешь.

Теперь я поднимаю взгляд.

— Как?

— Я про волосы. Ты часто запускаешь в них руку, сдвигая, чтобы скрыть шрам.

— Наверное, — черт, он заметил шрам. Полагаю, он видел его вчера, когда я сделала пучок на голове. — Да, это часто получается непроизвольно, — пожимаю я плечами.

— Могу научить тебя, как остановиться. Очень просто.

— Все в порядке. Это ведь не одна из таких ужасных привычек, как грызть ногти до крови или что-то подобное, — *«грызть ногти до крови»? Прекрасное воображение, Матильда.*

Джей кивает, все еще наблюдая, как я ем. В эту минуту мне бы хотелось быть где угодно, но только не здесь. Его внимание меня будоражит и все-таки не дает покоя.

— Ну, тогда дашь мне знать, если передумаешь.

Наступает тишина.

— Ты не собираешься спросить, как я получила этот шрам? — говорю я тихо.

— Это не мое дело. Но если хочешь поделиться со мной, я весь во внимании.

Я награждаю его благодарным взглядом, больше ничего не говоря. Не люблю пересказывать истории о себе и в этом случае также не хочу ничего этого делать. Может, в другой раз, когда я наберусь

храбрости. Нет, ну кто может быть храбрым за завтраком? Ужин — вот трапеза храбрости. А обед для моральной подготовки.

Мы поели, и Джей предложил подвезти меня к офису.

— Меня и автобус устраивает, — говорю я, не желая причинять ему неудобства, несмотря на то, что очень хочу поехать с ним.

Джей поднимает бровь:

— Хочешь трястись в скучном автобусе или вновь испытать чертовски сексуального зверя... мою машину?

У меня вырывается смех.

— Думаю, еще рановато испытывать сексуальных зверей.

И сама же удивляюсь своему ответу. Джей каким-то образом вытаскивает наружу мою кокетливую сторону, и, честно говоря, до этого момента я и не подозревала, что она у меня есть.

Джей подходит ближе, улыбаясь так же широко, как и я.

— Для этого никогда не рано.

Я покачиваю головой и иду за сумкой, стараясь отойти подальше от него. Он точно лишает меня покоя. *Совсем* лишает покоя. Но в самом лучшем смысле.

— Хорошо, тогда ты можешь подвезти меня.

— Готовься к лучшей поездке в своей жизни, Ватсон.

Должна сказать, его уверенность очень возбуждает.

ГЛАВА 5

— Так ты не собираешься сегодня жульничать? — спрашиваю его по дороге.

Читая прошлой ночью про блэкджек, я наткнулась на статью о подсчете карт и слегка занервничала. Представила, как какие-то страшные вышибалы тащат меня в задние комнаты казино, а там за длинными столами, считая деньги, сидит куча гастарбайтеров в одних трусах, и престарелый босс мафии угрожает мне пистолетом за попытку мошенничества.

Ну ладно, наверное, я пересмотрела фильмов про ограбления. Я даже не уверена в существовании мафиози в Ирландии, уж явно не те самые из Италии, только если китайская Триада.

Джей тихо смеется, его руки расслабляются на руле.

— Ты правда принимаешь меня за изворотливого засранца?

— Я этого не говорила! Просто у тебя такая профессия… и уверена, что ты знаешь, как подсчитывать карты.

— Решила немного заняться детективной работой, Ватсон?

— Не понимаю, о чем ты, — отвечаю, скрестив руки.

— Ты ведь пробивала меня?

Я фыркнула (малость непривлекательно).

— Не-е-ет.

— Врешь.

— Не вру.

— Еще одна ложь, — смеется он. — Вспомни про сумасшедшего дядюшку с его поведенческой наукой, Матильда. Я могу различить, когда люди говорят неправду. В большинстве случаев.

Я вздыхаю:

— Хорошо. Мимоходом наткнулась на видео в Ютубе.

— Ну вот, совсем другое дело, — он искоса смотрит на меня, улыбаясь глазами. — Тебя впечатлило?

— Ясен пень. Я до сих пор пытаюсь понять, как ты умудрился засунуть карту девушки на экран в ночном клубе.

— Это было прикольно. Но если ты ожидаешь, что я раскрою свои секреты, то тебе не повезло.

— Фу, какой ты нудный.

Он подталкивает меня плечом:

— Ну, не грусти. Может, как-нибудь расскажу тебе парочку, если будешь очень, очень милой со мной.

— Хорошо, это меня ничуть не пугает, — говорю я невозмутимо.

Джей смеется:

— Слушай, я не собираюсь подсчитывать карты, так что не переживай. Главное знать, когда делать ставки, а когда остановиться - в этом секрет хорошей игры.

— Как-то очень расплывчато. Мне это ни о чем не говорит, — вздыхаю я.

— Наблюдай за мной сегодня, и ты всему научишься, — говорит он, заезжая на парковку недалеко от офиса. — Теперь вылезай и хорошего рабочего дня тебе, малявка.

Я выбираюсь из машины и поворачиваюсь к нему:

— Только не это. Я еще согласна на Ватсона, но малявка - это перебор.

Он поднимает руки в воздух:

— Эй, прежде чем доберешься до сладкого винограда, иногда съедаешь пару кислых ягод. Я качаю головой и, развернувшись, иду на работу. По пути в офис едва сдерживаю улыбку.

***

День проходит в обычной рутине. С каждым часом, приближающим окончание рабочего дня, я все больше и больше волнуюсь. Перебираю в голове варианты возможных нарядов на сегодняшний вечер. Джей сказал надеть что-нибудь симпатичное, и я не знаю, подразумевал ли он «элегантно-симпатичное» или «сексуально-симпатичное». Я всегда обожала моду, но у меня никогда не получался образ «сексуально-симпатичной», поэтому остается выбрать «элегантно-симпатичное».

Я остановилась на милом темно-синем платье, которое сама сшила. Оно чуть ниже колен, поэтому к нему подойдут мои вызывающие зависть черные Лабутены. Они, вероятно, единственная «сексуально-симпатичная» вещь в моем гардеробе. В основном я ношу их по особым случаям, но думаю, что моя первая вылазка в мир азартных игр определенно считается таковой.

Вернувшись домой, засовываю в духовку замороженный обед на одного человека, поскольку папа работает допоздна в офисе с Уиллом, а потом идет в книжный клуб. Поднявшись наверх, я прохожу мимо комнаты Джея и вижу широко распахнутую дверь. Он сидит на полу, обложившись книгами, а по деревянному полу разбросано множество листков, исписанных неразборчивым почерком. Мусорное ведро доверху набито бумагой, а ноутбук раскрыт, проигрывая видео, на котором хирург выполняет какую-то операцию. Довольно эксцентрично.

Я всегда не выносила вида крови, поэтому отвожу взгляд.

— Я не знала, что ты дома, — говорю я, стоя в дверном проеме. Подняв голову, он встречается со мной взглядом и потирает подбородок. Его волосы взъерошены, что по неизвестной причине вызывает у меня желание дотронуться до них.

— Матильда. Как прошел твой день? — спрашивает он, убирая бумажки в сторону и ставя видео на паузу. Я захожу в его комнату.

— Хорошо. Можно узнать, что ты делаешь?

— Да так, просто отрабатываю новые фокусы.

Что ж, он не занимается, чтобы стать хирургом.

— Значит, ты не намерен отступать? — спрашиваю я с любопытством.

Он бросает на меня ироничный взгляд и хрипло смеется.

— С чего бы? Только потому, что какая-то стерва, которая даже толком не знает ничего обо мне, решила сесть за свой компьютер и охаять меня? Обломится, на хрен. Потребуется куда больше, чем несколько статей, чтобы остановить меня.

Не знаю, что ответить на это. По правде сказать, его вспышка гнева вызывает легкое беспокойство, хоть и не направлена на меня, поэтому я меняю тему.

— Хочешь поужинать? Правда, это фастфуд.

— Нет, не хочу. Я уже поел, — этот скучающий тон и отстраненный взгляд дают мне понять, что он сейчас где-то в другом месте, так что я быстренько откланиваюсь.

— Ладно, не буду тебе мешать.

— Будь готова к восьми, — говорит он мне вслед, а его глаза возвращаются к экрану.

— Так точно.

Я закрываю дверь и иду в свою комнату. Поведение Джея сейчас казалось совсем другим, переменчивым, что ли. Согласна, мы знакомы только пару дней, поэтому, уверена, помимо остроумного обаяшки, каким я его знаю, в нем должно быть еще много сторон.

Я ужинаю перед телевизором. Джей за это время ни разу не спустился, занимаясь исследованиями в своей комнате или что у него там. Чуть позже, когда я крашусь в ванной, в дверь стучатся.

— Тук-тук, можно войти? — раздается голос Джея, когда я закалываю волосы на макушке.

Вздрагиваю, но осознав, что я одета и все в рамках приличия, отвечаю:

— Конечно. — И все равно мне кажется немного странным, что он хочет войти.

Джей непринужденно заходит в маленькую комнату, одетый в темную рубашку и строгие брюки. Верхняя пуговица расстегнута, слегка обнажая его татушки на ключице. Он присвистывает, и я невольно покрываюсь румянцем.

— Ты хорошо отмылась, Ватсон.

Я сосредоточенно надеваю линзы, а его взгляд опускается на мои ноги.

— *Милые* туфельки. *Очень* милые. Они восполняют скромное декольте.

— М-м-м… Спасибо. Наверно.

Я уже в линзах, а он все ещё смотрит на мои туфли с задумчивым выражением лица. Затем он сглатывает. О чем он, нафиг, думает сейчас? Наношу немного блеска для губ - и я готова. Джей до сих пор стоит сзади, но теперь его глаза на моем лице. У меня не очень-то получается понять его взгляд, поскольку ни один мужчина никогда не смотрел на меня так. Могу описать его только как нечто среднее между жарким и тлеющим. Ой.

Мне трудно поверить, что он предназначен мне, но по всему выходит, что так. Ведь в комнате больше никого нет.

Я прокашливаюсь:

— Ты за рулём?

Он трясет головой и его лицо проясняется.

— Не-а, возьмем такси. Когда мы заработаем тебе восемь сотен, отметим это, — он ослепляет меня своей широкой, белозубой улыбкой.

— Верно. Но только в пределах разумного. Завтра на работу, — говорю я, не в силах сдерживать себя и сохранять хладнокровие. Но я почти преуспела в этом. Почти.

Рука Джея опускается на мое плечо, а его голос звучит неожиданно нежно:

— Не переживай, Ватсон. К часу ночи ты уже будешь дома, в своей кроватке.

Если бы я была дерзкой соблазнительницей, то могла бы ответить что-нибудь нахальное, вроде: *«О, да, а ты, наверно, будешь тем, кто подоткнет мне одеялко?»*. Но я не такая, поэтому молчу. Джей говорит, что подождет внизу, и оставляет меня.

Папа возвращается домой как раз в тот момент, когда мы собираемся выходить, а на обочине ждет такси. Он желает нам приятного вечера, а затем Джей ведет меня к заднему сиденью такси. Во время поездки я начинаю нервничать, в то время как Джей непринужденно беседует с водителем.

Я несколько раз проверяю, взяла ли свои сто пятьдесят баксов. Затем проверяю, на месте ли мой паспорт, поскольку в казино пускают только после того, как тебе исполнится двадцать один.

Спустя пару минут мы приезжаем в город, и Джей рассчитывается с водителем. Я разглядываю гладкий, черный фасад здания со светящейся надписью над входом. Там стоит вышибала, чья ширина равна росту, и трудно сказать - это мускулы или лишний жир. Он одет в костюм, и у него проколото ухо.

Когда мы подходим туда, Джей неожиданно обнимает меня за талию, крепко прижимая мое тело к своему. Ух ты, это что-то новенькое. Давненько я не была так близко к мужчине. С секунду он смотрит на меня, и мне кажется, его пристальный взгляд *завис на моих губах*, исследуя очертания моего рта.

Ох, кажется, я только что кончила. Мне необходимо срочно справиться со своим влечением.

Вышибала сразу же пропускает нас, не спрашивая документы. Скорее всего, мы прошли без происшествий благодаря уверенности Джея. В этот момент его рука покоится на моем бедре, и я едва ли могу сосредоточиться на чем-то еще. Тепло и дрожь удовольствия разливаются по моему телу. Он показывает мне, как обменять деньги на фишки, и его рука покидает меня вместе с моим предвкушением.

Я кладу фишки в сумочку, и Джей хватает меня за подбородок своими пальцами, вынуждая посмотреть ему в глаза.

— Ладно, Матильда, взглянув на тебя, я сам начинаю переживать. Давай возьмем тебе выпивку, чтобы ты могла расслабиться.

— Я не нервничаю, — бормочу я, когда он ведет меня в бар, и затем устраиваю свой зад на стуле.

Джей трясет головой и подзывает бармена.

— Что нужно сделать, чтобы ты перестала мне врать?

— Прости. Но это, вроде как, непроизвольно выходит, — отвечаю я тихо. — Я вру не потому, что двуличная. А только потому, что мне не хочется, чтобы люди знали, когда я напугана.

Ничего себе, довольно откровенно вышло. Он одаряет меня теплой улыбкой.

— Знаю, но ты не должна мне лгать. К тому же, я всегда могу понять, когда ты напугана и все такое.

Что есть, то есть.

Бармен подходит, и Джей заказывает Джек Дэниэлс[19] с колой. У меня настроение для коктейля, поэтому я просматриваю меню, висящее над баром. Вот, черт, ну почему коктейли, которые кажутся самыми лучшими, имеют такие нескромные названия?

Ну и фиг с ним. С таким же успехом я могу заказать, что захочу. Джей все равно сразу распознает ложь со своими-то способностями читать язык тела или как это там называется.

---

[19] Виски. Выпускается в винокурнях города Линчбург, штат Теннесси, США, с XIX века. Напиток изготавливается из 80 % кукурузы, 12 % ячменя и 8 % ржи на основе чистой ключевой воды и в итоге содержит около 40 % алкоголя

— Мне «Порнозвезду» с мартини, пожалуйста, — говорю я решительно.

Бармен, даже глазом не моргнув, пошел за нашим заказом.

— Смелый выбор, — говорит Джей с ухмылкой, — ты собираешься напиться, Ватсон?

— Хм-м.… Только после того, как выиграю восемь сотен… или проиграю свои сто пятьдесят. Полагаю, любой исход потребует алкоголя.

Он на секунду дотрагивается до моего локтя:

— Ты не проиграешь свои сто пятьдесят баксов, обещаю.

— Да ты просто не представляешь себе, как я могу облажаться.

Приносят наши напитки, и я в восторге от маракуйи, плавающей в желтой жидкости. Всякий раз, когда я вижу шампанское в коктейле, то чувствую настоятельную потребность его попробовать. Мой мозг кричит мне, что это будет восхитительно.

Я начинаю пить его через трубочку (м-да, не так уж и восхитительно) и обнаруживаю, что Джей был прав - он меня расслабляет. Народу здесь не много, поскольку сегодня среда, но все же людей хватает. Мое внимание приковал к себе лысый парень, который матерился, как безумец на игровой автомат.

— Он, похоже, не соображает, что автомат не может дать отпор, — шепчу я Джею, шутя.

— Помешанный на играх. Всегда найдется такой.

Джей заказывает еще один напиток, берет с собой и ведет меня через казино. Я оглядываюсь по сторонам, впитывая информацию. Когда замечаю стол с рулеткой, спешу туда, горя желанием узнать, что это такое и с чем его едят. Мужчина среднего возраста делает ставку, и колесо крутится. Когда он выигрывает, на его лице появляется выражение удовлетворения, а друзья-бизнесмены поздравляют его. Я отчетливо понимаю, почему эта дрянь так заманчива.

Когда мы подходим к столу, где играют в блэкджек, там сидят парень лет двадцати и женщина за сорок. Женщина - платиновая блондинка, увешанная золотыми украшениями — просто образ поблекшего величия. Парень вполне прилично выглядит — с темными волосами и симпатичными глазами. Джей занимает место, ставя свой стакан на край стола. Дилер — высокая женщина с черными короткими волосами и скучающим видом — как и Джей вся покрыта татуировками. Но их совсем не видно за униформой казино. Еще у нее два серебряных кольца в носу и одно в середине нижней губы.

Она мне напоминает одну из моих любимых героинь — Лисбет Саландер из фильма «Девушка с татуировкой дракона». Если б я была хотя бы вполовину такой крутой, как Лисбет, то даже тогда была бы вдвое круче, чем являюсь на самом деле.

Когда дилер видит Джея, ее глаза загораются, и она сдержано ему улыбается. Они, что, знают друг друга?

— Ты не говорил, что придешь сегодня, — сказала она глубоким, хриплым голосом.

— Да вот, учу свою новую подругу, Матильду, азам игры, — отвечает он, и я сажусь рядом с ним.

Она разворачивается, осматривая меня с ног до головы, прежде чем дружелюбно кивнуть.

— Так значит это и есть Матильда. Она в точности такая, как ты ее описывал.

Я бросаю на Джея вопросительный взгляд. Он уже всем рассказывает обо мне? И что гораздо важнее, как именно, скажите на милость, он описывал меня?

— Это моя подруга Джесси, — представляет он ее.

— Здравствуй, — я склоняю голову и шучу: — Значит вместе вы Джесси Джей.

Повисла тишина, и Джесси смотрит на меня в недоумении, пытаясь сдержать улыбку, а Джей хлопает меня по плечу.

— Ну, знаете, как певица? — продолжаю я.

— Я же говорил тебе, у нее очень неординарное чувство юмора, — говорит ей Джей.

— Да, я поняла, — улыбается мне Джесси, прежде чем вновь повернуться к нему. — Так ты собираешься делать ставки, или будешь всю ночь пялиться на мою прекрасную физиономию?

— Всего понемногу, — отвечает Джей и ставит несколько фишек в маленький круг на столе перед ним. Джесси вопросительно смотрит на его фишки, затем берет колоду карт и перемешивает ее. Она вытаскивает простую синюю карточку и передает блондинке, награждая ее, как мне кажется, кокетливой улыбкой. Вот это да. *Вот это да!* На мгновение я приняла их с Джеем за пару. Теперь вижу, что тут совсем другое.

Джесси начинает раздавать карты. Я с интересом наблюдаю, как Джей изучает их: семерку бубен и четверку треф.

Я вытягиваю шею и спрашиваю:

— Это хорошо?

— Она и вправду дилетант, — Джесси бормочет со своего места во главе стола.

— Девственница блэкджека, — говорит Джей с озорной улыбкой. — Я потихоньку лишаю ее невинности.

Молодой парень тихо усмехается, в то время как блондинка поджимает губы от отвращения.

— Хорошее воображение, — вставляю я с сарказмом.

Улыбка Джея становится шире, когда он перехватывает мой взгляд.

— Хотелось бы надеяться.

Блондинка знаком показывает, что ей нужна еще одна карта (это называется «хит», как я вчера узнала, прочитав статью). Парень машет головой, давая понять, что он остается при своих. Джей тоже берет карту.

Я не слишком хорошо знаю эту игру, но прочла, что игрок, который ближе всех к двадцати одному — победитель. А у каждой карты свое числовое значение.

Как только все раскрывают карты, у блондинки оказывается пятнадцать, у парня — восемнадцать, а у Джесси - семнадцать. Джей набрал ровно двадцать одно очко, выиграв партию. Он поставил фишку номиналом в сто евро, поэтому выиграл сотню.

— Все это так волнительно, — восклицаю я, увлекшись игрой. Весело наблюдать, как люди выигрывают деньги.

— Это было слишком легко, — говорит Джей. — Давай-ка сделаем поинтересней. — На этот раз он ставит в круг все выигранные фишки, плюс те, что ставил раньше и еще несколько.

Они начинают разыгрывать следующую партию, и блондинка выигрывает. Игра становится все запутанней, и все бросаются причудливыми терминами, типа «удвоение» и «пятикарточный Чарли».

Джей старается объяснять каждый термин по ходу игры. За это время я заказала еще две «Порнозвезды», поэтому уже на пути в мир пьяниц.

За соседним столиком сидит группа бизнесменов, они выпивают и громко общаются. Я внимательно слежу за Джеем, поэтому замечаю, что он незаметно наблюдает за ними. Он не кажется раздраженным тем, что они так шумят, но почему-то продолжает следить. Меня раздирает любопытство, и я тоже начинаю поглядывать на них.

В основном они все среднего возраста, но во главе стола сидит мужчина лет шестидесяти. Он пьет бокал вина и смеется над тем, что говорит рядом сидящий собеседник. За ним-то Джей больше всего и наблюдает.

— Джей, — тихо произносит Джесси, раздавая карты. В ее голосе слышатся предупреждающие нотки.

Он медленно поворачивает к ней голову, будто до этого пребывал в трансе, наблюдая за пожилым дядькой.

— Что? — коротко отвечает он, хотя раньше он никогда не был так немногословен.

Она долго в напряжении смотрит на него, затем говорит:

— Прекрати пялиться на бизнесменов. Ты действуешь им на нервы.

Джей вздыхает и отводит взгляд, беря в руки карты, которые она сейчас раздала.

— Я просто осматривался, — бормочет он.

— Конечно, — говорит Джесси, затем едва слышным голосом добавляет: — Да ты их взглядом сделал начисто.

Я сразу начинаю гадать, о чем она говорит, вытаскиваю телефон и украдкой ищу, что такое «сделать начисто». Выясняется, что это означает убить, не оставляя следов. Ладно, это совсем не странно. Или тревожно.

В следующей игре Джей еле-еле выигрывает с восемнадцатью, перекрывая семнадцать очков Джесси. Увидев, как он играет, я была по-настоящему впечатлена. Будь я Джеем, то уже практически накопила бы на свою швейку. Вскоре молодой парень уходит, а затем и блондинка тоже, до ухода сунув свой номер телефона Джесси.

Та улыбается своим мыслям, засовывая записку в карман. Джей оглядывается на фигуру уходящей блондинки.

— Как это у тебя получается? — спрашивает он с любопытством.

Бровь Джесси взлетает:

— А как ты думаешь? У нее аппетитное тело.

— И достаточно драгоценностей, чтобы потопить Титаник.

Джесси фыркает:

— Так вы еще будете делать ставки, сэр, или уже закончили?

Взгляд Джея падает на меня.

— Думаю, мы дадим нашей маленькой девственнице шанс поиграть.

Я трясу головой:

— Ну, я не знаю. Мне еще не совсем понятны правила игры.

— Мы будем продвигаться медленно, — говорит Джесси.

— Как и положено хорошему похитителю девственности, — вставляет Джей.

— Чтобы ты знал, я давно лишилась девственности, — выдаю я, шутливо тыча пальцем в Джея, мартини сделал свое дело.

Джесси смеется, а Джей разворачивается на своем месте и обжигает меня взглядом, а его губы изгибаются в едва заметную улыбку.

— Так давай, поведай нам эту историю.

— Да ни за что, — отвечаю я бойко, копаясь в своей сумке в поиске фишек. С гордым видом я кладу одну стоимостью в десять евро.

— Крупный игрок, — посмеивается Джей.

Джесси смотрит на него с осуждением и говорит мне:

— Тебе не нужно делать такие же высокие ставки, какие делает этот выпендрежник. Ставь столько, сколько тебе удобно.

— Знаю, — говорю я, и мое сердце подпрыгивает от предвкушения. Получив свои карты, я развернулась так, чтобы Джей не мог их увидеть, разозлившись на него за то, что он потешался над моей маленькой ставкой.

Хотя какая разница, я все равно проиграла.

Мы играем еще две партии, и я ставлю еще по десять евро каждый раз. Я проигрываю и выигрываю по разу. Победа внушает мне достаточно уверенности, чтобы поднять ставку, и я ставлю пятьдесят евро. Двое бизнесменов из той компании, на которую пялился Джей, подходят и занимают места за столом. Я чувствую, как взмокли мои виски, пока жду результат. У меня изначально был туз и восьмерка бубен, поэтому я остаюсь при своих картах. Мое сердце трепещет от волнения. Все вместе у меня выходит девятнадцать. Это хорошо. Очень хорошо. Я скрещиваю пальцы в надежде, что у Джесси будет меньше или больше двадцати одного.

Когда она показывает, что у нее пятнадцать, я практически подпрыгиваю на своем месте в ликовании. Выиграла! Я только что выиграла пятьдесят евро. Здорово! Я в таком восторге, что распахнула руки для Джея и крепко его обняла. Я навеселе, но, прижавшись к нему, все равно замечаю насколько твердое у него тело. Он обнимает меня в ответ, на мгновенье задержав ладонь на моей пояснице.

Затем я отстраняюсь.

— За это надо выпить, — говорю я радостно.

— Ага, — отвечает Джей, нежно улыбаясь мне.

На другой стороне стола слышу, как бизнесмены смеются, и один из них шутит:

— Иисусе, если она так радуется пятидесяти евро, я дам ей сотню за минет.

Ах! Вот же мразь. К сожалению, Джей тоже его услышал. Он встает со своего места, его радость мигом превращается в раздражение.

— Что за хрень ты сейчас сказал? — спрашивает он, подходя к двум мужчинам.

Произнесший это мужчина слишком пьян, чтобы почувствовать угрозу. Он мрачно смотрит на Джея:

— Я *сказал*, — отчетливо произносит он, — что дам ей сотню за минет. Эти губы будут стоить того.

Его друг теперь в полной истерике; я подхожу к Джею и кладу руку ему на локоть:

— Оставь их. Они просто придурки.

— Да, Джей, — добавляет Джесси серьезным тоном, — оставь их.

С таким же успехом мы могли бы быть невидимками, потому что Джей нас не слышит. Он подходит еще ближе к слишком разговорившемуся парню, в бешенстве оглядывая его.

— Извинись сейчас же.

Парень некрасиво фыркает.

— Да иди ты на хрен.

— Сам иди, — отвечает Джей, прежде чем пихнуть того в плечо. Возмущенный мужчина ослабляет на себе галстук и поднимается со своего места.

— Только попробуй дотронуться до меня, — брызжет он слюной, затем смотрит на Джесси: — Ты здесь работаешь, разве не нужно в таком случае вызвать охрану?

— Нужно, — отвечает она, приподняв бровь, — но думаю подождать еще минутку.

— Вздор. Этот кусок дерьма только что напал на меня. Я буду разговаривать с вашим менеджером.

— Милости прошу.

Джей встает перед лицом мужчины, а друг того пытается его успокоить:

— Слушай, нам не нужны неприятности.

— Правда? Потому что этот хрен напрашивается на них.

— Иисусе, прошу прощения, я просто слегка пошутил над твоей девкой. Немного посмеялся.

— Ну ладно, давай посмотрим, будет ли тебе сейчас смешно, — говорит Джей, прежде чем ударить его в челюсть, а затем снизу по ребрам. Мужчина падает на свое место, прижав руку к челюсти, в шоке глядя на него. Не думаю, что он поверил, будто Джей собирается на самом деле его ударить. Даже я не верила, пока этого не случилось.

Через мгновение вышибала, до этого стоявший на входе, хватает Джея за плечо и отталкивает от бизнесмена. Джей с легкостью вырывается из рук вышибалы, направляясь ко мне.

— Прости, что покидаем тебя так быстро, Джесс, но, похоже, я злоупотребил твоим гостеприимством, — он отсалютовал ей с улыбкой.

— Не беда, — говорит Джесси, и затем Джей хватает меня за руку.

— Пойдем, Ватсон. Нам пора делать ноги.

Он сдернул меня со стула, все еще избегая вышибалы, который пробирался к нам и кричал Джею, что отныне тому вход закрыт. Мы вылетаем из казино, держась за руки, и пробегаем пол-улицы, пока мне не приходится остановиться. Бег и каблуки *не совместимы.*

Задыхаясь, я сжимаю свою грудь, прежде чем разразиться смехом. Не знаю, почему я смеюсь. Скорее всего, это что-то вроде запоздалого шока. Джей становится передо мной и тоже начинает смеяться.

Мы не сразу успокаиваемся, а когда это, наконец, происходит, Джей подходит к обочине дороги и ловит такси. Только усевшись на заднее сиденье, я обретаю дыхание, чтобы заговорить.

— Не могу поверить, что ты ударил того мужика. Честно, я думала, что ты не станешь этого делать, — говорю я, еще не отдышавшись как следует. Водитель такси навострил уши, подслушивая. Я не была в таком ажиотаже с тех пор, как папа на мое одиннадцатилетие организовал мне в качестве сюрприза поездку в Диснейленд Парижа.

Джей разворачивается и, протянув руку, заправляет прядь волос мне за ухо. Он напряженно смотрит на меня, и в его глазах светятся эмоции, которых я не могу понять.

— Я не могу позволить всяким придуркам так говорить о тебе. Ни за что. Ты слишком хороша для этого дерьма.

Его слова вызывают во мне дрожь. Не хочется признавать, но где-то в глубине души мне приятно, что он защищал мою честь, толком даже не зная меня. Чувствует ли он что-нибудь ко мне, как я чувствую к нему? Хотя бы легкое влечение? Но тут он берет мою руку в свою, его пальцы сплетаются с

моими. Большой палец поглаживает внутреннюю сторону моего запястья, а я смотрю в окно, наслаждаясь простым прикосновением его кожи к своей.

ГЛАВА 6

Выйдя из такси и приблизившись к входной двери, мы стараемся вести себя как можно тише, чтобы не разбудить отца. Взглянув на телефон, я вижу, что уже почти полночь. Я не сумела выиграть достаточно денег, чтобы купить себе новую швейную машинку; зато у меня стало немного больше наличных, чем было, когда я начинала — ну, хоть что-то.

Включив свет в коридоре и мельком взглянув на костяшки пальцев правой руки Джея, я замечаю, что они немного ободраны и покраснели от этих двух ударов.

— Поднимемся наверх, и я обработаю тебя антисептиком, — шепчу я, дотронувшись до его руки на долю секунды. Снимаю каблуки и оставляю их у подножия лестницы.

Он тихо следует за мной, и я гадаю, пялится ли он на мою задницу как в прошлый раз. Но у меня не хватает смелости повернуться и проверить это. Когда мы доходим до ванной комнаты, достаю пузырек с антисептиком с полки и немного ваты из шкафа. Джей присаживается на край ванны, наблюдая за мной.

— Тебе действительно не стоило нападать на того мужчину, — говорю я. — За свои годы я слышала о себе и похуже.

Его глаза потемнели.

— Кто говорил о тебе хуже, Матильда?

Я отмахнулась.

— Почти каждый раз, когда мы с моей подругой — Мишель - выбираемся поразвлечься, нам выкрикивают грубости. Думаю, без этого не обойтись, когда ты находишься в окружении подвыпивших мужчин, которые не следят за своим языком, — я замолкаю и поправляюсь, — женщины порой тоже бывают довольно сквернымi.

— Скорее всего, это от того, что они завидуют. А мужики так поступают потому, что ошибочно полагают, что так они смогут перепихнуться.

Я тихо смеюсь и наливаю немного антисептика на вату, перед тем как присесть рядом с ним и положить это все ему на руку.

— «Ошибочно» — совершенно верное слово.

Когда вата касается его костяшек, он шипит и чертыхается.

— Мать твою.

— Знаешь, что? Ты, бостонский ирландец, материшься даже хуже, чем ирландские ирландцы, — шучу я.

— Ага, — говорит он, — я сквернословлю, но по большей части использую свой рот во благо.

Я взглянула на него. Взгляд Джея действует на меня странно и возбуждающе, поэтому я отдаю ему вату.

— Держи. Сам кончишь, — говорю я, вставая.

Приходится воздержаться от желания закрыть лицо рукой, когда вижу размер его улыбки. Иногда мне кажется, что мой мозг — это просто зияющая дыра, в которой ничего не содержится, кроме невольных намеков.

— Ты понимаешь, о чем я говорю, — бормочу я, когда открываю дверь, чтобы уйти.

— Ты права, я совершенно точно знаю, о чем ты, — говорит Джей мне вслед.

— Я пошла спать.

— Крепких снов.

Закрывая дверь в спальне, я все еще слышу его смех.

На следующее утро меня снова ожидает завтрак. В этот раз свежие фрукты и круассан. Джея нигде не видно, но круассан все еще теплый, значит, он специально выходил за ним. Папа поедает свой с такой же радостью, с какой вчера ел бекон с яйцами.

— Я считаю, что это лучшее решение, которое когда-либо принимал — взять жильца. Он кормит нас каждое утро, как королей.

— Ага, посмотрим, как ты заговоришь, когда наберешь килограмм пять, — отвечаю я и кусаю вкусную свежую булочку.

И тут в комнату входит Джей, одетый в костюм, как в нашу первую встречу.

— Завтрак — самая важная трапеза дня, Ватсон, — цокает он. — На самом деле было доказано, что ты теряешь вес, если ешь его, а не наоборот.

— Ну, считай, что я исправилась, — бормочу я.

— Так как прошла ночь в казино? — спрашивает папа с любопытством.

Я встречаюсь взглядом с Джеем и, думаю, в тот момент мы оба подсознательно согласились не упоминать о том, как он ударил человека, чтобы защитить мою честь.

— Великолепно. Перед тобой девушка, которая на сорок евро богаче, чем была вчера, — объявляю я гордо. — Два раза я проиграла по десять евро. И потом отыграла десять, а затем выиграла пятьдесят, — я бросаю взгляд на Джея. — Все еще недостаточно, чтобы купить новую машинку, но я продолжу копить.

Джей смотрит на меня с удивительно нежным выражением лица, а затем залпом пьет свой кофе.

— Кстати, дамы и господа, я буду отсутствовать почти весь день. У меня назначено пару встреч с адвокатами, желающими взяться за мое дело.

— Тогда удачи тебе в поиске, — говорит папа, и Джей уходит.

Когда он исчезает, папа берет свою тарелку, идет к раковине и начинает мыть посуду. Мои глаза обращаются к сломанной швейной машинке, и я замечаю что-то неладное. Оставив свой недоеденный завтрак, спешу к ней и нахожу две аккуратно сложенные стопки фишек из казино. Перед стопками лежит записка:

«Моя вина, что вчера нам пришлось уйти так рано, поэтому в качестве неустойки я отдаю тебе свой выигрыш, Ватсон. Купи самую лучшую машинку, которую ты сможешь себе позволить на эти деньги.

Твой Джей.

P. S. *Кончать самому прошлым вечером было не настолько удовлетворительно, как если бы кто-то делал это вместе со мной».*

О, Боже, он такой дерзкий... и мне вроде как это нравится. Подбираю фишку и пробегаюсь пальцами по пластику. Мне совсем не следовало бы принимать эти деньги, но перспектива покупки новой швейной машинки сегодня слишком заманчива, чтобы отказаться. Я сгребаю все фишки и бросаю в сумку, словно легкомысленный ребенок.

Позже, во время перерыва на обед, я отправляюсь в казино, чтобы узнать, можно ли обменять фишки на деньги, и надеюсь, что оно открыто в такой час. Оказывается, казино начинает работать с десяти утра, и когда я захожу вовнутрь, там даже есть народ, который играет (что немного удручает).

Ночью тут в воздухе витает волшебство, но в дневное время пахнет отчаянием. Так выходит, что когда я иду обменивать фишки, то на кассе работает Джесси.

— Матильда, рада видеть тебя снова, — говорит она.

— Я тоже, — отвечаю я, передавая ей фишки.

— Забавно, не помню, чтобы ты вчера выигрывала столько, — продолжает она, сдерживая улыбку.

— Это не мои. Джей отдал свой выигрыш в качестве извинения за вчерашнюю заварушку.

— Вот как? Это очень великодушно с его стороны, — говорит она. — Собираешься устроить грандиозный шопинг?

Я не могу стереть широкую улыбку со своего лица.

— В определенном смысле, да. Хочу купить себе новую швейную машинку. Я шью платья и продаю их онлайн, но моя старая швейка сломалась. Джей сказал, что отведет меня в казино, где можно выиграть достаточно денег на новую машинку, но вышел полный облом.

— Ты в колледже училась? В смысле, на модельера.

Я покачала головой:

— Моя мама научила меня, когда я была маленькой, а еще ходила на вечерние занятия, когда была подростком.

— Здорово. Ну вот, держи, — говорит она, протягивая мне наличные. Я кладу их в кошелек и прощаюсь с ней.

Этим вечером я прихожу домой поздно, затаскивая большую коричневую коробку в прихожую. Ставлю ее на пол и выпускаю тяжелый продолжительный вздох. Пришлось хорошенько поднапрячься,

даже если учесть, что путь от автобусной остановки благословенно короткий. Папа сидит в гостиной и смотрит телевизор. Похоже, он заказал китайскую еду на вынос, потому что в холодильнике лежат остатки. Я разогреваю их и быстро ем, прежде чем приступить к работе.

Уже почти полночь, когда я заканчиваю, устало упаковывая несколько своих заказов в конверты из пузырчатой пленки для отправки по почте. Джей заходит в дверь в тот момент, когда я запечатываю последний.

— Класс, ты купила ее. Молодец! — заявляет он и подходит взглянуть на новую машинку. Она прелестного оливкового цвета, выдержана в стиле пятидесятых.

— Ага. И должна поблагодарить тебя за нее, — отвечаю я с признательной улыбкой. — Как прошли сегодняшние встречи?

— А, дерьмово, если честно. Юристы… то есть, адвокаты — это кучка старых болтунов. Я практически видел в их глазах долларовые знаки, когда разговаривал с ними… или лучше сказать, евро знаки?

— Не говори такого при папе.

— Твой отец — исключение. Он еще не спит? Мне нужно убедить его взяться за это дело.

— Нет, он пошел спать час назад, — говорю я, раскладывая груду упаковок на столе.

Джей изучает их.

— Хочешь, я отвезу их завтра утром на почту?

— Правда? Я собиралась заехать туда перед работой, но у меня едва хватит времени.

— С радостью это сделаю. Итак, завтра пятница. Есть какие-нибудь планы на выходные? — он потирает свои руки.

Я пытаюсь сообразить. Затем вспоминаю настойчивые уговоры Мишель прихватить Джея выпить с нами.

— На самом деле есть. У нас с подругой завтра ночная вылазка. Тебя мы с радостью возьмем с собой.

— Я не против, — говорит Джей, подбирая две булавки из кучки, что я оставила рядом со швейкой. Он соединяет их вместе и поднимает, чтобы показать мне.

— Булавки, потрясающе, — бормочу я сквозь зевок.

Теперь он стоит близко ко мне, и я смотрю, как он быстро разделяет их, а потом соединяет обратно, будто по волшебству. Такое ощущение, что металл невидимо проскальзывает через металл.

— Если бы я не была настолько уставшей, уверена, что смогла бы разобраться, как ты это делаешь, — говорю я тихо.

Его грудь сотрясается от смеха. Я пожелала Джею спокойной ночи и пошла спать. Когда моя голова, наконец, добралась до подушки, я совершенно отчетливо поняла, что кровать Джея находится как раз по другую сторону этой стены, и наши тела разделяет лишь шаг. Я засыпаю с мыслями о том, как бы мне хотелось преодолеть это расстояние.

***

Пятница — долгий день. У нас назначены встречи только до обеда, поэтому, как только я справляюсь со всеми поручениями, папа разрешает мне отправиться домой пораньше. По дороге на автобусную остановку, позади меня сигналит машина. Я поворачиваюсь и вижу Джея: у него опущено окно, а на пассажирском сиденье сидит Джесси, покуривая сигарету.

— Подвезти? — зовет Джей, его рука лежит на двери. Позади него сигналит машина, и затем обгоняет его. — Залезай.

Я спешу к машине и устраиваюсь на заднем сиденье. Джесси зажимает во рту сигарету и говорит мне привет.

— Предвкушаешь сегодняшний вечер? — спрашивает она.

— Ага, ты с нами?

— Не могу. У меня жаркое свидание с львицей из казино. Помнишь ее? — улыбка, которой она меня одаривает, поистине дьявольская.

— Помню.

— Думаю, с ней уже все на мази, но тут никогда не предугадаешь. Кажется, ты сегодня сама не прочь поймать кого-нибудь на крючок.

Щеки покраснели, и мне показалось, что через зеркало заднего обзора я уловила тяжелый взгляд Джея, направленный на нее.

— Ну, не знаю. Мне не везет с мужчинами. Я даже пыталась встретиться через онлайн-знакомства, но не уверена, что это мое.

Глаза Джея на миг встречаются с моими в зеркале, прежде чем вернуться обратно на дорогу. Видно, что он все слушает внимательно, хотя ведет себя совершенно иначе.

— Ага, сама знакомилась несколько раз с людьми через интернет, но там все в основном только ради секса, — говорит Джесси. — Не то чтобы это плохо, но, думаю, ты не этого ищешь, — она смотрит на меня с сочувствием.

Иисусе, разве мои щеки могут стать еще краснее, чем есть?

— Нет, не совсем, — отвечаю я.

Джей вздымает бровь.

— Что значит - «не совсем», Ватсон?

Я почесываю руку.

— Я ничего не имею против секса. Просто до этого никогда не доходит. Мишель говорит, что я не источаю флюиды доступности. Я всем своим видом показываю: «держись от меня подальше», — смеюсь я беспечно.

— В этом нет ничего плохого, — говорит Джей. — Такое ощущение, будто твоя подруга хочет, чтобы ты вела себя, как шлюха.

— Джей! — ахает Джесси.

Я хмурюсь.

— Ну, нет. Все совсем не так. Мишель очень меня поддерживает.

— Как скажешь.

— Итак, много у тебя было свиданий? — спрашивает Джесси, все еще сидя на своем сиденье лицом ко мне.

— Ни с одним из тех, кто знакомится онлайн. Они все кажутся такими безнравственными и заинтересованы только в сексе.

— Значит, ты попала не на тот сайт. Давай мне свой номер, я скину тебе список сайтов, чтоб ты знала, на каких знакомятся просто для интрижки, а на каких для серьезных отношений.

Она передает мне свой телефон, и я записываю в ее контакты свой номер.

— Спасибо. Очень мило с твоей стороны, — говорю я.

— А в каком отношении они безнравственны? — спрашивает Джей с нахмуренными бровями. Я могу ошибаться, но, кажется, будто в его голосе слышатся покровительственные нотки.

Я тяжело сглатываю:

— О, Боже. Поверь, тебе этого знать не хочется.

Джей, как ни странно, замолкает, а его челюсть сжимается. Он кажется раздраженным. Мы подвозим Джесси к ее дому, и я машу ей на прощание, в то время как Джей сворачивает обратно на дорогу.

— В любом случае, ты не должна встречаться со случайными мужчинами, — говорит он ни с того ни с сего.

— Ну, я этого не делала… пока что. Но если соберусь, то у меня есть ряд правил, которых следует придерживаться. — Поднимаю пальцы, начиная перечислять их. — Встреча должна происходить в дневное время в общественном месте — никогда не входить одной в чей-то дом. Нужно говорить Мишель и папе свое точное местонахождение. И самое главное, у нас с Мишель есть кодовые слова для сообщений, если вдруг нам понадобится позвонить друг другу и притвориться, что случилась беда. Но это если парень совсем уж плох, хотя за все это время только мне пришлось дважды выручать так Мишель.

Он встречается со мной глазами, и я вижу в них что-то загадочное. Минута или две проходят в тишине.

— Я помогу тебе, — затем говорит он.

— Чего?

— Со свиданиями. Я научу тебя, как казаться доступной. Мне не стоило говорить такое о твоей подруге ранее. Прости. На самом деле, она правильно сказала. Обычно одинокие люди показывают свою доступность через язык тела, в то время как те, кто счастлив в отношениях — нет. А раз ты свободна, но, якобы, излучаешь флюиды недоступной девушки, значит, на то должна быть причина.

Я складываю руки:

— Какого рода причина?

Джей пожимает плечами:

— Возможно, просто опасение или что-то вроде того. Но не переживай — мы во всем разберемся.

ГЛАВА 7

Когда мы возвращаемся домой, я сразу иду в свою комнату. После той темы, что мы обсуждали в машине, мне пока не хочется смотреть Джею в лицо. Как же унизительно показывать людям, насколько я безнадежна, если дело доходит до романов. Проблема в том, что когда бы меня не спросили об этом, я всегда выкладываю все начистоту. Будто снимаешь груз с плеч, рассказывая все, а затем выслушаешь мнение другого человека. Мысль о помощи Джея не так уж и заманчива. Имею в виду, что, возможно, он действительно знает, что делать. Но я бы предпочла, чтобы он помог мне завоевать *самого себя*, а не других мужчин.

Что за безнадежная ситуация.

Быстро перекусив, принимаю душ и начинаю готовиться к сегодняшнему вечеру. Как раз, когда я сушу волосы полотенцем, мой телефон вибрирует — приходит сообщение.

Мишель: *Так сексуальный фокусник идет сегодня с нами?*

Матильда: *Да, он идет.*

Мишель: *О, я в нем не сомневалась.*

Матильда: *Только не начинай.… Кстати, он предпочитает, чтобы его называли иллюзионистом, а не фокусником.*

Мишель: *Буду иметь в виду. Не хочется обидеть его. :-* :-* :-**

Собравшись, заказываю такси, а затем стучу по стене, что разделяет наши с Джеем комнаты.

— Что такое, Ватсон? — кричит Джей. Кажется, я слышу, как он посмеивается там сам с собой, и я не представляю, почему. Временами он бывает каким-то чудаковатым.

— Такси подъедет через десять минут.

— Я буду готов.

Такси сигналит снаружи. Я спешу вниз, застегивая на ходу свое длинное темно-синее пальто. Предупредив папу, что не буду гулять допоздна, поторапливаю Джея. Слышу, как дверь его комнаты открывается, и затем он спускается ко мне по лестнице. Я застываю, стараясь не разинуть рот.

Он выглядит горячо, хотя «горячо» — это явное преуменьшение. Одетый в темные джинсы и идеально сидящую на нем черную рубашку, с волосами, зачесанными на бок, он всем своим видом просит, чтобы его съели. Или облизали.

Что в этом мужчине такого, что всегда превращает мои мысли в неуместно сексуальные? Я стряхиваю с себя это состояние и быстро улыбаюсь ему, прежде чем выйти на улицу. Водитель оказывается неразговорчивым типом. Знаю по своему опыту, что существует два вида таксистов: те, которые тебе все уши прожужжат по дороге, и те, кто вовсе не хотят разговаривать.

Джей кивает на мое застегнутое пальто.

— Ты не дашь мне посмотреть на себя в этом платье?

Я дергаю за рукав пальто, чувствуя себя неловко под его взглядом. Стараясь, чтобы мой голос звучал как можно небрежней, я отвечаю:

— Увидишь его в баре.

Он вздыхает и в нетерпении барабанит пальцами по окну.

— Но мне хочется мельком взглянуть на него.

— Зачем?

— Просто дай глянуть.

— Это прекрасная причина, Джейкоб. Могу я называть тебя Джейкобом?

Он смеется и качает головой, вглядываясь в здания, мимо которых мы сейчас проезжаем.

— На самом деле, Джейсон. И я позволяю женщинам называть себя так только в спальне, — подмигивает он.

Немного смущаюсь, но беру себя в руки.

— Ты хочешь, чтобы женщины называли тебя полным именем, пока они разбирают твой ящик с бельем? У тебя довольно странный фетиш, Джейсон.

— Нет, я сам разбираю свое белье, Ватсон. Вот о чем я говорю, — он задерживает дыхание и поднимает свой голос на несколько октав выше, чем его собственный: — *«О, Джейсон, ты — бог.*

Трахай меня сильней, Джейсон. Джейсон, у тебя самый большой из всех, что у меня когда-либо были. Доведи меня до оргазма, Джейсон».

Где-то между истерическим смехом и бесконечным смущением, я практически ныряю через все сиденье, чтобы закрыть ему рот рукой.

— Заткнись! — кричу я шепотом, когда таксист награждает Джея недовольным взглядом через зеркало заднего вида.

Грудь Джея быстро вздымается и опускается от едва сдерживаемого смеха. Убедившись, что он не станет продолжать, убираю руку с его удивительно мягких губ и возвращаюсь на свое место.

— Не ожидала от тебя такого, — говорю я, качая головой.

Глаза Джея находят мои; свечение от уличных фонарей оживляет их. Они, кажется, бесконечно долго путешествуют по моим чертам лица. Затем машина останавливается, и водитель говорит нам сварливым голосом, что мы должны ему пятнадцать евро.

Прежде чем я успеваю залезть в свою сумочку, Джей передает ему двадцатку и наклоняется через меня, чтобы открыть дверь. Я чувствую аромат его одеколона — а пахнет он божественно — и пытаюсь не слишком очевидно вдыхать его. Покинув салон такси, замечаю Мишель, стоящую с сигаретой возле входа в бар. Мы на одной из шикарнейших улиц, заполненной барами, которые посещают в основном бизнесмены и интеллигенция. Мишель всегда настаивает на том, чтобы пойти сюда, потому что здесь больше шансов поймать хорошую добычу.

Джей берет меня под руку и ведет к входу, а я тем временем машу Мишель. Она одета в черное платье от Шанель, как я ей и предлагала, на ногах у подруги туфли с высоким каблуком фиолетового цвета, а пальто перекинуто через руку. Отстраняюсь от Джея, чтобы обнять ее.

— Привет, красотка, — напевает она и чмокает меня в каждую щеку.

— Привет, выглядишь потрясающе, — говорю ей, а ее взгляд в предвкушении переносится на Джея, поэтому я представляю их друг другу.

— Это наш новый жилец - Джей. Джей, это моя подруга Мишель.

Она протягивает свою руку, и Джей пожимает ее. Она кажется разочарованной, что он не склоняется к ней для поцелуя. Пару недель назад у нее было свидание с парнем, который так сделал, и она жужжала мне об этом по телефону как минимум час.

— Мишель, приятно познакомиться с тобой, — говорит Джей, прежде чем отпустить ее руку.

Не знаю почему, но вдруг понимаю, что внимательно слежу за их обоюдной реакцией, пытаясь что-нибудь заметить. Вот только не знаю, что именно. Подсознательно надеюсь, что они друг другу не понравятся, несмотря на весь энтузиазм Мишель.

Мы заходим внутрь заведения и умудряемся занять столик у окна. Джей помогает мне снять пальто, молча оценивая мое платье, особенно в зоне декольте. Так по-мужски. Хотя, должна признаться, мой лиф с пуш-ап прекрасно в этом случае справляется. Просто великолепно. Подходит официант, чтобы принять заказ, и я останавливаю свой выбор на белом вине.

— Итак, Джей, слышала, ты зарабатываешь себе на жизнь магией. Наверно, это так весело. Сама я работаю в маркетинговом отделе — скукота полнейшая, — говорит Мишель.

— Весело, пока кто-то не решит написать о тебе, изобразив кем-то вроде злого гения, — отвечает он невозмутимо и делает глоток. Его резкий ответ не расстраивает ее.

— Ага, об этом я тоже слышала. Ой, — говорит она, неожиданно поворачиваясь ко мне, — кстати, о работе, на выходных придется поработать сверхурочно, чтобы подготовить большую презентацию на понедельник, поэтому мы не сможем встретиться в воскресенье. Извини.

— Что? — говорю я тихо, даже робко. — Но мы планировали это несколько недель. Билеты стоили восемьдесят евро, и мне совсем не хочется идти без тебя.

Я не слишком-то рада, что она говорит об этом при Джее, потому что немного стесняюсь. Несколько месяцев назад я увидела рекламу о дневном семинаре с одним экспертом по отношениям из Австралии. Он должен помогать женщинам стать более успешными в любовных делах. Я кое-как смогла уговорить Мишель пойти со мной, а теперь она дает заднюю. Не верю своим ушам. Я ждала этот семинар с нетерпением, надеясь, что он как-то поможет мне побороть свои проблемы, или какая бы там хрень не была со мной.

— Я же извинилась. Старалась избежать сверхурочных, но шеф ни в какую не соглашался. Однако тебе все равно стоит пойти.

— Я не пойду одна.

Она прикусывает губу, с таким выражением лица, словно пытается найти альтернативу.

— Пусть твой отец пойдет с тобой, — наконец предлагает она.

Я громко усмехаюсь.

— Я не собираюсь идти туда с папой. Это все равно, что смотреть с ним порнуху.

Мишель закатывает глаза из-за того, что я слишком драматизирую.

— Ладно. Мне и прежде было любопытно, но теперь я действительно томлюсь от любопытства, — говорит Джей. — О чем вы обе говорите?

— Ни о чем, — быстро отвечаю я и смотрю на Мишель пронзительным взглядом, чтобы она не говорила ему. Увы, она не обращает на меня внимания.

— Мы планировали посетить семинар на тему отношений. Его проводит парень по имени Симон Сильвер. Он вроде как знаток в любовных делах, — как ни в чем не бывало говорит Мишель без малейшего стеснения.

— Вот спасибо, — бормочу я.

Джей выслушивает все с широченной улыбкой, а я смотрю на него, поджав губы.

— Только не насмехайся надо мной, ладно? Я уже говорила, что мне нужна помощь.

— Я мог бы пойти с тобой, — предлагает он.

Вот это уж точно неожиданно. Честно говоря, я предполагала, что он станет показывать на меня пальцем и смеяться несколько минут к ряду. То есть, в двадцать три года на такие мероприятия не ходят. Люди такого возраста должны гулять и веселиться. Хотя я всегда была безнадежным романтиком. Мне хотелось найти «того единственного», с тех пор как себя помню.

Хочется невероятной любви, как в фильмах. Я так отчаянно этого хочу, что желание заполняет мое сердце даже при мысли о возможности ее существования.

— Мне кажется, это было бы еще хуже, чем пойти с папой, — говорю я и делаю большой глоток вина.

Джей притворно вздыхает.

— Матильда, не ожидал от тебя такой грубости.

— Ой, все. Ты ведь ни капельки не обиделся.

Он ухмыляется.

— Да, ты права. Но я все равно хочу пойти с тобой. Это будет довольно весело.

— Вот поэтому ты и не идешь. Ни в коем случае.

— Ну-ну, — говорит Мишель, влезая в разговор. — Пусть идет. Что ужасного может случиться?

Я смотрю на нее и вижу, как подруга что-то просчитывает в уме, в то время как ее взгляд мечется между Джеем и мной.

— Много чего ужасного может случиться, Dr Pepper[20], — говорю я твердо. — Все равно я уже решила, что не хочу идти.

— Но ты ведь потратила столько денег, — дуется Мишель.

— Да, Ватсон. Ты потратила столько денег, — соглашается Джей, подталкивая меня локтем.

Я ничего не отвечаю, в унынии опираясь подбородком на руки. Меня на самом деле страшно бесят мысли о деньгах, выброшенных на билеты. Затем Мишель встает из-за стола.

— Давайте вы обсудите это между собой. Мне нужно в дамскую комнату, а потом я пойду поболтаю с красавчиком, в одиночестве сидящим у барной стойки. Покасики!

Что-что, простите? Мне казалось, сегодня ее целью было захомутать Джея. Какое непостоянство!

— Покасики? — спрашивает Джей, приподняв бровь.

— Рифмуется с «карасики», — бормочу я.

— И «классики».

— Часики.

---

[20] Dr Pepper — безалкогольный напиток, продающийся в Северной и Южной Америке, а также в Европе. В данной фразе отсылка к его рекламному слогану «Что ужасного может случиться?» (Whats The Worst that can happen?)

— Матрасики.

— Выпендрясики? — говорит Джей. Я качаю головой, впервые улыбаясь, с тех пор как Мишель решила меня так опозорить. — Ладно, больше не знаю.

— Ха! Я выигрываю войну рифмовок, — объявляю я, выпрямляясь, а моя рука снова тянется к вину.

— Тебе уже лучше? — спрашивает он тихим голосом.

— Немного.

Рука Джея движется по спинке дивана, на котором мы сидим.

— Ты охренительно сообразительна, — говорит он, рот Джея очень близок к моему уху. — Тебе стоит позволить мне пойти с тобой.

Я окидываю его взглядом, скрестив руки.

— Ты не мог бы забыть об этом, пожалуйста? Я до сих пор умираю от стыда.

— Давай я притворюсь другом-геем на весь день? От этого тебе будет менее стыдно?

— Ага, как будто в это кто-нибудь поверит. Я вообще не понимаю, почему ты хочешь пойти со мной. Семинар рассчитан на одиноких женщин, а не мужчин.

— Разве я не сказал, что притворюсь геем? Так я смогу находиться там с той же целью, что и все остальные, — усмехается он.

Я смотрю на него, сузив глаза.

— Считаешь себя таким умным. Ладно, ты можешь пойти, но должен пообещать, что будешь воспринимать все серьезно.

Он водит пальцами у груди, изображая маленький крест.

— Крест на сердце. Значит, все решено. Я иду.

— Ага, — вздыхаю я, глядя через комнату на Мишель, идущую к парню, на которого, как сказала, она положила глаз. Я до сих пор не понимаю, почему ее интерес к Джею пропал так быстро. Может, она решила, что ей не по вкусу его татушки. Хотя их не сильно видно в его сегодняшнем прикиде. И *не то, чтобы* я не испытала облегчение, что ее внимание направилось в другую сторону. Кажется, мое влечение к нему постоянно растет, и наблюдать, как моя лучшая подруга сходится с этим самым увлечением, немного болезненно для меня.

Джей придвигается ближе ко мне на красном бархатном диване, его бедро касается моего.

— Так ты смотришь порно видео, да?

Я прыскаю от смеха.

— Полагаю, ты запомнил ту незначительную деталь, безумец. Это был сарказм. Не все, что я говорю, надо принимать на веру.

Он прощупывает меня взглядом.

— Ты смотришь его. У меня есть довольно разнообразная коллекция, если что. Можешь позаимствовать в любое время.

Он берет свою выпивку и с озорным блеском в глазах делает большой глоток.

— Я не смотрю порно, — говорю я непреклонно.

— Все смотрят порно.

— Ну а я — нет. Для меня порно — это нечто, действующее через мозг. Меня больше будоражит настоящий эмоционально напряженный роман, чем наблюдение за двумя случайными людьми, занимающимися этим.

Он наклоняется ближе, интерес читается в его чертах.

— Да? Расскажи поподробней.

Еще один глоток вина. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

— Ну, например, помнишь, как Харви Кейтель прикасался к Холли Хантер через дырку в ее чулке в фильме «Пианино»? Это возбуждает меня больше, чем сам секс в действии.

— Держу пари, это охренительное зрелище, — говорит он шепотом.

— Что?

Его рука, висящая за спинкой дивана, передвигается на мое плечо. Я напрягаюсь, мое сердце бьется быстрее от близости Джея.

— Ничего. Возможно, это были самые сладкие слова, которые я когда-либо слышал, Матильда.

Я жду, что он будет прикалываться надо мной, но когда смотрю на него, лицо Джея серьезное. Отпрянув, не говоря ни слова, перевожу свое внимание на вино. Звонкий смех Мишель слышится через весь бар, когда она кладет свою руку поверх руки того парня.

Джей следит за моим взглядом.

— Итак, ты помнишь, когда я сказал, что научу тебя языку тела?

Я киваю.

— Тогда посмотри на свою подругу в качестве примера. Когда девушке нравится парень, она будет дотрагиваться до него невзначай, чтобы проявить свой интерес, как сейчас делает Мишель. Поэтому, если хочешь показать кому-нибудь, что ты заинтересована, можешь дотронуться до его руки или ноги на секунду, затем отодвинуться.

Я стараюсь не думать о том, что его бедро до сих пор касается моего. Что бы *это* значило?

— Также существует зрительный контакт, — продолжает он. — Если тебе нравится парень, то ты должна смотреть на него, а не в пол. Отвернись, когда тебе необходимо, и затем повернись обратно. Будешь держать постоянный контакт глаз — тебя примут за психичку, так что тебе надо совершенствоваться в этом.

— Я всегда смотрю в пол, — говорю я. — Очень плохая привычка, знаю, но не могу себя остановить.

На самом деле, в это мгновение меня тянет посмотреть в пол, но сдерживаюсь; иначе Джей заметит мои чувства. Не дай бог.

— Всякий раз, когда ты ловишь себя на этом, просто остановись. Через некоторое время для тебя станет второй натурой смотреть человеку в глаза.

Тут к нашему столу возвращается официант, спрашивая, не желаем ли мы еще выпить. Джей говорит, чтобы он принес то же самое, и я отправляюсь в туалет. Надеюсь, что к тому времени, как я вернусь, Мишель будет за столом. Довольно интимно сидеть наедине с Джеем, а в такой ситуации мой беспокойный характер вынуждает меня удрать.

Справляя свою нужду, слышу стук в кабинку, Мишель окликает:

— Как проходит твой вечер?

— Все замечательно явно не благодаря тебе. Не могу поверить, что ты сказала Джею про семинар. Теперь мне придется тащить его с собой. Он не примет отказа.

— Не примет, говоришь? Ну, мне кажется, вы великолепно проведете время вместе.

— Посмотрим. Это будет зал, заполненный двумя сотнями изголодавшихся по сексу женщин, а я приведу туда Джея Филдса. Это как помахать кровавым стейком перед сворой голодных собак.

— Не драматизируй. Ты делаешь этим женщинам одолжение, позволяя им смотреть на такой превосходный экземпляр мужественности, — смеется Мишель уже явно навеселе. Интересно, сколько она успела выпить, пока была возле бара.

— Раз уж мы заговорили о нем, почему ты вдруг потеряла к нему интерес? — спрашиваю я с любопытством, когда смываю и выхожу из кабинки, собираясь помыть руки. Мишель пожимает плечами и как-то странно смотрит на меня.

— Он не заинтересован во мне. Я же вижу. А ты ведь знаешь, что я хочу только тех мужчин, которые падают к моим ногам.

— Это правда. Так, значит, ты весь оставшийся вечер проведешь с мистером Красавчиком из бара.

— Пока что. Если кто-нибудь другой придется мне по вкусу, то, возможно, переключусь на него.

Мы выходим из уборной, и Мишель возвращается к бару. Когда я иду к Джею, то замечаю, что за столом он уже не один. Рыжеволосая девица сидит рядом с ним, откидывая свои блестящие волосы через плечо. Я смотрю по сторонам, прикидывая свои варианты. Вернуться к столу и чувствовать себя третьей лишней или найти чем себя еще занять?

Можно пойти с кем-нибудь поболтать, но прямо сейчас я не горю желанием делать этого. Поэтому иду к столу. Когда я подхожу к нему, проскальзываю со стороны, где сидела Мишель, и беру новый бокал, который официант оставил для меня.

Я награждаю рыжеволосую легкой улыбкой и делаю глоток. Большинству девушек обычно я нравлюсь. Полагаю, это оттого, что они не считают меня угрозой. Но эта женщина смотрит на меня так,

будто только что унюхала что-то плохое. Хм-м-м, скорее всего, из-за платья, которое я надела; оно изрядно обнажает ложбинку на моей груди. Легкая волна возбуждения проходит через меня. Кажется, мне очень даже нравится быть угрозой.

— Привет, ты вернулась, — говорит Джей. — Это Матильда, — говорит он рыжей. — Мы соседи по дому. Матильда, это Шарлин. Она стюардесса, у нее есть белая персидская кошка, любит ходить в тренажерный зал и совсем недавно стала рыжей.

В его голосе слышится нотка сарказма? Я очень стараюсь сдержать усмешку.

— Ты тайком лазил на ее странице в Фейсбуке, или что? — спрашиваю я сухо.

— Ш-ш-ш! Ты раскроешь все мои секреты, — говорит он, подмигивая.

— Он смог догадаться обо всем, лишь посмотрев на меня, — объясняет Шарлин. — Разве не потрясающе?

— Несомненно, — я поворачиваюсь к Джею, — так расскажи нам, как ты узнал.

Джей откидывается назад, чтобы осмотреть Шарлин, прежде чем подметить все признаки.

— У нее белая кошачья шерсть на платье, но длиннее чем у обычной домашней кошки. Персидская была самым очевидным выбором. Мышцы на руках дают понять, что она занимается. Но незначительные угри вокруг подбородка под косметикой выдают, что это только нерегулярные вылазки для поддержания здоровья. Значит, не спортсменка, которая была бы на строгой диете, что привело бы к чистой коже. Это не гормональные прыщи, потому что они обычно появляются еще в подростковом возрасте, а потом остаются рубцы, которых у нее нет. Еще слабый запах сигаретного дыма. Большинство спортсменов не курят. Значит, ходит в тренажерный зал. Мешки под глазами указывают на отсутствие сна, обозначая или бессонницу, или требовательную работу. Плюс, заметил значок стюардессы, торчащий из ее сумки, — ухмыляется он. — И, наконец, я узнал, что она недавно покрасила волосы, потому что у нее на коже осталось немного краски.

Он небрежно складывает руки. Должна признать, я не была готова к такой атаке. Не думаю, что и Шарлин тоже. На самом деле, она выглядит больше смущенной оттого, что он так придирался к ее внешности. Одно дело, когда он рассказывает ей о случайных фактах, которые незнакомец, скорее всего, не мог бы знать— это волнующая часть, но другое дело, когда он объясняет, как узнал о них.

Через несколько секунд она начинает отшучиваться.

— О, Боже. Никогда не думала, что люди могут сказать обо мне все это. Бесит немного, но зато так весело! Ладно, теперь давай, займись ей, — говорит она, указывая на меня.

Джей поворачивает голову, его губы шаловливо изгибаются.

— Я буду только рад.

Не могу сказать, есть ли в его словах какой-то подтекст. Я поднимаю руки в воздух.

— Вот только не надо. Я не хочу знать.

— Чего тебе стоит, не порть веселья, — упрекает Шарлин. Я упираюсь в нее недовольным взглядом.

Джей наклоняется вперед и берет одну из моих ладоней в свои. Это касание удивляет меня, вызывая мурашки на коже. Он потирает своим большим пальцем кончик моего указательного, и я сдерживаю дрожь.

— Видишь эти маленькие царапины? Они указывают на то, что ты выполняешь какую-то ручную работу. Портниха, верно?

Я киваю.

— Да, но ты уже это знал.

Его губы начинают подергиваться.

— Ладно. Ты крепко спишь. Наслаждаешься полезными лакомствами. Делаешь какие-то виды упражнений. Держу пари, ездишь на велосипеде. Когда тепло, любишь сидеть на солнце. Ты не красишь волосы. Когда мужчины дотрагиваются до тебя, начинаешь нервничать. Твоя любимая эпоха — пятидесятые… и сейчас ты желаешь, чтобы я немедленно заткнулся. — Он останавливается и откидывается обратно на сиденье. — Ну и как у меня получилось?

Я сужаю глаза:

— Слишком хорошо.

— Хочешь, чтобы объяснил, откуда я узнал?

— Не особо.

Шарлин закатывает глаза и кладет свою руку на плечо Джея, придвигаясь ближе к нему.

— Я хочу знать. Расскажи нам.

Джей совсем немного отклоняется от нее, затем начинает говорить.

— Я вижу, что ты крепко спишь, потому что белки твоих глаз очень ясные. У людей, которые плохо спят — покрасневшие глаза, или они могут быть воспаленными. Я тому лучший пример. — Он показывает на себя, что заставляет меня задуматься, почему он плохо спит. — Я знаю, что ты любишь полезные лакомства, потому что не толстая, но у тебя есть формы. Твои бедра и икры подкачаны, в отличие от рук, что указывает на то, что ты в основном работаешь ногами, следовательно, ездишь на велосипеде. У тебя небольшая россыпь веснушек на носу от пребывания на солнце. Твои волосы точно такого же цвета, как брови, так что, скорее всего, ты их не красишь. Вдобавок, твой отец показывал мне детские фотографии, — признает он.

Ну, папочка, нам предстоит долгий разговор.

— Ты слегка дернулась, когда я дотронулся до твоей руки: это означает, что либо я тебе не нравлюсь, либо мужчины нечасто до тебя дотрагиваются, поэтому начинаешь нервничать. Я знаю, что ты любишь пятидесятые, судя по большинству платьев, которые ты шьешь с деталями из той эпохи. А твои глаза достаточно ясно дали понять, что ты желаешь, чтобы я заткнулся, — усмехается он.

— Ну, — говорю я, выпуская долгий вздох, — ты попал в самую точку. Просто возмутительно, — жалуюсь я.

— Я внимательно следил за тобой, Ватсон, — говорит он, и я едва не трепещу.

— Кроме шуток, это было классно, — заявляет Шарлин. — Тебе стоит вести свое собственное шоу на ТВ.

Джей награждает ее язвительным взглядом:

— Да, ты права, стоит попробовать.

Заиграла песня группы «Абба», и я слышу, как Мишель зовет меня присоединиться к ней и мистеру Красавчику. Оба сейчас зажигают на танцполе.

— Матильда! Это «Dancing Queen», живо иди сюда, — пьяно кричит она. Когда мы были моложе, наткнулись на фильм *«Свадьба Мюриэл»*, и с тех пор «Абба» стала для нас пагубным пристрастием.

Я поворачиваюсь к Джею с Шарлин.

— Кажется, меня зовут, — затем встаю и иду к Мишель. Она хватает меня за руки, когда подхожу, и начинает качать из стороны в сторону.

— Я люблю эту песню, — кричит она сквозь музыку, пока мистер Красавчик вертится позади нее.

Кажется, сегодня мне, так или иначе, суждено быть третьей лишней.

— Что за рыжая стерва? — спрашивает она, кивая в сторону стола.

— Какая-то воздушная официантка.

— Ха! Ой, не смотри, но Джей направляется сюда. Рыжая стерва не слишком этому радуется.

— Правда? Он идет?

— Ой, нет, погоди-ка. Он просто срезал путь к бару.

Я выдыхаю с облегчением. Мне нравится танцевать, но делать это при Джее — испытание, которое я не смогу выдержать. Песня заканчивается и сменяется на медленную, поэтому я оставляю Мишель на медленный танец с ее последним приобретением. Присоединяясь к Джею, я заказываю у бармена еще один бокал вина.

— Ты не собираешься вернуться к Шарлин? — спрашиваю я. — Она все еще ждет.

Джей поворачивается ко мне лицом, в то время как я продолжаю смотреть прямо вперед. Не знаю, почему, но, кажется, у меня не получится смотреть ему в глаза. Краешком глаза замечаю, что его брови сдвинуты.

— Хочешь, чтобы я вернулся к ней?

Пожимаю плечами и бросаю на него взгляд, затем делаю еще один большой глоток вина.

— Полегче. Сейчас только десять вечера.

— Да ладно. В любом случае я, возможно, скоро отправлюсь домой. Мишель явно не составит мне компанию на оставшуюся ночь.

— Она всегда так оставляет тебя одну? — спрашивает Джей, придвигаясь немного ближе ко мне.

— Не-е. Обычно я разговариваю с другом того, с кем она флиртует. Весело, не находишь?

Джей не отвечает. Но его челюсть как-то странно двигается. Он продолжает смотреть на меня, пока Шарлин сама не удосуживается подойти к нему.

— Привет, решила избавить тебя от лишней прогулки, — говорит она сладким голосом, залезая на стул рядом с ним. Я отворачиваюсь и начинаю блуждать взглядом по толпе на танцполе. Мужчина в синей рубашке смотрит на меня с вожделением, поэтому я стараюсь больше не сталкиваться с ним взглядом. Джей подталкивает меня локтем, держа в руках телефон.

— Мне только что пришло сообщение от Джесси. Видимо, у львицы есть муж, который захотел любви втроем, и ее надо спасать. Хочешь поехать со мной?

— Э-э-э, конечно. Только отправлю Мишель смс о том, что мы уходим.

С этим мы отправляемся за машиной Джея, чтобы забрать Джесси. И, судя по осуждающему взгляду, которым награждает меня Шарлин, создается впечатление, будто она не слишком-то этим довольна.

ГЛАВА 8

Когда мы заезжаем домой, я быстро переодеваюсь в обычные джинсы, футболку и кеды. В целом, ночь сегодня была немного испорчена, поэтому нет смысла оставаться в гламурном образе. Джей начинает сигналить, и я спешу вниз на улицу.

Сажусь на пассажирское сиденье, а Джей умудряется спешить, не превышая при этом скоростного режима. Мы направляемся в сторону тихого пригорода, GPS показывает нам направление. В итоге мы едем по темной захолустной дороге к большому серому дому. Все вокруг кажется тихим, а Джесси нигде не видно. Тем не менее, как только мы останавливаемся в конце каменистого подъездного пути, передняя дверь распахивается, появляется высокая фигура Джесси, и она бежит к нам что есть мочи.

Львица и мужчина среднего возраста преследуют ее, одетые в одинаковые черные шелковые халаты, крича и размахивая своими кулаками. Если бы их злость так меня не раздражала, я бы, возможно, рассмеялась над их одеянием. Мне не слышны их слова, но когда Джей опускает свое окно, до меня доносится конец тирады: *«…маленькая стерва!»*.

Джесси сразу запрыгивает на заднее сиденье, крича:

— Жми на газ, Джей, надо, на хрен, убираться из этой дыры.

Теперь пара стоит перед машиной Джея, не давая ему возможности развернуться.

— Что ты сделала, украла их кошельки или что? — спрашивает Джей, усмехаясь и давая задний ход, пытаясь найти способ объехать кипящих от злости супругов.

— Вас очень долго не было, а они продолжали меня уговаривать принять участие в их групповухе. Я позволила своей вспыльчивости взять над собой вверх и разбила поднос с хрустальными бокалами. Теперь они хотят, чтобы я заплатила за нанесенный ущерб. Парочка охревневших психов.

— Не хочется тебя огорчать, Джесс, но в данной ситуации ты была больше похожа на чокнутую.

— Эй, могу и рассердиться. Я же не виновата, что меня оскорбили одним лишь предложением сосать член, — шутит она.

Высовывая голову из окна, Джей кричит паре:

— Послушайте, или вы свалите с нашего пути, или перееду вас обоих на хрен.

— Этот хрусталь был подарком на годовщину, — кричит мужик. — Она торчит нам шестьсот евро.

— За пару бокалов? — спрашивает Джей. — Вы под кайфом?

— Они были из Уотерфордского хрусталя[21]! — вопит жена.

— Раз они были подарком, значит, вы не потеряли ни копейки, верно?

— В них была сентиментальная ценность!

— Считайте это отплатой за сексуальные домогательства! — кричит Джесси с заднего сиденья.

Теперь жена марширует прямо к машине, и Джей отъезжает еще дальше.

— Ты прекрасно знала, куда шла, Джесси, — говорит она, широко жестикулируя. — Поэтому не строй из себя недотрогу.

— Понятия не имела, что у тебя есть долбанный муж. Нет, ты решила обрушить это на меня, когда заманила в свое логово.

— Ты должна быть польщена, что мы пригласили тебя к себе домой, маленькая шлюшка.

— Лучше быть шлюшкой, чем высохшей старой ведьмой!

Услышав это, женщина бросается на машину, но Джей отъезжает назад ровно настолько, чтобы она не столкнулась с его бампером. Он оказывается на газоне и, ухитрившись развернуться, едет прямо к выходу, оставляя следы от шин по всей их клумбе. Я разворачиваюсь на своем сиденье, чтобы посмотреть, как те двое преследуют машину. Надеюсь, у них не было возможности запомнить номера.

Вскоре мы отъезжаем от дома и возвращаемся на дорогу. Я испускаю глубокий вздох и поворачиваюсь к Джесси, спрашивая с беспокойством:

— Ты в порядке?

---

[21] Хрусталь издавна ценится своей красотой, изяществом и практичностью. А слава об уотерфордском хрустале гремит на весь мир. Сегодня уотерфордский хрусталь считается маркой премиум класса. Практически все процессы изготовления проводятся вручную. На дне каждого хрустального предмета красуется герб города.

— Вот этого не надо, Матильда, — говорит Джей, положив руку мне на бедро. — Не испытывай к ней никакого сочувствия. Она сама поставила себя в такое положение, поэтому ей остается винить в этом только себя.

— Она не знала, что у этой женщины есть муж, — сказала я тихим голосом.

— Ага, не знала, — сказала она подчеркнуто. — И спасибо за беспокойство, милая, со мной все хорошо.

— Не стоило устраивать сцену, — пробормотал Джей, внимательно разглядывая Джесси через зеркало заднего обзора.

— Но у меня это лучше всего получается, — отвечает Джесси, высовывая язык.

Я отворачиваюсь к окну, но Джей не убирает руку с моего бедра. Его пальцы довольно близко к одному местечку, и мне становится тяжело дышать. Он слегка сжимает пальцы, и, боже, этим вызывает во мне желания, которые я не хочу желать.

Затем следуют несколько минут тишины. Джей нарушает ее, начав изображать Джесси:

— Не виновата, что меня оскорбили одним лишь предложением сосать член.

Джесси фыркает:

— Заткнись.

Джей вздыхает:

— Мы ведь оба знали, что с ней будут неприятности.

— Неприятности - это весело, если в них не вовлечен муж.

— Ага, ну тебе надо попридержать свою вспыльчивость. Однажды она приведет к другого рода неприятностям, Джесс, и это будет невесело.

— Ладно, папочка. Не буду напоминать тебе, что ты и сам далеко не пай-мальчик.

— Ага, не будешь, но ты только что это сделала. В любом случае, я тебе не папа, к счастью. Ты была той еще маленькой скандалисткой.

Джесси смеется и откидывается на своем сиденье, складывая руки.

— Так как у вас прошел вечер?

— Он проходил великолепно, пока нам не пришлось уйти, чтобы спасать твою задницу.

— Да, — вставляю я, поворачиваясь, чтобы подмигнуть Джесси, — там была привлекательная рыжеволосая девица, подкатывающая к Джею. Ты абсолютная кайфоломщица.

Он снова сжимает мое бедро и говорит тихим голосом:

— Никого она не обламывала. Я совсем не собирался заходить так далеко.

Теперь я не знаю, что сказать, поэтому ничего не говорю. Сзади раздается тихое хихиканье Джесси. Спустя несколько минут мы подъезжаем к ее жилищу, она вылезает, снимая перед нами свою воображаемую шляпу.

— Спасибо вам, что подвезли, — говорит она и направляется к входу.

— Откуда ты знаешь Джесси? — спрашиваю я, когда Джей выезжает с обочины.

— Знаю ее еще с тех пор, когда был ребенком. До того как мои родители умерли, и я отправился в Америку к дяде, мы были лучшими приятелями в школе. Когда я вернулся сюда, сразу нашел ее. Оказалось, что у нее не все хорошо. Вся ее семья отреклась от нее, когда узнала, что та лесбиянка, поэтому она стала употреблять наркотики. Я отправил ее в клинику, помог найти работу. Остальное, полагаю, в прошлом.

— Ух ты. Это было очень мило с твоей стороны.

Джей пожимает плечами.

— Как есть.

Оставшаяся часть пути проходит в тишине. Дома Джей следует за мной наверх. Когда я дохожу до двери своей спальни и поворачиваюсь, чтобы сказать спокойной ночи, обнаруживаю его прямо за собой — смотрю в его глаза и меня всю бросает в жар. Что-то темное есть во взгляде Джея, но я не могу разобрать — что именно. Воздух между нами накаляется, и с каждой секундой я начинаю нервничать все больше. Почему-то я чувствую необходимость удрать, и, обретя голос, желаю ему спокойной ночи, перед тем как быстро юркнуть в свою комнату. Опустив голову на подушку, не могу сдержаться и гадаю, что произошло бы, если бы я не нарушила этот момент.

***

Суббота проходит в праздности. Большую часть времени я читаю электронную книжку в саду. У нас сейчас солнечная пора. По этому случаю мой выбор книги падает на роман с сильными эмоциональными переживаниями романтического характера, и я не собираюсь разбираться почему. Полагаю, после вчерашнего взгляда Джея, мне понадобилось немного дамского порно.

Кстати, о Джее, в данный момент он разложил на столе за стеклянной раздвижной дверью кучу книжек и открыл перед собой ноут, изучая бог знает что. Время от времени я позволяю своим глазам метнуться в его направлении, и обнаруживаю, что он задумчиво смотрит в ответ. Затем улыбается и снова возвращается к своему исследованию. В других случаях он не смотрит, и я не могу оторвать взгляда от него. На мужчине облегающая серая футболка, которая идеально демонстрирует его мускулистые руки и подтянутые плечи.

Когда день подходит к концу, я начинаю набираться храбрости к завтрашнему семинару. Понятия не имею, что со мной может произойти. Только надеюсь, что Джей сдержит свое обещание и будет вести себя подобающе.

Наступает утро, и я надеваю простое синее летнее платье, а на ноги — черные туфли с каблуком. Я не в настроении вставлять линзы, поэтому взамен нацепляю свои очки. Спускаясь вниз, я вижу, что Джей опять приготовил мне завтрак: овсяные блины, политые медом.

— Ты платишь за съём, знаешь ли. Тебе не нужно каждое утро готовить завтрак, чтобы доставить удовольствие папе, — говорю я, тихо посмеиваясь.

— Откуда тебе знать, что я *ему* стараюсь доставлять удовольствие? — отвечает Джей с кокетливой улыбкой, шевеля бровями и занимая место напротив меня.

Засовываю вилку с блином в рот, чтобы не отвечать.

— Давай заключим сделку? — говорит Джей. — Каждое утро я буду готовить завтрак, если ты каждый вечер будешь делать ужин. Так мы будем в расчете.

Я улыбаюсь, пока жую.

— Ладно, договорились.

Где-то через час мы подъезжаем к отелю «Хилтон», где будет проходить семинар. Портье в фойе направляет нас в конференц-зал, где над входом висит большой баннер. На нем написано: **ИМПУЛЬС ДЛЯ ВАШЕЙ ЛЮБОВНОЙ ЖИЗНИ С СИМОНОМ СИЛЬВЕРОМ.**

Каждому из нас дают подарочек, а затем проводят вовнутрь. Две женщины, стоящие перед нами, то и дело оглядываются на Джея, хихикая друг с другом.

— Пусть лучше твое притворство геем окажется убедительным, — шепчу ему. — Иначе к концу дня на твоей шее будет целая стая.

— О чем ты толкуешь, Ватсон? — спрашивает Джей, направляясь к кулеру, чтобы попить. Я иду за ним.

— О том факте, что каждая женщина здесь положила на тебя глаз, и хоть сейчас это видится заманчивым, но, когда на нас понесется стадо, вряд ли таковым окажется, — шучу я, хотя говорю наполовину серьезно. Сегодня он одет в темно-синюю рубашку, заправленную в джинсы, его стройную талию подчеркивает кожаный коричневый ремень. Более чем притягательно.

— А теперь начинается самое интересное, — говорит Джей. Он замолкает на секунду и, положив руку на бедро, манерно заканчивает: — Подружка.

Я закрываю глаза рукой:

— О, Боже. Дай мне знать, когда закончишь с этим, что бы ты там ни делал.

Его низкий сдавленный смех приближается ко мне, и его теплая рука убирает мою от лица.

— Ладно, я больше не буду так делать. Просто стану незаметным геем.

— Думаю, это будет к лучшему.

Он продолжает смеяться, когда ведет нас к месту в третьем ряду.

— Может, нам лучше сесть немного подальше, — предлагаю я. — Не хочу, чтобы меня выбрали для разговора.

— Тебе не нужно говорить, если не хочешь, — говорит Джей, притягивая меня на сиденье. На нас поглядывает женщина, в одиночестве сидящая через два места. Совершенно очевидно, что Джей такой же гомосексуалист как Джерард Батлер в «300 спартанцев». Поразмыслив, решила, что нет, мне надо

придумать сравнение получше. Фильм «300 спартанцев» был настолько мужественным, что на самом деле подсознательно воспринимается как супергеевский.

Спустя несколько минут комната начинает заполняться. Вскоре почти не остается свободных мест. Очень обнадеживает то, что я не единственная женщина на свете, которая безнадежна с мужчинами, даже замечаю здесь несколько девушек моего возраста.

По другую сторону от Джея садится блондинка, и сдержанно улыбаясь, говорит ему тихо, но заинтересованно:

— Привет.

Мне хочется проткнуть ее бесплатной ручкой, выданной нам в подарок. Ладно, мне надо успокоиться. Один лишь факт, что мы живем в одном доме, не означает, что у меня есть право собственности на Джея. Он свободный человек. Свободный как птица. Правда.

Ну вот, теперь в голову полезли унылые мысли.

Копаясь в вышеупомянутом подарке, я вытаскиваю брошюру, в которой описаны десять подсказок, как найти парня для свидания. Я начинаю просматривать ее, когда через колонки слышится современная хип-хоп музыка, и хорошо одетая женщина чуть старше двадцати выходит на сцену. Она коротко описывает мероприятие, а затем говорит:

— Поэтому, без дальнейших формальностей, я представляю вам Симона Сильвера.

Джей фыркает рядом со мной.

— Это не может быть его настоящим именем. Как у пирата из детского ТВ шоу.

Я сдерживаю смех, потому что он прав.

— Ага, не всем из нас посчастливилось иметь такие суперкрутые имена, как Джей Филдс, — дразню я, а его тело слегка напрягается. Я сказала что-то не то?

Я возвращаю свое внимание на сцену и вычисляю, что Симону, возможно, где-то под сороковник, хотя трудно сказать, потому что в его волосах есть светлые пряди и он щеголяет со смачным искусственным загаром, который по-настоящему можно получить только после многих лет пребывания на солнце. Он даже носит бриллиантовую сережку в ухе.

Я не особо углублялась в изучение мероприятия, поэтому на самом деле впервые вижу этого человека живьем. Не могу сказать, что впечатлена. Фактически, у меня неприятное чувство внутри, которое говорит мне, что все может вылиться в массовое поклонение.

ГЛАВА 9

Симон Сильвер остановился посередине сцены с головным микрофоном.

— Ну, что же, давайте сразу приступим к делу, — говорит он с австралийским акцентом. — Я хочу, чтобы каждый из вас взял листок бумаги и написал пять основных черт идеального партнера.

Все женщины вокруг меня начинают копошиться в поисках своих блокнотов и ручек. После недолгого колебания я делаю то же самое. Изо всех сил стараюсь не морщиться, потому что Джей, откинувшись на сиденье, вскользь наблюдает за мной. Когда я начинаю строчить пять черт, Джей наклоняет голову, дабы посмотреть, что я пишу. Прикрываю страницу рукой так, чтобы он ничего не видел.

— Разве ты тоже не должен писать? — спрашиваю я, взглянув на него краешком глаза.

— Мне не нужно, — ухмыляется он и стучит по лбу. — У меня все находится здесь. Снова сосредотачиваюсь на своем листе. Я уже написала: *забавный, умный, оберегающий и целеустремленный*. Послав все к чертям, я заканчиваю список *мужественным*.

— Все написали пять характеристик? — спрашивает Симон со сцены, и слушатели бормочут «да».

— Отлично, — продолжает он, а потом замечает азиатку в переднем ряду. — Здравствуйте, как вас зовут?

Женщина встает и кладет руку себе на бедро, прежде чем ответить:

— Миша. — Она кажется уверенной в себе и нахальной. Если бы он меня так выделил, то я, возможно, забыла бы, как разговаривать.

— Хорошо, Миша. Вы не хотели бы прочесть всем свой список?

Миша берет свой лист бумаги и безо всяких колебаний начинает зачитывать:

— Богатый, привлекательный, сильный, сексуальный и большой член.

Симон посмеивается, его обесцвеченные зубы сверкают на фоне коричневой кожи.

— Я так понимаю, вы имеете в виду, что хотите, чтобы у *него* был большой член, а не *он* был большим членом.

Миша громко смеется.

— Да, да, именно это я имела в виду.

— Забавно, мне показалось, последнее она написала для меня, — шепчет Джей заговорщицки.

«*Мне показалось, она описывала тебя»,* — думаю я. Хотя понятия не имею, правильно ли подмечен пункт про «большой член».

Откинувшись на своем сиденье, бурчу себе под нос:

— Напомни мне, зачем я отдала восемьдесят евро за это? — наверно, я сказала это громче, чем думала, потому что взгляд Симона Сильвера упал на меня.

— Здравствуйте! Брюнетка, вон там, в третьем ряду, одетая в синее, не хотели бы стать следующей?

О, Боже, нет. Это происходит. Меня одну выделили. Голос, не подведи меня теперь.

— Не особенно, — бормочу я.

— Простите, не могли бы вы говорить громче?

Я выпрямляю спину.

— Мне бы не хотелось.

— Ну же, давайте. Мы здесь все друзья, — говорит Симон. — Сегодня мы будем много работать над построением уверенности в себе. А что может быть лучше, чем небольшое публичное выступление?

— Простите, но я не могу. — Бессознательно я потираю шею, так грубо, что, возможно, оставила красную отметину.

Только Симон собирается сделать очередную попытку уговорить меня, Джей приходит на выручку:

— Моя подруга немного стеснительная. Может, я скажу вместо нее?

И вдруг Симон начинает осознавать, что среди его аудитории есть мужчина. Шок, ужас. И он не кажется слишком довольным таким поворотом.

— Ну, разумеется, прошу вас, — говорит он и, настороженно поблескивая глазами, делает знак Джею встать.

Джей встает, не сводя с меня глаз. Я посылаю ему молчаливый знак благодарности.

— Хорошо, моя идеальная девушка будет классной, забавной, красивой, чувствительной и у нее будут просто охренительные титьки.

Неистовый смех раздается вокруг нас, и, не знаю почему, но я чувствую себя растерянной. Не уверена, что кроме как «чувствительная», хоть одна из этих черт соответствует мне.

Симон усмехается:

— Вы понимаете, что этот семинар рассчитан на то, чтобы научить женщин искать мужчин?

Джей пожимает плечами:

— Должно быть, я пропустил такое упоминание.

— Ладно, многое, чему я научу, будет полезно и для свиданий с женщинами. Так что вы можете остаться.

— Вот здорово, спасибо, — говорит Джей с большой долей сарказма, прежде чем сесть обратно на место. Симон смотрит на него твердым взглядом, но секундой позже надевает на лицо широкую улыбку.

— Хорошо, в следующей части этого упражнения от вас потребуется все эти пять черт применить к себе, и я хочу, чтобы вы больше сфокусировались на личных качествах, чем на внешности. Я хочу, чтобы вы задались вопросом, обладаете вы или нет теми качествами, что хотите видеть в своем партнере. Если нет, то имеете ли вы право требовать их от других? Кроме того, что бы вы могли сделать, чтобы взрастить в себе эти качества?

Я смотрю на свой список: забавный, умный, оберегающий, целеустремленный и мужественный.

Джей подталкивает меня плечом.

— Как ты справляешься?

— Ну, я самая мужественная дама, из всех мне известных, для начала.

— А у меня охренительно потрясные титьки, но помни, мы должны забыть про пункты, которые касаются внешности.

— Верно, — отвечаю я с полусмехом, нервно прикусывая губу.

— Так что?..

— У меня не очень-то получается самоанализ.

— Дай посмотреть.

Я передаю ему список, и он проглядывает его.

— Забавный? Есть. Умный? Есть. Оберегающий? Есть. Ты всегда приглядываешь за отцом. Целеустремленный? Снова есть. Не знаю никого, кто бы работал сорок часов в неделю, а затем приходил домой и работал еще больше над платьями.

— Джей! Не хотелось бы признавать этого, но ты только что помог мне полюбить себя.

Он хмурится.

— Почему бы тебе не любить себя?

— Не знаю. Отвращение к себе вроде как болезнь, да? То есть, меня бы не было здесь, если бы я постоянно была неунывающей. Если бы я была такой, то у меня не было бы проблем в выборе мужчин.

Джей хочет сказать что-то, когда Симон снова начинает говорить:

— Ну что, как у вас получилось?

Из толпы слышится ворчание.

— Да, я все понимаю. Мы все виновны в желании хотеть идеального человека, но никогда не смотрим изнутри и не видим, насколько сами несовершенны. Но это нормально. Суть в том, чтобы постоянно улучшаться. Никто из нас никогда не будет совершенен, так что давайте отбросим эту мысль прямо сейчас. Все, что мы можем попытаться сделать, так это стать лучшими версиями себя, насколько это возможно. Необходимо чувствовать себя комфортно в своей собственной шкуре, и, достигнув этого, мы вдруг начнем становиться более привлекательными для противоположного пола. Возьмите меня для примера. Когда я был моложе, у меня была нулевая уверенность. С таким же успехом я мог бы быть невидимкой для женщин. Я не верил в себя, а это — самый важный момент. Однажды я зашел в магазин и купил книгу по самопомощи. В ней не было ничего особенного, но она посеяла зерно во мне, чтобы стать тем, кем я являюсь сегодня.

Он продолжает, рассказывая еще несколько анекдотов, хотя это больше походит на очередную возможность ему похвалить самого себя. Я ничего полезного из этого не извлекаю. Затем нас делят на

группы для разыгрывания сценки. Один из нас парень, а другой — девушка, и мы должны притвориться, что только что встретились в баре или в похожей обстановке. Тот, кто играет роль девушки, должен взять на себя инициативу, чтобы заговорить с парнем. И да, это так же трудно, как и звучит.

Мне пришлось делать это с теткой, одетой в рубашку с узором пейсли[22] и вельветовую юбку, в то время как Джея практически атакуют женщины, желающие сыграть с ним. Сюрприз, сюрприз. Правда, в итоге он встал в пару с блондинкой, которая сидела рядом с ним.

И я все еще испытываю ненавязчивое желание проткнуть ее ручкой.

В течение следующих двух часов мне едва ли удается поговорить с Джеем, а затем наступает обеденный перерыв. Я выхожу из дамской комнаты, направляясь в ресторан отеля, когда он появляется из-за колонны. Сразу же сцепляет свою руку с моей и ведет в противоположном направлении.

— Привет, я ту-у-у-у-т подумал и решил, что мы можем пообедать в кафешке на противоположной стороне улицы. Ты была права насчет бегства.

Я разражаюсь многозначительным «я же тебе говорила» смехом.

— Что случилось?

— Меня пригласили на обед около десяти телок. Одна начала сжимать мой бицепс, а другая даже ущипнула за задницу.

— Боже. Да ты счастливчик. Ладно, полагаю, мы не обязательно должны есть здесь, если для тебя это так невыносимо.

Джей вздымает бровь.

— Это вызов, Ватсон?

— Почему мне кажется, что так и есть, Холмс? — моя улыбка не могла бы быть еще шире.

— Прекрасно. Мы пообедаем здесь, но не говори, что я тебя не предупреждал.

Когда мы заходим в ресторан, явственно чувствую обращенные на нас взгляды, словно лазерные лучи. Джей специально подбирает стол, рассчитанный только на двух персон, в самом дальнем углу комнаты. Официант спешит к нам, чтобы принять заказ, а затем так же быстро уходит.

— Как же я проголодалась. Надеюсь, еду скоро принесут, — говорю я как раз перед тем, как блондинка, которая была в паре с Джеем, появляется у стола.

— Привет, не против, если я присоединюсь к вам? — спрашивает она.

Джей покашливает.

— Прости, Джоанн, но думаю, здесь недостаточно места.

— Ой, уверена, я смогу где-нибудь притиснуться, — говорит она, подмигивая.

— Мы уже сделали заказ, и я на самом деле пришел сюда, чтобы поддержать свою подругу, Матильду. Поэтому, если ты не возражаешь…

Ее лицо киснет.

— Верно, ну, извините, что помешала.

После того как она уходит, наступает неловкое молчание, поэтому я занимаю себя тем, что разворачиваю салфетку и кладу себе на колени. Когда тишина начинает меня напрягать, я шучу:

— Знаешь что, холостяку нужно посещать такие мероприятия постоянно. Станет идеальным местом для охоты.

— Ага, — говорит Джей, похоже, не настроенный на беседу.

Я протягиваю руку через стол и кладу поверх его.

— Все в порядке?

Он поворачивает руку ладонью вверх, прежде чем переплести свои пальцы с моими и крепко их сжать. Он до сих пор не отвечает, но награждает меня многозначительным взглядом. Покалывание проходит сквозь вены. Мгновением позже приносят еду, и я быстро убираю руку.

Следующие минуты я провожу, поедая салат из лосося и в то же время ругая себя за то, что согласилась взять Джея с собой. Все это было не только фестом поклонения, но и немного фестом неловкости.

Вторая половина дня менее ролевая — приходится больше сидеть и слушать нескончаемый монотонный бубнёж Симона. Попутно ко мне приходит прозрение, что я никогда не стану лучшей

[22] Орнамент, традиционный для кашемировых тканей, известный так же как «индийский огурец».

версией себя — чего Симон хочет от нас. Лучшая версия меня потерялась где-то в прошлом, уничтоженная всем спектром переживаний.

Сначала на моих глазах убили маму.

Затем я, будучи ребенком попавшим в тупиковую ситуацию, целый год пыталась вытащить своего отца из скорби. А позднее, в подростковом возрасте, я встречалась с парнем, который неожиданно бросил меня по смс после двух лет отношений, потому что решил, что полюбил другую.

И под всем этим укоренился постоянный страх перед риском. Я прожила всю свою жизнь дома, с удобным одеялом в виде моего папы как постоянного компаньона. Самое веселое, что присутствие в моей жизни Джея в последние дни вызывает во мне желание рисковать, освободиться и делать что-нибудь безумное. И плевать на последствия.

Когда день подходит к концу, я настолько измотана, что не могу дождаться, когда доберусь домой, до своей кровати. Кажется, этому не бывать, поскольку Джей уговаривает меня пойти пропустить с ним стаканчик. Он привозит меня в паб, который называется «Джипси Роуз», в углу сидит старый рокер, бренчащий на гитаре и напевающий в микрофон.

— Так, — говорю я, когда подсаживаюсь на барный стул, — вот где ты любишь проводить время.

— Ага, — говорит Джей. — У этого места есть характер.

— О, так вот как теперь это называется.

Подходит бармен — на удивление молодой и привлекательный на вид, одетый в рокерском стиле — и они с Джеем коротко пожимают руки в знак вежливости.

— Что вам двоим будет угодно?

— Мне пиво, — отвечает Джей.

— А мне водку с апельсиновым соком, — говорю я, избегая вина, потому что оно, скорее, будет похоже на уксус.

— Так ты хорошо провела сегодня время? — спрашивает Джей, когда нам принесли напитки.

— Ну, да, было очень полезно, — отвечаю я, откровенно солгав. Честное слово, я очень стыдилась, что заплатила столько денег и вышла ни с чем, за исключением «подарка», наполненного стандартными рекомендациями.

Джей тихо посмеивается, поднимает свое пиво и делает долгий, жадный глоток, его рот искривляется в улыбке.

— Значит, в сущности, ты посчитала это полным бредом.

— Что? Я не так сказала.

Джей разворачивается на своем стуле так, что оказывается лицом ко мне.

— Следи за мной внимательно. — Он прочищает горло и повторяет точь-в-точь мои же слова, одновременно качая головой. — Вот, что ты сделала, Ватсон. Твой рот говорил «да», но твое тело твердило «нет». Рот лжет, тело рассказывает правду.

Я тяжело вздыхаю.

— Ладно, мне было по большей части скучно. Та сценка могла бы быть намного полезней, если бы встала в пару с кем-то получше, чем Мисс-рубашка-Пейсли. Даже я могла бы изобразить флирт куда достоверней нее.

— Отлично, как насчет того, чтобы попробовать сейчас? Притворись, что я парень, который тебе нравится, и ты хочешь со мной заговорить. Начинай.

Притвориться? Конечно, Джейсон. Я *притворюсь,* что ты мне нравишься.

— Думаю, сегодня я и так достаточно натерпелась для одного дня, большое спасибо, — отвечаю я.

Джей цокает:

— Трусишка.

— Я не трусиха, просто не в настроении.

— Ты трусиха. Давай же, Матильда, я жду. — Он начинает барабанить пальцами по барной стойке, чтобы подчеркнуть свои слова. Знаю, что он не отступит, пока я не сделаю этого, поэтому сижу с минуту, пытаясь обдумать подход. Я встаю, иду к углу, а затем возвращаюсь назад и залезаю снова на стул. Джей смотрит только прямо, попивая свое пиво.

Я прокашливаюсь:

— Здравствуй.

Он бросает на меня небрежный взгляд, затем говорит:

— Привет.

— Ты… часто сюда приходишь?

Его грудь начинает трястись вверх и вниз в молчаливом смехе. Я жду, что он отойдет от своей роли и скажет мне, что моя реплика была дерьмовой.

— Ага. А ты?

— На самом деле нет. Это мой первый раз.

Ухмылка.

— Первый раз, значит?

Боже, он так любит свои шутки про девственность.

— Да. Меня зовут Матильда. Как тебя?

— Ройстон. Приятно познакомиться с тобой, Матильда, — отвечает он, протягивая руку.

Я лопаюсь от смеха.

— Ройстон, ты серьезно?

— Какие-то проблемы с моим именем?

Я пытаюсь сохранять серьезное лицо.

— Нет. Никаких.

— Хорошо.

Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь, но ничего не приходит на ум. Делаю глубокий вздох.

Джей смеется.

— Что случилось?

— Ай, я сдаюсь.

Делая еще один большой глоток пива, он встает со стула.

— Ладно, хочешь, чтобы я тебе показал, как это делается?

— М-м, да? — отвечаю я с нетерпением.

— Сейчас вернусь.

Он уходит, и я поворачиваюсь обратно к бару, проводя пальцем по краю стакана. Стул рядом со мной скрипит, придвигаясь ближе. Я чувствую, как рука Джея касается моей и берет ее в свою. Он занимает все мое пространство, и мне тяжело дышать, тяжело сосредоточиться.

— Привет, — шепчет он, его взгляд впивается в меня.

— Привет, — каркаю я.

— Потрясающие глаза, — продолжает он тихим голосом.

— Ох, спасибо.

Его взгляд блуждает по моим ногам до самых стоп, и такое ощущение, что одно лишь его присутствие заполняет каждый миллиметр моего личного пространства. По идее, если бы мужчина сделал так, я бы побежала в противоположном направлении. Но в Джее есть какая-то аура: мне нравятся его прикосновения, будто он магнит, а я кусок металла. Нравится эта близость, несмотря на то, что в этой сценке мы предположительно являемся полными незнакомцами.

— Великолепные туфли.

— Спасибо. Еще раз.

Теперь он просто продолжает смотреть на меня, его взгляд мечется между моими глазами. Я теряюсь в зеленовато-карих глубинах его глаз, а рот Джея приближается настолько близко, что я чувствую его дыхание. Моя ладонь все еще в его, и становится более влажной с каждой секундой. Его язык выскальзывает, чтобы увлажнить губы, и на короткое мгновение я забываю, что мы делаем, потому что мне кажется, что он меня поцелует.

— Милая, — выдыхает он тихо, и я таю.

Невольно, я крепко сжимаю бедра вместе, вдруг почувствовав боль между ними. Я испускаю крошечный, почти неслышный вздох. Вот оно. Он на самом деле собирается это сделать.

Но он не делает. Вместо этого он отстраняется, награждая меня коварной улыбкой.

— Ну, и как у меня вышло?

Я опрокидываю остатки своего напитка, чтобы дать себе время оправиться.

— М-м-м, да, неплохо. Хотя ты не особо много говорил.

— А мне на самом деле и не надо, — отвечает он самодовольно.

— Что ж, у нас, простых смертных, нет такой роскоши.

— Иногда я говорю так: «Ты знаешь, что будешь делать позже? Нет? Забавно, потому что я знаю».

Я взрываюсь от хохота.

— Шутишь, да?! И это срабатывает?

Он кивает головой.

— Ага. Как заклинание.

— С таким же успехом ты мог бы сказать: «Я буду Бургер Кингом, а ты Макдоналдсом. Я сделаю по-своему, и это то, что ты полюбишь», — и ты, скорее всего, все равно преуспеешь.

Джей ударяет руками по барной стойке.

— Отличная фразочка. Ты сама ее придумала?

— Ты что язвишь сейчас? И, *нет*, я не настолько банальна.

Когда я смотрю на него, Джей поворачивается ко мне лицом, его подбородок покоится на кулаке, волосы слегка нависают надо лбом. Он не мог выглядеть еще съедобней, чем сейчас.

— Ты намного привлекательней, чем думаешь, Матильда. Это твой образ мышления тебя принижает.

Хорошо. Можно, пожалуйста, первую часть этой цитаты выгравировать на золоте, а потом навеки повесить над каминной полкой? Единственный ответ, который я могу придумать — мое обычное неженственное фырканье.

Он качает головой, а затем мужчина в черной кожаной куртке и байкерских ботинках входит в паб. Он кивает Джею и садится один за стол.

— Я вернусь через минуту, — говорит Джей, оставляя меня и направляясь к мужчине. Они пожимают руки, и Джей вытаскивает маленький, тонкий пакет из внутреннего кармана своего пальто. Он передает его мужчине, а тот, в свою очередь, отдает ему конверт размером А4. Они присаживаются и с минуту разговаривают, прежде чем снова пожать руки, и мужчина уходит. Джей возвращается к своему стулу возле меня.

— Что это такое было?

— Просто кое-куда сходил.

— Х-м-м-м.

— Х-м-м-м, — говорит Джей, подражая мне.

— Это имеет отношение к твоему делу?

— Что-то мы разговорились сегодня.

— Ладно, я не буду больше задавать вопросов.

Джей встает, его стул скрипит по полу.

— Ты закончила? Думаю, пора домой.

— Да, я готова.

Мы покидаем паб и едем домой в тишине, хотя она вполне уютная. Пробыв с ним целый день, я чувствую, будто теперь знаю Джея гораздо лучше. Ну, я многого не знаю о нем в плане реальных фактов, но чувствую себя менее дерганной в его компании, более расслабленной.

Следующий день на работе тянется так же долго, как и обычно. Папа несколько раз выходит из своего офиса, чтобы просмотреть список назначенных встреч. Тот до сих пор так же пуст, как и последние четыре раза, когда он проверял его.

— Скоро все пойдет в гору, — стараюсь заверить его, но он не выглядит убежденным.

Я беру длинный обеденный перерыв, чтобы посидеть в парке и поесть сэндвич. С тех пор как при помощи Джея я приобрела новую швейную машинку, мне больше не требуется копить, поэтому могу себе позволить вкусные сэндвичи из гастронома, вместо принесенного из дома обеда. Хотя, если судить по назначенным встречам, я, возможно, очень скоро вернусь к экономии.

Должен же быть какой-то способ поднять бизнес, думаю я про себя.

Возвратившись в офис, провожу некоторое время в интернете в поисках рекламы и способов, с помощью которых папа смог бы расширить дело. Я делаю закладки на парочке идей, а затем выключаю компьютер на сегодня.

По пути к автобусной остановке, замечаю странный узор на тротуаре. Похоже, его сделали каким-то меловым составом. Там большое красное сердце, внутри которого цифра шесть. Внутри шестерки один из тех QR-кодов. Он сразу напоминает мне о фотографии Джея в газете, на которой он держал шестерку червей. И он оставил ту же самую карту на моем телефоне, когда чудом заставил его исчезнуть, а затем появиться.

Вытащив вышеупомянутый телефон из сумки, я сканирую код и жду, что произойдет. Всплывает развлекательный веб-сайт, весь оформленный в сине-черных цветах. На заднем плане изображен мужчина на сцене. Он стоит спиной к аудитории, а его руки расправлены, словно крылья орла. Мне не сразу удается узнать Джея, потому что он без рубашки, а я никогда прежде не видела его раздетым. Его татуировки танцуют на коже и кажутся чуть ли не живыми. Под картинкой всего несколько строк.

26 июля, в 20:00.
Пейнт Селлар,
Тэмпл-Бар,
Дублин 2.

И это все, что там есть — только одна страница, и никакой другой информации. Теперь я спешу к автобусу, стремясь попасть домой и спросить Джея о загадочном сайте. Что произойдет в этот день и в этом месте?

Мои поры покалывает от возбуждения.

ГЛАВА 10

Дома я нахожу Джея на кухне с Джесси. Он яростно строчит что-то в старом блокноте Молескин[23], в то время как Джесси слушает музыку в супермодных наушниках, качая головой в такт. Но больше всего мое внимание привлекает стоящая у окна клетка с двумя красивыми белыми голубями.

— Боже, какая прелесть, — восклицаю я, подходя ближе, чтобы лучше рассмотреть.

Джей кладет ручку, встает и направляется ко мне.

— Тебе нравятся мои девочки, да? — шепчет он, его рука ложится мне на плечо.

— Очень. Они твои?

— Ага. Джесси держала их у себя.

— Как их зовут?

— Эту Эллен, — говорит Джей, указывая на ту, что слева. А эта Порша[24]. Если ты еще не догадалась, я позволил Джесси дать им имена. Она считает это забавным.

— Оу. Но как ты их различаешь? По мне так они одинаковые.

— У них разные характеры. Эллен — болтушка. А Порша — соня.

— Ясно, — отвечаю я, прежде чем взволнованно продолжить: — Теперь ты собираешься держать их здесь?

— Конечно, — улыбается он снисходительно, его лицо находится близко к моему.

— Я так рада! У меня не было питомца с тех пор, как умерла моя кошка.

Теперь Джей начинает потирать мое плечо — дружеский жест, вызывающий у меня более чем дружескую реакцию. Я хочу, чтобы его рука проскользнула под ткань и коснулась моей кожи. Мы наблюдаем за птицами минуту или две, а затем я вспоминаю, о чем вообще хотела спросить его, поэтому вытаскиваю телефон из сумки. Зайдя снова на сайт, я показываю ему:

— Так… что это значит?

Джей отступает и проводит рукой по щетине, улыбаясь.

— Значит, ты уже видела? Я должен был догадаться, что мой маленький Ватсон захочет решить загадку.

Мой маленький Ватсон. Да-а, думаю, мне нравится, как это звучит.

— Ну так рассказывай, не заставляй меня мучиться от нетерпения, — подначиваю я.

Джесси снимает свои наушники.

— Привет, Матильда, — говорит она, просто кивая мне. Я быстро приветствую ее в ответ, прежде чем вновь обратить свое внимание на Джея.

— Я устраиваю шоу в эту пятницу. Ты видела его рекламу. Мы с Джесси провели все утро, рисуя это по шаблону по всему городу.

Я подхожу к холодильнику и открываю его, чтобы посмотреть, что на ужин. На удивление, он забит едой. Джей, должно быть, ходил за продуктами. Как мило с его стороны.

— Классная идея, но думаешь, это эффективно? Большинство людей могут подумать, что это всего лишь уличное искусство.

— О, это сработает, — говорит Джей. — Народ любит непонятную и загадочную дрянь. Они пойдут только для того, чтобы узнать, что это такое. Зато мои фаны, как увидят символ, в ту же секунду узнают, что это я.

— Если ты устроишь его, они придут, — говорит Джесси, сидя скрестив ноги в позе лотоса. Ее голос звучит так, словно она слегка под кайфом, но думаю, это просто такая манера поведения.

— Хорошо, — смеется Джей.

— Что вообще означает этот символ? — спрашиваю я.

— Ага, так тебе и рассказали.

— Столько секретов, — подкалываю я, вытаскивая цыпленка и овощи из холодильника. — Ты как шаловливый муж, который завел интрижку на стороне.

---

[23] Молескин - известный бренд по канцелярским товарам.

[24] Эллен и Порша - известная американская лесбийская парочка.

Джей выхватывает морковь из моей руки и откусывает большой кусок, при этом пристально смотрит на меня, пока жует и проглатывает. Подмигнув, он говорит:

— Я не из тех, кто изменяет, но определенно могу пошалить.

Да, я в этом и не сомневаюсь. Отвернувшись, начинаю готовить курицу — нужно сделать столько, чтобы хватило на всех, включая папу, который должен прийти с минуты на минуту.

— Так что, — начинаю я невзначай, — я приглашена на это шоу? Или оно слишком недоступно для мне подобных?

— Конечно, нет, Ватсон! Ты будешь моим почетным гостем, — объявляет Джей, весь такой неистовый.

Я смеюсь и качаю головой, прежде чем шутя ответить:

— Слушай, Джей, я знаю, что похожа на Эмму Уотсон и все такое, но не нужно постоянно напоминать об этом.

Я накрываю крышкой сковородку, чтобы дать немного потомиться курице. Когда я разворачиваюсь, он стоит прямо передо мной, разглядывая мое лицо, казалось бы, целую вечность.

— Не-е-е, ты больше похожа на Скарлет Йоханссон, когда та брюнетка, — шепчет он тихо, наклонившись ко мне.

Я прочищаю горло:

— Конечно, если только у нее был на лице изъян.

Его рука поднимается и обхватывает мою скулу и часть шеи, где шрам рассекает кожу. У меня перехватывает дыхание от его теплого прикосновения. Боже, как же долго меня так не касались? А вообще касались ли меня так когда-нибудь? Он поднимает на меня серьезный взгляд, большим пальцем легонько поглаживая мою щеку, и шепчет:

— Ведь это делает тебя такой непривлекательной.

Не надо быть гением, чтобы понять, что он говорит с сарказмом. Вау. За последние двадцать четыре часа он во второй раз упоминает мою внешность. Стоит ли строить надежды?

Джесси резко прерывает нас, издавая похожий на рвоту звук.

— Фу, снимите себе комнату, — говорит она, прежде чем надеть обратно наушники.

Джей тянет меня за руку и ведет в сад, где светит теплое солнце.

— Специально для тебя я придумал фокус. Думаю, я уже отточил его.

— Для меня? Честно? — восторженно спрашиваю я. Он передает мне нечто похожее на маленькое бежевое куриное яйцо, вкладывая его в мою раскрытую ладонь.

— Это яйцо, — говорю, констатируя очевидное.

Джей кивает:

— Просто наблюдай. — Он проводит рукой по нему один раз, и оно начинает раскалываться, будто внутри находится маленький цыпленок. Затем он снова проводит рукой над ним, и оно полностью трескается. Я раскрываю рот от удивления, когда пять потрясающих рыже-черных бабочек с белыми пятнышками чуть ли не взрываются из скорлупы, их крылья хлопают по воздуху. Они порхают вокруг меня, и мое сердце вздымается, когда одна из них садится мне на плечо.

— Ух ты, — шепчу я, улыбаясь, как ненормальная и изо всех сил стараясь не двигаться. Другая подлетает и садится мне на руку, щекоча меня, отчего я начинаю хихикать.

Когда смотрю на Джея, его глаза сияют на солнце из-за моей реакции, а уголки рта слегка изгибаются. Я даже не буду спрашивать, как он это сделал. Я попала под его чары, и не хочу их развеивать.

— Это было восхитительно, — говорю ему, когда все бабочки в итоге улетают.

Шагнув ближе, он берет мой подбородок большим и указательным пальцами:

— Только посмотрите на эти глаза полные изумления. Мне нравится твоя реакция. Она вызывает во мне чувство, будто я могу исправить детство, которого у меня никогда не было.

Его искренние слова заставляют мое горло сжаться от сочувствия. Мне хочется обнять его, но я не могу. Это было бы… слишком.

Как раз тогда я слышу, как в переднюю дверь входит папа, и, оступаясь, спешу на кухню. Джей следует за мной. Когда я вхожу, папа уже здоровается с Джесси, которая представляется другом Джея. Я

раскладываю по тарелкам жареную курицу, и мы садимся за стол, разговаривая на непринужденные темы.

После ужина папа отправляется к себе в комнату, где собирается начать читать роман, который они обсуждают в этом месяце в книжном клубе. А нам Джей предлагает посмотреть кино в гостиной. Я иду переодеться из рабочей одежды, пока они с Джесси выбирают фильм.

Когда я возвращаюсь, они останавливают свой выбор на романтической комедии под названием «В пути», которую я купила пару лет назад, когда она только вышла. Плохо ее помню, но, кажется, что фильм был о парочке, которая ждала ребенка. Странный выбор для этих двоих, но я смиряюсь с ним в любом случае.

Джесси устраивается на кресле, поэтому я сажусь на диван рядом с Джеем, сохраняя приличную дистанцию между нами. Прижимаю подушку к груди, и Джей включает DVD. Фильм начинается с тихой ночной сцены, и я расслабляюсь на своем месте. К несчастью, только на пять секунд, пока до меня не доходит, что это постельная сцена. Сцена, где мужчина делает женщине куни, если быть точной. Мои щеки сразу же загораются, хотя это считается забавной сценой.

— Вы только посмотрите на это, — говорит Джесси, указывая на экран. — Он делает все неправильно. Ему нужно перенять пару приемчиков у меня. Я королева кунилингусов.

Джей вопросительно поднимает бровь и усмехается, его рука покоится позади меня, вдоль спинки дивана.

— Держу пари, я лучше, — говорит он тихим, вызывающим голосом.

Джесси фыркает долго и громко:

— Хочешь поспорить? Я легко выиграю.

Иисусе, пусть этот разговор закончится, пожалуйста.

— Ладно, и как мы это проверим? Нам нужен судья, — говорит Джей, смеясь, и я очень надеюсь, что он шутит.

Джесси шевелит бровями, указывая взглядом в мою сторону.

— Хочешь быть им, Матильда?

Я чуть не поперхнулась от кашля.

— Думаю, я воздержусь.

— Испугалась? — спрашивает Джей, поворачивая ко мне голову с плутовской улыбкой.

Я начинаю защищаться.

— Нет, не испугалась. Кроме того, нужно быть опытной, чтобы судить…

Боже, неужели я только что это сказала? Куда, к черту, подевался мой словесный фильтр?

— Что? — вскакивает Джесси, чуть ли не выпрыгивая со своего места. Теперь я начинаю жалеть, что согласилась смотреть кино с этими двумя. — Пожалуйста, скажи мне, что ты шутишь!

Мое лицо становится красным как помидор.

— Забудь, что я сказала, — бормочу я.

— О, Боже, да ты не шутишь, да? — талдычит она.

Я делаю ошибку, посмотрев на Джея - его глаза горят. Я играю с подолом топика и вздыхаю.

— Нет. У меня был только один парень, ну а в этом отношении он был довольно эгоистичным.

— Козел, — говорит Джей.

— Ага. Он им был. Поэтому нет, у меня нет опыта именно в этом… аспекте.

— Да это чертов беспредел, милочка. Вагина каждой девушки должна быть облизана. Это же как обряд посвящения, — говорит мне Джесси без всякого стеснения.

Я собираюсь уйти, но Джей хватает меня за запястье и тащит обратно, разворачиваясь ко мне лицом. Он стреляет взглядом в Джесси, резко предупреждая:

— Не стоит с ней так разговаривать.

— Она не ребенок, Джей.

— Она также не одна из твоих приятельниц для секса, так что постарайся не употреблять такие словечки, ладно?

Я выдергиваю свое запястье из его хватки.

— Она может разговаривать со мной, как ей заблагорассудится. Просто мне бы хотелось, чтобы мы посмотрели фильм и прекратили обсуждать мою сексуальную жизнь или ее отсутствие.

Он поднимает свои руки в воздух:

— Ладно, тогда давайте смотреть.

Пара минут проходит в неловкости, прежде чем мы все втягиваемся в сюжет. В конце оказывается, что он очень даже интересный, не считая той конфузной сцены. Джесси уходит сразу же после фильма, а я иду к себе. Слышу Джея в его комнате, пока готовлю на завтра рабочую одежду. Кажется, будто он расхаживает по ней. Спустя минуту слышу стук в дверь.

— Входи, — зову его, и Джей появляется, шагая вовнутрь, но оставляя дверь позади себя открытой. Ах, да, а я не забыла упомянуть, что он без рубашки? Раздетый! Мои глаза блуждают по его татуировкам, и я восхищаюсь той, что очень четко прорисована и находится у него на сердце. Она похожа на кубистическую[25] картину: сундук, наполненный треугольниками различных цветов. С другой стороны груди карта шестерки червей, сделанная ярко красным и белым цветами. Кто-то определенно в теме. Над картой написано: *«Покажи все самое худшее в себе, ибо я сделаю так же»* **.** Разве это не из Графа Монте-Кристо?

— Прости за случившееся. Мы не должны были тебя так смущать.

— Да ничего.

Он застывает в нерешительности, а затем поворачивается, будто собирается уйти. Вместо этого он захлопывает дверь и становится прямо передо мной, забирает рубашку, которую я складываю, из моих рук и бросает на кровать. После чего сплетает свои пальцы с моими. Я с замиранием наблюдаю, как он подносит и кладет наши руки себе на грудь, склонив голову на бок:

— Я ведь не заставляю тебя чувствовать себя неуютно?

— Э-э, нет, — вру я, и на сей раз он не указывает мне на это.

Он испускает долгий вздох:

— Я не могу перестать думать о том, что ты сказала.

— Что я сказала?

— О том, что парень никогда не ласкал тебя таким образом.

От его слов мои глаза лезут на лоб, но я пытаюсь перевести все в шутку:

— Достойно жалости, не правда ли?

— Ты должна позволить мне это сделать. Показать тебе из-за чего весь этот сыр-бор. — Его улыбка дьявольская.

Я вытаскиваю свою руку из его и иду в противоположный конец комнаты. Мне не хватает духу посмотреть на него, поэтому отворачиваюсь к окну, не зная, то ли ликовать, то ли обидеться.

— Ты ведешь себя неподобающе.

— Родная.

Только не называй меня так, Джейсон. Я таю, когда ты зовешь меня так. Опустив взгляд, я вижу, что мои руки трясутся. Иисусе, что со мной не так? Он самый привлекательный мужчина, которого я когда-либо знала. Я должна хотеть этого. И я хочу. Только проблема в том, что я до смерти напугана.

Я чувствую, как он пересекает комнату, останавливаясь прямо позади. Жар от его тела практически обжигает меня, а мы даже не дотрагиваемся друг до друга. Я начинаю говорить тихим голосом:

— Ты не находишь, что это может быть странно? Ты ведь не мой парень, Джей.

— Мне не нужно быть твоим парнем, чтобы сделать это, Матильда. — Мое имя срывается с его губ словно ласка. О, Боже.

— Я тебе нравлюсь? — спрашиваю я, мне ненавистно, что слова звучат так неуверенно.

— Конечно, ты мне нравишься. Я получаю большое удовольствие от твоей компании.

— Я говорю не про дружеские отношения, — разочаровано настаиваю я. Кто-то, любящий меня как друга - не то эпическое чувство, что я ждала всю свою жизнь.

Его рука приближается к моей, и Джей прижимается головой к моему плечу, опаляя дыханием затылок.

---

[25] Кубизм - В изобразительном искусстве XX в.: модернистское направление в живописи, выдвигавшее на первый план формальную задачу конструирования объёмной формы на плоскости с помощью комбинации геометрических фигур (куба, конуса, круга и т. п.)

— Ты себе даже не представляешь, — шепчет он.

Проходят минуты, а затем его тепло исчезает. Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как он закрывает за собой дверь.

ГЛАВА 11

Остальная часть недели проходит достаточно быстро. Джея я вижу только за завтраком или ужином. Остальное время он проводит за подготовкой к шоу на месте его проведения в Тэмпл баре.

Разговоров на сексуальные темы больше не поднималось, что одновременно для меня и облегчение и разочарование.

Тем не менее, все это к лучшему. Джей, скорее всего, был просто возбужден, а я была единственной женщиной поблизости. На следующее утро меня бы сразу отправили назад в френдзону, и Джей бы продолжал жить, как ни в чем не бывало, в то время как я бы мучилась от любовной тоски. Считай, пожертвовала ночью удовольствия, чтобы спасти свои чувства в дальнейшей перспективе.

В четверг я встречаюсь с Мишель за обедом и предлагаю ей пойти со мной на шоу Джея. Она восторженно отвечает «да».

Когда этой же ночью я прихожу домой, впервые за долгое время захожу на свой сайт знакомств. Кажется, с тех пор как Джей заселился к нам, я не проверяю свои сообщения, словно одержимая, как делала раньше. Вот забавно.

У меня пять личных сообщений от разных парней. Только один из них кажется достойным. Его зовут Оуэн, у него черные как смоль волосы и голубые глаза. Красивое сочетание. И все равно я начинаю сравнивать его с золотисто-каштановыми волосами и ореховыми глазами, которые в последнее время появляются в моих снах. Оуэн работает шеф-поваром в городском ресторане, который я очень даже люблю, что дает ему дополнительное преимущество. Он на два года старше меня и живет в центре города. Набравшись храбрости, а еще чтобы отвлечься от своей влюбленности в Джея, отвечаю на сообщение Оуэна.

«Привет, Оуэн.

Спасибо, что написал. По правде сказать, я ЛЮБЛЮ твой ресторан! По чистому совпадению я постоянно там обедаю. Как бы то ни было, отвечаю на твой вопрос: да, мне бы хотелось встретиться. Дай мне знать в какое время тебе удобно.

Матильда».

Вот. Коротко и мило. То, что доктор прописал. Мое сердце колотится, когда я нажимаю кнопку «отправить». Раньше я ни с кем не встречалась, познакомившись в интернете. Много об этом думала, постоянно убеждая себя, что на следующей неделе я решусь. В итоге так долго откладывала, выстраивая вокруг себя неуязвимый психологический барьер, что это превратилось в огромную проблему.

Теперь я решаюсь встретиться лицом к лицу со своими страхами; иначе закончу тем, что буду днями напролёт восхищаться Джеем издалека, а это чересчур плачевно даже для меня.

Следующим вечером я претенциозно одеваюсь для шоу Джея в темно-фиолетовое обтягивающее платье и туфли на каблуках. Закалываю свои накрученные волосы с одного боку. Оуэн до сих пор не ответил мне на сообщение, и, признаюсь, это немного меня раздражает. Я внушаю себе, что он, скорее всего, занят, ведь работа шеф-поваром заведомо напряженная.

Ну и ладно, может, я встречу сегодня кого-нибудь интересного.

Изучаю свое отражение в зеркале в полный рост и только собираюсь надеть серьги-гвоздики, как в дверном проеме появляется Джей. Он с минуту наблюдает за мной, а я смотрю на него через зеркало.

— Не надевай сережки, — говорит он.

— Почему нет?

В его глазах пляшут чертики.

— Просто не надевай.

— Странная просьба, но так уж и быть. Хорошо выглядишь, между прочим.

На нем черная рубашка и такого же цвета брюки. Это делает его таинственным, загадочным и, если быть откровенной, немного похожим на сексуальную версию дьявола.

— Ты выглядишь лучше, — отвечает он, и у меня перехватывает дыхание от такого комплимента.

— Мне нужно уйти пораньше, чтобы отвезти туда кое-что. Вы с Мишель сначала идете немного выпить, верно?

— Ага. В тот же бар, что и на прошлой неделе. Он не слишком далеко от места проведения твоего шоу, так мы сможем пройтись туда пешком.

Джей присвистывает:

— В таких-то туфлях? Не думаю.

Я смеюсь.

— Знаешь, это могло бы быть песней. Однажды мы с Мишель пошли посмотреть шоу трансвеститов на Капель стрит, и парень пел это.

Джей смотрит на меня снисходительно, а потом роется в своем кармане.

— Возьмите такси. Вот на дорогу.

Он кладет деньги на туалетный столик, но я не собираюсь брать их. Его глаза блуждают по моему телу, прежде чем Джей говорит, что увидится со мной позже, и исчезает из дверного проема так же быстро, как появился.

Пить с Мишель так же весело, как и всегда. Она рассказывает мне все о своих эскападах с мужчиной на прошлой неделе и как он привязал ее к столбику своей кровати. Хотя было это не так сексуально, как звучало, потому что узлы постоянно развязывались. В итоге у парня случился приступ ярости, потому что его попытки связать ее оказались неудачными.

Я смеюсь в свое белое вино, и, выпив еще по бокалу, мы отправляемся на шоу Джея. Он был прав насчет одного: не стоило идти там на каблуках. Подбирая себе обувь, я не приняла в расчет булыжники, которыми вымощен переулок, ведущий к месту мероприятия. Думаю, к завтрашнему дню мне придется бороться с несколькими волдырями.

К моему удивлению, снаружи растянулась длинная очередь прямо до следующей улицы. Определенно отличный результат для того, что он начал рекламировать лишь пять дней назад. Джей сказал мне, что внес наши с Мишель имена в список гостей, чтобы мы не ждали у входа. Мишель получает огромное удовольствие, проходя мимо всей этой выстроенной в шеренгу толпы прямо ко входу.

Вышибала проверяет, есть ли наши имена в списке, а затем пропускает.

Симпатичная девушка с короткими фиолетовыми волосами подходит к нам сразу после того, как мы оставляем свои пальто в гардеробной.

— Привет, ты Матильда?

— Это я.

— Отлично. Пойдемте со мной. Мистер Филдс хочет, чтобы вы сидели в первом ряду.

— Ох, — говорю я насторожено. — Для чего?

Она пожимает плечами.

— Не знаю. Я просто следую указаниям.

Место сбора находится под землей, голые стены из кирпича окрашены разноцветными распылителями. Одна сторона комнаты темная, на ней изображен огонь и демоны, а другая сторона яркая и полна небесных ангелов. Еще тут все заставлено сиденьями, ряды за рядами бархатных кресел старого образца. Это самое крутое место из всех, где я побывала. Даже кое-кто из присутствующих здесь выглядят слишком круто, чтобы быть настоящими: все в татуировках, пирсинге и необычной одежде. Есть и люди, которые выглядят обычно, поэтому я не чувствую себя здесь не к месту. Девушка с фиолетовыми волосами говорит, что принесет нам любые напитки из бара по нашему желанию, и да, мы обе еще раз выбираем вино.

— Вау. Сегодня с нами обходятся прямо как с ВИП гостями, — восхищается Мишель и проводит рукой по бархатным подлокотникам своего кресла.

— Это точно. Кажется, выгодно иметь жильца-иллюзиониста в доме. Кто бы мог подумать?

У Мишель появляется коварный блеск в глазах, и она спрашивает:

— Получаешь ли ты какую-нибудь другую выгоду?

— А можно поконкретней, — говорю я. Девушка с фиолетовыми волосами возвращается с нашими напитками, после чего быстро уходит к бару.

— А конкретней в плане отношений между мужчиной и женщиной, — поясняет она.

— Нет, конечно! — гневно бормочу я, излишне защищаясь.

— Но ты ведь хочешь этого. Я знаю тебя, Матильда, и знаю, что тебе он нравится. Все написано на твоем лице, так почему бы не взять быка за рога? Знаешь ли, только поэтому я устранилась на прошлой неделе.

Правда? Поэтому она отступила? Она гораздо лучший друг, чем я считала. Вздыхая, я опираюсь подбородком на свой кулак.

— Все не так просто. А что, если бы я пришла к нему, а он бы отреагировал так: давай не будем, пожалуйста. Тогда бы я чувствовала себя униженной, и впоследствии мне бы пришлось страдать, проживая с ним. Слишком рискованно.

— Жизнь штука рискованная. Да и к тому же я сильно сомневаюсь, что он сказал бы так. Больше поверю, если он отреагирует: да, пожалуйста, продолжай.

Я смеюсь над ней, и Мишель улыбается. У нее всегда получается поднять мне настроение, даже если сама поднимает эту тему. По крайней мере, она исправляет нанесенный собой ущерб. Мы пьем еще немного вина, а затем помещение начинает заполняться. Точнее, не остается ни одного свободного кресла. Даже возле бара стоит кучка людей, которым не хватило места. Я вздрагиваю, когда кто-то хлопает меня по плечу, и поворачиваюсь к Джесси, присевшей позади меня.

— Просто решила подойти поздороваться, — говорит она мне с улыбкой.

— Привет, Джесси, это моя подруга - Мишель.

Джесси смотрит на Мишель одобрительным взглядом и кивает.

— Привет.

— Здравствуй, — отвечает Мишель, расплываясь в улыбке.

Джесси вся одета в черное, так же, как и Джей, и теперь я думаю, что она может быть частью шоу. До того как у меня появляется возможность спросить, она говорит, что ей нужно идти, и спешит за кулисы.

Неожиданно в зале гаснет весь свет, и мы все погружаемся в темноту. Какого черта? Тут так темно, что я даже не вижу собственной руки перед собой. Мое сердце начинает бешено биться, воздух наполняется электричеством. Иронично ведь? Волнение сжимает мои легкие. Почему-то мне кажется, тут дело не в электричестве.

Разрывая динамики начинает звучать трэк, и я сразу узнаю песню Эминема «Till I Collapse». А что? У меня был период увлечения рэпом. Но свет так вновь и не включается. Через несколько секунд после начала песни, прожектор бросает лучи на сцену, освещая Джея от самых ног, будто он появляется из тонкого воздуха. Мои поры покалывают от тяжелого бита. Черная рубашка исчезла, ее заменила простая черная майка. Его выставленные на всеобщее обозрение мускулистые руки в татуировках вытянуты перед ним. Он демонстрирует блестящие металлические наручники, сковывающие его кисти.

Мои губы слегка изгибаются в улыбке. Это тонкий намек в сторону статьи Уны Харрис?

Зрители взрываются оглушительными аплодисментами, наводящими на мысль, что они явно его большие фаны, потому что он еще ничего не делал. Джей лучезарно всем улыбается и подходит к краю сцены, замечает меня и подмигивает. Вау, у меня озноб по коже. От того факта, что прожектор — единственный свет в помещении, предвкушение становится всепоглощающим.

Он жестом просит дать ему минутку, затем лезет в карман, вытаскивая крошечный ключ, и машет им перед аудиторией, чтобы все видели. Ключ от наручников. Он поднимает его в воздух, открывает рот и закидывает туда ключ. Его кадык подскакивает, когда он проглатывает его. Шагая из одной стороны сцены в другую, он снова показывает зрителям, насколько прочные наручники. Теперь он изо всех сил пытается разъединить руки, но наручники не поддаются. Он крутит и вращает руками, но до сих пор ничего. Что он задумал?

Я жду, что он в какой-то момент развернется, а потом повернется обратно со снятыми наручниками, но этого не происходит. Взамен он продолжает их дергать, и что-то начинает происходить. Цепочка, соединяющая наручники, начинает крошиться в песок, осыпаясь на пол сцены длинной струей. Секундой позже Джей разламывает наручники пополам. Толпа ревет и взрывается аплодисментами.

Следом Джей вытаскивает нож из-за пояса своих брюк. Он подносит его к груди и прорезает ткань, оставляя большую дыру, чтобы продемонстрировать его остроту. Быстро, как вспышка, он подбрасывает нож, тот взмывает в воздух, а потом поворачивается и летит вниз, врезаясь прямо в его ступню. Слышно, как все вздыхают. Джей делает недоуменное лицо и поднимает ногу, склоняясь, чтобы посмотреть, как нож прошел сквозь туфлю. Через подошву торчит острый кончик ножа. Он склоняется и вытаскивает чистый нож, и не я одна морщусь. Сидя в первом ряду, я нахожусь так близко к нему, что

все выглядит очень реальным. Но этого не может быть, потому что на ноже нет крови, и когда он снова поднимает ногу, подошва его туфли совершенно неповрежденная.

Больше аплодисментов.

Дальше он вытаскивает из кармана черный пистолет и подносит к голове. Я корчусь, кровь стучит в ушах. Травма из прошлого запрограммировала меня на страх при виде такого, и даже зная, что происходящее нереально, все равно покрываюсь мурашками. Я сижу на краю сиденья, а он нажимает на курок, звучит пронзительно громкий выстрел, конфетти взрывается с другой стороны его черепа. Мое сердце замирает, и я прикрываю глаза. Всегда плохо воспринимала оружие, даже ненастоящее.

Овации оглушают меня почти так же, как выстрел фальшивого пистолета.

Теперь он берет его и накрывает обеими руками. Когда он раскрывает их, пистолет исчезает, и вылетает птица. Голубь. Одна из его домашних голубок! Почему-то, наблюдая, как символ войны превращается в символ мира, я становлюсь спокойней. В это мгновение что-то происходит с моим мозгом, и я освобождаюсь от травмы. Голубка летает вокруг него и садится ему на плечо. Джей придерживает ее в своих руках так же, как он делал с оружием. Скрещивает руки над ней, и она превращается в двух голубок. Офигенно. Вау.

Теперь они обе сидят у него на руках. Он поднимает их, и они взлетают над зрителями к задней части помещения. Он быстро трет руки, отчего его кожа начинает дымиться, и затем извергается огромное вздымающееся пламя, словно прямо из его ладоней. Толпа неистовствует, а пламя поднимается все выше и выше. По правде говоря, со своего места я чувствую жар от него, поэтому знаю, что оно должно быть настоящим. В это время на голой стене позади него проецируются два красных дьявольских рога, и выглядит это так, будто они растут из его собственной головы.

Огонь и сера.

Ага. Я была совершенно права, когда описывала его как сексуальную версию дьявола.

Затем он тянется к черной нитке у него на шее и вытаскивает одну из этих страшных масок Джейсона[26] и прикрывает свое лицо. Группа людей, сидящих позади, громко приветствует его. А, понятно. Его полное имя Джейсон.

Он долго стоит так, абсолютно неподвижно, его руки вытянуты. Затем чудесным образом начинает подниматься в воздух на несколько сантиметров. Он делает руками быстрый жест, и занавеси вокруг сцены внезапно начинают двигаться, развеваясь как от мощного порыва ветра. Он указывает на стул, стоящий в стороне, и тот взлетает, разбиваясь на другом конце сцены. Женщина, сидящая позади меня, удивленно взвизгивает.

А я сказала, что он все еще парит в воздухе? Летает во время телекинеза. Это явно какой-то магический трюк. Дым сухого льда начинает сочиться из пола, пыльный запах заполняет мои ноздри.

Он висит там какое-то время, прежде чем опуститься обратно на сцену. Когда овации затихают, Джей убирает маску обратно за голову, но под ней оказывается лицо совсем не Джея. Это Джесси. Она почти такого же роста, с похожими татуировками, но совсем не подобного телосложения. И она определенно не Джей.

Куда, к черту, он подевался?

---

[26] Джейсон Вурхиз (англ. Jason Voorhees) — вымышленный персонаж, главный злодей фильмов серии «Пятница, 13-е», маньяк-убийца, известный своими кровавыми способами расправ над жертвами. «Фирменное» орудие убийства — мачете.

ГЛАВА 12

Свет прожектора перемещается со сцены от Джесси к центру зрительного зала, а затем к последним рядам. Каждый следует за ним взглядом, пока он не останавливается на Джее, небрежно стоящем позади публики, с Эллен и Поршей, своими белыми голубками.

Он машет зрителям, и свет гаснет, снова погружая нас в темноту. Секундой позже он возвращается, только на этот раз освещая дальний правый угол сцены, где теперь стоит Джей, без голубей. Да ладно, как он попал туда так быстро? Это реально невозможно.

Мой разум поражен.

И вот песня закончилась, толпа аплодирует еще громче. Когда все утихают, Джей смотрит на свои запястья, где до сих пор висят сломанные наручники.

— Знаете, что? — говорит он, глядя на зрителей. — Они начинают немного натирать. У кого-нибудь есть ключ?

— Ты проглотил его, — крикнул кто-то с галерки.

Джей чешет голову и выглядит озадаченным.

— О, да, я так сделал? Вот, черт, это была плохая идея. Эй, а вы уверены, что ни у кого из вас его нет? — Его глаза останавливаются на мне, и я слегка вздрагиваю. До этого момента я чувствовала себя невидимой среди толпы, но один лишь взгляд Джея заставляет чувствовать себя освещенной.

— Хей, вы, в фиолетовом, — зовет он меня с многозначительной улыбкой. — У вас есть ключ?

Я отрицательно машу головой, уже планируя позже задать ему трепку за то, что выделил меня, как слышу какой-то звон. Тянусь к лицу, внезапно осознавая, что мою мочку оттягивает тяжелый предмет.

Рукой ощупываю его. Зашибись. Это не может быть ключом от наручников. Он проглотил его, или, по крайней мере, так все выглядело. Он никак не мог оказаться на моем ухе. Это просто не он.

Свет прожектора падает на меня вместе с каждой присутствующей здесь парой глаз, и я чувствую ключ, свисающий с мочки моего проколотого уха. Джей спускается со сцены и подходит ко мне. Я поднимаю ключ, чтобы всем было видно, и раздаются аплодисменты. Джей встает передо мной, протянув запястья в наручниках, наклоняется и спрашивает:

— Вы ведь окажете мне честь?

Его дыхание щекочет мою кожу, и я, тяжело сглотнув, расстегиваю наручник на левом запястье. Он падает, и я приступаю ко второму. Джей подходит ближе и, подарив мне быстрый легкий поцелуй в щеку, шепчет:

— Спасибо, Ватсон. — Его озорная улыбка не сходит с лица.

— Ты сказал мне не надевать сережки. Все было спланировано, — шепчу я в ответ.

— Что, правда? — спрашивает он, прежде чем повернуться и запрыгнуть обратно на сцену.

Бросаю взгляд на Мишель: она восхищенно улыбается.

— Ладно, — говорит Джей, проходя на середину сцены. — Полагаю, вы все недавно читали кое-что обо мне в газете.

— На хрен этот *Дейли Пост*! — кричит какой-то подвыпивший мужчина из бара.

Джей усмехается:

— Ага, на хрен их.

— Пойду на твой хрен в любое время, Джей! — выкрикивает женщина с энтузиазмом в голосе. Так и бывает, когда начинается галдеж, пусть даже в позитивном ключе — только один человек выскажется, как все остальные подхватывают.

Джей смотрит туда, где сидит женщина со своими друзьями. Он ничего не говорит, просто улыбается и игриво подмигивает. Про себя думаю, что *ведь это мое игривое подмигивание*. Ревность поднимает свою уродливою голову, но я засовываю ее подальше. Представляю, что вся женская половина хочет сделать такое же предложение Джею. Ревновать бессмысленно.

Джей продолжает, прочищая горло:

— Но, со всей серьезностью хочу поблагодарить каждого из вас, что не ведётесь на ложь, что поверили в меня и пришли сюда сегодня.

Раздаются подбадривающие крики и аплодисменты. Джей ждет, когда все затихнут, прежде чем продолжить:

— Так, наверное, мне следует переходить к следующей части шоу. Как бы сказал Мистер Джерри Бурк, который любезно пишет мне поистине восхитительные высокопарные письма на десять страниц каждую неделю: «Я собираюсь использовать свою божественную силу чтения мыслей, чтобы немного заморочить вам головы».

Раздается смех, и я задумываюсь, реальный ли человек Джерри Бурк. Если так, то, получается, Джей привлекает изрядное количество сумасшедших.

— Итак, мне нужны три добровольца, и моя милая ассистентка Джесси выберет их для меня. — Джесси выходит из-за кулис и направляется к зрителям. Она проходит между рядами и выбирает двух женщин и мужчину и ведет их на сцену. Джей приветствует каждого, прежде чем выдать им белые карточки, конверты и маркеры. Он говорит одной из женщин написать название ее любимой группы, другой написать название любимой книги, а мужчине название его любимой картины.

— Как только вы их напишите, хочу, чтобы вы положили карточки в конверты и запечатали их, — говорит Джей, направляясь к углу сцены и возвращаясь с маленьким металлическим сейфом. В нем имеется узкое отверстие сверху, и каждый из добровольцев закидывает туда свои конверты. Джей относит сейф прямо к краю сцены и ставит его туда.

— Я оставляю его здесь, чтобы все могли видеть. Во время шоу никто не сможет дотронуться до него, поэтому я никак не смогу узнать, что там написано. Тем не менее, обещаю, что к концу вечера я разгадаю, что внутри этих конвертов. Договорились? — говорит он, предлагая свою руку и пожимая ее со всеми тремя.

Они возвращаются на свои места, а Джей продолжает выполнять еще больше трюков. В первом на сцену выводят мужчину и гипнотизируют его, убеждая, что он обрел суперсилу невидимости и может делать все, что пожелает и без последствий. Он направляется прямо к бару, угощаясь бесплатными напитками и деньгами из кассы.

После — Джей вывел его из гипноза и поблагодарил, мужчина возвращается на свое место. Должно быть, он помнит, что делал, потому что выглядит немного смущенным. Джей идет по одной стороне сцены и зовет одну из женщин-добровольцев, у которых ранее собрали конверты. Ее зовут Рона.

— Привет, Рона, — говорит Джей. — Я чувствую себя сейчас щедрым, и мне хочется сделать тебе маленький подарок. Ты не могла бы заглянуть в свою сумочку ради меня? Посмотри, есть ли там что-нибудь, чего не было прежде.

Рона выглядит взволнованной и нервозной одновременно, пока роется в своей красной кожаной сумочке. Мгновением позже она вытаскивает маленький коричневый конверт.

— Мне надо открыть его? — робко спрашивает она.

— Пожалуйста, — говорит Джей и усаживается на краю сцены, облокотившись небрежно подбородком на руку. — Покажи нам, что внутри.

Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть, когда она поднимает что-то похожее на пару билетов.

— Билеты на концерт Kings of Leon, — объявляет она.

— Это та же группа, что ты написала на карточке и положила в этот сейф? — спрашивает он, указывая на тот самый сейф.

— Да, — отвечает она радостно. — Здорово! Вау, спасибо!

Джей встает.

— Пожалуйста. Ладно, с одной закончили, осталось двое. А знаете что, здесь охренеть, как жарко. Думаю, я сниму это. — Он принимается снимать свой жилет, и помещение практически взрывается свистками и улюлюканьем. Некоторые из них исходят от Мишель, которая сидит рядом со мной. Я просверливаю ее взглядом, а она произносит губами: «*что?*» и не в состоянии сдержать улыбку.

Боже. Никто не выглядит без рубашки лучше Джея. Он повернулся спиной к аудитории, и сначала мне кажется, что у него там еще одно тату, но это не так, на его коже, нарисована точная копия «*Крика*» Эдварда Мунка. Аплодисменты смешиваются с улюлюканьем.

— Что такое? — спрашивает Джей игриво. — У меня что-то на спине?

Мужчина, который был добровольцем, встает.

— На тебе нарисована моя любимая картина, та, что я написал на карточке. — Его челюсть отвисла. Похоже, он не может в это поверить.

— Теперь и со вторым разобрались, — говорит Джей и смотрит на последнего добровольца, которая сидит во втором ряду - женщину по имени Бекки. — Ты следующая, Бекки. Так что жди новостей.

Она хихикает, и Джей запрыгивает на другую сторону сцены, подготавливая свой следующий ход.

Знаю, это банальный вопрос, но как, черт возьми, он это вытворяет? Ему пришлось бы заранее перед шоу рисовать эту картину, что означает, он должен был знать ответ еще до того, как были заданы вопросы добровольцам. Или он как-то внушил мысль в голову мужчине, чтоб тот написал именно эту картину, или у него на самом деле есть та самая божественная суперсила чтения мыслей, как заявил чокнутый фан - Джерри Бурк.

Оказывается, отгадать любимую книгу последнего добровольца было большим финалом. Джей ненадолго ушел со сцены, а теперь возвращается, почесывая голову. Я уже усвоила, что таким образом он делает вид, будто озадачен, когда на самом деле все идет так, как запланировано. Полагаю, другие люди этого не знают, потому что не проводили с ним так много времени, изучая его, как я, и уверена, он бы смутился, если б узнал об этом.

— Блин, Бекки, — говорит Джей. — Я ведь до сих пор тебя не разгадал?

Бекки качает головой. Она выглядит немного разочарованной. Возможно, надеялась, что получит подарок, как Рона со своими билетами на концерт. Джей вытаскивает маленькую книжку из заднего кармана и поднимает вверх.

— Это ведь не «*Над пропастью во ржи*»?

Бекки хмурит брови.

— Э, нет, это не то, что я написала.

Джей отбрасывает книгу в сторону и кусает губу.

— *Властелин колец*?

В помещении тихо, Бекки снова качает головой, поднимает бокал и делает глоток своего напитка.

— Эй, Бекки, в твоем бокале что-то есть. Видишь? — указывает он.

Бекки косится на свой бокал, прежде чем выловить кубик льда. Она сидит позади меня, и, похоже, что внутри льда что-то заморожено.

— О, Боже, — выдыхает Бекки.

— Не могла бы ты разломить его для меня, Бекс? — уверенно говорит Джей.

Джерри Бурк был прав в одном — Джей подобен богу, такому как Локи — богу лжи и обмана. Бекки раскалывает лед, обнаруживая внутри сложенный кусочек бумаги.

Она разворачивает его и открывает от изумления рот:

— Это первая страница из «*Задверья*». Моя любимая книга!

Аплодисменты заполняют помещение, и Джей спускается со сцены, направляясь к Бекки, чтобы поблагодарить за участие. Он берет ее руку в свою и подносит к губам для поцелуя, отчего она краснеет. Он такой очаровашка. Где-то на задворках моего разума я начинала думать, что интересна ему, но теперь вижу, что он такой со всеми женщинами.

Кокетливый.

Он возвращается на сцену, уходит, затем возвращается и делает поклон. Хлопанье продолжается, и когда он распрямляется, широко улыбаясь, начинает мерцать и исчезает. Какого черта? Это была проекция? Значит, настоящий Джей выйдет из-за кулис и сделает такой же поклон, как и его проекция. Одобрительные возгласы оглушают меня, когда я поднимаюсь со всеми, чтобы аплодировать стоя.

Это ведь самое лучшее шоу, что я когда-либо видела. Свет в помещении включается, народ начинает собираться и постепенно покидать здание или идти за последним напитком из бара.

— Это было обалденно потрясающе, — говорит Мишель. — Мозг разрывается от попыток разгадать все эти трюки, но думаю, все понапрасну. Этот парень гений.

Я потираю руки, пытаясь избавиться от мурашек — они вовсе не от холода. Когда Джей на сцене, он излучает обаяние и сексапильность. У тебя остается чувство опустошенности после окончания шоу.

— Да, он определенно мыслит иначе, чем все остальные, — говорю я, и появляется запыхавшаяся Джесси.

— Привет. Вам понравилось шоу? — спрашивает она.

— Конечно! Никогда не видела ничего подобного, — восклицаю я, когда она берет меня и Мишель под руку.

— Идемте со мной, дамы. У нас небольшое афтепати за кулисами, и вы обе приглашены.

ГЛАВА 13

Джесси провожает нас сквозь двери в служебную комнату позади бара, мы идем по маленькому коридору в ВИП-помещение с красными стенами, черными бархатными креслами и стеклянными столами. Джей стоит на другом конце комнаты, раздавая автографы кучке подростков-готов. Кроме них здесь только двое мужчин и женщина постарше, которые сидят за столом, попивая и оживленно болтая. Они одеты в черное, как Джесси, поэтому предполагаю, что они часть сценической команды Джея.

— Ну все, давайте, рассказывайте, как вы двое поменялись, когда Джей надел ту страшную маску, — подгоняет Мишель, пытаясь заставить Джесси раскрыть парочку секретов.

— Сказать по правде? — усмехается Джесси. — Этот мудак на самом деле заставил меня подписать договор о конфиденциальности, поэтому я не смогла бы рассказать тебе, даже если бы хотела, красотка.

Мишель дуется, а Джесси предлагает ей выпивку. Моя подруга соглашается с явно излишним, на мой вкус, кокетством. Мишель прекрасная подруга, но она кокетничает со всеми, кто делает ей комплименты, будь то мужчина или женщина. Просто надеюсь, что Джесси достаточно мудра, чтобы разглядеть это.

Я ловлю взгляд Джея, как раз когда он расписывается в последний раз, и приходит вышибала, чтобы вывести подростков из комнаты. Он направляется ко мне, все еще без рубашки и потный после шоу.

— Мне не следует с тобой разговаривать, — говорю я, тыча пальцем ему в грудь. Клянусь, это не лишний повод дотронуться до его голой, мокрой кожи.

Он усмехается, награждая меня снисходительным взглядом.

— Почему?

— Потому что ты сделал меня частью своего представления, не предупредив об этом! Ты знаешь, что я не люблю внимания.

Теперь у него бесстыдно довольное выражение лица.

— Тебе ведь понравилось.

— Вовсе нет, — твердо говорю я, складывая руки.

Джей подходит ближе, нависая надо мной, и пахнет он обалденно. Как же мне ненавистно, что он пахнет обалденно. Его голос становится тише, когда он берет меня за подбородок и поднимает его, заставляя посмотреть ему в глаза.

— Тебе охренеть как понравилось это.

Я быстро отстраняюсь.

— Все равно. Пойду, возьму себе выпить.

— Угощайся, — говорит он, следуя за мной, когда я обнаруживаю бутылку вина на столе, заставленном напитками, и начинаю наливать. Сажусь за стол со всеми остальными, и Джей подсаживается рядом с виски в руке. Он до сих пор не ушел, чтобы помыться или надеть рубашку. Он пытается убить меня?

Джесси знакомит нас с Мишель со всеми: Джер, парень, ответственный за звук и свет; Рикки, координатор работы сцены; и Шарон, отвечающая за реквизит и наряды. Чувствую, как Джей придвигается немного ближе ко мне, пока я поглощена разговором.

Какое-то время я разговариваю с Шарон, интересуясь, как она попала в костюмный бизнес. Я ей слегка завидую, честно сказать. У нее работа моей мечты. Хотя у Джея не слишком-то разнообразные костюмы, поэтому, возможно, это стало бы работой моей мечты, если бы он решил носить что-нибудь более яркое. Допустим, стилист Джона Барроумэна решил бы уйти, то я бы отдала свою левую почку, чтобы заполучить эту работу.

— Ты все еще злишься на меня, Ватсон? — спрашивает он через некоторое время.

Я закатываю глаза и улыбаюсь ему, лепеча:

— Нет. Думаю, в моем сердце найдется прощение для тебя.

— Ты пьяна?

Показывая расстояние между большим и указательным пальцами, отвечаю:

— Совсем чуток.

Он усмехается:

— Тогда мне лучше за тобой присматривать, а?

Я не отвечаю. Не могу. Между нами повисает тишина, пока я не нарушаю ее:

— Я просто не понимаю, как ты вытворяешь все эти штуки. Например, как ты заставил огонь подняться из твоих рук?

Джей наклоняет ко мне голову:

— Хотелось бы услышать твою теорию.

Я потираю подбородок.

— Мое предположение, что где-то на твоем теле была емкость, содержащая воспламеняющуюся жидкость, а еще кремень где-то в другом месте, который помог зажечь его. Но пламя было таким большим, поэтому должно быть что-то помощней.

Его глаза сужаются, когда он улыбается мне.

— Знаешь, в чем мой секрет? — шепчет он, и я подаюсь вперед, с нетерпением ожидая, что он на самом деле раскроет что-нибудь.

— Я помешан на неизведанных науках. Большинству людей важен только конечный результат. Их не волнует, как все это происходит. Они не думают о том, как их ноутбук выполняет свои функции или как их холодильник сохраняет еду холодной — им просто нужен рабочий компьютер и свежая еда. Это залог моего успеха. Я думаю о том, что хочу сделать… например, заставить пламя подняться с моих ладоней… и отталкиваюсь от противного. Или иногда я читаю, либо натыкаюсь на интересный факт и придумываю способ, как обратить это в свою пользу.

— Не думаю, что все настолько просто, как ты описываешь. Большинство людей не смогли бы сделать то, что делаешь ты, даже если бы они думали в обратном порядке. Я знаю, что сама бы не смогла.

— Ну, я не смог бы придумать и сшить наряд, который бы идеально сидел, так что мы в расчете, — говорит он, чокаясь со мной.

Я скрещиваю руки, радуясь его комплименту. Немногие знают о том, что я шью одежду, в основном потому, что эта профессия подразумевает одиночество, поэтому — это мило: получить немного похвалы за свои старания. Представляю, что если бы моя мама была жива, то гордилась бы, что я продолжила оттачивать навык, которому она научила меня.

— Так расскажи мне еще. Я хочу знать какие-нибудь неизвестные факты.

— Ну, — говорит Джей, поднимая мою руку и разворачивая ее. Он начинает пробегать пальцем по венам с внутренней стороны моего запястья, и мне приходится скрыть дрожь. — Если бы я сказал, что ты длиной девяносто шесть тысяч километров, технически это было бы правдой, потому что в твоем теле девяносто шесть тысяч километров кровеносных сосудов.

Я кривлю рот.

— Правда? Не рассказывай об этом. Теперь мне плохо. Это очень много вен.

Его глаза опускаются к моему рту, он поднимает большой палец, чтобы разгладить мои губы.

— Ты передаешь больше микробов через рукопожатие, чем при поцелуе, — бормочет он.

— Ох, — шепчу я, снова переживая одно из тех безумных мгновений, когда думаю, что он может поцеловать меня. Но, как и всегда, не делает этого. Он, похоже, рад, что его отвлекают, когда Джесси предлагает сыграть в покер на раздевание.

— Ха! Да я ни за что с вами двумя играть не буду, — говорю я, показывая пальцем между ней и Джеем. — Я видела, как вы тасуете колоду карт, от такой скорости даже страшно.

— Все верно, — отвечает Джесси, улыбаясь в сторону Мишель. — У меня молниеносные пальцы.

Я пьяна, поэтому представляю, как маленькие молнии выстреливают у нее из рук, и усмехаюсь про себя. Но быстро останавливаюсь, не желая показаться чудачкой, которая смеется над своими же шуточками.

Джей подталкивает меня плечом.

— Когда это ты видела, как я тасую колоду?

— В тех роликах, что я смотрела, помнишь?

Он выглядит удовлетворенным таким ответом.

— Будь честна: ты ведь смотришь их каждый вечер перед сном?

— Вовсе нет! Я смотрела их только в тот раз.

— Врушка. Ты любишь наблюдать, как я исполняю свои трюки. Они как твоя собственная маленькая версия порно. Держу пари, ты охренительно великолепно проводишь время за просмотром моих видео… в постели.

Теперь я с силой толкаю его.

— Пытаешься смутить меня, но это не сработает.

—Уже срабатывает, — смеется он, и я сужаю глаза, глядя на него. Быстро передвигаюсь и сажусь рядом с Мишель, решая, что для одной ночи с меня хватит пыток в виде общения с Джеем.

Крошечное афтерпати продолжается, и вскоре я теряю счет количеству выпитого. Играет громкая музыка, я танцую с Мишель в центре комнаты. Мы вальсируем под песню, которая создана для попотряса. Мой мозг доволен ироничностью ситуации. Наши каблуки давно уже отброшены, и мы отплясываем босиком. Мишель ведет, наклоняя меня так низко, что моя голова сталкивается с полом.

Она быстро меня поднимает, смеется и извиняется, пока я потираю свою голову. Я ведь слишком пьяна, чтобы чувствовать боль, что вроде как плюс.

— Дерьмо, прости! — восклицает она сквозь неистовое хихиканье.

— На этом все, сэр! — кричу я громко в притворном возмущении. — Я больше не желаю быть вашим партнером по танцам.

— Только не это, далее будет котильон, — отвечает она, изображая на лице расстройство.

— Вы - болван, нельзя танцевать котильон лишь вдвоем. Вы безумны?

Хочу отметить, что мы сейчас обе изображаем фальшивый английский акцент, словно в романе Джейн Остин.

— Вы двое очумело странные, вы это знаете? — говорит Джесси, держа пиво в руке. Большую часть ночи Джей сидел на том же самом месте, попивая все тот же напиток и с улыбкой наблюдая за нами. Правда, я не могу понять - то ли он забавляется, то ли смеется над нами. По крайней мере, он, наконец, решил пойти и надеть рубашку. Остальные члены его сценической команды ушли домой, поэтому остались только мы вчетвером.

— Думаю, пора закругляться, — говорит он, вставая и собирая мои вещи. — Джесси, вы с Мишель поймайте такси, ладно? Ты слишком пьяна, чтобы вести. Я позабочусь о Матильде.

— Матильда просто *желает*, чтобы ты позаботился о ней, Джей, — говорит Мишель, пытаясь в своем пьяном состоянии придать голосу сексуальности, но выходит так, словно у нее сильный кашель. Я хмурюсь, глядя на нее, и она едва не давится от смеха.

Не обращая на нее внимания, Джей помогает надеть пальто и вешает сумку мне на плечо. После чего он хватает мои туфли и опускается на одно колено, чтобы помочь влезть в них; его теплое прикосновение к моей ноге наводит меня на мысль о фразе «сексуально озабоченная». Ага, вот такой он меня делает. Все это время я верчусь, пьяно хихикая и усложняя ему задачу.

Наконец, он выводит меня за дверь и сажает в свою машину, которая припаркована позади помещения. Усаживая меня на пассажирское сиденье, он пристегивает ремень безопасности. Сквозь туман понимаю, что костяшки его пальцев задевают мою ложбинку, но я недостаточно трезвая, чтобы в полной мере насладиться этим.

Чертово вино!

Я давно не была так пьяна. Думаю, в последний раз я напивалась в стельку во время празднования моего восемнадцатилетия, когда полночи провела лицом вниз на диване Мишель, не в состоянии вспомнить, как туда попала. Вообще-то нет, помню. Это бутылка дешевой водки из супермаркета привела меня туда.

Когда мы приезжаем домой, Джей помогает мне вылезти из машины, а затем ведет к двери, обхватив рукой за талию. Он пользуется своим ключом, чтобы впустить нас, я иду к лестнице и хватаюсь за перила, снимая свои туфли и отбрасывая их.

— Глупые мучительные остроконечные штуковины, — сетую я, в голове неясно.

Джей тихо смеется, когда я ставлю свою непослушную ногу на первую ступень.

— Давай помогу тебе, пьянчужка, — говорит он, подходя и обнимая меня за талию. Возникает такое приятное чувство, что я кладу свою голову ему на плечо. Он, должно быть, понимает, что

поставить вторую ногу займет очень много времени, поэтому просто подхватывает меня на руки как невесту в свадебную ночь и несет.

— Ура! — визжу я, затем сжимаю его бицепс, когда мы поднимаемся. — Ты такой сильный, инспектор Холмс.

— Звучит так, словно ты впечатлена.

— Ну, ты очень… впечатляющий.

— Правда? Чем же?

Я трясу головой и прикрываю глаза.

— Ах, да просто… *всем*.

Мы достигаем моей комнаты, и он локтем открывает дверь, не отпуская меня, пока мы не доходим до кровати, где Джей кладет меня на матрас. Пока он нес меня, мои руки сами умудрились обвиться вокруг его шеи и теперь не отпускают. Вместо этого я практически притягиваю его к себе на постель и истерически смеюсь, когда он приземляется сверху меня.

— Ха! Ты упал! — говорю я громко.

Его рука накрывает мой рот, а грудь вибрирует от сдерживаемого смеха.

— Потише, родная. Разбудишь своего отца.

У меня нет ответа. На самом деле в голове очень быстро проясняется оттого, что его рука все еще на моем рту. Мои глаза прикованы к его пальцам на моих губах, и он, должно быть, замечает это, потому что мгновенно убирает их. Мое дыхание становится затрудненным от нашей близости и того факта, что мы с ним на моей кровати. Он это тоже замечает и подносит свои руки к моим, пытаясь убрать их со своей шеи. Я вспоминаю его слова, сказанные чуть ранее, о микробах, пожатии рук и поцелуях. И сейчас я хочу обменяться микробами путем поцелуя. Да право же, микробы в это мгновение меня совсем не волнуют.

— Ты должна отпустить меня, Матильда, — говорит он мягко.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — шепчу я.

Он улыбается и качает головой.

— Ты выпила слишком много вина. Спи давай. Увидимся утром.

Как только он собирается уходить, я резко приподнимаюсь, хватая его, и нерешительно прижимаю свои губы к его. Фейерверки, электричество, взрывное покалывание опаляют меня при этом соприкосновении. Его губы теплые, мягкие и совершенны на моих, и тогда понимаю, насколько неподатливым становится его тело. Он издает звук, похожий то ли на стон, то ли на рычание, прежде чем отстраниться. Его рот поднимается к моему лбу, куда он нежно и быстро меня целует, а затем исчезает.

И будто мое тело так же, как и мозг, стремится избежать унижения, я почти сразу засыпаю.

ГЛАВА 14

Когда я просыпаюсь, еще только семь утра, а во рту сушняк. Я, должно быть, проспала около трех часов. Фу, почему похмелье вечно не дает отдохнуть? Мои глаза словно подбиты, а мышцы болят. Все, чего мне хочется — остаться в кровати, поэтому я ныряю поглубже под одеяло и прижимаюсь к подушке. К сожалению, сильная жажда не дает мне заснуть, поэтому я решаюсь спуститься и выпить немного воды.

И только когда выползаю из кровати, вспоминаю, что делала прошлой ночью. Я пыталась поцеловать Джея, а он одарил меня платоническим поцелуем в лоб, прежде чем неловко выйти из комнаты. В свое время я предостаточно насмотрелась романтических комедий, чтобы понять, что означает такой поцелуй.

Чувствуя неожиданный порыв избавиться от смущения, я стягиваю волосы в пучок на макушке, надеваю спортивный костюм и решаю прокатиться на велосипеде. К счастью, Джей все еще спит, поэтому у меня получается взять воду и вытащить велик из сарая, не натолкнувшись на него.

Когда выхожу наружу, на дворе стоит красивое июльское утро, птицы поют и солнце светит. Видимо, сегодня будет жаркий день, и я уже чувствую себя немного лучше. Каждый совершает неловкие поступки, будучи пьяным. Это ничего не значит.

Я быстро кручу педали, плавно проезжая по дороге. Иногда место, в котором я живу, может быть своего рода красивым; длинная лента дороги проходит вдоль пляжа прямо от дома на километры до самого Хоута[27], маленького прибрежного пригорода, в двадцати минутах езды от города. Я проезжаю всю дорогу туда и обратно, и, когда подъезжаю к дому, все мое тело обливается потом.

Заходя домой, слышу, как Джей колдует на кухне. В попытке избежать его, я прокрадываюсь обратно наружу и обхожу дом, чтобы поставить велосипед в сарай. Он, должно быть, видит меня через окно, потому что раздвигает дверь и выходит.

— Матильда, я готовлю самую лучшую еду при похмелье. Надеюсь, ты голодна.

Я делаю глубокий вдох, закрываю дверь сарая и разворачиваюсь. Он идет ко мне, осматривая мой наряд и мое потное, страдающее от похмелья тело. Интересно, какой он видит меня сейчас.

— Доброе утро, — говорит он просто.

— Доброе. — Я двигаюсь, чтобы пройти мимо него, но рука Джея вылетает, загораживая мне путь.

— Эй, что случилось? Ты какая-то сама не своя.

Я вытираю лоб и пью воду из бутылки, которую держу.

— Я устала. Проехала около девятнадцати километров.

Джей присвистывает.

— Нашла ответ? Разобралась?

— Чего?

— С чем бы ты там не пыталась разобраться, — поясняет он, тянется и проводит пальцем по моей шее. — Пот идет тебе, — бормочет он почти рассеяно.

— Не уверена, о чем ты, но это была хорошая тренировка. Ты говорил что-то о завтраке? Я голодна, — лепечу я, обхожу его и иду внутрь дома.

Джей ставит передо мной тарелку, и все выглядит вкусно. Мой желудок урчит.

— Ты испытываешь неловкость, и тебе стоит прекратить это, — твердо говорит он мне.

— Не испытываю.

— О, так и есть, и я не потерплю этого. Подумаешь, ты пыталась меня поцеловать прошлой ночью. Ты была пьяна, Ватсон. Так что все в порядке. Каждый лезет целоваться временами, когда выпьет чуток. — Он подмигивает.

— Ага, ну, я извиняюсь за то, что лезла целоваться, — говорю я, нахмурившись, и он смеется, выдвигая стул и садясь. Мой телефон оживает, оповещая о сообщении. Я вытаскиваю его из кармана, чтобы узнать, что это электронное письмо. Открываю и вижу, что оно от Оуэна — повара. Он ответил на мое сообщение! Сердце подпрыгивает. Он не избегал меня, как я думала.

---

[27] Хоут - пригород в Ирландии, находится в графстве Фингал

Расплываюсь в улыбке, когда читаю, что он написал. Он хочет встретиться сегодня за обедом. Ух ты. Так скоро. С другой стороны, в текущей ситуации с Джеем это лучшее отвлечение.

— Чему ты улыбаешься, как дурочка? — спрашивает Джей, пока жует.

Я быстро отправляю ответное сообщение Оуэну, говоря, что буду там, и убираю телефон обратно в карман. Все это время чувствую себя не в своем теле. Не могу поверить, что я согласилась встретиться с незнакомцем.

— Ну, я только что согласилась пойти на свидание, — отвечаю я неуверенно. — Сегодня.

Джей какое-то время ничего не говорит, просто молча наблюдает за мной, пока ест.

— Это онлайн штуковина?

— Ага.

— Ты должна позволить мне проверить его профайл, чтобы убедиться, что он никакой не подонок.

— Э-э, думаю, я сама могу определить, подонок он или нет. И он не такой. Он повар.

— Ох, ну надо же. Я все равно хочу его проверить, Матильда. Он незнакомец. Это небезопасно. Если так подумать, почему бы мне не сопровождать тебя?

На это я громко смеюсь.

— Ладно, я просто попрошу пойти еще и папу, чтобы была большая семейная вылазка, — отвечаю я с сарказмом. — Ты не провожаешь меня, но, если хочешь, мы можем обменяться номерами, и я позвоню тебе, если что-то пойдет не так. Но мы будем в общественном месте, поэтому, если он окажется странным, я легко смогу ускользнуть. — Я даже не утруждаюсь подметить, что не так давно Джей тоже был незнакомцем. Фактически, я до сих пор не так уж много знаю о нем.

— Ладно, дай мне свой телефон, — говорит он, протягивая руку. Я передаю ему, и он вытаскивает свой. Пока Джей вбивает номер, я продолжаю завтракать. Он делает это немного дольше положенного, и когда на его лице появляется самодовольное выражение, я понимаю, что он вынюхивает.

— Сейчас же отдай мне телефон, Джей, — говорю я и тянусь через стол. Стараюсь отобрать телефон, но он держит его вне зоны моей досягаемости.

— Этот парень настоящий кретин, Ватсон. Он разговаривает с тобой так, словно пытается заключить деловую сделку.

Вскакиваю со своего места, нацеленная забрать мобильный назад. Я хватаю его, но он вытягивает телефон, выкрутив свою руку, и я подлетаю, приземляясь прямо к нему на колени.

— Верни, Джей. Ты совсем обнаглел, — умоляю я, расстраиваясь. Мне очень не нравится, что он читает мои сообщения. Поначалу это было забавно, но теперь кажется, что он смеется надо мной.

Джей, нахмурившись, отдает мне телефон, и я поспешно спрыгиваю с его колен.

— По сравнению с остальными извращенцами, которые мне писали, я нахожу его очень даже вежливым. — Я шмыгаю носом. Похмелье сделало меня сверх эмоциональной. — И только из-за того, что некоторым из нас тяжелее, чем другим, встретить кого-то, это не означает, что ты должен над этим прикалываться.

Джей перегибается через стол и берет мою руку в свою.

— Хей, я просто шутил. — Его большой палец потирает внутреннюю сторону моего запястья, и я отстраняюсь. Этот контакт вызывает во мне слишком много чувств.

— Как бы там ни было. Ты повел себя подло, и прекрасно это знаешь.

— Это не было моей целью, но мне все равно жаль. Боже, ты чересчур мила, не правда ли? — Его тихий голос заставляет что-то зашевелиться у меня в животе.

— Перестань пытаться утешить меня своими фальшивыми комплиментами.

— Ты милая, Матильда. По-настоящему охренительно милая. А теперь давай вернемся немного назад. Кто сказал, что мне не так тяжело знакомиться с людьми, как тебе?

Я закатываю глаза.

— Да ладно тебе. Сомневаюсь, что ты когда-нибудь в своей жизни проходил через период воздержания.

— Лишь тот факт, что женщины часто сами знакомятся со мной, не означает, что я всегда на них клюю. Всем тяжело встретить подходящего человека. Если ты еще не догадалась по моей профессии, я не совсем нормальный.

Смотрю на него, удивленная откровениями. Теперь он серьезен, отчего я себя странно чувствую. Хочу подойти, обнять его, и помириться, но у меня не хватает смелости. Вместо этого я смотрю на часы и делаю вид, что мне нужно идти готовиться.

— Ладно, ты извини, что предположила, будто тебе это легко дается, Джей. Спасибо за завтрак. Я иду принять душ.

Ухожу из комнаты, и все это время чувствую его взгляд на себе.

Выбрать наряд для свидания труднее, чем я думала. Пытаюсь дозвониться Мишель, но ее телефон сразу переходит на автоответчик. Полагаю, она отсыпается после вчерашней ночи. Поэтому я уповаю на себя. В такие мгновения мне бы не помешал родитель женского пола.

Я останавливаюсь на светло-голубой юбке чуть ниже колена и белой рубашке с коротким рукавом, которая застегивается до самой шеи. Образ очень подходит для консервативных пятидесятых, и я завершаю его парой бело-синих лодочек. Сушу волосы, подкручивая концы, и собираю их в высокий хвост. Уверена, что выгляжу хорошо. Надеюсь, Оуэна это впечатлит.

Когда я спускаюсь вниз, Джей и папа находятся в гостиной, болтая. Я захожу туда, и их беседа утихает.

— Куда ты собралась, цыпленок? — спрашивает папа, улыбаясь. Он сидит, скрестив ноги и откинувшись в кресле.

Почесывая нервно свою руку, я отвечаю:

— У меня свидание.

— Свидание? Ну, разве это не замечательно. Ты выглядишь прелестно.

Я слегка улыбаюсь ему.

— Спасибо, пап.

Все это время Джей молча смотрит на меня. Я закидываю свою сумку на плечо и поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Я провожу тебя, — говорит он тогда, вскакивая со своего места и следуя за мной. Я иду к двери и выхожу наружу, прежде чем повернуться к нему. Джей кладет свои руки мне на плечи и смотрит на меня свысока, изучая мое лицо.

— Не нервничай. Повар-кретин — счастливчик оттого, что ты уделяешь ему свое время. Говори себе это. Повторяй в своей голове это снова и снова. Будь той уверенной Матильдой, которая прячется где-то здесь, той, что никогда не перестает улыбаться, — говорит он мне, и его голос немного напряжен.

Делаю глубокий вдох, и его слова на самом деле прибавляют мне больше уверенности, словно я могу это выдержать.

— Я постараюсь. Спасибо, Джей.

— Не за что, — говорит он, затем пробегает рукой по ткани моей рубашки и дразнит: — Вы только посмотрите на этот охренительный наряд — такой ангельский, что мне хочется сделать что-нибудь порочное.

У меня отвисает челюсть, и я поднимаю на него взгляд. Джей склоняется и дарит самый нежный и легкий поцелуй в щеку. Я прикасаюсь к ней, когда двигаюсь в сторону автобусной остановки. Боже, как бы мне хотелось пойти на обед с ним вместо Оуэна. Не то, чтобы с Оуэном что-то не так. Уверена, он не кретин, как выражается Джей. Просто, кажется, что все мужчины бледнеют в сравнении с иллюзионистом, живущем со мной под одной крышей.

Когда я добираюсь до ресторана — стильного бистро — стою снаружи около пяти минут, не решаясь войти. Мое сердце слишком быстро стучит, а руки трясутся. Я делаю вдох и выдох, нуждаясь в еще одной зажигательной речи Джея. Но его нет здесь, и рано или поздно мне придется войти внутрь. Я точно не позволю себе струсить и уйти.

Когда я, наконец, захожу, на террасе замечаю Оуэна, сидящего за столиком на двоих. Каждый шаг кажется милей, пока я иду к нему, и Оуэн поднимает на меня глаза. Я подхожу к столу, он встает и целует меня в щеку. Я разочарована, что это не вызывает у меня бабочек, как поцелуй Джея.

— Ты Матильда, — говорит он.

— Да, это я, — отвечаю тупо.

Он улыбается.

— Я Оуэн.

Он выдвигает для меня стул, что очень вежливо с его стороны, и я сажусь. На столе лежит меню, поэтому беру его, чтобы чем-то занять свои руки. Проходит официант с подносом напитков, и я задумываюсь, почему не выпила пару стаканчиков, прежде чем прийти сюда. Будь я подвыпившей, моя нервозность была бы менее очевидной. Хотя быть откровенно пьяной, возможно, тоже не очень-то хорошо бы выглядело.

— Так значит ты - повар. Что посоветуешь мне заказать? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал взросло и уверенно. Однако он звучит странно даже для моих ушей.

Оуэн улыбается.

— Ну, здесь я не работаю, но курица в качестве основного блюда звучит неплохо.

— Я люблю курицу. Но не искусственно обработанную. На вкус она как резина.

Неужели я, блин, сказала это? Убейте меня сейчас же.

Но это не полная катастрофа потому, что Оуэн соглашается:

— Да, эта гадость ужасна. Я отказываюсь верить, что это настоящая курица.

Его слова вызывают у меня смех.

— О, Боже, что это тогда может быть? Думаешь, они кормят нас специями и клеем?

Оуэн наклоняется и шепчет:

— Там может оказаться что угодно. Но давай не будем говорить об этом здесь. У стен есть уши.

На этот раз я смеюсь еще громче. На удивление все проходит хорошо. Мы говорим немного о работе, и я рассказываю ему о своем шитье. Он кажется внимательным и заинтересованным, и я считаю, что это хороший знак. Я всегда спотыкалась на этом в разговорах с мужчинами из бара, когда мы бывали там с Мишель, и их взгляды совершенно тускнели, когда я рассказывала о себе. И в основном все эти потухшие глаза были сосредоточены на моей груди, а не на лице.

Когда нам приносят еду, у меня раздается громкий сигнал сообщения. Я решаю не обращать на него внимания, но Оуэн настаивает, чтобы я проверила, поскольку это может быть очень важно. Совсем нет. Оно от Джея.

Шерлок Холмс к вашим Услугам: *Ватсон, где вы храните газонокосилку?*

Ага, именно так он записал свое имя. Я сразу же исправляю его на просто «Джей».

Матильда: *Она в сарае. Я не собираюсь спрашивать, зачем она тебе понадобилась. P. S. я не оставляю твое имя таким, ты, большой идиот.*

Джей: *Уже в сарае. Не могу ее найти. Хочу покосить газон. Сохрани имя или столкнешься с последствиями.*

Матильда: *Почему ты отвлекаешь меня этим? Не можешь спросить у папы? Я рассмеюсь в лицо твоим последствиям.*

Джей: *Он вышел. Посмеешься над последствиями? Мне нужно отшлепать тебя за твою дерзость.*

Не знаю, что сказать на это, и вообще заливаюсь румянцем. Мой палец зависает над экраном, пока я пытаюсь придумать умный ответ, и тут приходит другое сообщение.

Джей: *Забыл спросить, как проходит свидание?*

Матильда: *Проходило бы лучше, если бы ты грубо не прерывал нас!*

Джей: *Значит хорошо проходит. Он джентльмен? Лучше бы ему быть. Не хотелось бы идти туда и размахивать кулаками ярости.*

Ухмыляясь, я убираю свой телефон обратно в сумку, полагая, что и так заставила Оуэна ждать. Мы продолжаем есть и разговаривать, а телефон еще несколько раз сигналит. В итоге я выключаю его.

Чего бы Джей ни хотел, это может подождать. Оуэн, кажется, слегка недоумевает, почему я игнорирую телефон. Здорово, теперь он наверно считает, что я стерва, которая игнорирует сообщения друзей.

Наше свидание заканчивается, и Оуэн провожает меня до автобусной остановки. Оказывается, он пришел в ресторан пешком, потому что живет поблизости. Оуэн тихо предлагает еще как-нибудь это повторить, я улыбаюсь ему и соглашаюсь. Затем мы обмениваемся номерами. Когда подходит мой автобус, он придвигается то ли для поцелуя, то ли для объятия. Мои нервы берут надо мной верх, и я быстро запрыгиваю в автобус, бешено махая рукой на прощанье, как идиотка.

Боже, это было кошмарно. Полагаю, я только что разрушила наполовину успешное свидание этим звездным движением. Просто нужно подождать и посмотреть, позвонит ли он мне.

Пока я еду в автобусе, наконец-таки решаюсь проверить сообщения Джея.

Джей: *Ну же, Ватсон,* ***не*** *оставляй меня в подвешенном состоянии.*

Джей: *Все еще жду…*

Джей: *Ему лучше не дотрагиваться до твоей груди.*

Джей: *Ладно. Я знаю, когда меня не хотят.*

Джей: *Шучу. Все хотят меня ;-)*

Добравшись до дома, вижу, что газон не был скошен, поэтому понимаю, что Джей либо врал мне, либо не смог найти газонокосилку. Вероятность того, что он не смог ее найти, смехотворно низка, поскольку наш сарай крошечный, а газонокосилка — огромная оранжевая штуковина. Это бесит меня, и я марширую вверх в его комнату, готовясь отчитать Джея. Я не утруждаюсь постучать; вместо этого иду напролом.

Я должна была постучать.

Нахожу Джея раздетого по пояс — он спит, растянувшись на кровати. Я стою, пялясь на него дольше, чем считается принятым. Одна его мускулистая рука закинута над головой, а другая покоится на торсе, на V-образной выемке его бедренной кости. Я дрожу лишь от одного взгляда на него — произведение искусства в тату и мускулах.

Чистая порнография.

Закрываю дверь и иду к краю кровати, медленно дыша, мои глаза упиваются им. Его телефон лежит рядом с ним на подушке, что наводит меня на мысль, что он писал мне сообщения вот в таком виде. Едва одетый и сонный.

Он определенно лгал насчет газонокосилки, но зачем? Хотел вмешаться в мое свидание или просто от скуки ему захотелось побыть надоедой?

Мои глаза обращаются к кубистической татуировке на одной стороне груди. Она точно моя самая любимая из всех, а у него их много. Она так эффектно смотрится на его гладкой коже, что у меня появляется неожиданное желание дотронуться до нее. Его грудь медленно поднимается и опускается. Я тянусь к ней, и только мои пальцы касаются кожи, его рука приходит в движение и быстро хватает меня за запястье. Я вздрагиваю и переключаю внимание на его лицо. Его глаза все еще закрыты, черты расслаблены, но затем губы изгибаются в улыбке.

— Что ты делаешь, Матильда? — спрашивает он хриплым сонным голосом.

Я не нахожу слов. Он не отпускает мое запястье и открывает глаза.

— Я задал тебе вопрос, родная.

Ну, вот опять. Это «родная» в один из таких дней станет моей смертью. Я пытаюсь вытащить запястье, но он крепко держит. Фактически, он тянет его, заставляя меня наклониться вперед и притягивая ближе к этому восхитительному телу. Я сглатываю.

— Я пришла переговорить с тобой. Ты почти что разрушил мое свидание своими тупыми сообщениями, — говорю, но в моем тоне нет гнева. Совсем нет.

— Забавно, это совсем не было похоже на то, что ты хотела переговорить со мной. Больше выглядело так, будто ты пришла полапать меня во сне.

Я сердито смотрю на него.

— Я не лапала тебя. Всего лишь хотела толкнуть тебя, чтобы разбудить.

Он усмехается.

— Ох, так вот что это было? Тогда иди сюда, и мы переговорим с тобой.

Быстро, словно молния, он дергает меня за запястье, опуская к себе на кровать. Подвигает меня спиной к себе, и обхватывает рукой за талию так, что мы обнимаемся. Обнимаемся! Когда я маршировала по этой лестнице, ни за что не предполагала, что такое случится.

Мое сердце ускоряется, как и дыхание. Я слышу их грохот в своих ушах.

— Так продолжай. Поставь меня на место, — говорит Джей, его дыхание щекочет мою шею.

— Люди не ведут так переговоры, Джей, — умудряюсь тихо произнести я.

— Нет? Но это мой любимый способ переговоров.

— Ты специально присылал мне сообщения. Я знаю это. Ты надоедал мне, потому что заскучал.

— Ты должна кое-что знать обо мне: я никогда не скучаю, — бормочет он. — Было бы неплохо поскучать, но мой чертов мозг никогда не останавливается.

— Тогда зачем ты это сделал?

— Я же сказал тебе, что искал газонокосилку.

— Трава не была скошена.

— Я устал, решил прилечь. Ты, должно быть, тоже устала. Тебе же не удалось выспаться прошлой ночью. Давай вздремнем вместе.

— Не собираюсь дремать с тобой. Я все еще одета. У меня даже не было возможности снять свои туфли.

Не знаю, почему, но я сосредотачиваюсь на этой детали. Возможно, для того, чтобы не концентрироваться на твердой груди, прислоняющейся к моей спине.

Он выдыхает.

— Ну, тогда вперед, сними пару вещичек, родная. Я не буду жаловаться.

— Зачем бы мне спать здесь? — спрашиваю я тихим голосом. — У меня прекрасная кровать за соседней дверью.

— Потому что спать кучкой — самый лучший способ, а ты не можешь сделать это в одиночку. Ты никогда не читала *«Там, где живут чудовища»*?

— Это не кучка. А объятие. И чтобы ты знал, нужно больше, чем двое людей, чтобы образовать кучу.

— Хочешь поспорить? — спрашивает он и затем быстро перекатывает нас, так что я оказываюсь сверху. Мое тело лежит на его, и я под опасностью возгорания. Чувствую каждый его вылепленный миллиметр, каждую твердую черточку.

— Теперь мы кучка. Засыпай.

— Я не могу так спать.

— Прекрати спорить со мной — все равно проиграешь.

Он просовывает свои ноги между моими и ступнями стаскивает с меня туфли.

— А сейчас и твои туфли сняты. Теперь ты точно можешь заснуть.

Наступает долгое мгновение тишины.

— Джей, — шепчу я.

— Что, милая? — шепчет он в ответ, его рука поглаживает мой позвоночник. Я устраиваю свою голову на изгибе его шеи и закрываю глаза. Нет смысла больше протестовать. Я должна признать, что это, возможно, самое лучшее, что со мной когда-либо происходило. К тому же, я достаточно изможденa.

— Думаю, мне нравится спать кучкой.

Его сдавленный смех вибрирует в груди, убаюкивая меня.

ГЛАВА 15

Проснувшись, обнаруживаю, что соскользнула с Джея и свернулась у него под боком. Мое лицо все еще у него в изгибе шеи, а его, кажется, в моих волосах. Ах, да, и я захватила его ногу. Смотрю на наши переплетенные тела, и мои глаза вываливаются из орбит при виде его «вечернего стояка».

Не могу перестать смотреть на него. И теперь я знаю, большой ли у Джея член. Не буду вдаваться в подробности, но просто скажем, что это хороший ответ. Вдыхая, впитываю его запах: нотка пота, нотка одеколона и что-то присущее именно ему. Мне нравится, что его аромат окутывает меня.

Кто бы мог подумать, что я, наконец, пойду на свое первое интернет-свидание, а затем вернусь домой и буду спать с другим мужчиной? Звучит довольно авантюрно, если так формулировать.

Джей стонет:

— Хватит вертеться, Матильда.

Его рука поднимается к моей, хватает, похоже, чтобы остановить мое ерзанье. От ее жара я таю.

— Мне надо идти.

Он открывает глаза и морщится:

— Почему?

— Потому что это странно.

— Это не странно. Мы привязываемся. Многие животные спят вместе, чтобы привязаться. Ты, что, совсем не смотришь канал Discovery?

— Мы не животные.

Он одаривает меня дьявольской улыбкой.

— Говори за себя.

Джей подносит лицо к моим волосам и делает глубокий вдох. Он, что, обнюхивает меня? Я пахну плохо или хорошо? Я приняла душ утром, поэтому запах должен быть, по крайне мере, нормальным. Он двигает коленом, которое находится между моими бедрами, и из-за трения я слегка задыхаюсь. Оно что-то пробуждает внутри меня, что-то, сосредоточенное у меня между ног, и никому из нас нет нужды иметь пятерку по биологии, чтобы понять, что это. Его глаза быстро поднимаются к моим. Пристально наблюдая, он двигает своим коленом во второй раз. Меня охватывает острое удовольствие, и я сжимаю бедра. Он делает это снова, и я хныкаю. Он внимательно смотрит и, слегка приоткрыв рот, впитывает этот звук.

Как и ранее, он обхватывает мое тело и перекатывает нас, только на этот раз сверху оказывается он. Своими бедрами Джей слегка раздвигает мои ноги, располагаясь между ними. Все так же, не прерывая зрительного контакта, он медленно толкает вперед свой твердый член в пижамных штанах, увлажняя мою киску.

Его глаза мечутся между моими.

— Да, это определенно станет проблемой. — Он произносит это так тихо, что кажется, будто общается сам с собой.

Скорее выдыхаю, чем говорю:

— Джей.

Его руки обхватывают мое лицо, и он снова качает своими бедрами вперед.

— Матильда.

Теперь он наращивает ритм, срываясь с катушек. Я держусь за его большие руки, вспоминая времена, когда видела, как Джей делает силовые упражнения в саду. В действительности, у него не было снаряжения, но он смог сделать столько всего, используя лишь свое тело. Интересно, что еще он может делать ими.

Я облизываю губы. Что это значит? Он снова просто возбужден, как когда предложил сделать мне куни? Или он на самом деле этого хочет?

Джей рычит и склоняется, вбирая нижнюю губу, которую я только что облизнула, в свой рот и кусая ее… сильно. Не больно. Это невероятно. Волнующе. Я ужасно хочу, чтобы он сейчас же поцеловал меня. Затем входная дверь громко открывается и закрывается, внизу раздается поскрипывание от папиной фирменной походки по коридору.

Джей застывает, словно статуя, выпуская мою губу и отстраняясь.

— Матильда? Ты дома? — зовет папа, и дыхание мгновенно покидает меня.

— Теперь я действительно должна идти, — шепчу я, чувствуя себя подавленной, от того что делаю здесь, когда мой родитель внизу. Словно я потерялась во сне на несколько блаженных минут. Отец хлопнул дверью — вот что разбудило меня. Как глупо, что я попалась в ловушку возбужденного Джея.

Он откатывается на спину, и я встаю, надеваю туфли и спешу к двери. Когда дохожу до нее, оборачиваюсь и смотрю на Джея в последний раз. Он лежит там, наблюдая за мной потемневшими глазами, его грудь вздымается, а возбуждение до сих пор совершенно очевидно через штаны.

С большим трудом я выхожу за дверь, закрывая ее за собой и отвечая папе:

— Да, дома.

***

Следующее утро отличается от обычного. Джея нет, а мой завтрак не готов — как это бывало ежедневно, с тех пор как он переехал. В действительности, когда я прохожу мимо его комнаты, вижу, что кровать заправлена, а его нигде нет. Он, скорее всего, вышел рано.

Папа сидит за столом, поедая тост и попивая кофе, и читает газету, как всегда. Я хватаю йогурт и фрукты, садясь рядом с ним. Когда замечаю, что он читает «Дейли Пост», то делаю ему неодобрительное замечание.

— Джею бы не понравилось, что ты читаешь это, — говорю я, открывая йогурт.

Папа смотрит на меня поверх газеты:

— Джей сам дал ее мне. Уна Харрис написала еще одну статью о нем.

На это я подаюсь вперед.

— Правда? Что она говорит?

Теперь он опускает газету, раскрытую на странице со статьей, чтобы мне было видно. Там на всю страницу фото Джея, стоящего на сцене в тот момент, когда он надел маску Джейсона на своем шоу той ночью.

— Харрис тайком проникла на шоу Джея, — объясняет папа. — Она написала не самые лестные комментарии. Думаю, она расхрабрилась, потому что он еще не предпринимал никаких шагов против нее. Джею на самом деле надо подать на нее иск. Пару лет назад она разрушила карьеру одного футболиста, раскрыв его прошлое — он был наркодилером, до того как стал знаменит. Думаю, с Джеем она, скорее всего, пытается повторить успех той истории. Эта женщина просто питбуль.

Я разглядываю папу.

— Тебе ведь очень нравится Джей?

— Вижу, что он хороший парень. Я доверяю своим инстинктам, — просто говорит отец, что довольно неожиданно, ведь у меня самой есть такие же инстинкты.

Я читаю статью, но в этот раз намного сердитей, пока просматриваю слова мисс Харрис. Возможно, это потому, что теперь знаю Джея, а я защищаю своих друзей. Она говорит о том, что помещение было заполнено суперфанатами, и что за Джеем следуют так же, как за религиозным лидером. Я закатываю глаза.

Она также упоминает, как он оскорбил ее и газету, выкрикивая с пылом со своего места на сцене: «*На хрен* этот Дейли Пост!» Я бы могла задушить ее прямо сейчас. Все случилось *не* так. Это один из зрителей кричал. Закончив читать ее тираду против Джея из пятисот слов, я убираю газету подальше от себя. Что с этой женщиной не так? Что он такого сделал, чтобы заслужить ее злобу?

Совершенно ничего.

Она как волк: вонзила зубы в чью-то плоть и не хочет отпускать. Я продолжаю есть свой завтрак, а папа тихо говорит:

— Я подумываю взять его дело.

Вот те на.

— Серьезно?

Он кивает.

— Сперва я не хотел, но чем больше узнаю об этом, тем сильнее уверен в том, что мы сможем выиграть это дело, и выиграть по-крупному. Прошедший год был не особо удачным. Если я выиграю такое громкое дело, как это, то вдохну немного жизни в практику.

— Может быть. Но ты думаешь, что справишься?

Папа улыбается.

— Я еще не умер, цыпленок. Но не говори ничего Джею. Мне нужно несколько дней, чтобы все обдумать.

— Мой рот на замке.

Этим вечером, когда прихожу домой с работы, я иду на кухню и вижу, что кто-то поставил дорогую на вид *кушетку* перед моей швейной машинкой. Она изготовлена из темного дерева, а обивка роскошного фиолетового цвета.

Голубки Джея воркуют со мной из своей клетки.

— Здравствуйте, дамы, — приветствую их. — Как вы сегодня поживаете?

— Ты с Эллен и Поршей разговариваешь? — спрашивает позабавленный Джей, когда заходит на кухню.

Я разворачиваюсь и улыбаюсь.

— Ага. А что такого?

Он идет к клетке, вытаскивает Поршу и позволяет ей сесть себе на руку.

— Это совпадение, потому что я тоже так делаю. Эти девочки — единственные, кто знает все мои секреты.

— О, у тебя наверняка полно секретов, не так ли?

Джей отвечает лишь улыбкой, которая вызывает трепет у меня в животе. Думает ли он о том, что случилось между нами вчера? Я точно думаю, но мне не хватает духу об этом заговорить.

— У меня так и не было возможности спросить, как прошло твое свидание с Оуэном? — говорит он обыденным тоном, поглаживая мягкие белые крылья Порши. Полагаю, Джей также не собирается говорить о вчерашнем.

Я сглатываю.

— Прошло великолепно, несмотря на мою неловкость. Он даже хочет еще как-нибудь встретиться.

В ответ Джей хмурится, что застает меня врасплох.

— А *ты* хочешь встретиться с ним снова? — спрашивает он на полном серьезе.

— Конечно. Он был мил.

Мне кажется, его челюсть дергается.

— Мил. На этом ты собираешься успокоиться, Матильда? Просто милом?

— Я не успокаиваюсь. Еще совсем рано. Может такое случиться, что он любовь всей моей жизни, но мне нужно больше времени узнать его. — Не знаю, зачем я это говорю. Подсознательно я понимаю, что Оуэн не будет любовью всей моей жизни, но какая-то подлая часть меня хочет рассердить Джея. Ему кажется не по душе данная тема, что мне наоборот приносит безмерное удовольствие. Он засовывает Поршу обратно в клетку, прежде чем направиться ко мне и прижать к столешнице.

— Он не хренова любовь всей твоей жизни, родная, — говорит он, маниакально поблескивая глазами. Вау, этого я не ожидала. Ладно, надо срочно менять тему разговора. Я тяжело сглатываю.

— Папа показал мне новую статью. Не могу поверить, что у Харрис хватило наглости прийти на твое шоу.

Тело Джея немного расслабляется, и он отходит от меня, пожимая плечами.

— Я знал, что она там.

— Погоди. *Что?*

— Я знал, что она там. Я же не полный идиот. И, кроме того, эта женщина выделяется как волдырь на пальце. У нее эти большие нелепые губы из ботокса. Но я рад, что она написала эту статью. Чем больше дискредитирующего дерьма она пишет, тем глубже она роет себе могилу.

Я кладу руку на бедро и поднимаю голову.

— Ты в действительности хочешь, чтобы она писала о тебе?

— Ага. Как только мы дойдем до судебного слушанья, у меня будет множество доказательств. Каждая оскорбляющая ложь, которую она когда-либо писала, может быть использована в качестве улики.

Этот его взгляд заставляет меня остановиться и задуматься, есть ли что-то еще, чего он не говорит.

— Ты ее знаешь или что? В прошлом, может быть?

— Не-а.

— Ох. Ну, мне просто кажется странным, что она так решительно пишет о тебе столько плохого.

— Возможно, однажды ночью я ей отказал, и она решила устроить вендетту, — шутит он.

Я открываю холодильник и начинаю вытаскивать продукты для ужина, пока Джей ходит по комнате. Выбирая овощи, чувствую жар его тела позади себя. Он опирается руками о столешницу по обеим сторонам, зажимая меня.

— Сегодня ты выглядишь особенно прелестной, Ватсон, — говорит он оживленным тоном. — Что на ужин?

— Запеканка из курицы.

— Звучит аппетитно, — бормочет он, и кажется, что его рот теперь еще ближе к моей шее. Все мое тело напрягается.

— К чему эта новая мебель? — спрашиваю я, двигаясь так, что ему приходится выпустить меня из капкана своих рук.

Он почесывает челюсть.

— Ах, это. Я купил ее, чтобы сидеть с тобой, когда ты работаешь.

— Ты имеешь в виду сидеть или лежать? — говорю я шутя.

Он ухмыляется.

— Что? Это была отличная шутка. То есть, в чем прикол сидеть на ней? Они были созданы, чтобы откинуться назад и выглядеть горячо, находясь в таком положении.

— О, так ты считаешь, что я выгляжу горячо, когда откидываюсь назад. Приятно знать.

Я фыркаю.

— Ты такой самоуверенный.

— Тебе бы *самой* хотелось быть такой самоуверенной, — парирует он.

Я вздрагиваю и заливаюсь румянцем.

— Не знаю, был ли это самый лучший ответ или худший.

Джей громко смеется и подмигивает, прежде чем уйти и оставить меня наедине с готовкой.

Позже этим вечером, пока я работаю над розовым коктейльным платьем с обшитыми камнями вокруг шеи, он ленивой походкой заходит в комнату. Его волосы взъерошены, а футболка помята. Он выглядит так, словно только что проснулся. Я продолжаю работать, а он садится на свою *кушетку* и откидывается назад, поднимая руки, и укладывая голову на ладони. От чего его футболка немного задирается, обнажая сантиметр гладкой, подтянутой кожи.

Он закрывает глаза, словно наслаждается шумом швейной машинки.

— Что ты…

— Тсс. — Он поднимает палец. — Просто шей, Ватсон. Мне нравится слушать твое дыхание, когда ты сосредотачиваешься. Оно настраивает на созерцательный лад. Помогает мне думать.

Это ставит меня на место и заставляет мое сердце сжаться. Он любит слушать мое дыхание. Это просто так… романтично. Ага, я сказала это, отчего мне в голову лезут мечты о вечной любви, которую я всегда пыталась встретить, но так и не нашла.

Проходит около часа, в течение которого я шью, а он лежит на своей модной кушетке. Глаза закрыты, но он не спит, по-видимому, просто думает и слушает мое дыхание. В какой-то момент заходит папа, чтобы сделать чай, и странно поглядывает на нас, особенно на Джея. Отец всегда ненавидел шум от моей машинки — говорит, что тот вызывает у него головную боль. Поэтому он, очевидно, не может понять, что делает Джей, сидя так близко к ней. Когда он уходит, мне кажется, я вижу тень улыбки на его губах.

Спустя некоторое время Джей садится и вытаскивает блокнот из своего кармана и что-то чиркает в нем.

— Что ты пишешь?

— Помолчи минутку, родная. У меня только что появилась идея для нового трюка, и мне нужно записать все, пока не забыл.

— Ой, извини.

Откладываю ткань, которую измеряла, и наблюдаю за ним. Хочу спросить о том, что произошло после нашего совместного сна, но, похоже, не могу придумать способ, как упомянуть в разговоре о нашем сексе в одежде. Хочется, чтобы Джей *сам* заговорил, но он ни разу не упоминает об этом. Закончив писать, он убирает блокнот обратно в карман и сгибает свои пальцы.

— Так в чем заключается новый трюк? — спрашиваю я.

— Ты должна подписать контракт, прежде чем расскажу тебе о нем, Ватсон. Я ведь не могу позволить, чтобы ты продавала все мои секреты старому Слагворту, не так ли?

— Ладно, господин Вонка. — Я смеюсь. И после мгновения тишины говорю: — Могу я кое-что спросить?

— Валяй.

— Каково это — находиться в тюрьме?

Джей прыскает со смеху.

— Скажи честно. Ты совершила какие-то ужасные преступления, которые вот-вот раскроют, и потому боишься попасть за решетку. Я ведь прав? — И снова этот озорной взгляд, что так часто появляется на его лице.

Я поднимаю руки в воздух, невозмутимо отвечая:

— Ладно, ты меня поймал. Я подпольный наркобарон, и один из моих приспешников продал меня властям.

Джей смеется еще сильней.

— Ты забавная. — Он замолкает, и его лицо приходит в чувство. Заговаривает он лишь спустя какое-то время. — Это словно быть запертым в мире, где жестокость — это бог, а ты постоянно ждешь, когда станешь следующей жертвой его гнева.

Ух ты. Это было поэтично.

— Ты, правда, избил человека до смерти? Поэтому тебя посадили?

Джей качает головой, и его глаза темнеют, будто он вспоминает пережитое.

— Меня посадили за воровство, что по совпадению отличная тренировка для совершенствования в магии. Нужно стащить вещь прямо из-под носа у человека, чтобы он даже не понял, что ты здесь находишься. Я ведь говорил тебе, что раньше воровал? Приходилось. Это единственный способ выжить на улице.

— Вот оно что. Но Уна Харрис сказала, что тебя посадили за избиение человека.

— Очевидно, она все напутала, — говорит Джей, и удовлетворение мелькает на его лице. — Я был арестован несколько раз, за то, что ввязывался в драки. Вероятно, оттуда она это и взяла. Когда у тебя ничего нет, ты найдешь оправдание многому, когда твоя цель — выжить, даже тому, что причиняешь вред людям.

Он замолкает с серьезным выражение лица, и я не уверена почему, но в этот момент чувствую колоссальную симпатию к нему. Я прочищаю горло и продолжаю говорить:

— Значит, Уна, должно быть, видела какие-то твои записи из Америки.

— Должно быть.

— Не понимаю, как такая низкопробная статья вообще смогла попасть в печать. Разве ее шеф не должен был проверить - правда ли это, прежде чем дать добро на ее публикацию?

— Печатают больше лжи, чем правды, Ватсон. Думаю, мы оба это знаем. И, скорее всего, ее шеф такой же выродок, как и она сама.

— Выродок? — спрашиваю я с любопытством.

— Она не единственная, кто собирает информацию. Я, возможно, знаю о ней больше, чем она обо мне.

Теперь я встаю и сажусь рядом с ним, спрашивая серьезно:

— Что ты знаешь о ней?

Он потирает подбородок:

— Дай-ка подумать. У нее зависимость от выписанных ей таблеток, а еще от пластических операций. Ее муж развелся с ней, потому что у нее была интрижка. Она живет одна со своей чихуахуа, оскорбляет свою домработницу, каждое утро пятницы делает маникюр, посещает церковь каждое

воскресенье — ну, знаешь, чтобы сохранять видимость. И последнее, но не менее важное, она спит со своим шефом последние шестнадцать лет.

— Что? С шефом из газеты?

— Ага.

О, Боже.

— Как и говорил, я уже какое-то время подготавливаю почву.

— Да, но ты не можешь использовать что-либо из этой информации на суде, Джей. Особенно, если ты добыл ее незаконно.

Вдруг я вспоминаю тот раз, когда он пошел поговорить с тем сомнительным мужчиной в баре после семинара Симона Сильвера. Они обменялись конвертами. Он был частным сыщиком или кем-то еще?

— Сомневаюсь, что она мне понадобится. Это дерьмо всегда всплывает так или иначе, а Уна Харрис скрывает слишком много дерьма. Рано или поздно разразится большой скандал.

И снова у меня такое впечатление, будто он скрывает намного больше, чем говорит. Но я не давлю на него, не думаю, что это мое дело.

— Мне жаль, что она распространяет ложь о тебе, — говорю я, положив руку ему на плечо для утешения.

Взгляд Джея опускается на нее, задерживаясь на какое-то мгновение. Затем он протягивает свою, и кладет поверх моей.

— И мне жаль, что ты прошел через все это. Что ты был одинок в целом мире, — продолжаю я.

— Я не был одинок — просто выбрал этот путь. В то время я предпочел жить на улицах, а не с безумным дядькой. Я и так предостаточно натерпелся от своего отца, до того как он умер.

Это редкий момент откровенности, и я хочу узнать больше, поэтому спрашиваю шепотом:

— Твой отец тоже был сумасшедшим?

— Не в таком роде. Отец использовал физическое насилие. Дядя Киллиан действовал больше психологически. Ему нравилось сводить меня с ума. — Он кажется моложе, когда рассказывает об этом, будто обращаясь в мальчика, преданного взрослыми, которые должны были заботиться о нем.

Я потираю его плечо, потому что не знаю, что еще сказать, но хочу утешить его. Мы долго сидим в тишине и смотрим на ночную темноту в окнах. Джей сжимает мою руку и встает, нарушая наше задумчивое молчание. Когда он выходит из комнаты, я долго размышляю о мальчике, которым он был когда-то, пока убираю свои вещи.

ГЛАВА 16

В пятницу я возвращаюсь на работу после обеда и обнаруживаю, что двери в офис папы закрыты и оттуда доносятся голоса. Прикладываю ухо к дереву и слушаю, различая легкоузнаваемую модуляцию Джея. Боже, как я люблю его голос. Думаю, другой акцент теперь мне не понравится, поскольку именно этот я слышу каждый день.

Гадая, зачем он здесь, включаю свой компьютер и начинаю выполнять дела, которые нужно завершить до конца дня. Где-то полчаса спустя папина дверь открывается, и появляются двое мужчин, пожимающих руки. Джей выглядит восторженно, и папа тоже довольно счастлив.

— За успешное начинание, — говорит отец, отпуская руку Джея и возвращаясь обратно в офис.

— Мы выиграем это дело, Хью, запомни мои слова, — кричит Джей ему вдогонку.

Папа усмехается, отмахиваясь от Джея.

Это означает, что он решился и принял дело? Я пытаюсь вести себя безразлично, пока печатаю, а Джей подходит и усаживается на край стола.

— Отгадай что? — сияет Джей.

— Папа берется за твое дело? — улыбаюсь я ему.

— Ага! Как ты узнала? — произносит он — весь такой игривый и энергичный. — Мне кажется, ты можешь быть телепатом, Ватсон. Нужно включить тебя в свое представление.

— О, Боже, ты так рад этому, — говорю я, качая головой и не переставая улыбаться.

— Ага. План снова в действии.

— План?

Он не сразу отвечает.

— Показать Уне Харрис, что она связалась не с тем фокусником.

— Мне казалось, ты предпочитаешь слово «иллюзионист», — смеюсь я.

— Так и есть, но так предложение прозвучало сексуальней.

— Как скажешь.

Я продолжаю работать, но Джей не уходит. Вместо этого он вытаскивает свой телефон из кармана и начинает печатать. Поглядывая на него, замечаю, что, несмотря на бодрое настроение, его глаза немного уставшие. Иногда я просыпаюсь посреди ночи и слышу, как он вышагивает по комнате. Но ему я ничего не говорила.

— Во сколько ты уходишь с работы, Джон?

— Джон?

— Джон Ватсон, Матильда. Элементарного не знаешь.

Я качаю головой.

— Я ухожу в полшестого. А что?

— Хочу, чтобы ты пошла со мной в одно место. Обещаю веселое времяпрепровождение.

— И где же это веселье происходит?

Вместо ответа он протягивает мне телефон. На нем светится твит с указанием времени, даты и места; что-то намечается сегодня в хорошо известном месте для встреч в центре города.

— Не знала, что у тебя есть аккаунт в твиттере, — говорю я, переходя на его профиль. У меня чуть челюсть не отвисает, когда вижу, что у него больше ста тысяч подписчиков. — Вау, Джей, да ты весьма знаменит.

— А ты как будто удивлена. Мне стоит обидеться? — дразнит он.

— Нет, конечно. Просто неожиданно, вот и все. Что означает этот твит?

Он забирает у меня телефон и убирает в карман.

— У меня много фанатов-подростков, которые из-за возраста не могут попасть в места, где проходят мои представления, поэтому иногда я организую спонтанные встречи с ними.

Я расплываюсь в улыбке.

— Ты так делаешь? Это одна из самых милых вещей, что я слышала.

— Ну, эти детишки много для меня значат. Я смотрю на них и вижу себя в их возрасте. Хочу дать им что-то взамен, понимаешь?

Смотрю на него, и с каждой секундой мои чувства к этому мужчине растут все больше и больше.

— Так ты придешь? — подгоняет он. — Джесси тоже там будет. Она собирается снимать это для Ютуба.

— Да, приду, — охотно говорю я.

— Отлично, заберу тебя в полшестого. — Он перегибается через стол, чтобы взъерошить мои волосы, а затем исчезает.

Окончив работу, привожу себя в порядок, распуская волосы, сменяя каблуки на надежные балетки, которые всегда ношу с собой в сумке. Если мероприятие проводится на улице, то, полагаю, придется долго стоять.

— Тук-тук, — слышу голос Джесси, когда наношу немного блеска для губ в офисном туалете. Выхожу и вижу, что в руках она держит маленькую видеокамеру. Джей стоит сбоку от нее, вне досягаемости объектива.

— Ух ты! Горячая штучка заходит, — присвистывает она, и я качаю головой, краснея. Джей снова и снова подбрасывает зарик[28] в воздух и без труда ловит его.

— Прекрати снимать меня, — говорю я застенчиво.

Закидывая сумку на плечо, я машу папе, который все еще в офисе. Мы спускаемся по узкой лестнице и выходим на улицу, но Джесси все продолжает снимать.

— Клянусь богом, я подам на тебя в суд, если увижу себя на Ютубе, — предупреждаю ее. — Ты знаешь, что я работаю в адвокатском бюро и сделаю это.

— Да ладно тебе. Нам нужно немного завлекаловки, чтобы вызвать интерес у парней-подростков, — шутит Джесси. — Уверена, они не хотят постоянно смотреть на уродливую физиономию Джея.

Физиономия Джея далеко не уродливая, но я ни за что не скажу такое вслух.

— Да, Ватсон. Тебе надо сделать это. Очень поможет моей карьере, — соглашается Джей, с самодовольным выражением на лице. Он закидывает руку мне на плечи и сжимает их, затем оглядывается на Джесси. — Убедись, что задница попала в кадр. Пятая точка Матильды заслуживает онлайн внимания.

Я толкаю его локтем, и Джей смеется.

— Если ты снимешь мою задницу, клянусь Богом, я, правда, подам в суд.

Он приподнимает бровь, глядя на меня, и мне не удается скрыть легкую улыбку. Затем Джей переходит все границы, когда медленно скользит ладонью по спине к моей попе. Тихо ахаю, когда он сильно и решительно сжимает ее. Мгновенно стряхиваю его руку.

— Больше не делай так, — предупреждаю я, раздраженная очаровательной улыбкой на его лице и тем фактом, что до сих пор считаю ее очаровательной, после того, что Джей сделал. Джесси хохочет от души, следуя за нами.

— Ну, хватит тебе. Не злись, — говорит Джей, пытаясь успокоить меня. — Мы говорили о твоей попке, родная. Я не смог удержаться.

— Этот парень любитель задниц, — вставляет Джесси, кивая в согласии.

Я хмуро смотрю на них, но не могу злиться долго.

Спустя несколько минут перед нами появляется место встречи, где ожидают фаны Джея, и мне с трудом удается не разинуть рот. Тут минимум сотня людей, возможно, больше. Когда мы подходим, Джей засовывает пальцы в рот и громко свистит; головы поворачиваются в нашу сторону, и толпа начинает ликовать. Он забирается на высокую стену, которая окружает соседнее предприятие, и отвешивает всем театральный поклон.

Я отхожу в сторону, к Джесси, пока она снимает все. Правда, не она одна. Половина присутствующих детей повытаскивали телефоны, записывая видео.

— Спасибо всем, что пришли, — громко говорит Джей сверху. Забавно, акустика здесь очень хорошая, поэтому ему не приходится кричать, чтобы его услышали. — Хотите увидеть что-то крутое? — спрашивает он, вытаскивая зарик, который был у него в руках в офисе.

Джей держит его между указательным и большим пальцами, а затем ловко подбрасывает в воздух. Мы все наблюдаем, как он взлетает, а затем опускается, и надо было мне моргнуть в тот момент, потому что на пути вниз один превратился в два. Толпа громко аплодирует, раздается свист, а Джей берет два

[28] игральная кость, кубик

зарика и подбрасывает их. Они снова размножаются, превращаясь в четыре, и он начинает жонглировать ими. Они продолжают множиться, двигаясь по кругу в воздухе, а его руки быстры, словно молнии.

Вскоре их уже десять, и я не могу понять, как он это сделал. Не видела, чтобы он вытаскивал их из рукавов или из своих карманов. Они буквально появлялись из воздуха.

Когда их становится так много, что невозможно удержать, он начинает по одному отбрасывать их случайным зрителям в толпе. Десятки подростков кидаются к ним, желая заполучить подарочек от их любимого иллюзиониста. Джей вытаскивает колоду карт и начинает делать сложный трюк с девочкой по имени Сара, которая вызвалась добровольцем. Она кажется смущенной и в то же время довольной, что ее выбрали. Джей проходит сквозь толпу, перемешивая карты и объясняя, что он собирается делать.

Он близок к входу в одно из окружающих район предприятий с большими стеклянными раздвижными дверьми. Они открываются и три женщины в офисных костюмах выходят из здания.

Объясняя, Джей двигается спиной к входу в здание и шагает за стеклянные двери. Он все еще говорит, пока они закрываются, и когда стекло смыкается перед его телом, он исчезает. Двери открываются, выпуская еще работников, и он снова появляется, все продолжая болтать, будто он только что не заставил себя исчезнуть.

Подростки вокруг меня беснуются, хлопая и подбадривая. Затем несколько мужчин в костюмах выходят из здания, и Джей случайно наталкивается на них. Все происходит так быстро. Он извиняется, похлопывая одного из мужчин по плечу, и не знаю, как я это улавливаю, но кажется, другая его рука на долю секунды проскальзывает в карман этого мужчины. Все настолько скоротечно, что я не могу быть уверена, на самом ли деле это случилось.

Мужчины продолжают идти, но что-то во всем этом не дает мне покоя. Мужчина, которого Джей похлопал по плечу, выглядит знакомым, и мне приходится поднапрячь мозги, чтобы вспомнить, где я видела его прежде. И меня озаряет. Это же тот старик, за которым Джей следил в казино, когда Джесси предостерегала не смотреть на него.

Какого черта здесь происходит?

Когда я смотрю на здание, у меня появляется плохое предчувствие, потому что вспоминаю, что это за предприятие. Нет, не предприятие, а издательство. *Дейли Пост*, если говорить точнее.

Хотелось бы думать, что это совпадение, но то немногое, что я знаю о Джее, подсказывает мне, что все совсем наоборот. Он слишком умен, чтобы такое упустить. На кой черт он организовал свое выступление около организации, которую хочет засудить?

Сегодня он использует не обычные карты, а таро. Не думаю, что прежде видела фокусы с использованием этих карт. Сара, девушка-доброволец, выбирает карту. Джей дает ей ручку, говорит написать свое имя на обратной стороне, разорвать ее и засунуть кусочки в свою сумку. Она быстро выполняет все.

— Я отгадаю твою карту, но не *назову* ее тебе, — говорит Джей. — А *покажу*.

На короткое мгновение в толпе наступает тишина, и шум города накрывает нас.

— Хорошо, карта где-то на улице. Кто-нибудь видит ее?

Все взбудоражились, бегая вокруг и пытаясь найти карту, но у меня предчувствие, что они должны искать не физическое ее проявление. Я осматриваюсь, пытаясь обнаружить ее, когда Джесси толкает меня локтем и кивает на здание газеты. На окне четвертого этажа очертания картинки, будто сделанной красной охрой.

Несмотря на то, что я несведуща в таро, это изображение узнала бы где угодно. Все работники юридической сферы узнают этот символ — богиню Справедливости с мечом в правой руке и весами в левой.

Вау.

Я внимательно смотрела на здание, когда поняла, что именно там находится, и точно не видела картинки на окне. Мой взгляд непременно бы привлек этот цвет — красный слишком яркий, чтобы ускользнуть от моего внимания.

Наконец, один из подростков обнаруживает ее и начинает кричать остальным, чтобы смотрели. Сара в шоке прикрывает рот, не говоря ни слова, пока ее друзья вопят и визжат от восторга. Джей высоко сидит на краю стены, снисходительно улыбаясь своим фанам, подбородком опираясь на ладонь. Его глаза сияют ликованием, пока он впитывает их реакцию, наслаждаясь тем, какой эффект возымел его

трюк, какой трепет вызывает он у них. Я понимаю, что Джей вспоминает детство, которое отняли у него слишком скоро, как он рассказывал в тот раз мне в саду.

— Я был прав? — спрашивает он Сару. — Справедливость была твоей картой?

Все, что она может сделать, это кивнуть, не найдя подходящих слов. Толпа начинает аплодировать, кто-то кричит, пытаясь узнать, как он это сделал, а окно на четвертом этаже открывается, и из него высовывается женская голова.

Женщина осматривается вокруг, видимо, пытаясь понять, откуда взялась эта картинка и как вообще оказалась на ее окне. Затем она смотрит вниз и на мгновение застывает, ее глаза сосредотачиваются на Джее. И когда ее лицо становится злым, я узнаю ее. Это Уна Харрис.

Черт побери.

О чем Джей вообще думает? То есть, кто рисует символ Справедливости на окне офиса женщины, которую собирается засудить? Я всегда считала тупостью, когда персонажи в фильмах дают своим врагам знать, что охотятся за ними. Зачем давать им преимущество на старте?

Харрис исчезает внутри, и я испускаю долгий вздох. Возможно, на этом все закончится, и она не отреагирует на откровенную насмешку Джея. Но спустя несколько минут, когда Джей раздает автографы толпе, она со скрещенными на груди руками марширует с худощавым мужчиной в рубашке и галстуке через главную дверь здания.

— Я хочу, чтобы это безобразие немедленно смыли с моего окна, — резко требует она.

Джей непринужденно вскидывает голову, на его лице мелькает секундное удовлетворение, а затем оно становится непроницаемым. Его рука поднимается в воздух, указывая на окно.

— Уже сделано, мисс Харрис.

Она разворачивается на каблуках и смотрит вверх, где мойщик окон стирает картинку со стекла. Мы с Джесси смеемся. Он на самом деле все продумывает.

— Считаешь себя таким умным, — говорит Харрис. — Но если ты сейчас же не освободишь площадь, я вызову представителей власти.

— Это общественное место для встреч, Уна. Могу я называть тебя Уной? Раз ты копаешься в моем грязном белье, мне кажется, мы можем звать друг друга по именам.

— Нет, ты никак не можешь называть меня, — шипит Харрис. — Я уже сказала, что тебе нужно уйти.

— Но нам не запрещено находиться здесь.

— Ты устраиваешь срыв и нарисовал граффити на моем окне.

— И его смыли. Смотри, теперь твое окно сияет чистотой. Пожалуй, я оказал тебе услугу.

— Это оскорбление!

Джей, забавляясь, смотрит на нее.

— Ты злишься, Уна? Не могу понять. В последнее время твое лицо не особо подвижное.

Резкое замечание о ее любви к ботоксу вызывает смех в толпе. Думаю, она, наконец, понимает, что не выиграет здесь, особенно в окружении фанатов Джея. Мужчина, который вышел с ней, дергает Уну за руку, тихо понуждая отступить.

— Тебе не сойдет это с рук, — кипит она от злости, а затем обхватывает руку своего компаньона, прежде чем отправиться обратно.

Джей говорит что-то себе под нос с мрачным выражением на лице, но я не слышу его. Когда Уна уходит, он продолжает раздавать автографы. Через несколько минут Джей останавливается и почесывает голову, снова выискивая Сару.

— Слушай, Сара. Знаешь, что — ты ведь так и не показала никому свою карту, чтобы доказать, что я правильно угадал. Я знаю, что сказал тебе порвать ее, но можешь показать им кусочки?

Она копошится в кармане своей сумки, куда засунула разорванные кусочки, ничего не вытаскивая.

— Кажется… я не могу их найти, — говорит она, тщательно обыскивая сумку.

Джей вытаскивает что-то из своего кармана.

— Погоди секунду, что это? — Это сложенный кусочек бумаги. Джей разворачивает его и разглаживает, а затем поднимает вверх, чтобы все видели. Это карта Справедливости. Он разворачивает ее, демонстрируя подпись Сары с обратной стороны.

— Не может быть, — выдыхает она.

— Еще как может. — Джей улыбается, передавая ей карту. — Это твой почерк?

— Да, — говорит она, принимая у него карту трясущейся рукой. — Как… ах, знаю, ты мне не скажешь, но это просто невероятно. Я разорвала эту карту. Точно говорю.

Толпа детей налетает, задавая вопросы и протягивая еще больше вещей для автографов. Проходит полчаса, и появляются двое полицейских.

— Вам нужно разойтись, — говорит один из них Джею поверх голов, окружающих его фанатов. — Мы получили жалобу на шум.

— Мы уже заканчиваем, — отвечает Джей с очаровательной улыбкой, прежде чем повернуться к толпе. — Ладно, ребята, мне пора идти. — Он снимает рюкзак, который носил на плече, и вытаскивает оттуда длинную черную простынь. — Но перед этим мне нужно, чтобы вы все отошли, так я смогу показать вам свой последний трюк. — Они все отходят, образуя пространство в несколько метров вокруг него. Джей снова стоит на стене, и полицейские перестали выжидать. Они более заинтересованы действиями Джея, а не тем, чтобы заставить его уйти.

Длинная простыня на самом деле оказывается плащом, и одним эффектным взмахом он окутывает им свое тело. В какой-то момент плащ полностью накрывает его, и Джей исчезает. Плащ падает на землю, а он просто растворяется в воздухе.

ГЛАВА 17

Джесси проводит камерой над толпой, когда все аплодируют его грандиозному завершению. Затем выключает ее.

— Ладно. Как, на фиг? — говорю я, в растерянности качая головой. В последнее время я, кажется, делаю это слишком часто.

Джесси смеется:

— Из всего, что он делал сегодня, это, возможно, было самое простое, и, тем не менее, посмотри на них. Думаю, некоторые из них на самом деле верят, что он волшебник.

— Простое?! Он только что исчез. В этом нет ничего простого.

— Посмотри, где он стоял, Матильда, — говорит Джесси бесстрастно.

— Он стоял на стене.

Она смотрит на меня как на тугодумку.

— Ага. Он всего лишь помахал немного плащом для вида, скрыв себя достаточно, чтобы спрыгнуть на другую сторону. Не нужно быть гением, чтобы догадаться.

Я бью себя ладонью по лбу.

— Как я не могла додуматься до этого.

— Он еще тот показушный ублюдок. Большинство настолько ослеплены его блеском, что даже не видят трюка. Пойдем уже, он наверно ждет нас.

Она начинает идти, и я следую за ней.

— Погоди, мне казалось, что по контракту ты не должна раскрывать его секреты?

— Он не станет возражать, что я сказала тебе. Это детские шалости. А вот если я рассказала бы тебе более сложные трюки, то он, возможно, засунул бы мои яйца в блендер.

Я не упоминаю, что у девушек нет яиц. Хотя, если бы существовала девушка, которая изменила бы это, то ею определенно была бы Джесси. Мы идем по тротуару и находим Джея прислонившимся к стенке здания, курящим сигарету с широкой улыбкой на лице. Как только я подхожу к нему, он закидывает руку мне на плечи.

— Ну и как тебе?

— Ты был великолепен, — говорю я робко.

Джесси прыскает со смеху.

— Теперь я понимаю, почему ты таскаешь ее все время с собой. Она всегда ласкает твое самолюбие.

— Это не все, что она ласкает, — говорит Джей, нагло подмигивая ей.

— О, Боже, ты не говорил этого только что! — Я смотрю на Джесси. — Он врет. Скажи ей, что ты врешь.

— Погоди, зачем мне врать и говорить ей, что я вру? — дразнит он, с каждой секундой его улыбка становится все шире. Боже, иногда я его ненавижу.

— Да ты не слушай его. Между нами не было никаких ласк.

Хитрая усмешка Джея вызывает во мне дрожь, и я знаю, что сказанное мной технически неправда, но какая разница.

— Ладно, раз мы все выяснили. Кто хочет панкейки на ужин?

— Первое, — говорит Джесси. — Теперь ты в Европе. Здесь не панкейки, а блины. И второе, если они сладкие, то кто ест блины на ужин?

— Я все равно называю их панкейками, — вставляю я. — Ведь можно делать любые. К тому же, я люблю десерт на ужин.

Рука Джея поднимается и хватает меня за шею, нежно ее сжимая. Это застает меня врасплох, потому как место слишком интимное, чтобы кто-то до него дотрагивался. Невольно я вздрагиваю.

— Видишь, Ватсон согласна со мной. Это панкейки.

Я изо всех сил стараюсь не реагировать на расположение его руки, но по всему позвоночнику пробегают мурашки. Его большой палец поглаживает кожу, вызывая покалывание.

Когда мы подходим к ближайшей блинной, заходим внутрь и занимаем столик возле окна. Я в полном восторге заказываю блины с арахисовым маслом и *Нутеллой*, и Джея так захватывает мое

детское ликование, что он заказывает то же самое. Джесси просит сэндвич с беконом, латуком и томатами, не соблазняясь моей идеей «десерта на ужин».

— Ладно, — говорю я, слопав половину принесенной еды. Мне нужен передых, прежде чем прикончить остальное. — Я, правда, правда, правда была бы пожизненно признательна тебе, если бы ты раскрыл хотя бы один трюк. Только один, это все, чего я прошу.

Джей вытирает рот салфеткой, его губы изгибаются в усмешке:

— Когда ты говоришь «пожизненно признательна», о чем вообще речь?

Джесси предостерегающе фыркает.

— Нет, дорогая. Ты не хочешь делать этого. Он негодяй и настоящий эксплуататор, когда дело касается его должников.

— Ладно, возможно, и не в пожизненном долгу. Наверное, меня немного занесло. Если ты скажешь мне об одном трюке, я буду должна тебе одну вещь взамен. Ты можешь решить что, но это должно быть нечто разумное, например, помыть твою машину или что-нибудь еще.

Джей подается вперед, и ставит руки перед собой, соединяя кончики пальцев.

— Помоешь мою машину топлес? — спрашивает он хрипло.

Мои щеки розовеют, и Джесси отрывисто хохочет:

— А вот это хорошая мысль.

— Ладно, позволь поправить свое предложение. Я буду должна тебе, но это не может быть чем-то сексуальным.

— Обнаженная грудь — это не сексуально, — говорит Джей, — а естественно.

— Подтверждаю, — добавляет Джесси.

— Как насчет - *без лифчика*? — продолжает Джей.

Боже, эти двое. Чего я с ними вообще связываюсь.

— Хорошо. Я забираю свое предложение, — обижаюсь я, откидываясь обратно на своем сиденье и складывая руки.

— Да погоди ты, ведь я не говорил, что не соглашусь на что-то несексуальное. Как насчет такого? Я расскажу тебе, как делаю один из своих трюков, а в обмен ты согласишься поехать работать со мной, когда в следующий раз буду устраивать шоу в Вегасе?

Я долго на него смотрю.

— А как насчет оплаты? Это бесплатный отпуск.

— Рабочий отпуск, — поправляет Джей.

— Ладно, нет нужды грозить мне бесплатным отпуском дважды, — говорю я, широко улыбаясь. — Договорились. — Я протягиваю руку, закрепляя сделку, и Джей крепко сжимает ее.

— Договорились, родная. Теперь скажи, какой трюк ты хочешь, чтобы я объяснил.

— О, Боже, — говорит Джесси. — Это что-то новенькое. Мне ты не рассказывал ни одного секрета, пока я не поставила подпись.

— Матильда сделала мне предложение, от которого я не могу отказаться.

— Ну да, конечно.

Не обращая внимания на их перепалку, я раздумываю, о каком трюке хотела бы узнать у него.

— Хорошо, думаю, больше всего мне хочется узнать, как ты нарисовал карту Справедливости на окне Уны Харрис. Ее точно не было там ранее, к тому же окно слишком высоко, чтобы ты мог туда забраться.

Джей потирает подбородок, оглядывая кафе.

— Ну, это совсем элементарно, дорогая Ватсон. Хотя, думаю, мне понадобится кое-какой реквизит для его объяснения. — Он встает со своего места и подходит к стойке самообслуживания, перекидываясь словечком с дежурным парнем. Затем возвращается, неся с собой солонку с паприкой и пластиковой бутылкой меда. Фу, он собирается приправить ими блины?

Джесси выглядит немного недовольной, когда он начинает отодвигать наши тарелки, чтобы расчистить стол.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Просто смотри.

Открыв бутылку меда, он начинает лить его на поверхность стола быстрыми движениями. Опустив взгляд, вижу, что он на самом деле пишет мое имя элегантными буквами. Очень круто, вот только все равно не пойму. Затем он раскручивает крышку на паприке и насыпает немного на руку, прежде чем развеять красную специю по меду. И в конце он наклоняется и сильно дует. Излишки паприки рассеиваются, оставляя только кусочки, которые прилипли к меду. И вот оно мое имя, написанное красным.

— Ладно, необычно, — говорю я, снова переводя на него взгляд; потихоньку до меня начинает доходить, что он делает.

— Вот так по существу я и сделал ее, хотя, признаю, мне понадобилась помощь. Помнишь Шарон, которая отвечает за костюмы для моего шоу?

Я киваю.

— Ну, она также отличная художница и работает в необычных обстановках. С самого утра я заплатил тому же парню, которого ты видела сегодня, когда он мыл окно Харрис, чтобы он поднял нас на кране. Там Шарон нарисовала очертания карты Справедливости на стекле смывающимся клеем, которые были незаметны, если внимательно не присматриваться. Окно офиса Харрис под углом с соседним зданием, поэтому мы приплатили, чтобы проникнуть в комнату напротив. Пока я отвлекал внимание толпы, Шарон проникла туда с баллончиком порошкового мела. Она распылила его из окна, и он прилип к клею, выделив картину. Ветер сдул излишки за несколько секунд, поэтому, когда толпа взглянула на окно, картина была там.

Ох. Это просто чертовски круто! Все очень даже осуществимо, если так объяснять. Но знаете, что, думаю, я бы предпочла этого не знать. Загадочность придает остроту ощущениям. Ну, по крайней мере, я не согласилась мыть его машину с обнаженной грудью.

— Теперь счастлива? — спрашивает Джей.

— Не знаю, как ты до такого додумался, но это очень умно. Твои трюки такие ловкие.

Он улыбается:

— Ну, спасибо.

— Но зачем делать это на окне Уны Харрис? Разве это не значит напрашиваться на неприятности?

— Знаешь, я и так достаточно долго держался в стороне от нее. Она должна понять, что я не собираюсь залечь и притвориться мертвым, пока она разрушает мою карьеру.

— Думаю, она поймет послание, как только ты подашь в суд, — говорю я, и меня посещает печальная мысль. Если папа действительно будет представлять интересы Джея, тогда ему наверняка придется переехать. Я совсем забыла об этом.

— Ты думаешь о чем-то, что тебе не нравится. Что такое, Ватсон?

Я поднимаю на него взгляд, удивленная тем, с какой легкостью он читает мои мысли.

— Да ничего. Просто ерунда.

— Какая еще ерунда?

Опуская глаза, пробегаю пальцем по ободку своего стакана.

— Ну, если все это продолжится, тогда тебе придется переехать, а я вроде как привыкла к тому, что ты находишься у меня под боком, — тихо признаю я.

Он берет мою руку в свою большую теплую ладонь.

— Послушай, мы ведь теперь лучшие друзья? Я все так же буду постоянно поблизости. Так часто, что ты, возможно, устанешь от моего присутствия. К тому же, я не стану переезжать еще несколько недель, пока не найду другое место.

Теперь я кашляю от смущения.

— Ладно.

— Мне казалось, это *я* твой лучший друг, — дразнит Джесси.

— Так и есть. У меня могут быть два лучших друга, — отвечает Джей.

Он держит мою руку еще несколько секунд, прежде чем отпустить.

— Вы только посмотрите на это. Сначала ты не хотела, чтобы я переезжал, а теперь не хочешь меня отпускать

— Не стоит так радоваться этому, — сдерживая улыбку, смотрю на него, сузив глаза.

***

Следующим утром я встаю рано, чтобы помочь папе упаковаться. Через каждые пару месяцев они с другом ездят на выходные играть в гольф. Обычно мне не нравится оставаться дома одной, но поскольку Джей будет здесь, я не так расстроена. По правде сказать, я жду с нетерпением, когда останусь наедине с ним. Что? У меня есть вагина, а он Джей Филдс; мне дозволено быть возбужденной, даже если ничего не произойдет.

Когда папа уезжает, я иду в магазин тканей, чтобы пополнить запасы, планируя долгие выходные за шитьем. У меня даже есть два онлайн заказа, над которыми надо работать.

Придя домой, обнаруживаю, что Джей тренируется в саду. На какое-то время оставляю его за своим занятием, затем решаю пойти и узнать, хочет ли он что-нибудь поесть. Я веду себя смело, потому что тяжело не возбудиться, когда он весь потный и без рубашки. И только я собираюсь выйти за дверь, как он заходит, и мы сталкиваемся. Он держит в руках энергетический напиток, который проливается на мой топ. Я громко вздыхаю, когда холодная жидкость обдает меня.

— Дерьмо, прости!

Джей идет за бумажными полотенцами и возвращается, чтобы помочь мне высушить топ. Я так и стою, онемевшая, пока он промакивает влагу. Это одно из тех нереальных мгновений, когда я не могу поверить, что происходящее на самом деле происходит — в основном потому, что жидкость пролилась на мои сиськи, а, следовательно, Джей касается этих самых сисек.

Я быстро вздыхаю, когда его большой палец случайно задевает сосок через тонкий лифчик, и его рука останавливается. Каждая секунда кажется вечностью. Я делаю ошибку, посмотрев ему в глаза. Он выглядит… голодным. Когда его рука снова двигается, то уже не промакивает, а ласкает, и я сдавленно хныкаю. Бумажное полотенце падает из его руки, и он в полном смысле слова лапает меня, все так же - не разрывая зрительного контакта. Не будь я вся на нервах, то, возможно, дала бы ему пощечину за то, что он такой бесстыжий. В его взгляде читается вопрос.

Можно?..

Его рука обхватывает мою грудь, и я испускаю тихий, едва слышный вздох. Закрываю глаза.

— Матильда. — Его голос низкий и сиплый.

— Х-м-м-м?

— Посмотри на меня.

Я смотрю на него. Вторая рука Джея поднимается и начинает ласкать другую мою грудь, медленно, осторожно, словно он наслаждается каждым мгновением. Обе руки опускаются в унисон и сжимают соски. Я издаю громкий стон, его лицо нависает над моим — рот открыт, словно поглощает звук.

Затем он говорит:

— Этот топ испорчен. Давай снимем его с тебя, родная.

Он начинает стягивать его с меня через голову, и я не останавливаю его. Это самый странный момент, чтобы вспомнить о том, как вчера он проскользнул рукой в карман бизнесмена. Я не видела, чтобы он что-то взял, но это не значит, что он этого не делал. Я стою перед ним в одном лифчике, а его глаза впитывают меня. Моя грудь вздымается, но вопрос так и вертится на языке.

— Джей?

— Что такое, Матильда? — мурлычет он, шагая вперед, в то время как я отступаю назад. Когда моя спина прижимается к стене, он останавливается, его грудь в паре сантиметров от моей.

— Что ты украл у того человека вчера?

Его брови хмурятся, а голова склоняется на бок.

— Какого человека?

— У того, на которого ты наткнулся у здания газеты. Я видела, как ты скользнул рукой в его карман. Знаешь, я помню его в казино. Ты все время пялился на него.

Он еле слышно ругается, его рука поднимается и ласкает мое лицо, когда он шепчет:

— Ты не должна была видеть этого.

— Но я видела. Поэтому скажи, что ты взял.

— Ты и правда мой маленький Ватсон, да? Ничто не ускользнет от этих голубых глазок, — говорит он, словно хочет отвлечь меня этим комплиментом.

— Джей, я хочу знать, что ты взял. Ты не можешь красть у людей, работающих в газете, на которую собираешься подать иск. Любая крошечная деталь может быть использована против тебя в суде.

— А если я скажу, что никто об этом не узнает?

— Мне бы все равно хотелось знать. Я не люблю ложь.

— Это не ложь. Это секрет. Который нужно пока хранить, но я расскажу его тебе… когда-нибудь.

Я поджимаю губы, вдруг раздражаясь от липкости энергетического напитка, покрывающего мою кожу. Нахмурившись, обхожу его, выхватывая недавно снятый топ, и иду к двери.

— Мне нужно принять ванну и смыть эту гадость с себя, — бормочу я.

— Матильда.

— Все хорошо. Ты можешь хранить свои секреты, Джей. Только не жди, что я буду полностью доверять тебе, пока ты это делаешь.

Когда я выхожу из комнаты, на его лице появляется непонятное выражение: странная смесь раздражения и боли.

ГЛАВА 18

Наверху я закрываю дверь ванной комнаты, запираю ее на замок и выдыхаю. Придя в себя, наполняю ванну. После случившегося сомневаюсь, что Джей не заявится прямо сюда, пока я купаюсь. Я все еще зла на него за то, что он скрытный, но также жалею, что остановила то, чем бы мы там ни занимались. В последние дни кажется, что мне необходимо его прикосновение, как нужен воздух, чтобы дышать, а я так редко его получаю.

Как только ванна наполняется, я сразу раздеваюсь и шагаю в нее, теплая вода успокаивает мои нервы, словно каждый мой мускул зажат.

Долго сижу там с закрытыми глазами, пытаясь забыть руки Джея на себе. Это было так неожиданно, и я до сих пор чувствую его прикосновение, заставившее меня умирать от желания, мгновенно сделав влажной. Я так давно не была с мужчиной, и даже тогда он был не мужчиной, просто мальчишкой. Мой бывший (и единственный) парень был со мной одного возраста. Никто из нас на самом деле понятия не имел, что мы делали большую часть времени.

Не могу представить, что с Джеем было бы так же. Конечно, он всего лишь на четыре года старше, но кажется намного… опытней. Чувствую, что Джей мог бы научить меня вещам, которые я даже не смогла бы понять. Перед глазами встает образ, как он отжимается в саду на траве, его мускулы перекатываются, сокращаются, капли пота стекают по его телу.

В такие моменты мне бы хотелось иметь вибратор. Боже, мне кажется, у меня даже не было влечения, пока Джей не появился в моей жизни. Теперь мой разум — просто кипящий котел неудовлетворения и сексуальных мыслей.

Помню вечер, когда он предложил сделать мне куни. Возможно, он так же целиком отдается действу, как делает все остальное. Мою кожу покалывает при одной лишь мысли об этом, соски напрягаются в воде. Моя рука невинно лежит у меня на животе, но когда эротические мысли берут вверх, я начинаю поглаживать свою кожу, дыхание со свистом вырывается из меня, стоит лишь представить, что это делает рука Джея.

Мои бедра раздвигаются, когда пальцы опускаются ниже, танцующим шепотом отзываясь в моем чувствительном теле, клитор пульсирует в ожидании прикосновения. Секундой позже я испуганно подпрыгиваю, когда кто-то стучится в дверь.

— Родная, мы можем поговорить? — раздается глубокий голос Джея. Мне приходится прикусить губу, чтобы не застонать от его звучания. Чувствуя себя смелой, нахожу свой клитор, медленно потирая его. Дверь ведь закрыта. Он никогда не узнает. Легкая дрожь проходит сквозь меня.

Наконец я тихо отвечаю:

— Сейчас неподходящее время.

Слышу, как его тело скользит по двери, когда он садится, и зад Джея приземляется на пол.

— Я останусь здесь. Мне не нравится бороться с тобой, Ватсон. Мы вроде как лучшие друзья, помнишь?

— Я... я принимаю ванну, Джей. Мы можем поговорить позже, — удается мне сказать, стараясь, чтобы голос звучал как обычно, но мое дыхание слишком затруднено. Я не должна дотрагиваться до себя, когда он прямо за дверью, но ничего не могу с этим поделать. Дотянувшись, я обхватываю грудь рукой и щипаю себя за сосок, посылая дрожь по всему телу.

Осознаю, что Джей слишком долго молчит. Я ведь не издавала никаких звуков? Нет, знаю, что нет. Я не настолько безрассудна.

— Как там твоя ванна? — спрашивает он. Теперь его голос звучит по-другому, ниже.

— Я сказала, — мы поговорим позже. Ты можешь уйти? — хриплю я и проскальзываю пальцами внутрь себя, не в силах остановиться, мои стенки крепко сжимаются вокруг них.

С улыбкой в голосе он продолжает:

— Что ты делаешь там, детка?

— Ничего, — отвечаю я немного поспешно.

— Ладно, продолжай делать *ничего*. Я просто посижу, пока ты этим занимаешься. Это место на удивление удобное.

Ублюдок. Я снова хочу сказать ему уйти, но знаю, что он этого не сделает. Я вот-вот кончу, в том сумасшедшем состоянии, когда ты слишком полна наслаждения, чтобы остановиться. Так сильно хочешь освобождения, что на эти несколько безумных мгновений тебя не волнует, слушает ли кто-нибудь. Знает ли, чем *именно* ты занимаешься. Смущение находится за тридевять земель.

Я снова щипаю себя за сосок, пока потираю клитор, теперь уже быстро, ногой опираясь на край ванны. Я так близка к оргазму, но именно голос Джея доводит меня до исступления.

— Ты делаешь себе приятно? — спрашивает он, в его тихом голосе рокочет ласка.

Издаю тихий стон, не успев его подавить, и кончаю, все мое тело пульсирует от удовольствия.

— Да, — отвечаю я тихо, спускаясь с высот.

Мое сердце подпрыгивает, когда ручка двери поворачивается. Хотя вспоминаю, что заперла ее, и дышу равномерно.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Хочу войти, — бормочет он из-за закрытой двери.

— Я в ванне. Голая!

— Вот именно, — отвечает он. Несмотря на то, что не вижу Джея, уверена, на его лице сейчас то самое самодовольное выражение. Слышится странный скребущий звук на замке. Интересно, что у него на уме. Когда ручка снова поворачивается, и дверь начинает открываться, я выпрыгиваю из ванны, ударяясь своим телом об дверь, чтобы придержать ее.

Прижимаясь к двери, тянусь и хватаю полотенце, чтобы прикрыть себя.

— Ты что, только что взломал чертов замок? — ахаю я, обматывая полотенце вокруг своего тела.

— Еще один из множества моих талантов, — отвечает Джей.

— Ты переходишь все границы.

Его тон мрачный, чуть ли не порицательный:

— О, так теперь у нас есть границы. Ты только что позволила мне слушать, как ты мастурбируешь, родная.

Ладно, когда он преподносит это под таким углом, с ним трудно поспорить. И все равно моим немедленным ответом становится отрицание:

— Не знаю, о чем ты вообще говоришь, но тебе нужно отойти от двери и оставить меня одну.

Я чуть приоткрываю ее и выглядываю, чтобы показать ему, что говорю серьезно. К сожалению, когда его глаза встречаются с моими, я таю. Он втягивает воздух, когда видит меня, его рука тянется через щель, чтобы коснуться моего подбородка. Затем его большой палец двигается вверх и касается моей нижней губы.

— Охренеть, посмотри на себя, — рычит он.

Я так захвачена тем, как Джей смотрит на меня, словно мог бы проглотить целиком, что забываю придерживать дверь. Он легко раскрывает ее, бросается ко мне и подхватывает на руки. Мои ноги обхватывают его талию, пока он несет меня в мою спальню и укладывает на матрас, нависая надо мной.

— Какое искушение, — шепчет он, будто отчитывая себя. — Как, на хрен, я могу сопротивляться этому?

Неожиданно его рот опускается на мой, вбирая мои губы жестким, яростным поцелуем, который я чувствую всем телом, до самых кончиков пальцев ног. Моя кожа становится горячей и возбужденной. Стону ему в рот, когда язык Джея проникает внутрь, переплетаясь с моим, и скользит взад-вперед. Мои ноги раздвигаются, и он толкается в меня, его эрекция интенсивно трется о мою киску. Я изнываю по нему, ощущая пустоту внутри себя.

Он мурлычет, целуя меня, овладевая мной своим ртом. Этот звук отдается вибрацией внизу живота. Мгновением позже он разрывает поцелуй и, отстранившись, смотрит вниз и рассыпается в ругательствах. Следую за его взглядом и вижу, что мое полотенце раскрылось и я стопроцентно и беспощадно голая.

Его рот возвращается к моей шее, облизывая и посасывая, посылая дрожь вниз по спине, которая достигает кульминации у основания позвоночника. От одного этого я могла бы кончить.

— Ты такая красивая, — шепчет он в мою кожу, и мое сердце останавливается. Никто никогда прежде не называл меня красивой. Называли прелестной (папа), но не красивой. Черт, я никогда не

чувствовала себя красивой до этого момента, пока его рот не оказался на моем теле, заставляя ожить каждую клеточку. Одна его рука дразнит мой сосок, другая сжимает бедро.

— Держись за спинку кровати, — говорит он сквозь стон.

— Ч-что? — спрашиваю, едва складывая слово, настолько потерявшись в нем.

Джей прочищает горло, его глаза прожигают мои. Вместо объяснения, он берет мои запястья в свои руки, поднимая их, и обвивает мои пальцы вокруг деревянных поперечин изголовья кровати.

Ох. Теперь я понимаю.

— Держись крепко, — произносит он хриплым голосом; взгляд Джея темнеет, когда он начинает осыпать поцелуями путь вниз по моему телу. — Если ты прикоснешься ко мне, не могу пообещать, что не трахну тебя.

Дрожь удовольствия пробегает по позвоночнику. Он не должен был говорить этого, потому что теперь я *хочу* дотронуться до него. Узнать, что случится.

Понимаю, что веду себя безрассудно. Знаю, что он хранит секреты, но факт в том, что в этот момент я не могу заставить себя волноваться об этом. Его прикосновения отправляют мой мозг в отпуск, долгий-долгий отпуск в далекую страну. И я хочу *Джея* сильнее, чем его секреты.

Теперь он внизу моего живота, и мне кажется, я знаю, куда он направляется. Во мне нарастает тревога, и я напрягаюсь. У меня никогда этого не было, не знаю, чего ожидать. Мне это вообще понравится?

Когда он доходит до моего холмика, останавливается, утыкаясь в меня носом и глубоко вдыхая. Приподнимается на локтях, и его глаза светятся, пока он любуется.

— Расслабься, — говорит он ласково, поглаживая мой живот.

— Прости. Я просто нервничаю.

— Не нужно. Тебе понравится. И более того, ты, вероятно, полюбишь это. — Он награждает меня дьявольской улыбкой, затем наклоняет голову, его губы пылко встречаются с моей вибрирующей киской.

Я вскрикиваю. Затем он начинает ласкать меня языком, таким влажным, мягким и совершенно божественным; все мое тело словно тает.

— Дж-Джейсон, — скорее выдыхаю, чем говорю я. Он стонет, втягивая клитор в свой рот.

Кажется, он настолько поглощен этим, словно наслаждается больше меня, и это существенно возбуждает. Хочу отпустить кровать и вцепиться в его плечи, но он видит, что я двигаюсь, и смотрит пылким взглядом, который говорит «нет». Его язык проделывает дорожку от клитора к моему входу и проскальзывает вовнутрь, пользуясь возможностью. На этой стадии я готова принять любую его часть, лишь бы она была внутри меня. Его отсутствие сводит меня с ума, а ведь я даже еще не была с ним, чтобы знать, чего мне не хватает.

Он так лижет, так проникает в меня, словно на самом деле трахает, и я позволяю шлюзу открыться, несдержанно постанывая. Во время секса я всегда контролировала себя, но с Джеем мне не светит сдерживаться. Он заставляет меня терять разум до такой степени, что я едва узнаю нуждающегося, помешанного на сексе человека, которым становлюсь.

Не могу сказать, сколько времени прошло, когда он возвращается к моему клитору, совершая языком хлесткие, быстрые движения, о возможности которых я даже не подозревала. Боже, я не хочу, чтобы это когда-нибудь заканчивалось. Он смотрит вверх на меня так, словно я самая сексуальная из всех, кого он видел, и мне нужно, чтобы это было правдой. Нужно, чтобы для него это было больше чем секс. Больше чем зуд, который он хочет унять.

— Сейчас ты выглядишь охренительно сексуально. Кончай мне в рот, — говорит он хриплым голосом, его руки быстро перемещаются на мои ягодицы и поднимают их. Он застает меня врасплох, когда встает на колени на кровати, придерживая мое тело под углом к матрасу, его рот все так же работает над моим клитором. Наклон усиливает ощущения, делает их более интенсивными. Я бы никогда не додумалась до этого.

Его большие, горячие как огонь, руки обхватывают мои бедра и низ живота.

— Посмотри на меня, — требует он, прерываясь.

Наши взгляды встречаются, замирают. Спираль сжимается глубоко внутри меня, становясь все более и более напряженной. Затем он легонько захватывает мой клитор между своими зубами, и меня

поражает, насколько это приятно. Я скулю и стону одновременно. Затем кончаю, долго и сильно, пока он продолжает сосать, охотно вытягивая каждое содрогание.

Я хныкаю, когда удовольствие утихает, и Джей обнимает меня. Он утыкается лицом в изгиб моей шеи за ухом.

— Вау, — выдыхаю я, наконец, найдя в себе достаточно сил, чтобы сформировать слова.

Тихий, ласковый смех Джея вызывает бабочки в моем животе.

— Теперь ты понимаешь, из-за чего весь сыр-бор? — нежно спрашивает он.

— М-м-х-м-м-м.

Он трется носом о мое ухо.

— Хорошо.

Мы долго остаемся в таком невероятном положении, когда я голая, в руках Джея, свободно наслаждаюсь ощущением его тепла, обнаженная грудь Джея прижата к моей. Обожаю жар его кожи, люблю взгляд, которым он пожирает меня.

Время медленно течет, как карамель, расточительно капающая с серебряной ложки. К несчастью, момент чересчур быстро разрушается тремя громкими стуками во входную дверь. Я почти заснула, когда шум будит меня. Смотрю на часы, вспоминая, что Мишель обещала сегодня заглянуть.

Руки Джея рефлекторно сжимаются вокруг меня, когда я пытаюсь отодвинуться.

— Не обращай внимания, — сонным голосом говорит он, не открывая глаз.

— Я должна ответить. Это Мишель. Она знает, что я здесь. Я сказала ей, что буду.

— Черт.

Я улыбаюсь тому, что он так рассержен перспективой разрушить это мгновение, которое мы разделяем.

— Тебе все равно нужно принять душ. Ты все еще потный после тренировки.

Его глаза загораются, и он перегибается через меня.

— Ты любишь это.

В ответ у меня получается лишь робко улыбнуться. Целуя меня нежно и ласково, он перекатывается и встает.

— Значит, пойду в душ, — говорит он, прежде чем покинуть комнату. Я быстро хватаю первые попавшиеся штаны и футболку, набрасываю их и спешу вниз, чтобы открыть дверь Мишель, в которую она уже звонит, теряя терпение. Мои волосы все еще влажные, когда я открываю ей.

—Прости, я была в ванне, — говорю я, пропуская ее внутрь.

Мишель подозрительно смотрит на меня и смеется.

— Немного необычный час для ванны, но каждому свое. Пойдем, посидим у тебя во дворе. Такой прекрасный день.

Я делаю нам разнообразные сэндвичи и наполняю кувшин апельсиновым соком, вынося все в сад, где сейчас нежится моя подруга. Она надела желтый топ на бретельках, выставляющий на показ ее маленькие, но дерзкие груди, возможно, в надежде, что они загорят. Солнце обдает теплом мои ступни, и я понимаю, что ходила босиком, измотанная странным поворотом событий этого дня.

— Так что, есть новости? — спрашивает Мишель и берет сэндвич, грациозно откусывая его.

О, у меня *есть* подходящие *новости*, да. Не уверена, что хочу поднимать эту тему, когда Джей находится наверху.

— Не особо. У тебя?

Она пожимает плечами:

— Это была долгая рабочая неделя. О, и я видела проходящего Майкла Фассбендера[29], когда уходила из офиса вчера, что слегка подняло мне настроение.

— Правда? С кем он был? — спрашиваю я с любопытством. Мишель сверхъестественно везет на случайные встречи со знаменитостями в повседневной жизни. Это странно. Однажды она стояла в очереди вместе с Гэбриэлом Бирном в супермаркете.

— С каким-то пожилым человеком. По крайней мере, я думаю, что это был Майкл Фассбендер. Он мог быть просто двойником.

[29] ирландский актёр театра, кино и телевидения, продюсер немецкого происхождения.

Тут в сад приходит Джей, он сменил одежду, а его волосы влажные. Мишель осматривает его, когда он выдвигает стул и садится.

— Ты читаешь мои мысли, Ватсон. Я голоден, — говорит он, хватая сэндвич и съедая его одним большим, голодным укусом. Пристально смотрю на его рот, ясно осознавая, где он только недавно находился. Горящий взгляд, которым Джей одаривает меня в ответ, говорит мне, что он знает, о чем именно я думаю.

— Ах, да, угощайся, — саркастично говорю я. Не совсем понимаю, как теперь вести себя с ним.

— Если не возражаешь, — отвечает он, многозначительно глядя на меня.

Бросив взгляд на Мишель, вижу, что она смотрит на нас, и на губах подруги расплывается улыбка.

— Так вы оба принимали ванну в… х-м-м-м, — она смотрит на свои часы, — в два часа дня.

Я делаю вид, что не понимаю, к чему она клонит, и хмурюсь.

— Что? Я принимала ванну. Джей душ. У него есть свой собственный в комнате. И почему это тебя так волнуют наши привычки в личной гигиене?

Джей ухмыляется, но не смотрит на меня, сосредотачиваясь в основном на поглощении сэндвичей. Я также знаю, почему он ухмыляется. Просто я слишком рьяно стала противоречить заявлению Мишель.

— *Ла-адно,* — говорит Мишель, делая глоток сока. — Я всего лишь высказала наблюдение. — Она замолкает и стряхивает крошки с колен, затем невзначай спрашивает: — Так Джесси придет сегодня?

Теперь моя очередь проявить любопытство. Есть что-то такое в ее тоне. Будто она изо всех сил старается, чтобы ее голос звучал небрежно. Я смотрю на Джея.

— Придет?

Он качает головой, его рука под столом прокрадывается на мое бедро. Я тихо вздыхаю, стараясь вести себя, как ни в чем не бывало, не желая, чтобы Мишель заметила.

— Я не в курсе, родная.

Его голос тягучей, чем обычно, ленивей. Вот каким он бывает, после того как доводит женщин до оргазма? Он кажется таким… удовлетворенным.

— Очень жаль. На прошлой неделе с ней было так весело после твоего шоу, — говорит Мишель.

Джей поднимает брови, за долю секунды внимательно оглядывая Мишель.

— Как интересно.

— Что? — спрашивает она, выпрямляясь.

О, нет, он что, читает ее?

— Твои зрачки расширились, когда ты говорила о Джесси, — небрежно объясняет Джей. — Ты понимаешь, что это значит?

— Мои зрачки не были расширены, — говорит Мишель в редкий момент застенчивости. И вообще, не думаю, чтобы когда-нибудь видела ее такой. Она почесывает шею.

— Были. Они стали охренительно громадными, дорогуша. — Он облокачивается на локоть. — Это значит, что ты была возбуждена. Тебе ведь нравится Джесси?

Я пихаю его в бок.

— Отстань от нее, Джей.

— Мы ведем дружескую беседу, Матильда, — отвечает он, двигая рукой вверх по моему бедру и крепко сжимая его. Стискиваю кулак, чтобы не передвинуть ее.

— Вы двое ведете себя странно, — замечает Мишель, беря еще один сэндвич. — Что происходит?

Ее вопросы вынуждают меня беззлобно обороняться.

— *Мы* ведем себя странно? — со смехом отвечаю я. — Это твои зрачки расшились при упоминании девушки. Мне казалось, ты оставила свои эксперименты, когда закончила колледж.

Она вздыхает и плюхается обратно на место.

— Какая разница. Мне нравится думать, что во мне всегда будет та часть, которая любит дам. Словно десять процентов моей вагины увлекается моллюсками, тогда как другим девяносто нравится хорошая сосиска.

Я едва не давлюсь от смеха. Да уж, Мишель всегда знает, как поставить меня на место.

— Поверить не могу, что ты только что это сказала.

— Джесси отвезла тебя к себе домой на прошлой неделе? — предполагает Джей.

Мишель смотрит на него притворно застенчивым взглядом.

— Возможно.

— Что? — вмешиваюсь я с поддельным оскорблением в голосе. — Что-то произошло между вами, и ты не сказала мне? Это возмутительно!

— Успокойся, красотка. Ничего такого не произошло. Мы немного… пощупали друг друга. И все. Но я получила удовольствие. Была бы не против второго раунда.

— Джесси нравится заставлять гетеросексуалов свернуть с прямого пути, — говорит мне Джей. — Это ее фишка.

— Ну, меня она может заполучить на одну ночь в любое время, — говорит Мишель, облизывая губы.

— Только не соблазняй ее, — говорю я, нахмурившись. Может, Джесси и любит развлекаться с гетеро, но Мишель любит поиграть с мышками, которых она ловит, прежде чем съесть их живьем.

— П-ф-ф. — Мишель отмахивается от моих переживаний. — Я бы не смогла соблазнить ее, даже если бы захотела. Она настоящая развратница. Возможно, у нее каждую ночь новая девушка.

— Ты недалеко от нее ушла, — говорит Джей, вытаскивая телефон из кармана. — Кстати, а вот и она, легка на помине. — Он отвечает на звонок и отходит, чтобы поговорить.

— Не рассказывай, что я говорила о ней, — шепотом кричит Мишель ему.

Он кивает ей с насмешливым видом и начинает серьезно разговаривать по телефону. Интересно, о чем. Прежде чем я успеваю обдумать это, Мишель хватает меня за запястье и практически дергает через стол.

— Ладно, я хочу знать все, что происходит между тобой и мистером Магические Руки, до последней мелочи.

ГЛАВА 19

Я удивляю даже саму себя, когда решаю не говорить Мишель, что произошло между Джеем и мной. И вот почему: я хочу сохранить лицо, на случай, если выйдет так, что для него это лишь способ покувыркаться. Мишель знает о моем поиске эпической любви, и я не хочу, чтобы она судила меня за то, что мое новоиспеченное либидо вышло из-под контроля.

Где-то в глубине разума я понимаю, что она не будет судить меня, но давайте посмотрим правде в лицо: разговаривать о сексе неловко. Это она всегда рассказывала мне о своих постельных приключениях, а не наоборот. Короче говоря, мне не составляет труда говорить про секс других людей, но разговаривать о *моем* сексе, ну, это совсем иной уровень неловкости. Я бы даже не знала, с чего начать объяснять, насколько впечатляюще Джей смог перевернуть мой мир после рекордного воздержания.

— Ничего не происходит. Просто заигрывает. Он со всеми флиртует, — небрежно отвечаю я.

— Вот и нет. С нашей первой встречи он не особо удостаивал меня взгляда — видимо, так занят тобой, что даже не замечает существования других женщин.

— Ой, помолчи. Ты вкладываешь в это слишком много смысла.

— Вовсе нет, но если ты хочешь пустить в плавание по Нилу свою маленькую шлюпку и любоваться пейзажем, я не буду тебя останавливать.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты используешь двадцать слов, когда достаточно и пяти? Мне казалось, в школе маркетинга учат как раз обратному.

— Ну, вот, теперь она включает стерву. Она всегда так делает, когда пытается защищаться.

— *Она* была бы очень благодарна, если бы к ней не обращались в третьем лице.

— *Она* только что сделала это сама.

— *Она* пыталась донести смысл.

— У *нее* это получилось.

Долю секунды мы смотрим друг на друга, прежде чем взорваться хохотом.

— Боже, я чертовски люблю тебя, Матильда. Но, клянусь, ты самая нервная девушка, которую знаю.

— Рада обладать таким званием.

Вернувшись минутой позже, Джей говорит нам, что ему нужно отлучиться ненадолго, но позже он вернется — и многозначительно сжимает мое плечо, прежде чем уйти. Мы с Мишель оставшуюся часть дня смотрим кино, а затем, как только она уходит домой, я возвращаюсь к своей швейной машинке.

К десяти часам решаю закруглиться и хмурюсь, замечая, что Джей еще не вернулся. Верчу в руках телефон, раздумывая, стоит ли позвонить ему и узнать, как он там. В итоге решаю этого не делать.

Он взрослый мужчина. И не нуждается в контроле с моей стороны.

Ворочаюсь в кровати, как обычно делаю, оставшись дома в одиночестве. Когда я была ребенком, мне снились кошмары, что меня похищали во сне плохие люди, одетые в черное. Я постоянно будила отца, крича что есть мочи, пока он не приходил и не успокаивал меня, уверяя, что это был лишь сон. С годами кошмары исчезли, и я знаю, папа был этому рад. Было видно, что он переживал из-за них, считая, что кошмары были вызваны событиями той ночи, когда убили маму. Похитителями в моих снах всегда были одни и те же люди, застрелившие ее.

Некоторое время спустя я слышу, как Джей возвращается домой. Он поднимается наверх, и я сдерживаю дыхание, пока слушаю, как он идет в направлении моей комнаты. Не зная, что еще делать, я притворяюсь спящей. Дверь в мою комнату открывается. В доме так тихо, что мне слышно его дыхание, когда он долго стоит и наблюдает за мной. Я против воли выжидательно сдерживаю дыхание.

Он собирается войти?

Не входит. Вместо этого он закрывает дверь и идет в свою комнату. Что это было? Он какое-то время вышагивает по комнате, как обычно это делает по ночам. Звук шагов, как ни странно, успокаивает меня, и я засыпаю.

Через несколько часов я просыпаюсь. На улице еще темно. Я бросаю взгляд на будильник на тумбочке, он показывает три часа ночи. Мое сердце колотится, и я не могу понять почему, пока не слышу, что именно меня разбудило. Из комнаты Джея доносятся громкие стоны, полные страдания. Я

спрыгиваю с кровати и спешу к нему, беспокоясь что он каким-то образом поранился. Но попав в его комнату, вижу, что дело не в этом. Он лежит в позе эмбриона, прижимая колени к своей груди. Никогда не видела, чтобы такой огромный мужчина выглядел таким маленьким.

Включив ночник, я подхожу к нему и обнаруживаю, что он все еще спит и, похоже, находится во власти кошмара. Надо же, я только недавно думала о своих ночных страхах. На нем лишь боксеры, и его обнаженная кожа блестит от пота. Я склоняюсь к нему, не уверенная, разбудить его или оставить одного. Он совершенно взрослый мужчина, но в этот момент словно вновь стал ребенком.

Нерешительно кладу руку ему на плечо и шепчу:

— Джей, проснись. Джей, тебя мучает кошмар.

Его тело резко дергается, и глаза распахиваются; он крепко и болезненно хватает руку, которая дотрагивалась до него.

— Джей, — вздрагиваю я. — Отпусти. Это всего лишь я. Матильда.

Когда он слышит мое имя, его будто что-то встряхивает. Вместо того чтобы отпустить мою руку, он тянет ее, но на это раз нежнее. Джей притягивает мое тело к себе и накидывает на нас покрывало, обхватывая меня руками и ногами. Я в ловушке, но ничего не имею против.

— Матильда, — шепчет он.

От интонации, с которой он говорит это, у меня появляются сомнения, не проснулся ли он. Тепло его обнимающих рук успокаивает меня. Он прижимается губами к моему затылку.

— Останься, — шепчет он.

Вдыхаю его дурманящий запах, который словно обволакивает меня. Возможно, я бы не смогла уйти, даже если бы захотела. Через некоторое время он снова крепко засыпает, и его дыхание выравнивается. Вскоре после этого я тоже засыпаю.

В следующий раз я просыпаюсь уже утром в одиночестве. Слышу шипящую сковородку внизу, и запах бекона вызывает у меня слюнки. Встаю, быстро забегаю в ванную, прежде чем спуститься вниз на кухню.

— Доброе утро, соня, — с улыбкой говорит Джей, когда я сажусь за стол и наливаю себе сока.

— Доброе, — отвечаю я, не глядя на него.

Джей подходит и кладет мне кусочек бекона на тарелку.

— Итак, — начинает он самодовольно, — прошлой ночью ты прокралась ко мне в кровать. Это был приятный сюрприз.

Мое сердце стучит от его слов:

— Что?

— Я проснулся с красивой женщиной в своих объятиях. Неплохой способ начать день, особенно учитывая, что я лег в кровать один. — Он подмигивает.

— Ты не помнишь, — осознаю я, мурлыча в душе, оттого что он назвал меня красивой во второй раз. Я могу и привыкнуть к этому.

Джей берет стул и садится напротив меня, нахмурив брови.

— Не помню чего, родная?

— Я проснулась, услышав, что тебе снится кошмар. Звуки напугали меня, поэтому я зашла к тебе в комнату, чтобы успокоить. Потом ты притянул меня к себе на кровать и не отпускал. Мое присутствие, похоже, помогло тебе заснуть, поэтому я осталась.

Джей теребит свои роскошно взъерошенные после сна волосы. Впервые за все время он кажется смущенным.

— Ну да. Мне бывает трудно заснуть. Это проблема.

— У тебя бессонница?

— Можно сказать и так. В сущности, мой мозг никак не отключается, чтобы я мог хорошенько поспать ночью. Это тянется неделями, и затем я вырубаюсь на целый день от усталости. А после все повторяется заново.

— Ужас. Ты принимал лекарства?

— Я много всякой фигни пробовал. Ничто не срабатывало на сто процентов. Если я принимал снотворное, становился сонным, но не засыпал. То есть я бодрствовал, но чувствовал себя более

уставшим, чем до того, как выпил таблетки. У меня есть прием, который срабатывает в большинстве случаев.

— Прием?

— Ага, я вышагиваю, перечисляя в своей голове все, чего я достиг и чего планирую достичь. Это помогает мне расслабиться достаточно, чтобы заснуть в большинстве ночей. Проблема в том, что если что-то осталось не выполненным, это не дает мне покоя, пока я перечисляю дела, и не позволяет заснуть.

О, так вот зачем он ходит по комнате. Меня немного тревожит, что ему приходится делать нечто подобное, чтобы заснуть. И все равно я не хочу критиковать, поэтому успокаиваю его:

— Ну ладно, я поняла. Знаешь, а это очень хороший прием. Однажды я где-то читала, что мы мысленно проигрываем день, прежде чем пойти спать. Это дает нам чувство, что все удачно прошло.

Джей долго смотрит на меня, так долго, что я начинаю смущаться.

— Я сплю лучше, когда ты со мной, — говорит он тихим голосом.

Я стараюсь развеять его серьезность, не обращая внимания на покалывание под кожей.

— Как кучкой? Ты такой большой ребенок.

Его губы подрагивают.

— Необязательно кучкой. Есть несколько позиций, к которым я неравнодушен. Хочешь, чтобы я показал тебе?

Его тон понижается на слове «позиций», и я сосредотачиваюсь на пережевывании хрустящего бекона, приготовленного им для меня.

— Не нужно никакого «покажу-и-расскажу».

Джей усмехается, и около минуты мы едим в тишине.

— Ты что-нибудь делаешь потом? — спрашивает он затем. — Я бы хотел отвезти тебя в одно место.

— Не особо. Собираюсь сегодня немного заняться шитьем, потом я свободна как птица. Куда ты хочешь меня отвезти?

— Это сюрприз.

— Х-м-м, я начинаю думать, что вы можете быть неравнодушны к надоедливым секретам так же, как и к *позициям*, мистер Филдс, — шучу я.

— Ага, вот только не моя вина, что я так люблю еле слышные вздохи, которые ты издаешь, когда удивлена, — нагло отвечает он с колким блеском в глазах.

Я указываю на него своим куском тоста:

— Этим утром ты на редкость в хорошей форме.

— Рад, что моя форма тебя впечатляет.

— Само собой ты рад… Павлин.

Он взрывается смехом:

— Павлин?

— Что? Я устала. У меня плохо получается придумывать остроумные ответы, когда я уставшая.

— Знаешь, мне нравится, как двигаются твои губы, когда ты произносишь слово «павлин».

Я смотрю на него, и мой рот образует удивленное «О». Когда я обретаю дар речи, говорю ему унылое:

— Заткнись.

— Заканчивай свой завтрак и набирайся энергии, уставшая Тилли, — говорит он, нежно глядя на меня.

Я протыкаю кусок бекона вилкой.

— Не называй меня Тилли.

Джей со смехом поднимает руки в воздух.

— Ладно. Тебе не нравится Тилли. Принято к сведению.

***

Если и существует что-то, что мне нравится делать с Джеем, так это ездить с ним… в его машине. Не подумайте ничего такого, пожалуйста. Он дал мне строгое указание не ужинать, а когда мы выходили, засунул большой вещевой мешок в багажник. Я думала, он повезет нас на ужин, но вещевой мешок

смутил меня. Так что теперь нет ни малейшего представления, куда он везет меня или что планирует делать, когда мы туда доберемся.

Я верчусь на сиденье, опуская его так, чтобы можно было расслабиться, позволив ветру трепать мои волосы через открытое с моей стороны окно. Джей припарковывается в городе, в районе Джорджиан, и помогает мне выйти, вытаскивая вещевой мешок.

— Ты ведь не носишь там кучу всякого оружия? — шучу я, когда он ведет меня по улице.

Он лишь уклончиво улыбается:

— Нет.

Мы рядом с маленьким парком, перед воротами которого выстроилась очередь. Джей берет мою руку в свою, наши пальцы сплетаются, и мы присоединяемся к очереди.

— Если ты не скажешь мне, что это такое, я спрошу у людей, стоящих перед нами, — напираю я.

— Попробуй и будешь иметь дело с последствиями, — предупреждает он.

Я хмурюсь, решая, что лучше не знать, пока он не посчитает нужным раскрыть свои планы. Очередь медленно двигается вперед, и когда мы достигаем ворот, ведущих в парк, я вытягиваю шею, чтобы заглянуть внутрь. Видно не очень много, но я замечаю несколько красивых сказочных фонарей, висящих на деревьях. Они выглядят волшебно.

Джей передает девушке у ворот два билета, и она ставит красные штампы на наши руки. Мы заходим внутрь, и Джей ведет меня сквозь ряды деревьев со сказочными фонарями на открытую поляну, где люди устраивают пикники, сидя на расстеленных одеялах. Вижу установленный кем-то огромный прожекторный экран, и тогда все становится на свои места. Кинотеатр под открытым небом! Я никогда прежде не была в таких. Как же замечательно.

— Джей, — растроганно шепчу я ему.

Он слегка поворачивает ко мне голову, но продолжает идти, отыскивая место получше, чтобы расположиться.

— Да?

— Спасибо, что привел меня сюда. Мне так нравится.

Он нежно улыбается:

— Кино еще даже не началось.

— Какое?

Он смотрит на меня вызывающим дрожь взглядом:

— *«Пианино»*.

От его ответа я заливаюсь румянцем, как безумная. Уверена, он помнит о том, что я рассказывала ему как, кхм, наслаждаюсь этим фильмом. Он не заостряет внимания на моем смущении, вместо этого вытаскивает флисовое покрывало из вещевого мешка и расстилает его на клочке травы, ближе к задней части парка. Небо начинает темнеть, опускаются сумерки, чувство романтики со страшной силой накрывает меня. Он все это спланировал. Для меня. Для *нас*.

Ну да. Это просто кашель застрял у меня в горле. Это не эмоции, клянусь. Приглашая меня присесть, он вытаскивает из мешка несколько пластиковых контейнеров с едой и маленький холодильник, в котором лежит бутылка вина. Х-м-м, он что, собирается меня напоить? Еда состоит из сэндвичей, чипсов и соусов. Идеальное сочетание для пикника.

— Это мило, — улыбаясь ему, говорю я с любопытством. — Ты сам все спланировал?

Когда он смотрит на меня, то его взгляд выражает не то, что я ожидаю. Он кажется виноватым и по какой-то причине почти… печальным. Это быстрое преображение застает меня врасплох.

Потянувшись к шее и почесав ее, он отвечает:

— Да, я хотел сделать что-то, что бы тебе понравилось. — Он передает мне бумажную тарелку с сэндвичами. — Вот, кушай.

— Спасибо, — отвечаю, все еще глядя на него. Что-то с ним не так, но я не могу понять, в чем дело.

Как только становится совсем темно и начинается фильм, Джей притягивает меня, устраивая у себя между ног, и моя спина облокачивается на его грудь. Эта близость заставляет меня вспомнить вчерашний день, его рот на мне, насколько восхитительно было ощущение. Он пробегает пальцами по моим рукам, замечая, что моя кожа покрывается пупырышками от холода.

— Холодает. Я взял еще одно покрывало, — говорит он, вытаскивая его из мешка и накрывая нас обоих. Я погружаюсь в него, чувствуя, как его дыхание щекочет мой затылок. Не отрываясь от фильма, он наливает нам вина в пластиковые стаканы, которые принес. Попивая свое и наслаждаясь моментом, смотрю один из своих самых любимых фильмов с мужчиной, к которому я испытываю чувства.

Когда я заканчиваю пить, он забирает у меня стакан, откладывает в сторону и крепко обхватывает обеими руками вокруг талии. Приближается сцена, которую ему описывала, и я закрываю глаза, не в состоянии выдержать ее, находясь так близко к нему.

Я хочу его сегодняшней ночью. Хочу, чтобы он любил меня прямо здесь, под звездами. Меня не волнует холод или тот факт, что я так мало его знаю.

К концу фильма я поворачиваю свое лицо к нему, и его губы оказываются прямо передо мной. Смело наклоняюсь, чтобы поцеловать его, но Джей отодвигается, и я не могу понять, он это сделал, чтобы избежать моего поцелуя или случайно. Он прижимается носом к моему виску. Я принимаю прикосновение, несмотря на то, что оно кажется утешительным призом.

Фильм заканчивается, и он глубоко вздыхает. Мы не двигаемся с места, даже когда все вокруг нас собираются уходить.

— Это самое трудное, — говорит Джей тихим голосом.

Я поворачиваюсь в его руках, чтобы смотреть ему прямо в лицо.

— Трудное?

— Ага, — говорит он. Его рот так близко к моему, а глаза полны эмоций. — Сдерживаться, чтобы больше не дотрагиваться до тебя. Дотрагиваться везде.

Я долго смотрю на него, прежде чем ответить тонюсеньким голоском:

— Ты можешь дотрагиваться до меня, если хочешь этого.

Он выглядит измученным, но я не пойму почему.

— Если я попрошу тебя кое о чем, ты сделаешь это, не задавая вопросов? Просто примешь это как должное?

Какое-то опасение появляется у меня внутри.

— Я постараюсь.

— Мне нужно, чтобы ты не дотрагивалась до меня, чтобы не пыталась поцеловать, как ты делала во время кино. Я знаю, что это ханжество, учитывая, что между нами назревало в последнее время, но пока не в моих силах объяснить тебе. Мне нужно, чтобы ты была моим другом, Матильда, проводила со мной время. Но, пожалуйста, не добивайся большего, даже если кажется, что я хочу тебя до боли, даже если я сам буду добиваться, потому что, если ты позволишь, то могу просто поступить эгоистично и взять тебя. — Он замолкает, прежде чем тихо закончить: — И ты уничтожишь меня.

Я уничтожу его? Как же иронично, что в данный момент я чувствую, как он губит меня.

— Ты не хочешь меня?

Он не сразу отвечает. Затем говорит:

— Ты должна мыслить в другом направлении, родная.

Я изучаю его, пытаясь разгадать. Наконец, я понимаю, что происходит. Он пытается отпустить меня. Говорит красивые вещи, но смешивает их с плохими, чтобы я чувствовала себя менее отвергнутой, потому что — давайте взглянем правде в лицо — это ведь он и есть. Отказ.

Вчера, когда мы были вместе, это было небольшим помутнением рассудка с его стороны, Джей просто удовлетворял нужду, вот и все. Полагаю, я позволила себе увлечься. Собираю все свое самообладание, сдерживая слезы, которые просятся наружу.

— Значит, ты говоришь, что хочешь быть просто друзьями? — Слезы уже в горле, и невозможно, чтобы он их не слышал.

Джей берет мою руку в свою и крепко сжимает.

— Я хочу, чтобы ты была моим лучшим другом.

Собравшись с силами, я говорю:

— Ладно, я поняла. Можешь не смягчать удар.

Теперь он до боли сжимает мою руку.

— Я хочу, чтобы ты была моим лучшим другом, родная. Я не смягчаю удар. Это и есть правда.

Я хочу просто помолчать, но ничего не могу поделать, слова вылетают сами собой.

— Неужели… — я останавливаюсь и делаю вдох, проглатывая слезы. — Неужели со мной что-то не так?

— Черт возьми, Ватсон, нет. Ты идеальна. — Он притягивает меня к себе и обнимает так крепко, что мне не хватает воздуха.

Я не идеальна. Он врет. Если бы я была идеальной, тогда бы этого разговора не было. Мне ненавистно то, насколько я люблю ощущение его тела, прижатого к моему. А затем нарастает гнев. Я резко отстраняюсь от него и встаю на ноги.

— Кто вот так приводит девушку посмотреть кино, а затем говорит, что не хочет быть с ней? Это было очень мерзко с твоей стороны, Джей.

— Не могу, — говорит он, тоже вставая и направляясь ко мне. Джей останавливается, лишь когда его грудь касается моей, совершенно вторгаясь в мое личное пространство.

— Что? — спрашиваю я раздражительно.

— Не могу, а не «не хочу».

— В твоих словах нет никакого смысла.

— Однажды я объясню тебе.

— Ради всего святого, ты можешь хоть раз сказать все начистоту? Хотя знаешь, забудь. Я иду домой.

Разворачиваюсь и убегаю от него, но Джей догоняет и останавливает меня, с силой хватая за локоть.

— Ты не пойдешь домой одна в такое время, — рычит он мне в ухо.

— Это мы еще посмотрим. — Я вырываю локоть из его хватки и мчусь со всех ног. Я настолько поглощена чувством стыда и боли, что просто не хочу смотреть на него. Не хочу смотреть на человека, которого так сильно желаю, но который не желает меня в ответ.

Минутой спустя я оказываюсь в воздухе, когда Джей догоняет меня, обхватывает за талию и забрасывает себе на плечо.

— Джей! Отпусти меня! — визжу я, извиваясь в его хватке. Но он не опускает, пока не доходит до машины и не заталкивает меня на заднее сиденье. Только я собираюсь выползти, как Джей захлопывает дверь и закрывает ее на замок. Я дергаю ручку, но она не поддается.

— Это ради твоей же безопасности, — говорит он через стекло и идет обратно в парк.

О, Боже, невозможно быть еще больше раздраженной. Он просто запер меня в своей машине. Мой гнев проходит через минуту, снова сменяясь болью. Чувствую себя отвратительно. Именно этот момент я выбираю, чтобы зациклиться на том факте, что Оуэн до сих пор мне не позвонил — прямо вишенка на торте, коим является отказ Джея. Вот, правда, что со мной не так, если мужчины, похоже, не хотят меня?

Может, я слишком скучна? Ладно, пока пожелаю своей жалости к себе спокойной ночи. Вскоре Джей возвращается, проскальзывая на водительское место и бросая собранный вещевой мешок назад. Он не говорит ни слова.

И то, что он не разговаривает со мной, я ненавижу еще больше чем то, что он не желает меня. Я больше не в силах сдерживаться, и слезы текут из моих глаз. Я вытираю их рукавом, стараясь не шмыгать носом, чтобы Джей не знал, что я плачу. Но все бесполезно, потому что Джей смотрит в зеркало заднего обзора и резко выдыхает.

— Родная, не плачь.

Теперь я шмыгаю.

— Не называй меня родной. Я не твоя родная. Я твой *друг*. — Вкладываю в это слово всю свою злобу.

Еле заметная улыбка появляется на его губах, и мне хочется ударить Джея за это.

— Правда? По тону и не скажешь, что ты мой друг. Звучит так, словно ты меня на дух не переносишь.

Встречаюсь с ним взглядом, и все во мне опускается. Сама виновата, что решила, будто между нами что-то есть. Просто я никогда прежде не встречала такого; он так быстро заворожил меня. Мне кажется, после него я не смогу быть с другим мужчиной. Насколько это печально?

— Извини, — шепчу я.

— Не за что извиняться, Ватсон, — говорит он, поворачивая руль, когда заворачивает за угол.

— Есть за что. Я не должна была закатывать истерику. Просто я… ты мне очень нравишься и причиняешь мне боль. Я переживу это. Я твой *друг*. — Делаю паузу и добавляю: — Обещаю быть твоим другом. — Потому что, несмотря на то, что он заставил меня дерьмово себя чувствовать, я ощущаю в нем какое-то отчаяние, будто он нуждается в моей дружбе больше, чем в чём-либо другом, даже если мы совсем недавно появились друг у друга. Это странно, но у меня такое чувство, будто я знаю его с рождения. Он так идеально вписывается в наш с папиным образ жизни, словно всегда там был.

Меня поражает его взгляд, в котором в равных долях смешиваются ненависть к себе и привязанность ко мне, но это не может быть правдой. Он сбивает меня с толку.

— Спасибо, родная, — произносит он после затяжного молчания. — Мне нужен такой друг, как ты.

ГЛАВА 20

Проходит несколько дней. Папа возвращается с гольфа посвежевшим, что радует. Но между мной и Джеем напряженная атмосфера, что не делает меня счастливой. Теперь я чувствую себя такой незащищенной перед ним. Раньше было все нормально, когда я могла ходить вся такая безразличная и делать вид, что он меня не интересует. Но теперь он знает, что нравится мне, и это так унизительно.

Чувствую себя ребенком в школе, чью влюбленность раскрыли. Хотелось бы, чтобы между нами вовсе ничего не происходило, потому что гораздо хуже знать, что я упускаю.

Я просто жду того дня, когда он приведет домой девушку. Не уверена, что смогу выдержать, если он это сделает. Слышу, как Джей говорит папе, что подобрал себе новое место для жилья, но не может въехать туда еще две недели. Воздух застревает в легких. Это все, что у меня осталось. Две недели, и он исчезнет. Знаю, что еще увижу его, но это будет не то же самое.

Большинство вечеров папа с Джеем запираются в его крошечном кабинете, обсуждая детали дела. Отец решил взять большую часть административной работы на себя, так что мы с Уиллом можем сосредоточиться на остальных делах фирмы. Единственный хороший момент в том, что папа вновь воспрянул духом. Словно он стал на двадцать лет моложе, отражением человека, которым он был до того, как у нас так жестоко отняли маму.

И поэтому я благодарна Джею и очень рада, что он вошел в наши жизни, несмотря на то, что причинил мне боль. Я давно не видела папу таким бодрым.

Ближе к концу недели я получаю сообщение от Джесси, в котором написано:

Хэй, леди! В этот уикенд я устраиваю у себя дома вечеринку по случаю дня рождения, и ты приглашена. Можешь привести свою блондинистую подружку ;-) P.S. Я прикрепила список сайтов знакомств, который обещала. Увидимся в субботу!

Я улыбаюсь про себя при мысли о том, что она сама для себя устраивает вечеринку. Затем хмурюсь, осознавая, что Джей будет там. Это будет большая компания, и уверена, что там найдутся девушки, которые будут липнуть к нему, даже если большинство гостей, возможно, будут игроками другой команды.

Эта мысль меня тревожит. Я очень хочу пойти, потому что мне нравится Джесси. Хочу быть ее подругой. Но мне нужно придумать что-то, чтобы не сильно убиваться горем, если случится так, что Джей приведет подружку или начнет болтать там с женщинами.

Я пролистываю список сайтов знакомств, который прислала Джесси, даже не думая там регистрироваться. В данный момент я немного разочарована своими поисками романтики. И все равно это наводит меня на мысль. Если я приведу с собой парня, тогда Джей поймет, что я продолжаю жить дальше. Что его отказ ничего не значил для меня.

Несмотря на то что Оуэн не пытался со мной связаться, я решаю отбросить предосторожности и отправляю ему быстрое сообщение, спрашивая, не хотел бы он пойти со мной на вечеринку. Вскоре я получаю ответ.

Оуэн: *Привет, Матильда! Я бы с радостью пошел с тобой. Извини, что не поддерживал с тобой связь. Это не потому, что я не хотел, просто не был уверен, понравился ли тебе. Но я очень рад, что ты решила связаться. С нетерпение жду вечеринки.*

Его ответ вызывает угрызения совести в моей груди, потому что в сущности я использую его. Но он мне нравится; просто не уверена — насколько. Он милый парень и хороший человек, а это уже неплохое начало.

В субботу днем приходит Мишель, чтобы подготовиться к вечеринке. Ее энтузиазм плещется через край перед очередной встречей с Джесси, что вызывает у меня желание узнать побольше подробностей, что же произошло между ними. Поэтому я спрашиваю ее.

— Скажем так, женщина знает, что она делает, и я говорю *на полном серьезе*, — отвечает она дерзким голосом.

Я взрываюсь смехом:

— Ты только что процитировала *Симпсонов*?

Она пожимает плечами, улыбаясь:

— Возможно.

— Значит, у Мишель Мелоун настала новая эра в любви? Никаких мужчин, только женщины.

— Никакого мяса, только рыба. — Мишель усмехается. — Да ни за что, Матильда. Джесси с таким же успехом могла бы быть мужиком, ты ведь меня понимаешь? Мне нравятся мужчины, а иногда и девушки, которые ведут себя как мужчины. Для разнообразия. Это пустяки.

— Наверное, так.

Слышится стук в дверь, за которым следует вопрос Джея:

— Можно войти? Дамы, вы в приличном или неприличном виде? Надеюсь, что последнее.

— Мои мысли неприличны, если это считается, — говорит Мишель.

Услышав его голос, я подпрыгиваю.

— Входи, — отвечаю я, гадая, чего он хочет.

Джей просовывает голову в дверь.

— Вы обе направляетесь на вечеринку Джесси? — спрашивает он.

Его глаза сканируют меня, и Джей немедленно напрягается. Интересно, это из-за платья, которое на мне надето? Красное, с вырезом в форме сердца, обрамляющим мою ложбинку, оно облегает каждый изгиб моего тела. Кажется, Джей пытается не смотреть на меня, даже обращаясь ко мне, и я невольно чувствую триумф. Вот тебе за твой отказ. Я могу выглядеть восхитительно, и мне неважно, что он не хочет меня такой, какая есть. Знаю, что ему нравится мое тело, поэтому, возможно, это и спровоцировало те ласки.

— Ага, — отвечаю я, пытаясь быть такой же сдержанной, как и он.

— Хотите я вас подвезу?

— Было бы замечательно, — мурлычет Мишель. Джей кивает и уходит так же быстро, как и пришел.

— Ты должна была отказать. Я сказала Оуэну, что мы заберем его на такси. Теперь придется Джею подвозить нас, чтобы его подобрать.

Мишель сверлит меня глазами.

— И почему это проблема?

Я почесываю руку.

— Просто проблема.

— Ради всего Святого. Ты не можешь просто сказать, пожалуйста, что между вами двумя происходит? Не понимаю, почему ты такая скрытная. Обычно мы все рассказываем друг другу.

Я вздыхаю.

— Это потому, что обычно мне тебе нечего рассказывать.

— Но сейчас-то есть что, поэтому колись.

Долю секунды я смотрю на нее, чувствуя себя паршиво за то, что храню от нее секреты, и затем сдаюсь. Я рассказываю ей все от начала до конца. Когда дохожу до того момента в парке, когда Джей сказал мне, что хочет быть просто друзьями, Мишель вскакивает со своего места и подходит к туалетному столику, восклицая:

— Вот же идиот!

— Успокойся. Это я идиотка, что питала надежды.

Она указывает на меня щеткой для волос.

— Ты уж точно не идиотка, Матильда. Я могла бы убить его прямо сейчас. Блин, мне понадобилось столько усилий, чтобы убедить тебя - какая ты милашка, а затем он в два счета рушит все мои труды.

Несмотря на ее гневную тираду, я улыбаюсь:

— Ты считаешь меня милашкой. И почему я понятия об этом не имела, Мишель.

— Хватит тут умничать. Ты самая прелестная девушка, которую я знаю, хоть у тебя есть привычка скрывать это под сарказмом.

Я подхожу к ней и обнимаю за плечи.

— Сегодня ты щедра на комплименты. Уверена, что лесбийские наклонности Джесси не передались тебе? Потому что мне лично кажется, что ты втюрилась в меня.

Мишель слегка отпихивает меня.

— Отвали.

Я смеюсь и отступаю, прежде чем нанести последние штрихи макияжа. Полчаса спустя мы садимся в машину Джея, я на пассажирское сиденье, а Мишель на заднее. Когда он едет к квартире Джесси, я говорю:

— Сперва мы должны кое-кого подобрать. Ладно?

— Конечно, родная. Ты берешь еще кого-то из своих подруг? Если так, то держи ее подальше от Джесси. Не хочу, чтобы она соблазнила еще одну твою приятельницу, — говорит он, подмигивая через зеркало заднего обзора.

Мишель сужает глаза, глядя на него, и шутливо высовывает язык.

Я ерзаю.

— Вроде того. Я позвала Оуэна с собой.

Челюсть Джея напрягается, а руки крепче сжимают руль. Здорово. Мне почему-то сразу показалось, что ему это не понравится. Он с самого начала отзывался об Оуэне не лестным образом.

— Ты позвала повара-кретина с нами, — тихо говорит он раздраженным голосом.

— Да, — отвечаю я. — Это проблема?

Он отвечает не сразу, а затем говорит со сжатым ртом:

— Нет. Не проблема.

За Оуэном мы едем в тишине. Он стоит на улице возле своего жилого комплекса, ожидая нас и держа в руках маленькую корзину. Я выхожу из машины и удивляюсь, когда он подходит и обнимает меня.

— Привет. Как дела? — говорю я любезно, когда мы разжимаем объятия.

— У меня великолепно. Ты такая красивая. Вот, — говорит он, протягивая мне корзину. — Я знаю, что тебе нравится наш ресторан, поэтому решил принести немного нашего домашнего хлеба.

Я улыбаюсь такому жесту.

— Ух ты. Спасибо. Это так мило с твоей стороны, — говорю я, принимая у него корзину. В животе образуется крошечное неразборчивое разочарование, потому что не почувствовала того же, что с Джеем, когда он назвал меня красивой. Это не было эпичным, просто… приятным.

Приятного будет вполне достаточно?

Оуэн садится назад к Мишель, а я возвращаюсь на пассажирское место рядом с Джеем. Представляю всех друг другу, испытывая благодарность, что Мишель как обычно обаятельна, потому что прием Джея несколько холоден. Он поглядывает на корзину с хлебом на моих коленях, и снова сжимает челюсть.

Когда мы доезжаем до жилья Джесси, Джей паркуется, а Мишель ведет Оуэна к входу. Я чуть не забыла, что она уже здесь была. Думаю, она это делает специально, потому что знает, что нам с Джеем надо перекинуться словечком.

— Я могу оставить это здесь? — интерисуюсь, указывая на корзину с хлебом, когда Джей вытаскивает упакованный подарок из своего бардачка. Я не знала, что купить Джесси, поэтому просто приобрела подарочный сертификат и открытку.

— А как же правило покупать цыпочкам кучу цветов? — раздраженно огрызается он.

— Мне кажется это милым. Я люблю хлеб. И вообще, какое твое дело? — спрашиваю я. Смотрю на него, безмолвно высказывая: «*Ты хочешь меня только как друга, так почему тебя волнует, что у меня свидание?*»

Он забирает у меня корзину и ставит на заднее сиденье. Такое ощущение, что Джей пытается успокоиться. Боже, как же сложно с этим мужчиной, я совсем не понимаю его.

— Ты любишь хлеб, — повторяет он мои же слова и долго смотрит на меня. Не знаю почему, но я не могу отвести взгляд. Наконец, он нарушает нашу игру в гляделки.

— Прости, я постараюсь быть приветливым, — говорит он.

— Спасибо, — шепчу я.

Мы заходим внутрь и поднимаемся на лифте до самого верхнего этажа. Выясняется, что Джесси живет в пентхаусе. Ее квартира совсем не такая, какой я ее представляла. Для начала, она громадная, кухня с гостиной совмещены, с одной стороны комнаты панорамные окна от пола до потолка. Мебель блестящая и современная, с большим количеством вызывающих модных картин на стенах. Много изысканной обнаженки, и все женщины.

— Здесь восхитительно, — говорю я Джею, когда он становится рядом со мной. Я слишком хорошо ощущаю его руку на своей пояснице. — Как она может ее себе позволить, работая в казино?

— Джесси поигрывает в покер. У нее получается еще лучше, чем у меня. Выигрыши помогли ей купить это место. Было время, когда у Джесси не было дома. Ее семья отвергла ее, поэтому владеть чем-то своим для нее очень важно.

— Ох, — говорю я, опешив от его откровенности, пока представляю, как Джей выглядит, играя в покер. Не уверена почему, но нахожу это зрелище привлекательным. — И у тебя когда-то не было дома. Для тебя это тоже так важно?

Он задумчиво смотрит на меня.

— Важнее, чем все остальное. Но дом для меня это не крыша и четыре стены — это люди. Моя настоящая семья мертва, поэтому мне нужно создать свою собственную.

Его слова вызывают у меня ком в горле. Создал ли он уже ее? Странное чувство появляется у меня в животе, потому что больше всего мне бы хотелось быть частью этой семьи, даже в качестве друга.

Разрушая момент, подходит Джесси, одетая как обычно в джинсы и мешковатую футболку, в колпаке для вечеринок и с большим значком именинника, на котором написано «94».

— С днем рождения, Джесс, — говорит Джей, вручая ей подарок и крепко обнимая.

— Ага, — добавляю я, передавая ей карточку и улыбаясь. — Счастливого дня рождения. Даже не знала, что ты настолько старая.

— В наши дни хирурги творят чудеса, — отвечает она, подмигивая и глядя на нас. — Рада, что вы снова разговариваете. — Она хлопает Джея по плечу, а затем идет приветствовать других гостей, которые только пришли.

Я поворачиваюсь к нему:

— Ты рассказал ей, что произошло?

Он вздергивает бровь и вызывающе смотрит на меня:

— А ты как будто не говорила Мишель.

Не уверена почему, но считаю его выражение лица довольно привлекательным, несмотря на то что он спорит. Это вроде как… саркастично и сексуально.

Я с секунду молчу, затем бормочу: «Ладно». Отхожу от него к окну и присоединяюсь к Мишель и Оуэну, которые нашли общий язык. Мы все идем за выпивкой и располагаемся на огромном балконе, который полностью обрамляет весь угол здания. Джесси достойна восхищения за свое целеустремленное желание иметь место, которое она может назвать своим.

В детстве, до того как умерла мама, мы жили в старом чудесном доме на клочке земли недалеко от города. Она там выросла, и в него было вложено столько любви. Мне нравится наш теперешний дом, но в том старом было что-то такое… Он был особенным. Близкий к городской жизни со спокойствием деревни.

Он был домом.

Он был самым счастливым местом на земле, пока несчастье нас не настигло. Словно черное облако опустилось, загораживая солнце. У наших соседей было два сына, с которыми я играла почти каждый день. Один был моего возраста, другой чуть постарше. Теперь я с трудом помню, как выглядели эти два мальчика; просто смутное воспоминание. Я была лишь ребенком, но моим последним бзиком было материнство, поэтому я делала вид, будто они мои детки, и заботилась о них, готовя им еду и давая поиграть с игрушками.

Я была немного причудливой.

В общем, однажды ночью их дом загорелся, и семья не выжила; только старший мальчик. Потом он уехал, возможно, жить с родственниками или в приемную семью. Это было так давно, что даже не вспомнить.

После этого темное облако двинулось на наш дом. К нам ворвались грабители, убили маму, избили папу, и оставили мне шрам, от которого я никогда не избавлюсь. Вскоре папа продал дом. Теперь его даже не существует. Сейчас на месте дома моей мечты находится шикарный пятизвездочный отель.

Кто-то касается моей руки.

— Матильда, ты в порядке? — спрашивает обеспокоенный Оуэн.

— Да, все хорошо. Просто немного задумалась.

Он улыбается, его глаза становятся заинтересованными.

— Правда? О чем?

Я вдруг понимаю, что он считает, будто я думала о нем. И как ответить?

— Ничего особенного, просто воспоминания.

Нас прерывают громкие аплодисменты. Я заглядываю в квартиру и вижу, что Джей показывает сложный фокус с картами в окружении гостей вечеринки. Он словно свет, всегда притягивает к себе людей. Джей кланяется им и идет за пивом. Между тем его глаза встречаются с моими и задерживаются, прежде чем сосредоточиться на руке Оуэна, которая лежит на моей. Он делает несколько глотков пива. Я отворачиваюсь.

Мишель вызвала интерес у блондина лет двадцати с небольшим. Она сидит на садовой мебели Джесс и флиртует с ним. Я киваю Оуэну, и он следует за мной к ним, присаживаясь поближе ко мне. Минутой позже я буквально ощущаю присутствие Джея, когда он выходит на балкон и садится напротив меня.

Мишель громко смеется над какой-то шуткой блондина, и я рада хоть какому-то шуму. Он перекрывает напряжение от молчания Джея. В чем, на фиг, его проблема?

— Слушай, я видел как ты делал там фокус с картами, — говорит Оуэн Джею. — Это твое хобби?

Джей стреляет в него глазами, на его лице не отражается никаких эмоций.

— Нет, не хобби. Это мое средство существования.

— Ну ничего себе. Здорово. Много зарабатываешь?

Джей поводит плечами:

— Немного.

Оуэн, кажется, наконец, осознает, что Джей не хочет разговаривать с ним, поэтому возвращает свое внимание ко мне.

— Кстати, Матильда, мне очень нравится твое платье. Я говорил, насколько потрясающе ты сегодня выглядишь?

Джей закатывает глаза, качает головой и отпивает пиво.

— Спасибо. Если честно, я сама его сшила, — тихо отвечаю я.

— Правда? Впечатляет. Знаешь, я был так рад, что ты снова захотела со мной увидеться. Я уже было начал терять надежду.

Джей испускает преувеличенно долгий вздох, прежде чем пробормотать под нос:

— Мог бы и позвонить ей.

Мои глаза стреляют в него:

— Что это было?

Он невинно смотрит на меня:

— Ничего. Я разве что-то сказал?

— Ага, — огрызаюсь я. — Думаю, сказал.

— Ну, думаю, ты ошибаешься. — Его глаза поблескивают, словно он наслаждается моей реакцией, словно он подстрекает меня.

Решив не обращать на него внимания, сосредотачиваюсь на Оуэне. Он смотрит на нас с Джеем, кажется, сбитый с толку нашей перепалкой. Я пытаюсь завести с ним разговор, получше узнать его, но Джей все время издает различные звуки, чтобы разрушить атмосферу. Когда Оуэн говорит мне, что любит играть в теннис, Джей фыркает. Когда он выражает интерес к истории древних греков, Джей начинает тихо посмеиваться.

В итоге я настолько раздражена его поведением, что вскакиваю со своего места, метал скрежещет по полу. Он ведет себя очень грубо, и я вижу, что Оуэн расстроен, но старается этого не выказать.

— Ты… ты ведешь себя как мудак, — взрываюсь я прежде чем схватить руку Оуэна и увести его.

Мое заявление вызывает у Джея не шок или вину — на его лице удовлетворенное выражение. Он хотел, чтобы я разозлилась. Когда мы заворачиваем в коридор, ведущий из основной зоны квартиры в спальные комнаты, я кладу руку на плечо Оуэна и извиняюсь:

— Прости за него. Мне кажется, он пьян. — Джей ни капельки не пьян, но это единственный предлог, которым я могу оправдать его ужасное поведение. Щеки Оуэна красные от неловкости.

— Ничего. Думаю, мне все равно пора, — говорит он. — На работу с утра.

— Тебе не нужно уходить.

— Нет, мне нужно идти. Я позвоню. Проведем еще как-нибудь время вместе. Только мы вдвоем.

Я улыбаюсь ему.

— Ну ладно. Я бы с радостью. — Правда, моя улыбка немного неискренняя, потому что у меня предчувствие, что Оуэн не позвонит мне ни в ближайшем, ни в далеком будущем. Джей позаботился об этом.

Он наклоняется и неохотно чмокает меня в щеку, затем быстро обнимает, прежде чем уйти. Я стою, пытаясь усмирить свою ярость. Вот возьму, вернусь к Джею и всыплю ему по первое число.

Думаю, так и поступлю.

Пробираюсь через квартиру обратно на балкон и нахожу Джея на том же самом месте, где оставила. Он сидит, откинувшись на своем стуле, пьет пиво и курит. Я останавливаюсь в шаге от него и складываю руки, сузив глаза до щелочек.

— Чмошный повар уже ушел? — спрашивает он с широкой улыбкой на губах, лениво выпуская дым. Я хочу врезать ему прямо по глупой привлекательной физиономии.

— Ага, ты ведь постарался. Какого черта ты тут разыгрывал? Ты был таким… таким подлым. Совсем на тебя не похоже.

Глотнув пива, пожимает плечами. Его ответное молчание бесит меня.

— Ты задел его чувства, он же был только мил с тобой. Мне не нравится эта твоя черта, Джей. Какой бес тебя попутал?

Он отворачивается, удостаивая меня своим великолепным профилем. Боже, неужели ему нужно быть настолько привлекательным? Это ничуточки не помогает в данной ситуации. Он ставит бутылку на стол, тушит сигарету, затем наклоняется вперед, опираясь локтями о колени. Когда он поднимает взгляд, его глаза темны, чуть ли не злы.

— Мне он не нравится.

— Он ничего тебе не делал.

Джей невесело смеется:

— Ох, позволю себе не согласиться.

Мы смотрим друг на друга долгое время, сражаясь глазами.

— Все в порядке? — спрашивает Мишель, отходя от перил, куда они с блондином перешли, возможно, чтобы избежать напряжения между мной и Джеем.

— Оуэн ушел домой, — говорю я, наконец разрывая контакт наших глаз.

— Ну не переживай ты. Наверное, он просто устал.

— Не-а. Джей вел себя как настоящий засранец, — выплевываю я, не отводя взгляда от Джея. — Поэтому он и ушел.

На этом я разворачиваюсь на каблуках и шагаю прочь. Слышу, как Мишель чихвостит непривычно тихого Джея. Я отправляюсь на кухню, где Джесси разливает шоты с двумя привлекательными брюнетками.

— Эй, Матильда, будешь? — спрашивает она, предлагая один с темной жидкостью. Не говоря ни слова, я беру его и выпиваю залпом. Ну и мерзкий вкус, как у химикатов с ликером. И все равно, когда она дает мне еще один, я выпиваю его до последней капли так же, как и предыдущий.

— У тебя есть водка? — спрашиваю я, и она вытаскивает маленькую бутылку. Я беру ее и ищу апельсиновый сок, наливая и то, и другое в стакан.

— Ты в порядке, дорогуша? — обеспокоенно спрашивает Джесси.

— Джей — задница.

Она смеется:

— Ага. Я люблю этого мужчину как свою собственную плоть и кровь, но у него бывают заходы. Я смиряюсь с ними, ведь это только один его процент. Потому как остальные девяносто девять охренительно потрясающие.

А разве это не правда? Сейчас я не выношу его, но в то же время он, возможно, самый лучший человек, которого я когда-либо знала. Я ненавижу ругаться с ним, но не могу закрыть глаза на то, как он вел себя с Оуэном. Джей должен знать, что не может так обращаться с людьми.

Тут появляется Мишель и гладит меня по волосам.

— Не позволяй ему испортить тебе вечер, милая. Пойдем, развеем это хмурое настроение танцами.

Я вымучиваю улыбку и позволяю ей утащить себя. Она ведет меня на открытое пространство, которое было предназначено для танцев. Один из друзей Джесси выполняет функции ди-джея, звуки громкого дабстепа заполняют квартиру. Я закрываю глаза и отпускаю себя, танцуя под бит. Через какое-то время парень, с которым разговаривала Мишель, присоединяется к нам со своим другом. Мы все танцуем группкой, но вскоре Мишель с блондином отделяются, а его друг нацеливается на меня.

Обычно в подобной ситуации я нахожу какой-нибудь способ сохранять дружескую дистанцию в танце. Но не сегодня. Этим вечером я собираюсь убить свою влюбленность в Джея раз и навсегда. Парень, с которым я танцую, высокий и темноволосый. Он кладет свои руки мне на бедра и наклоняется, чтобы прошептать мне в ухо:

— Я Стюарт.

— Матильда, — отвечаю я, и он улыбается.

Музыка становится громче, пока мы продолжаем танцевать. Спустя некоторое время его руки перемещаются с моих бедер. Кажется, что они повсюду. Скользят верх и вниз по моей спине, касаются попки. Все это время я чувствую зуд на коже. Не могу врать себе и притворяться, что мне это нравится.

Фактически, я вроде как ненавижу это. Хочу, чтобы он немедленно убрал от меня руки. Я никогда не была одной из тех девиц, которые позволяют мужчинам распускать руки оттого, что чувствуют отчаяние. Даже в таком состоянии, если мне не нравится парень, у меня в животе появляется этот странный железный комочек, который не дает развивать общение дальше.

Танцуя, ругаю себя за этот железный комок. Он все портит.

Но мне не приходится вежливо говорить Стюарту, что я бы предпочла, чтобы он сдерживал себя, потому что ни с того ни с сего его руки отрываются от меня.

ГЛАВА 21

Вижу кулак до того, как узнаю бьющего. Затем замечаю знакомые тату на руках, и понимаю, что это Джей. О, боже.

— Держи свои хреновы руки подальше от нее, — кипит он от злости, сжимая в кулаке рубашку Стюарта.

— Какого хрена, чувак? Мы всего лишь танцевали!

— Ага, да мне по хер, что ты «всего лишь» делал, — выплевывает Джей.

В этот момент неспешно подходит Джесси, закидывает руку на плечо Джея и напевает «Джон, я всего лишь танцую» Дэвида Боуи ему в лицо. Очевидно, это попытка развеять ситуацию. Как только Джей слышит ее, его гнев исчезает, и он почти улыбается. Хотя его челюсть все еще сжата. Он отпускает рубашку Стюарта, и тот пятится назад, глядя на Джея, как на полоумного.

— Ты чокнутый, — бормочет он, разглаживая рубашку.

Джей улыбается ему, обнажая зубы:

— Так мне говорят.

Мои щеки пылают, а мозг не в состоянии понять, что сейчас произошло. Джей решил, что я опустилась, позволяя Стюарту по сути лапать себя, пока мы танцуем?

Я разворачиваюсь на каблуках и выбегаю, оказываясь в коридоре, ведущем в спальни. Нуждаясь в одиночестве, я открываю дверь в одну из них и захожу. Она почти пустая, в ней лишь одна кровать и пара предметов мебели. Должно быть, это комната для гостей. Выдыхая, падаю на кровать и закрываю лицо руками.

Эта ночь была настоящей катастрофой.

Глубоко дышу, пытаясь успокоиться и отделаться от неловкости. Зарываюсь лицом в простыни, и в нос бьет знакомый запах. Они пахнут Джеем. Наверно, он когда-то ночевал тут. Умудрилась же из всех комнат выбрать в качестве убежища именно эту. Я хочу выкинуть его из головы, но почему-то он продолжает проникать обратно, даже не прилагая усилий.

Минуты проходят, и я бы соврала, если бы сказала, что не слишком наслаждаюсь этим. Тайком вдыхаю запах Джея, вспоминая, каково это было — спать с ним в одной кровати, когда его большие руки обнимали меня. Боже, это так нелепо.

Я снова закрываю лицо руками, услышав, что дверь в комнату открывается и еле слышно закрывается. Что-то внутри меня подсказывает, что это он, шестое чувство сигналит о его присутствии.

Медленно убираю руки от лица, и мое сердце слегка подпрыгивает, когда вижу, что Джей с расстроенным видом наблюдает за мной, стоя у изножья кровати, на которой я лежу, свесив ноги с края.

— Я не хочу сейчас видеть тебя, — практически шепчу я, и мои глаза наполняются слезами.

Он склоняет голову набок и окидывает мое тело жарким взглядом, прежде чем вернуться к лицу.

— Почему нет?

Я быстро сажусь, яростно жестикулируя:

— Ты только что беспричинно ударил Стюарта! Какого черта это было? У тебя проблемы с контролем гнева?

Его челюсть сжимается. Ага, теперь я точно знаю, что это признак того, что он недоволен.

— О, так дело в «Стюарте»? Только парень, которого ты пригласила, ушел, как ты тут же перекинулась на другого? Высший класс, Ватсон.

— Ты серьезно? Обвиняешь меня в недостойном поведении? Ты начал все это своим ехидством по отношению к Оуэну, так что не будем сваливать вину на меня.

— Я же сказал, что он мне не нравится. И этот Стюарт мне тоже не нравится. Ты должна быть более разборчивой в том, кому позволять себя лапать.

Его слова заставляют меня соскочить с кровати. Похоже, это застает его врасплох, потому что он слегка отступает. Я со свирепым видом шагаю к нему, тыча пальцем в его грудь.

— Тебя не должно это заботить, Джейсон! Ты хочешь, чтобы я была для тебя лишь другом, забыл?

Он быстро хватает мой палец, прижимая его к своей груди. От тепла его руки мой гнев частично испаряется. Я резко вздыхаю. Теперь Джей начинает целенаправленно двигаться вперед, прижимая меня к стене.

— Меня заботит, — резко говорит он тихим, почти угрожающим голосом. Смущает то, что и такой его тон вызывает дрожь по позвоночнику. В хорошем смысле. — Друзья заботятся друг о друге.

Что-то внутри меня сдувается.

— И это все? Друг присматривает за своим другом? — спрашиваю я, нуждаясь, чтобы он сказал «нет», молясь, чтобы он не сказал «да».

— Да, — бормочет он, а затем еле слышно ругается. — Нет. Охренеть. Не думал, что будет так сложно.

— Что?

Он молчит, напряженно глядя мне в глаза, пока я не решаю, что близка к тому, чтобы растаять в лужицу.

— Я не хочу, чтобы ты встречалась с Оуэном.

— Почему?

— А еще не хочу, чтобы ты танцевала с мудаками типа Стюарта.

Я облизываю губы, и взгляд Джея сосредотачивается на этом движении. Его тело плотно прижато к моему, и я чувствую бедром, что он твердеет. Его реакция заводит меня, образуя шипучие пузырьки в животе.

— Почему? — снова спрашиваю я, теперь уже шепотом.

Его руки прижаты к стене по обеим сторонам моей головы, и он разочарованно бьет ими по штукатурке. Я подпрыгиваю всем телом, и мои губы начинают дрожать.

Он мучительно медленно наклоняется ко мне, и хрипло говорит собственническим, сводящим живот голосом:

— Потому что ты моя.

Я потрясенно ахаю.

После чего он жестко и яростно целует меня, и я чувствую каждую унцию его страсти. Не могу сдержать стон, и его язык тут же проскальзывает мне в рот, лаская, заявляя на меня свои права. Он обхватывает ладонями мое лицо, большими пальцами поглаживая впадинку на горле, дразня мои нервные окончания, вызывая томление между бедер.

Я не совсем уверена в том, что происходит, но неспособна мыслить здраво. Теперь мной руководит тело, заставляя мозг мгновенно забыть события, которые подвели нас к этому моменту. И если честно, мне плевать. Я хочу его, невзирая на здравомыслие и осторожность.

Я так ошеломлена его поцелуем, что прижимаю ладони к стене позади себя, боясь коснуться его. Страшась, что это заставит меня проснуться ото сна, в котором он говорит, что я его.

Я как-то читала, что люди, у которых есть воображаемые друзья, никогда не дотрагиваются до них. Что какая-то часть их мозга подсознательно знает, что этим разрушит чары. Вот так я чувствую себя с Джеем. Он так очаровывает меня, что вызывает ощущение, будто он ненастоящий. Кто-то настолько потрясающий может быть лишь плодом моего воображения.

Но это не так.

Его эрекция, которой он настойчиво трется о мое бедро, тому доказательство. Храбро хватаю его за плечи, ломая преграды. Я могла бы целоваться с ним вечно, оставаться в этой комнате, ощущая лишь наши сражающиеся языки и шум лихорадочного тяжелого дыхания.

Он похищает каждый дюйм моего рта, покусывает губы, благоговейно бормоча жаркие слова. Его большие пальцы продолжают поглаживать мое горло, так эротично, что мне кажется, ему даже не придется опускаться ниже, чтобы я кончила.

Коротко вскрикиваю от удовольствия, и его рот двигается вниз по моему подбородку к горлу, присоединяясь к проворным пальцам. Он покусывает, посасывает и поглаживает, и я чувствую, что готова взорваться.

— Боже, ты нужна мне, — стонет он. — Родная, если ты сейчас же не остановишь меня, я трахну тебя.

Оставляя влажную дорожку на шее, вбирает в рот мочку и посасывает, кружа языком.

— Джей, — со стоном произношу его имя, и он признательно стонет в ответ. — Да. Пожалуйста.

Джей удовлетворенно рыкает, когда я понуждаю его.

Его рука путешествует под подолом моего платья, скользя по ноге к внутренней части бедра. Я поскуливаю, когда он крепко обхватывает меня прямо между ног. Джей опускает лицо к моей груди, еле касаясь губами ложбинки, оставляя требовательные, горячие поцелуи.

Его другая рука обхватывает мою грудь, а рот возвращается к моим губам, облизывая и покусывая. Найдя мой сосок, он жестко прикусывает его через ткань, и я вскрикиваю. Я абсолютно лишаюсь дыхания. Без предупреждения Джей поднимает меня, ноги инстинктивно обхватывают его бедра. Он несет меня к кровати и укладывает, после чего отходит к двери и поворачивает замок.

— Не хочу, чтобы нас кто-нибудь прерывал, — говорит он опасно сексуальным голосом.

Я практически задыхаюсь. Джей возвращается, устраивается у меня между бедрами и руками опирается на кровать, нависая надо мной.

— Эти простыни пахнут тобой, — говорю я, не в состоянии сдержаться.

Мои слова, кажется, удивляют его.

— Тебе это нравится?

Могу только кивнуть в ответ.

— Я жил здесь, пока Джесси не решила, что хочет жить одна. Это была моя комната.

— Ох, — выдыхаю я.

Мы долго смотрим друг на друга, и он поднимает руку к моему рту, ласково поглаживая нижнюю губу. Один палец слегка проскальзывает внутрь, и я нежно посасываю его. Джей ругается.

— Эти охренительные губы. Такие мягкие. Такие совершенные.

Мои щеки загораются.

— Я никогда не видел ничего изысканней, чем твое возбуждение, родная. Знаешь это?

Я отвожу взгляд, но он берет меня за подбородок, заставляя смотреть на него.

— Ты хочешь меня? — спрашивает он, сглатывая.

— Да, — еле слышно отвечаю я.

Мой взгляд мечется между глазами Джея, а сердце трепещет. Его рука опускается от моего рта к шее, и большая ладонь полностью обхватывает затылок. Я становлюсь совершенно безвольной под ним.

Джей наклоняется, и его рот снова резко встречается с моим. Он овладевает мной своим языком. Наши грудные клетки учащенно вздымаются и опускаются. Я прерываю поцелуй и провожу носом чуть ниже его уха, наконец набравшись храбрости сказать ему, чего хочу.

— Займись со мной любовью, — шепчу я. Эмоции застревают у меня в горле. — Хочу тебя внутри.

Он отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза, и, клянусь, пытается заглянуть мне в душу.

— Как только мы это сделаем, ты моя. Обратного пути нет.

— Я твоя, — пылко говорю ему, прежде чем протянуть руку к эрекции, выпирающей из его джинсов. Он вздрагивает. Направляюсь к его застежке, расстегивая пуговицу и опуская замок. Все это время он просто дышит надо мной, оставаясь неподвижным, на грани срыва.

Хочу, чтобы он потерял контроль.

Скользнув рукой в его джинсы, встречаюсь с его горячей, твердой, шелковистой плотью и стону. Двигаю рукой верх-вниз, наслаждаясь его размером и признательными стонами, которые вызывает у него мое прикосновение. Он хватается за резинку моих трусиков и так резко опускает их, что, кажется, я слышу треск ткани. Они легко соскальзывают с моих босых ступней — туфли потерялись где-то в процессе — и он бросает их на пол. Его член прижимается к моей плоти, и я дрожу. Кожа к коже.

— Черт, — бормочет Джей, прикусывая губу. Он держит свой член в руке, потирая им о мою влажность, дразня на входе.

— Что? — выдыхаю я.

— Забыл взять презервативы.

— Ох.

— Я просто поцелую твою киску, — предлагает он, уже двигаясь вниз по моему телу, но я хватаю его за плечи.

— Нет. Все нормально. То есть, у меня нет ничего. Тебе не нужно переживать из-за этого. И я пью противозачаточные с подросткового возраста.

— Господи, не предлагай мне подобного, родная. Я могу просто взять это, — говорит он, не отрывая глаз от моих.

— Пожалуйста, возьми, Джей.

Одна его бровь приподнимается:

— Ты мне настолько доверяешь?

Я киваю.

— Ты ведь чист?

— Конечно.

— Тогда я доверяю тебе.

— Черт побери.

Он снимает мое платье через голову, затем быстро избавляется от лифчика. Любуется моей грудью, после чего, опустив голову, втягивает каждый сосок в рот.

— Привет, девочки, — разговаривает он с моими сиськами, и грешная улыбка расплывается по его губам. — Скучал по вам.

О, Боже.

Не знала, что могу возбудиться от того, что мужчина разговаривает с моей грудью, но когда Джей делает так, это очень, *очень* заводит. Он уделяет им столько внимания, что я на грани мольбы взять меня. Джей вылезает из своих джинсов и боксеров, затем стягивает рубашку через голову, серьезно глядя на меня. Его рука двигается у меня между ног, два пальца проскальзывают вовнутрь. Я выгибаю спину от приятного вторжения.

— Боже.

Я закусываю губу:

— Что-то не так?

— Ты такая влажная, потрясающее ощущение.

По коже бегут мурашки, когда вижу его потемневший взгляд.

— Скажи мне правду, до меня мужчина когда-нибудь доводил тебя до оргазма?

Это нелепо, учитывая, что я голая под ним, но мои щеки покрываются румянцем. Он пристально смотрит на меня.

— Ах, вот оно что. Я был первым. Я, нахрен, *люблю* это.

Джей вытаскивает свои пальцы, вызывая чувство пустоты. Это длится лишь долю секунды, пока он устраивается, не разрывая зрительного контакта, а затем медленно входит. Это так отличается от его руки. Он намного больше, толще, мои стенки крепко сжимаются вокруг него. Его руки обхватывают мое лицо, когда он заполняет меня. Оказавшись полностью внутри меня, он замирает.

— Охренеть. — Он долго смотрит на меня. — Не видел ничего красивее тебя. *Это* самое красивое, что я когда-либо чувствовал.

А мне никогда не говорили слов красивей, чем эти. Хочется заплакать. Слишком много эмоций распирают мою грудь. От того, как Джей смотрит на меня, я чувствую, что происходит нечто большее, чем можно представить. В каждом его движении, в каждом прикосновении ощущается обожание. Я думала, что была для него лишь влечением. Считала, что ему просто нравилось мое тело. Но тут не могло быть только это. Происходящее казалось возвращением домой, и мой мозг не мог понять почему. Он один раз качает бедрами, и я вздрагиваю от взорвавшегося во мне удовольствия. Он делает это снова, и я крепко хватаю его за бицепс.

— Тебе хорошо?

— Да.

— Хочешь еще?

— Пожалуйста.

Джей снова двигает бедрами, на этот раз быстрее и больше одного раза. Он входит и выходит, его дыхание учащается, и мы оба впадаем в неистовство.

— Джейсон, — постанываю я.

Он большим пальцем проводит по моим губам.

— Люблю, когда ты произносишь мое имя, особенно когда мой член внутри тебя.

Утопаю в его глазах, в ощущениях. Снаружи доносится музыка и шум вечеринки, но я едва их замечаю. Здесь только мы, и от этого мое сердце щемит. Мне нужно какое-то подтверждение, что он не растворится в воздухе, как на сцене. Все слишком хорошо, чтобы продолжаться.

— Пожалуйста не отстраняйся от меня снова. Я не вынесу этого, — шепчу я, но не уверена, что он слышит меня. Джей сейчас слишком поглощен, входит и выходит из меня, двигаясь с такой силой, что трясется кровать, выражение его лица свирепое. Чувствую, как сжимаюсь, подходя к чему-то, чего я никогда прежде не чувствовала. И когда меня накрывает самый сильный оргазм из всех пережитых мной, движения Джея замедляются.

— Черт, ты кончаешь? — хрипло говорит он, опуская на меня взгляд.

— Да, — выдыхаю я. — Мне кажется. Я не знаю.

— Боже. Я чувствую его. Ты кончаешь. Потрясающе, — говорит он короткими, рваными предложениями. Следующее, что я знаю, он тоже кончает, изливаясь в меня. Долго и глубоко целует мои губы, его грудь опускается на мою, и на удивление, это приятная тяжесть.

— Это было… восхитительно, — задыхаясь, бормочет он мне в волосы. Его рука опускается между моих ног, находит клитор и потирает его медленными, ленивыми кругами. Я вся в его сперме, но ему, похоже, все равно.

Я смеюсь.

— Боже, и как мы теперь отмоемся? Мы испачканы. Все на вечеринке узнают.

— И что? Пошли они на хрен.

Он скатывается с меня, спиной ударившись о матрас, и я прижимаюсь к нему с боку, обводя линии его татуировки, а именно шестерки червей.

— Расскажи мне, что это означает, — шепчу я.

— Шесть сердец. Шесть людей, которые мне дороги больше всего, — недолго думая отвечает он, удивляя меня этим. Я ожидала, что он уйдет от темы, как обычно это делает, когда речь заходит о его секретах. — Хотя некоторых из них уже нет в этом мире, — продолжает он грустно.

— О, — выдыхаю я, задумываясь, вдруг я одна из этих шестерых. Но этого не может быть. Он сделал тату задолго до того, как узнал меня. Это понимание огорчает меня. Больше всего мне бы хотелось быть одной из этих шестерых людей.

— Тебе можно иметь только шестерых? — спрашиваю я.

Он ничего не говорит, просто изучает меня. Ненавижу, когда Джей так делает, потому что у меня не хватает смелости снова спросить.

— Ты сонная, выглядишь великолепно, когда уставшая.

— Разве?

— Ага. Охренительно великолепной. — Он наклоняется и целует меня в уголок рта, затем отстраняется. Встав с кровати, Джей натягивает джинсы на голое тело и хватает свою рубашку.

— Куда ты?

— Принесу, чем можно вытереться. Не волнуйся, я сейчас же вернусь.

Джей уходит, а я лежу, уставившись в потолок. У меня только что был секс с Джеем. Мое тело знает, что это свершившийся факт, но мозг не может переварить подобную мысль. Не знала, что секс может быть таким жарким, что практически забываешь собственное имя.

Дверь открывается, и я быстро накрываюсь, захваченная врасплох. Но это просто Джей вернулся с влажным полотенцем.

— Иди сюда, — подзывает он меня, маня пальцем, сидя на краю кровати, и я подползаю к Джею.

Его сексуальные глаза встречаются с моими.

Я раздвигаю бедра, и Джей проводит по ним полотенцем, очищая. Мое сердце колотится оттого, с какой заботой, полной внимания, он это делает. Это так странно, и все же совершенно волнующе. Пока все его внимание сосредоточено на моем теле, тревожное чувство влюбленности накатывает на меня. Это не удивительно. В Джея легко влюбиться, даже несмотря на его заморочки, как говорит Джесси.

Я хочу спросить, почему он отверг меня, когда мы были в открытом кинотеатре, но не могу. Слишком боюсь услышать его ответ. Хочется остаться в этом моменте, снова и снова слушать в голове его слова и принимать их за правду.

Потому что ты моя.

Вероятно, это не мудро, но, кажется, это все, чего я когда-либо хотела — быть его. Намереваюсь пойти и взять свою одежду, но он останавливает меня, сам подбирает ту. Надевает на меня мои трусики, затем застегивает лифчик.

— Решила надеть сегодня только красное? — хрипло спрашивает он, намекая на мое белье, которое одного цвета с платьем.

— Тебе нравится?

Джей ухмыляется, разглядывая кружево.

— Да.

— Хорошо.

— Ты этого добивалась?

— Возможно.

Его улыбка вызывает у меня дрожь.

— Не то чтобы мне хотелось возвращаться на вечеринку, но я должен вынести Джесси ее именинный торт. Хочешь помочь?

— Конечно, — отвечаю я, разглаживая платье.

Позже, после того как мы презентовали Джесси ее торт и гости вечеринки начали расходиться, я нахожу Мишель на диване с Джесси. Та обольстительно нашептывает в ее ухо. Мне бы очень хотелось знать, что она сейчас говорит. Как только они видят, что я подхожу, Джесси откровенно спрашивает:

— Что, черт подери, происходит между тобой и Джеем?

Я чуть выпрямляюсь и заправляю непослушную прядь за ухо.

— Ничего.

Мишель хихикает и грозит мне пальцем:

— На тебе совсем нет косметики, и у тебя другая прическа. Думаю, случилось намного больше, чем «ничего», Матильда.

— Ладно, мамочка.

— Ого, она краснеет, — говорит Джесси. — Такой румянец подразумевает только одно.

— Старый добрый перепих, — говорит Мишель.

— Джей обслужил твои трубы, — добавляет Джесси.

— О, Боже. Вы можете прекратить? Мне не нравятся обе эти фразы. И я не верю, что во мне что-то напоминает трубопровод, большое спасибо.

— Но вы ведь… ты понимаешь, — говорит Джесси, образуя круг большим и указательным пальцем, а затем просовывая другой палец через отверстие.

— Ладно, Дэнни Зуко. Спасибо за такое очаровательное наглядное объяснение, — говорю я невозмутимо.

И они с Мишель взрываются хохотом.

— О каком наглядном объяснении здесь речь? — раздается позади хриплый голос Джея, и он притягивает меня к себе на колени. Ну вот, теперь совершенно очевидно, что кое-какой трубопровод определенно обслужили. Иначе я бы не сидела у него на коленях.

Что? Образ водопроводной системы теперь застрял у меня в голове.

— Старый добрый пальчик в дырку, — объясняет Джесси, как только прекращает смеяться. Вот честно, мне эти слова не кажутся *настолько* забавными. Возможно, дело в интонации.

— Теперь тебя не оскорбляет мысль о том, чтобы сосать член? — спрашивает Джей, подразнивая ее. Я рада, что теперь подтрунивают не надо мной.

— Ну *не-е-е-е-т*, — восклицает Джесси. — Очевидно же, что дырка - это вагина, а не рот.

— Нам что, больше не о чем говорить? Словно тринадцатилетние дети, — вставляю я, разговаривая по большей части с собой.

Рука Джея поглаживает мое бедро, притягивая меня ближе к своему телу. Он целует меня в висок, затем спрашивает:

— Хочешь, уедем отсюда?

— И куда поедем?

— Домой.

— Папа дома.

— Мы будем вести себя тихо.

Я удивленно смотрю на него. Джей посмеивается.

— Ну ладно, у меня ведь есть охренительная тачка.

Я хихикаю.

— И что это должно значить?

— Ты знаешь.

Его рука снова оказывается на моей шее, большой палец массирует горло. Честно, это, возможно, самое эротичное, что он мог сделать на людях, чтобы не было стыдно. Мои глаза закрываются, дыхание учащается, голова откидывается на его плечо.

— Я немного устала, — говорю я. — Тебе, наверно, стоит отвезти меня домой.

Он ласково отвечает:

— Хорошо, родная, я отвезу тебя домой.

Джей помогает мне встать, мы прощаемся и затем спускаемся на лифте в фойе. Устроившись на пассажирском сиденье его машины, я сразу засыпаю.

А когда чуть позже просыпаюсь, машина стоит на обочине дороги, Джей расхаживает снаружи и разговаривает с кем-то по телефону. Я оглядываюсь. Единственный свет исходит от фар машины. Где мы находимся, если даже нет уличных фонарей? Точно не на пути домой. Я, должно быть, сплю. И с этой мыслью я снова засыпаю.

ГЛАВА 22

Я просыпаюсь только к полудню следующего дня в собственной кровати и раздетая до нижнего белья. Улыбаюсь при мысли о Джее, несущем меня из своей машины до моей комнаты, а затем получающим удовольствие от снятия с меня платья. После долгих часов сна чувствую себя отдохнувшей.

Я немного разочарована, что Джей не остался со мной, но, видимо, из-за того, что папа дома. Не знаю, как преподнесу ему то, что мы с Джеем пара, но еще слишком рано. Возможно, мы можем провести еще какое-то время, наслаждаясь новизной ощущений, прежде чем примем какие-нибудь решения о том, что именно происходит между нами.

Я встаю и залезаю в душ, думая о том, как переживу переезд Джея через неделю. Больше не будет приготовленных им завтраков или его флирта во время еды. Больше не будет шипучих пузырьков в животе от осознания того, что он спит по другую сторону стены моей спальни. Хотелось бы, чтобы существовал какой-нибудь способ ему здесь остаться.

Как только выхожу из душа, высушиваю волосы и одеваюсь. Собираясь спуститься вниз, прохожу мимо комнаты Джея, и его дверь открыта. Заглядываю вовнутрь и вижу, что он снова разложился на полу: вокруг лежат раскрытые книги, а по ковру разбросана куча бумаг. На другом конце комнаты целая колода карт, на которых маркером написаны разные цифры, аккуратно разложена рубашкой вниз.

Все любопытней и любопытней. Я даже не удосуживаюсь спросить, чем он занимается, ведь знаю, что не скажет. Когда замечаю корзинку хлеба рядом с ним, из которой — должна добавить — он небрежно ест, я скрещиваю руки на груди.

— Это та корзина хлеба, которую подарил мне Оуэн? — спрашиваю я, не веря своим глазам.

Его глаза поднимаются на меня, с одобрением осматривая мое тело, прежде чем остановиться на лице.

— Ага. Ты оставила ее у меня в машине. Владение имуществом почти равносильно праву на него и все такое. Хочешь немного? Довольно вкусный.

— Ты невероятен, — говорю я, качая головой, но не в силах сдерживать улыбку.

— Это ты сказала прошлой ночью, — язвит он.

— Не говорила.

— Может, и нет, но мы оба знаем — ты так думала. Что ты как не своя, родная. Иди сюда. — Джей раскрывает руки, и я не могу устоять, чтобы не пойти к нему. Опускаюсь на пол, и он притягивает меня к себе, крепко обнимая.

— Доброе утро. Хорошо спала? — спрашивает он нежно.

— Да.

Его рука проникает под мой топик, поглаживая живот и поясницу. Ощущаю покалывания по всему телу, и не могу сдержать легкую дрожь. Джей подносит какой-то травяной хлеб к моему рту, и я нерешительно откусываю.

— Вау. Он очень вкусный. Мне жаль Оуэна, — говорю я, морщась.

Рот Джея вытягивается в прямую линию.

— Почему тебе жаль? Он тебе нравится?

— Не то чтобы он мне *не* нравился. Он хороший парень и не заслужил, чтобы его вот так использовали.

Одна бровь взлетает вверх.

— Использовали?

О, Боже. Неужели я это только что сказала? Мое лицо становится ярко красным. Это невозможно скрыть, поскольку я почти у него на коленях. Джей большим пальцем проводит по моей щеке, и я опускаю глаза к полу.

— Ты затеяла со мной маленькую игру? — шепчет он, его рот близко к моему.

— Ты отверг меня. Я не хотела оказаться на вечеринке одна в случае, если бы ты привел с собой девушку. Я бы почувствовала себя ужасно, увидев тебя с кем-то другим, — вынуждаю себя признаться.

— Я не встречаюсь. И прости, что оттолкнул тебя. Это было дерьмовое решение.

Я поднимаю взгляд, закусывая губу.

— Почему ты *оттолкнул* меня?

Он отстраняется немного и проводит рукой по волосам.

— Ах!

Его выражение лица заставляет забрать свои слова обратно.

— Нет, погоди, тебе не нужно говорить мне. Если ответ плохой, то я бы, возможно, предпочла, чтобы ты не говорил. Знаю, что последние пару недель, вероятно, смотрела на тебя щенячьими глазами. Мне просто тяжело не любить тебя. Уверена, любой девушке сложно не любить тебя.

Он улыбается:

— Не останавливайся. Я наслаждаюсь твоей речью.

Слегка шлепаю его по груди.

— Но, если серьезно, это не было связано с нежеланием тебя, — продолжает он глубоким, рокочущим голосом. — Проблема была в том, что я начинал теряться в тебе так быстро, что стал забывать себя. Ты ведь знаешь — у меня столько всего сейчас происходит. Это дело отнимает все мое внимание, а когда я с тобой, хочется полностью сосредоточиться на тебе.

Притягиваю его за воротник рубашки, мои губы расплываются в широченной улыбке.

— Не останавливайся. Я наслаждаюсь твоей речью.

Он склоняется ко мне и награждает меня нежным и влажным поцелуем.

— Считаешь себя умной.

Я ничего не говорю, просто целую его в ответ. Минуту спустя Джей прерывает поцелуй и продолжает объясняться:

— Я пытаюсь сказать, что мне бы хотелось быть с тобой, Матильда. Черт, я хочу быть с тобой. То есть, я полностью «за», ты понимаешь, о чем я? — он замолкает и потирает шею. — Дерьмо, я все говорю не так.

Мое сердце трепещет. Никогда не подозревала, что он может быть настолько милым, когда нервничает.

— Ты все верно говоришь. Продолжай.

— В общем, скорее всего мои слова будут противоречивыми, но я хочу действовать медленно. Хочу романтики с тобой, Ватсон. — Он широко улыбается, а я сжимаю свои бедра. — Дать тебе все, чего ты заслуживаешь в мужчине.

— Мне нравится такой подход, но ты только что сказал, что не встречаешься. А прошлую ночь можно назвать как угодно, только не медленной.

— Прошлой ночью я был ревнивым мудаком, и мне нужно было заявить свои права. Я не встречаюсь, но с тобой буду. Ты исключение. — Джей слегка подбрасывает меня на коленях, и я хихикаю.

— Тогда я согласна на твое предложение, Джейсон, — объявляю я, протягивая ему руку. Мы пожимаем их.

Он стискивает мои бедра и сажает на себя.

— Никак иначе.

Мы целуемся, и это происходит очень медленно, его язык скользит по моему, вызывая совсем неприличные мысли в такое-то время суток. Я практически спрыгиваю с его колен на другой конец комнаты, когда слышу, что папа выходит из своего домашнего кабинета и направляется к лестнице. Я оказываюсь возле полки с музыкальной коллекцией Джея, в то время как папа говорит ему «привет» и спускается вниз, не подозревая, что его дочь прячется там, и какая она шлюшка. Ага, я снова использую слово «шлюшка». Терпите.

— Еще не готова сказать своему старику обо мне? — спрашивает Джей, усмехаясь.

Заливаясь румянцем, я качаю головой и обращаю внимание на его CD, пытаясь отвлечь себя от того поцелуя и насколько он повысил мой уровень гормонов. Я улыбаюсь, замечая, что у него есть почти все альбомы Эминема. У нас есть что-то общее. Джей, должно быть, тоже проходил через рэперский период.

— Тебе нравится Эминем, — говорю я, когда он подходит, садится сзади и притягивает меня к себе между ног.

— В 2000-ом я был злым молодым человеком. Конечно, мне нравился Эминем, — говорит он. — И по сей день нравится. Этот парень — гений.

— Согласна. Я покупала его альбомы и слушала их в тайне, потому что папа ничего не позволял покупать с предупреждающим знаком. Какая у тебя любимая песня?

Задумавшись, он издает звук, похожий на тихий и протяжный гул себе под нос, его рука поглаживает внутреннюю часть моего бедра. Дыхание Джея щекочет мне шею, вызывая покалывания, а затем он начинает петь припев «Hailie's Song» потрясающе низким, хриплым голосом.

О, Боже.

Если мне казалось, что поцелуй повышал мой уровень гормонов, то это ничто в сравнении с тем, что пение Джея делает со мной. В его тоне есть что-то такое восхитительно притягательное. Мое сердце практически перестает биться.

Джей поет о том, что чувствует будто на его плечах лежит тяжесть всего мира, и это крадет маленький кусочек моего сердца. Когда он заканчивает, целует мне шею, и я тяжело вздыхаю.

— Она ведь о его дочери?

— Да. Моя любимая. На самом деле, чем-то напоминает о тебе.

— Вот как? — спрашиваю я. У него родительские чувства ко мне? — Это, хм, ничего.

— Отношение, Матильда, отношение. Когда я смотрю на тебя, моя голова прояснятся. Большую часть времени в моем мозгу бушует шторм, но затем ты входишь в комнату, и я могу собраться.

— Джей, — выдыхаю я.

— Что?

— Займись со мной снова любовью.

Он посмеивается:

— Твой отец прямо внизу.

— Я знаю, но… Боже, ты не можешь говорить подобные вещи, когда папа дома. На будущее прими это к сведению.

— Принято, — салютует он.

— Мне нужно идти.

— Почему?

— Потому что я все еще хочу, чтобы ты занялся со мной любовью. А папа внизу.

Джей рычит и щипает меня за зад, когда я собираюсь встать.

— Иди тогда, Ватсон. Уходи, пока ты не изнасиловала меня как своего сексуального раба. Наше швейное свидание сегодня вечером по-прежнему в силе?

— Ты имеешь в виду, можешь ли ты по-прежнему лежать на своей *кушетке* и наблюдать, как я шью платья? Должна сказать это очень странно, но конечно. Все в силе.

Его смех сопровождает меня вплоть до выхода.

***

Этой ночью я ворочаюсь в кровати. Пробыв два часа воздержания в компании Джея, пока работала над дизайнами платьев, а он бросал на меня пылкие взгляды, я не совсем готова спать. Зато готова заниматься другими вещами, включающими в себя кровать. И в этом-то вся проблема.

Я согласилась с ним, что не будем спешить. Означает ли это, что больше никакого секса? Снаружи моей комнаты скрипит половица и открывается дверь, явив Джея в футболке и пижамных штанах. Не говоря ни слова, он залезает в кровать рядышком со мной, хватая меня за бедра и притягивая к себе, моя спина вровень с его грудью.

— Не мог заснуть? — тихо спрашиваю я, когда Джей целует меня в шею.

— Нет. Зато теперь смогу, — отвечает он и прижимается ко мне.

Спустя несколько минут дыхание Джея выравнивается, и он засыпает. Вскоре я следую его примеру.

***

На следующий день — по просьбе папы — я работаю в офисе над расшифровкой его записей из разговоров с Джеем. Мне кажется все это очень интригующим, но что-то не дает покоя. На бумаге все выглядит прекрасно, но у меня странное предчувствие, что там есть пробелы, части рассказа, которые специально опустили.

Мои подозрения мигом забываются, когда приходит неожиданный посетитель. У нас назначены встречи только в послеобеденное время, поэтому я поднимаю взгляд, чтобы посмотреть, кто только что вошел в приемную. Когда узнаю кто это, меня охватывает тревога.

Уна Харрис непринужденно заходит в ярко-красных туфлях на высоком каблуке в тон помаде и узком сером платье, дизайнерская сумка красуется на ее руке. Если бы я не испытывала к ней такого отвращения, то похвалила бы за то, что выглядит такой горячей, хотя уже далеко не первой свежести.

Сложновато определить ее настоящий возраст от такого количества ботокса.

Я прочищаю горло.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

Она снимает очки от Gucci и опускает на меня зеленые глаза, долгое время изучая. Затем внезапно указывает на мою шею, где находится шрам.

— Я знаю отличного доктора, который мог бы это поправить. Хочешь его номерок? — спрашивает она небрежно, ее глаза блуждают по комнате.

Я неосознанно потираю шею.

— Эм, спасибо, но это ничего. У вас назначена встреча? — Я знаю, что у нее не назначено.

Конечно же, нет. Просто не могу придумать, что еще сказать.

— Нет. Это просто мимолетный визит. Я была довольно огорчена, когда пришла утром на работу и услышала от шефа, что на нас подали в суд из-за нескольких статей, которые я написала. Хотела зайти и проверить против кого мы имеем дело. А теперь, когда я здесь, честно, это кажется таким смехотворным. Неужели Джей Филдс действительно думает, что может выиграть с представительством от такой захолустной фирмы, как эта?

Я смотрю на нее, раскрыв рот.

— На самом деле, на секунду я заволновалась. А теперь вижу, что все это просто убогая шутка.

Вставая со своего места, я кладу руки на бедра.

— Вы серьезно?

Уна поджимает губы и снова обращает свои кошачьи глаза на меня.

— Я всегда серьезна, моя дорогая. Не принимай все в штыки. Уверена, это едва ли работа твоей мечты. — Она смеется, что действует мне на нервы.

— Это контора моего папы, — говорю я сквозь сжатые зубы.

Ее глаза расширяются, и она слегка ухмыляется.

— Упс. В таком случае, без обид.

— Слишком поздно. Если вы пришли сюда только чтобы посмотреть на нас свысока, тогда вам стоит уйти.

— Я не поэтому пришла. Хотела поговорить с… ну, значит, с твоим отцом. Спросить, знает ли он, какого человека представляет.

— Уверена, человека получше вас.

Ее хихиканье заставляет меня сжать кулаки, а я никогда не была кулакосжимательницей. Во мне совсем нет жестокости. Забавно, что ехидный смех Уны Харрис может вызвать в людях.

— О, дорогая, ты, что, слегка увлеклась им? Понимаю, правда, понимаю. Джей Филдс ходячий секс, но он также опасный человек с комплексом Бога. Ты когда-нибудь заглядывала на его фан-сайты? Они все думает, то, что он делает — это все по-настоящему или другой подобный бред, а это нехорошо, учитывая большое количество его последователей. Ты не помнишь Храм народов[30] или Джима Джонса? Да ты такая молодая, так что вряд ли.

— Я знаю, кто такой Джим Джонс.

Она смотрит на свои наманикюренные ногти.

— Тогда ты также знаешь, насколько опасно влияние Джея на всех этих молодых людей, которые следуют за ним. Уверена, если бы он сказал им спрыгнуть со скалы, они бы так и сделали.

Господи, как эта женщина заблуждается.

---

[30] «Храм народов» — новое религиозное движение или религиозная тоталитарная секта, основанная Джимом Джонсом в 1955 году в Индианаполисе. Свою известность получила из-за гибели 918 членов организации в Джонстауне, в Гайане 18 ноября 1978 года. С 1979 года признана в США деструктивным культом и официально запрещена.

— Он артист. Он не пытается создать собственную религию.

— Да, и единственный, кто здесь слепо следует убеждениям — это ты, Уна. Своим собственным. Какого хрена, по-твоему, ты делаешь? — спрашивает рассерженно Джей, ступая в офис. Его походка напоминает мне пантеру, вот-вот готовую напасть.

— Ничего себе, мистер Филдс, какой приятный сюрприз, — мурлычет она и плывет к нему, пробегая длинным, заостренным ногтем спереди по его рубашке. В глазах Джея пылает гнев, и он уверенно делает шаг назад, испытывая отвращение от ее прикосновения.

— Убирайся, — кипит он от злости. — Тебе здесь нечего делать.

— Я всего лишь немного поболтала с милой секретаршей. Ты же знаешь как у нас, у девочек — мы любим посплетничать. — Ее расплывающаяся улыбка указывает на то, как она довольна гневом Джея.

Ему нужно успокоиться и не позволять ей выводить себя. Я пытаюсь разрядить обстановку юмором.

— Ага, мисс Харрис предложила дать номер своего пластического хирурга. Подумываю увеличить себе грудь на несколько размеров. Ну, ты понимаешь, сделать себе парочку симпатичных пляжных мячиков.

Рот Джея поддергивается, его глаза сверкают любовью, когда на долю секунды опускаются на меня. Увы, это длится недолго.

— Тебе не нужно увеличивать сиськи, — говорит Уна, ее беспристрастный взгляд блуждает по моей груди прежде, чем переходит на шею. — Проблема в этом кошмарном шраме. — Она говорит это, словно сообщает о том, что наслаждается сахаром в чае, в ее словах едва ли заметна колкость, но реакция Джея на эти слова полностью противоположна.

Он делает два шага в ее сторону.

— Тебе действительно нужно уйти, Уна. Я никогда не ударю даму, но стерву вполне.

Ее надутые губы раскрываются, и она фыркает от возмущения.

— Это угроза?

Джей закатывает глаза.

— Просто вали на хрен.

— Ладно, — шипит она. — Я ухожу, но знайте, что ваше маленькое дело никогда не дойдет до суда. Во время переговоров мистер Скотт предложит вам определенную сумму денег, и вы, мистер Филдс, возьмете их.

— Ага, еще посмотрим.

Она хлопает за собой дверью офиса, и наконец я выдыхаю. Глаза Джея встречаются с моими, и я взрываюсь смехом.

— Неужели ты только что сказал: *Я никогда не ударю даму, но стерву вполне*? Боже, Джейсон, это было первоклассно! Ты теперь официально мой новый герой.

Джей потирает шею и садится на край стола, хватая мою руку и располагая ее на своей груди, начиная поглаживать ее моей ладонью через ткань рубашки.

— Прости. Мне нужно, чтобы твое прикосновение стерло факт того, что ее дьявольские когти были на мне. А я просто хотел разозлить Уну этими словами. Я не бью женщин, даже таких истинных стерв, как Уна Харрис. И, кстати, ты не слушай ее. В тебе ничего не надо менять.

От искренности его глаз у меня перехватывает дыхание, но я не могу ответить на комплимент. Меня переполняют чувства.

— Не могу поверить, что она пришла сюда. Что это с ней?

— Целый винегрет из стимуляторов и депрессантов, если мое детективное расследование верно, — невозмутимо говорит Джей. — Все, забудем о ней. Я пришел забрать тебя на обед в парк. Такой день — удовольствие для уставших глаз. — Он выходит в холл и возвращается с сэндвичами в коричневом пакете и двумя стаканами кофе на вынос.

— Да ты действительно знаешь путь к сердцу женщины: кофеин и углеводы.

— Да-да, знаю. Теперь поднимай свою миленькую попку со стула и идем со мной.

— Это… как ты называешь то, что ты не делаешь, но для меня сделаешь исключение? Ах, точно, свидание. Это свидание, Джейсон? — люблю дразнить его.

Его рот слегка изгибается в улыбке, он подносит ладонь к моей шее и нежно сжимает ее.

— Возможно.

Он протягивает мне руку, и я принимаю ее. Вместо того чтобы поехать на машине, мы идем пешком в парк и находим чистый стол для пикника, чтобы присесть и поесть.

— Кто такой мистер Скотт? — спрашиваю я, когда делаю глоток кофе.

Джей искоса смотрит на меня.

— Не понял, что?

— Уна Харрис сказала, что мистер Скотт предложит тебе определенную сумму денег, чтобы ты закрыл дело. Кто это?

— Да, точно. Брайан Скотт. Он владеет газетой.

— Я слышала это имя прежде. Он как ирландский ответ Руперту Мёрдоку[31] или типа того, верно?

— Или типа того.

— Есть ли какая-то сумма денег, которую они могли бы предложить, чтобы ты взял? Просто любопытно.

Его рот сжимается в тонкую линию, а ответ мгновенный и окончательный.

— Нет.

— Тогда, наверно, нет смысла в переговорах.

— Наверно, нет. Но мы должны пройти через весь процесс, Ватсон. Позволить им думать, что они могут нас побороть. Ну, знаешь, как в боях без правил, когда маленький поджарый парень попадает на ринг с большой грудой мускулов. Все думают, что мускулы выиграют, но тогда маленький парень превращается в охренительный торнадо и поражает всех до чертиков.

Я улыбаюсь его сравнению.

— Так ты маленький парень?

Он закидывает руку мне на плечи, прижимая к своему боку.

— В сравнении с *Дейли Пост* — да.

Я таю от его близости, медленно откусываю свой сэндвич прежде, чем взглянуть на него.

— А знаешь что, Джей? Не могу дождаться, когда ты превратишься в торнадо. Думаю, тебе есть чем всех нас поразить.

Его единственный ответ — легкая, понимающая улыбка, и оставшуюся часть обеда мы едим в тишине. По дороге обратно в офис Джея узнают несколько проходящих мимо женщин.

— Как он бесчестно поступил с тем бедным человеком, — восклицает одна из них, высоко задрав свой нос.

— Его следовало бы арестовать, — поддерживает другая.

Я сплетаю свои пальцы с его, пробегая большим по внутренней стороне его запястья:

— Не обращай на них внимания.

— Не обращаю.

— Каждый считает, что его мнение самое важное, даже если они не имеют понятия о положении дел.

— Знаю.

Когда женщины проходят дальше, я притягиваю Джея в нишу между магазином и нашим офисом. С минуту его глаза следят за удаляющимися женщинами прежде, чем сфокусироваться на мне, его зрачки расширены. Помню, как он говорил Мишель, что это признак возбуждения. Хм, думаю, мне это нравится.

— Хей, — шепчу я.

Он пробегает кончиками пальцев по моей ключице.

— Хей, Ватсон. Что случилось?

— Можно поцелуй до того, как вернусь на работу? — спрашиваю я робко, облизывая губы.

Джей ухмыляется и склоняет ко мне голову.

— Это зависит…

— От чего?

---

[31] Кит Ру́перт Мёрдок — австралийский и американский предприниматель, медиамагнат, владелец СМИ, кинокомпаний и издательств в США, Австралии, Европе, Латинской Америке и Азии.

— Что ты готовишь на ужин?

Я копаюсь в голове в поисках идей о том, что ему может понравиться, останавливаясь на самой очевидной мужской еде.

— Бифштеск.

— Хороший ответ. Ладно, ты можешь получить свой поцелуй. Но только один. — Он проводит языком от моей челюсти к мочке уха, от чего у меня бешено стучит пульс. Затем берет меня за подбородок и погружает свой язык мне в рот. Мое дыхание учащается, и я хватаюсь за его рубашку. Язык Джея входит и выходит, и это немного распутно для дневного поцелуя на улице, но спустя мгновение меня это уже не волнует. Я издаю стон, а его другая рука сжимает мое бедро. Отстраняясь слишком быстро, он кусает меня за губу, и я хныкаю.

— Что такое?

— Я не должна была просить о поцелуе.

— Почему нет?

— Потому что теперь я не смогу сосредоточиться на работе, а мне много нужно сделать.

Джей смеется и обнимает меня за талию, провожая внутрь и вверх по лестнице.

— Тебе нужно будет отпустить меня в случае, если папа рядом, — говорю я тихо.

— Я что, твой маленький грязный секретик, Ватсон? — дьявольски шепчет Джей мне в ухо.

Я пользуюсь его же фразочкой.

— Ты любишь это.

Его ответ непреклонен:

— Да, люблю.

В офисе сажусь за свой стол, а Джей отправляется в ванную комнату, прежде чем уйти. Его пиджак лежит на краю стола, и я замечаю его, только когда телефон начинает вибрировать в кармане. Не задумываясь, засовываю туда руку и вытаскиваю телефон. На экране высвечивается текстовое сообщение от неизвестного абонента:

Сегодня. В девять вечера. На обычном месте.

Мой мозг работает с молниеносной скоростью, и я быстро убираю его обратно в карман, пытаясь придать пиджаку вид, будто его не трогали. О чем, к черту, это сообщение? Я прихожу к тошнотворному выводу, что это, небось, приглашение на перепихон. Встреча ночью. Обычное место. Боже, неужели Джей видится с кем-то помимо меня?

Мгновенно мое сердце падает с больших высот, в которых раньше парило. Секундой позже он возвращается, берет свой пиджак и надевает его. Перегибаясь через стол, он быстро и нежно чмокает меня в губы и говорит, что мы увидимся позже за ужином. Во мне даже не хватает места переживаниям о том, что папа мог видеть этот поцелуй, потому что я до сих пор думаю о сообщении.

Делаю пару глубоких вдохов, чтобы собраться, и заглядываю в офис папы. Он яростно печатает на компьютере, не замечая ничего вокруг и, скорее всего, поцелуй не видел.

Следующие несколько часов тупо выполняю работу за день, но вопрос о сообщении остается главным у меня в голове. Мне нужно знать, что оно означает. Необходимо знать, что оно совершенно невинное, и не о чем беспокоиться. Поэтому решаю, что мне ничего другого не остается.

Я собираюсь проследить за ним.

ГЛАВА 23

Как только выхожу с работы, иду к автобусу и звоню Мишель. Я не разговаривала с ней с вечеринки Джесси, которая была в выходные.

— Ну, здравствуй, незнакомка, — напевает она в телефон.

— Привет, как дела? — отвечаю, стараясь звучать жизнерадостно.

— Я в порядке. Ну, на самом деле еще немного не отошла. В итоге я провела все выходные у Джесси. Говорю тебе, эта девчонка знает, чем развлечь даму. Знаю, я положила глаз на блондина. Кажется, его звали Бен. Но он исчез со своим дружком Стюартом, когда Джей всыпал ему за танцы с тобой, поэтому я оказалась в тупиковом положении. В любом случае, ушла я от нее только этим утром и вынуждена была идти прямо на работу. Одна из коллег подметила, что у меня волосы а-ля «после бурной ночки». Я была типа «сгоретьотстыда точка ком».

— Мишель.

— Да, Матильда?

— Это очаровательный рассказ, только, пожалуйста, больше никогда не употребляй «сгоретьотстыда точка ком».

Она громко смеется на другом конце провода.

— Ладно. Так что случилось с тобой и Джеем? И не говори, что «ничего». Клянусь Богом, если ты скажешь «ничего», я найду способ телепортироваться через этот телефон, чтобы задушить тебя.

— Всякое-разное случилось, но мы договорились не спешить. Мне он очень нравится, — изливаю ей все, уже не в силах сдерживаться.

— Так, так, так! Девушка, которой не симпатичен ни один мужчина, наконец находит того, кто ей нравится, — говорит Мишель, со смесью самодовольства и удовлетворения.

— Это не мне не нравился ни один мужчина. Просто я была им не по душе.

— Тс-с. Это все неважно. Теперь у тебя есть красавчик-плохиш, который уделает любого красавца-плохиша, так что кого волнуют прошлые неудачи? Должна сказать, что чувствую, как подкрадывается зеленоглазый монстр[32].

— Мне казалось, ты была по уши влюблена в Джесси.

— Влюблена? Я тебя умоляю. Между нами всего лишь секс. Она это знает. И я знаю. Нас обеих полностью устраивает подобный расклад. А теперь вернемся к тебе и Джею. Он уже делал тебе куни?

— Мишель!

— Что?

— Где ты сейчас?

— Стою в очереди в *Boots*. Нужно было купить шампунь с кондиционером. А что?

— Это не тот телефонный разговор, чтобы вести его в очереди в *Boots*. Так что давай отложим до личной встречи, чтобы поговорить о… подобного рода нюансах. Сейчас мне нужен твой совет по другому поводу.

— Хорошо. Я заинтригована. Продолжай.

Я рассказываю ей о СООБЩЕНИИ. Да, за последние несколько часов это стало такой большой проблемой у меня в голове, что теперь ссылаюсь на него только в заглавных буквах. Мишель слушает, а затем обдумывает это какое-то время.

— Хорошо, не думаю, что ты должна следить за ним.

— Почему нет? Только так я смогу узнать.

— Э-э, а если спросить у него? — предлагает она, и я пропускаю ее сарказм мимо ушей.

— *Тогда* мне придется быть взрослым человеком и признать, что подглядывала в его телефон. Ни к чему из этого я не готова. А если прослежу за ним, хотя бы буду знать наверняка. Если сообщение по поводу перепиха, то я просто скажу: «*Все кончено, сэр! Я сказала, до свиданья!*», и рвану оттуда выхаживать свое уязвленное самолюбие. Если же это что-то обычное, вроде встречи со старым другом за чаем с пышками, то могу одобрительно кивнуть и счастливой поспешить домой, оттого что мир не

[32] Зависть (сл. Шекспира)

перевернулся. Джей ничего не узнает об этой крайне одержимой деятельности, которую я разворачиваю в настоящее время.

Мишель стонет.

— Боже, Матильда. Пожалуйста, не следи за ним. Все закончится слезами.

— От таких слов мне еще больше хочется проследить за ним. Мне хочется знать, почему будут слезы.

— Ты не можешь просто поверить мне на слово?

— Я рассмотрю свои варианты. Мой автобус подходит, так что мне пора. Поговорим позже.

— Ты собираешься это сделать. Я знаю.

— Пока!

Вешаю трубку до того, как она и дальше продолжит меня разубеждать. Я это сделаю. Я собираюсь соответствовать прозвищу, которым прозвал меня Джей, и буду вести слежку. Если что, то в первую очередь это он виноват, что придумал мне такое прозвище.

После ужина папа предлагает помыть посуду, а я иду посмотреть мелодрамы по телевизору. Заходит Джей и усаживается рядом со мной слишком близко, если учесть, что папа может войти в любой момент. И да, я хорошо осознаю, что уже взрослая. Просто Джей настолько очевидно сексуальный, что подразумевает, если скажу папе, что мы вместе, он поймет, что мы занимаемся сексом. От одной этой мысли мне хочется выскочить из собственной кожи.

Верно, когда дело доходит до этого, я сущий ребенок. Большой, глупый, стеснительный ребенок. Джей с минуту сидит, как ни в чем не бывало, а затем невзначай склоняется и проводит языком по моему лицу. Я смеюсь и вытираю кожу.

— За что?

— Просто захотелось.

— Ладно.

— Скоро мне нужно будет ненадолго выйти, — говорит он, его голос становится на тон ниже. — Могу я зайти к тебе позже?

— Как ты заходил ко мне прошлой ночью? — спрашиваю я с легкой ухмылкой и вздернутой бровью.

— Что-то вроде того. Возможно, на этот раз будет больше активности.

Ну, не нужно быть помешенной на сексе, чтобы понять значение *этого*. Хорошие новости. Если он собирается «зайти ко мне» позже, значит, скорее всего, загадочная встреча — это не перепих. Дрожь проходит по коже, когда Джей неспешно проводит пальцем по моей руке.

— Тогда ты, пожалуй, можешь зайти ко мне, — говорю ему тихо.

В этот момент в комнату заходит папа, и Джей быстро отодвигается. Тот ничего не замечает, садится в свое кресло и пультом переключает каналы. Позже я надеваю темную одежду и нахожу старую вязаную шапку для своих детективных приключений. Ну, вы понимаете, для прикрытия и все такое.

Такси поджидает меня у обочины, как только Джей уходит. Вскоре я выхожу вслед за ним и залезаю в такси, говоря водителю следовать за машиной Джея.

Водитель попался любопытный.

— Итак, — заявляет он, — разве это все не очень загадочно. — Если не ошибаюсь, в его тоне слышится нотка сухого юмора.

Я усмехаюсь.

— А вы не часто выбираетесь из машины, не так ли, — вытягиваю шею, чтобы взглянуть на его ID, прикреплённое к панели, — мистер Пол Доннели?

Он осматривает меня в зеркало заднего вида и после этого замолкает. Я удовлетворена тем, что выиграла войну сарказма. Дорога недолгая. Джей выезжает к порту, наконец, заворачивая у старого заброшенного строения времен Кельтских Тигров. Когда ударил экономический кризис, была куча проектов зданий, которые остались недостроенными, создавая нечто вроде эффекта призрачного города.

— Можете высадить меня здесь, — говорю я, передавая водителю деньги.

Он смотрит на меня с беспокойством.

— Вы уверены? Здесь может быть много прохиндеев, милочка.

— Я справлюсь, — заверяю его, и он, наконец, берет деньги, бурча себе под нос.

Холодный воздух пронизывает меня, как только я выхожу из машины. Сегодня был теплый день, но к ночи температура всегда падает, а еще сильнее здесь, возле моря. Я прошмыгиваю за угол здания и наблюдаю, как Джей паркуется и выходит из машины. Затем тихо следую за ним, когда он переходит к другому зданию и сворачивает в уединенный уголок. Я околачиваюсь на другом конце здания и тогда вижу мужчин. Их четверо, но только один выступает вперед, чтобы поприветствовать Джея. Остальные держатся поодаль, их позы изобличают что-то наподобие охраны или телохранителей.

Главный парень одет в костюм, но я не даю этому себя одурачить. У него взгляд негодяя, из-за воротника проглядывает вычурная татуировка на шее.

Это совсем не то, чего я ожидала. Ждала чего-то плохого, но, кажется, это может быть чем-то похуже. Вокруг мужчин, с которыми встречается Джей, безошибочно витает опасный, криминальный дух, а из-за загадочного анонимного СООБЩЕНИЯ становится еще более тревожно.

Они переговаривают, но я слишком далеко, чтобы расслышать. Все, кажется, идет хорошо, несмотря на сомнительное место и природу встречи. Но затем, похоже, разговор накаляется, Джей становится в защитную позу, когда мужчина, с которым он общается, начинает жестикулировать руками.

Телохранители пододвигаются ближе к этим двоим, окружая мужчину, который, по моему представлению, является их боссом. Джей в жесте поднимает руку, который, думаю, означает *«успокойся»*, затем лезет в карман. Я затаиваю дыхание, потому что, когда он это делает, все трое охранников выхватывают пистолеты. Пистолеты!

Мой пульс зашкаливает.

Джей и глазом не ведет, а когда его рука показывается из кармана, он передает главному парню что-то похожее на кредитку или какую-то карту-ключ. Этот человек берет ее и роняет пару слов, после чего они с Джеем пожимают руки.

Похоже, встреча закончена, потому что мужчины собираются уходить в сторону противоположную той, откуда пришел Джей. Когда он разворачивается, чтобы вернуться к своей машине, мое сердце подпрыгивает, и я спешу найти место, где бы укрыться. Не думая, юркаю в заброшенное здание и прячусь за стопкой деревянных ящиков. Прикладываю руку к груди, приказываю себе успокоиться.

Я остаюсь на месте около пяти минут, ожидая, чтобы Джей точно уехал. Тут так темно, что почти ничего не видно. Вставая из своего согнутого положения, я вытаскиваю телефон из кармана, надеясь, что свет от экрана осветит мне дорогу. Когда свет загорается, я выставляю телефон перед собой и вскрикиваю от удивления, обнаруживая стоящего там Джея, который наблюдает за мной с гневным выражением лица.

Меня поймали. Себе на заметку: Никогда не пытаться переловкачить ловкача.

У него убийственный взгляд, и почему-то я не чувствую себя в безопасности. Полагаю, это потому что он связан с носящими оружие мужчинами, а это означает, что он вовсе не тот человек, за которого я его принимала. Носит ли *он* пистолет?

— КАКОГО ЧЕРТА? Что ты здесь делаешь, Матильда? — его голос глубокий, резкий и совершенно разозленный. Он делает несколько больших шагов, припирая меня к стенке и ударяя руками по обеим сторонам от моей головы.

— Я… Я пришла спросить, ты нигде не видел мой калькулятор. Кажется, я потеряла его.

— Черт возьми, — чертыхается он, и я морщусь от своей нелепой явной лжи. — Ты следила за мной? Как ты узнала об этом?

Я закрываю глаза и отвечаю, дрожа:

— Прости. Я прочла твое сообщение. Извини. Пожалуйста, не делай мне больно.

Он глубоко выдыхает, и я открываю глаза.

— Не смотри на меня так. Я бы никогда не причинил тебе боли.

— Это… это хорошо.

— Но приходить сюда было очень глупо, и я не могу притвориться, что не зол.

— Кто были эти люди? — спрашиваю я, сглатывая.

Джей вздымает бровь.

— Ну уж нет. Это ты провинилась. Не тебе тут задавать вопросы.

— Они выглядели сомнительными, как преступники. Я не понимаю, зачем тебе понадобилось встречаться с такими людьми.

— Неизбежное зло повсюду в этом мире, Ватсон. И я не собираюсь объяснять тебе. Не сейчас. Тебя вообще здесь не должно быть.

Я собираюсь уйти, но он загораживает мне путь, рукой хватая за плечо.

— Ну, нет, не уйдешь.

— Я еду домой.

— Ага, только везу тебя я. — Рука Джея перемещается от плеча к шее, держа меня крепко и отводя от стены. Моя тревога взмывает до небес, пока он молча выводит меня из заброшенного здания туда, где припаркована его машина.

— Здесь ошиваются разные отбросы, Матильда. Наркоманы, бездомные. Те, кто не станет думать дважды о том, чтобы навредить невинной женщине, когда она бездумно попадает на их территорию. Черт, с тобой могло случиться все что угодно.

Теперь мы у его машины. Он тянется, чтобы открыть заднюю дверь и усадить меня, его рука все еще на моей шее. Захлопывает дверцу и обходит машину спереди, проскальзывая на водительское место.

— Я увидела полученное тобой сообщение, и мне оно показалось как… как встреча для перепиха или что-то вроде. Поэтому последовала за тобой. Я и понятия не имела, что будет нечто подобное. — Я замолкаю, мой голос становится очень тихим и напуганным. — Эти люди направили на тебя пистолеты, Джей.

На мгновение его глаза смягчаются, когда он смотрит на меня через зеркало.

— Перепих? Ты так подумала?

Я пожимаю плечами теперь уже от стыда.

— Я сделала поспешные выводы. Иногда у меня такое бывает.

— Я не такой человек.

— Теперь я это знаю. — *Вопрос в том, Джейсон, другого ли ты рода человек?* Тот, кто и глазом не ведет, когда на него наставлено огнестрельное оружие. А это влечет за собой целую кучу других предположений.

Проблема в том, что не одно из них не меняет моих чувств к нему, и вот это самое страшное. Он долго смотрит на меня, прежде чем продолжить:

— Что касается второго, это было маленькое недопонимание. Они не собирались в меня стрелять. И на случай, если забыла, повторюсь: ты не должна была там находиться. — Джей ударяет руками по рулю, снова начиная злиться. — Черт, я бы никогда не простил себе, если бы с тобой что-нибудь случилось. — Его глаза встречаются с моими, и что-то внутри меня тает.

— Ты так важна для меня, Матильда. Больше, чем ты думаешь.

Шмыгаю носом и отвожу взгляд, не в состоянии справиться с эмоциями, которые вызывают у меня его слова. Мне удается сказать лишь очередное «Прости» и «Я выучила урок. Этого больше не повторится».

Следующее, что я понимаю, он перелезает на заднее сиденье и прижимает меня к спинке. Я отползаю, неуверенная в его намерении, пока моя голова не ударяется об окно у другой стороны. Он сдерживает меня своим телом, приподнимая мои бедра, чтобы устроиться между ними.

Горячее дыхание Джея обжигает мое ухо, когда он шепчет:

— Нет, думаю, ты его еще не усвоила, но скоро это сделаешь.

И затем он молниеносно переворачивает меня — оказываюсь лежащей лицом вниз. Он трется своей явной эрекцией о мой зад, и я ахаю от удивления.

— Джей, — негодующе восклицаю я уже заведенная.

— Что?

— Мы в твоей машине. На людях.

— Едва ли здесь есть люди, но да, мы в моей машине. По правде, мне очень нравится находиться в своей машине с тобой.

Пальцы Джея проскальзывают за пояс моих черных джинсов, пока другая его рука снимает мою шапку и волосы рассыпаются каскадом по плечам.

— Вы только посмотрите на этот охренительный наряд. Куда еще прелестней?

— Что бы ты ни делал, прекрати. Этого не будет. Не здесь, — протестую я, голос звучит на мой взгляд с чересчур сильным придыханием. Я должна сосредоточиться на том факте, что он до сих пор не сказал, чем занимался. Но я не могу сконцентрироваться, не тогда, когда его руки на мне.

Джей щипает меня за ягодицу и продолжает стаскивать мои джинсы. Когда он обхватывает меня, чтобы резко погладить у меня между ног, мой мозг отключается, и я стону.

— Мокрая, — говорит он, словно только что выиграл что-то.

— Хм-м, — бормочу я.

— И мягкая.

— Джей.

— А еще сладкая.

— Мы не можем.

— О, да, можем.

Он стягивает с меня куртку и задирает рубашку, целуя мой позвоночник и нежно, играючи покусывая. Джей проводит языком по моей пояснице, и я начинаю задыхаться.

— Мне нравится, что тебе нравится, как я лижу тебя, — говорит он скрипучим голосом.

— Хм-м?

Джей мурлычет низким рокочущим звуком:

— Никогда не слышала эту песню?

— Что?

— Неважно. Не ищи ее. Мои чувства к тебе полностью противоположны этой песне.

— Джей, ты мелешь вздор. Просто коснись меня.

— С удовольствием.

Мои джинсы уже на середине ног, когда он обхватывает меня за талию, приподнимая так, чтобы я опиралась на руки и колени. Джей ласкает мой зад, затем легонько шлепает. Я вскрикиваю, и он потирает его. Одна рука двигается по моему телу вверх по ребрам и накрывает ладонью грудь. Джей дергает мой сосок, и я закусываю губу.

У меня за спиной раздается нетерпеливая возня, пока он расстегивает свой ремень и ширинку, а затем я ощущаю его твердую шелковую плоть, касающуюся моей ягодицы. Поддерживая свой член, он трется им об мою задницу, а потом опускает, скользя по моей влажности.

Подталкивая его в мое лоно и медленно проникая, издает стон:

— Это самое лучшее чувство — находиться внутри тебя.

Джей выходит, а затем врывается в меня сильными и быстрыми толчками. Удовольствие разливается по всему телу, мои стоны заполняют небольшое пространство салона. Я охаю, когда он склоняется и кусает мою шею, после чего прихватывает меня за загривок и приподнимает; его рука ложится на мою грудь, чтобы придержать, пока он продолжает толкаться в меня.

Наслаждение острое и всепоглощающее. Джей маневрирует моим телом, и я нахожусь в его власти. Сердце быстро бьется, пульс стучит в ушах так громко, что практически заглушает его эротические стоны. От эмоций ком встает в горле, внутри бьют ключом чувства, которые я не хочу интерпретировать.

Мне нравится, как он полностью меня поглощает до такого состояния, когда весь мир исчезает. Его рука все еще держит меня за шею, в то время как другая тянется в поисках моего клитора. Я хныкаю, когда он находит его, потирая быстрыми круговыми движениями, подводя меня все ближе к грани.

— Кончи для меня, родная. Кончай на мой член, — отрывисто выдыхает он мне на ухо, его губы на моей коже.

— Я… — У меня нет слов.

Скульптурная грудь Джея прижимается к моей спине, бедра выполняют поступательные движения. По всему моему телу распространяется тепло. Испытываю лихорадочное возбуждение, бесшабашность.

— Твое тело сводит меня с ума, — рычит он, покусывая мое плечо, пальцы Джея впиваются в мою шею. Я сжимаюсь вокруг него, мой оргазм близок.

— Ух ты, тебе нравится, когда я груб с тобой, да?

— Заткнись, — удается выговорить мне, и он ласково смеется.

Тело дергается, когда кончаю, и меня поглощает безмерное блаженство. Толчки Джея замедляются, он разворачивает мою голову к себе и ловит мой рот. Его язык проскальзывает внутрь, лижет, ласкает. Затем я чувствую, как Джей горячо кончает в меня. Мое тело слабеет, и он нежно сажает меня на себя, откидываясь назад и крепко держа меня в своих руках, излившись, он удовлетворенно сияет.

Мое лицо покоится на его плече, где я оставляю нежные, благоговейные поцелуи, вздыхая от одного удовольствия просто лежать в его объятиях. Остаемся в таком положении долгое время, нас окружает абсолютная темнота. Здесь нет уличных фонарей, лишь размытые огни города вдали.

Когда я двигаюсь, чтобы найти свою одежду, из его груди раздается низкий рокочущий звук.

— Не надо, — шепчет он, проводя губами по моему уху.

— Мы не можем оставаться здесь всю ночь, — протестую я.

— Разве?

— Я не сплю в машинах, Джей.

— Ты что, эта машина стоит больше, чем некоторые дома, — шутит Джей, его хватка на мне ослабевает. — Но, ладно. Надень какую-нибудь одежду, маленькая соблазнительница.

Одариваю его довольным взглядом, когда застегиваю лифчик.

— Я? Думаю, ты поймешь, что сам меня соблазнил.

Он язвительно приподнимает бровь.

— Да? Ты следуешь за мной сюда, вся из себя такая дерзкая, одетая в эту миленькую маленькую одежонку, словно играешь в детектива, выводишь меня из себя и горячишь мою кровь. Тебе повезло, что отделалась быстрым перепихом. Я подумываю сделать так, чтобы утром ты не смогла нормально ходить.

— Джей!

Его смех заполняет машину, когда слегка шлепаю Джея по руке. Мы одеваемся, после чего он снова перелезает на переднее сиденье. Я остаюсь сзади, размышляя. Теперь, когда меня не переполняет безумная похоть к нему, удается думать намного яснее.

— Ты до сих пор не объяснил мне, что это было сегодня ночью, — говорю я, когда Джей заводит мотор. Он бросает на меня серьезный взгляд, вся игривость забыта. Я продолжаю бушевать: — Ведь я итак уже закрыла глаза не некоторые вещи, но не уверена, что и это смогу проигнорировать. Что ты делаешь, Джей?

— Везу нас домой, — отвечает он беспечно. Это приводит меня в ярость.

— Ты прекрасно знаешь, что я не это имела в виду.

— А что ты имела в виду?

Я складываю руки.

— Ладно, хочешь знать, что я думаю? Я считаю, что все не так, как кажется. Я читала материалы твоего дела, и знаешь что? Создается ощущение, что все слишком идеально, каждая деталь вписывается в аккуратную маленькую упаковку. А настоящая жизнь не бывает аккуратной. Она беспорядочная и полна разочарований, в ней всегда найдутся препятствия.

— Ты считаешь аккуратным, что Уна Харрис пытается разрушить мою карьеру? Ага, Ватсон, это как раз то, что я называю настоящим идеальным сценарием.

— Нет, я не считаю это аккуратным. Мне кажется это ужасным, и думаю, что она кошмарный человек. Встретив ее, скажу честно, от этой женщины у меня мороз по коже. С ней что-то не так, и дело не только в том, что ее лицо больше из пластика, чем плоти. Но вместе с тем, я чувствую, что твоя злость по отношению к тому, что она сделала… спорная. Ты демонстрируешь себя раздраженным, но моментами проскальзывает намек на скрытое за этим удовольствие. Тебе будто хочется, чтобы она поносила тебя, словно каждое напечатанное ею слово, добавляет больше снарядов в твой арсенал.

— Ты права. Так и есть. Это снаряды для дела, Матильда.

Движение едва заметное, но я вижу, как его челюсть поддергивается. Ага, я точно вышла на правильный след. Джей двигается с места и начинает ехать домой. Он не произносит ни слова, а я не свожу с него глаз.

Мы почти у дома, когда я шепчу:

— Ты не доверяешь мне?

Его взгляд отрывается от дороги, чтобы встретиться с моим. Он тяжело вздыхает.

— Я доверяю тебе. Дело не в доверии. А в том факте, что если бы ты знала правду, то наверняка не хотела бы меня больше, а я бы не смог без этого жить.

У меня резко перехватывает дыхание. Его глаза светятся в темноте. Знаю, что сейчас Джей говорит правду — я просто чувствую это. Он подъезжает к дому и глушит мотор. Мы сидим так какое-то время в полном молчании.

— Думаю, ты недооцениваешь мою способность принять тебя, Джей, даже твои плохие поступки.

— Ты не можешь так говорить, Матильда. Ты не можешь так говорить, пока не узнаешь всего.

— А ты когда-нибудь мне расскажешь?

— Да, я собираюсь все рассказать. Тебе просто нужно подождать. Пожалуйста, подожди.

Мы смотрим друг на друга, кажется, целую вечность. Джею нужно, чтобы я подождала, в его просьбе слышится отчаяние, отчего мне хочется сделать это для него. Мои чувства к нему настолько сильны, что я хочу довериться Джею и позволить рассказать мне, когда он решит, что время настало. Так что, слегка кивнув, даю понять, что готова поступить, как он просит. Джей резко выдыхает с облегчением. Не стану его расспрашивать, пока для него не наступит время дать мне ответы.

Я считаю, что терпелива. Также считаю, что некоторые вещи стоят ожидания, а Джей, безусловно, один из таких.

Когда я, наконец, отвожу взгляд, усталость подбивает меня, словно кузнечным молотом. Справляться со всей этой эмоциональной неразберихой так изнурительно. Мы заходим внутрь, каждый в свою комнату. Когда я все-таки добираюсь до кровати, то начинаю пялиться в потолок и гадать: что же он сделал такого плохого, что думает, будто я его больше не захочу?

ГЛАВА 24

Следующим утром показывается Мишель, чтобы позавтракать со мной перед работой. Совершенно забыла, что мы договорились об этом на прошлой неделе. Джей еще не встал, когда я открываю ей дверь.

Какое-то время мы сидим и болтаем. Папа заходит и что-то быстро перекусывает, прежде чем уйти на запланированную ранним утром встречу. Джей входит, выглядя восхитительно взъерошенным ото сна. Его волосы в беспорядке, а футболка помята. И вот честно, нужно правило, запрещающее ему ходить по дому в одних боксерах. Его бедра просто чертовски… великолепны. Все такие мускулистые, подтянутые, сексуальные и очень крепкие. Эти бедра были предназначены для баловства, и скажу я вам, они балуют.

Мишель поигрывает бровями, смотря на меня, когда Джей заходит, а я говорю ей взглядом «молчать». У нас еще не было шанса хорошенько обсудить, что происходит между мной и Джеем, и я вижу, ее это убивает.

Подергивание бровями превращается в нахмуренный взгляд, когда подруга сосредотачивается на моей шее.

— Что это? — спрашивает она, наклоняясь с любопытством и дергая за ворот моей блузки. — Синяк? — продолжает она.

Я неловко поднимаю руку к горлу. Не видела никаких синяков, когда собиралась этим утром, но опять же, я немного спешила, поэтому не было возможности осмотреть свою внешность. Джей, только что наливший себе чашку кофе, оборачивается, отпивая из кружки.

— Думаю, это синяк, — говорит утвердительно Мишель. Я встаю из-за стола и иду посмотреться в зеркало. Как она и сказала, на шее есть маленький серый синяк. По сути, там три маленьких синяка подряд. Образ того, как прошлой ночью Джей хватает меня за шею на заднем сиденье своей машины, мелькает в моей голове. О, Боже, он действительно был груб со мной.

— Ага, похоже, ты права, — говорю я тихо, расправляя обратно свой воротник. — У меня постоянно появляются эти загадочные синяки, никогда не знаю, откуда они берутся.

— Вот как? — говорит Мишель. В ее глазах светится огонек, отчего я задумываюсь, подозревает ли она о том, что я точно знаю, откуда они взялись. Бросаю взгляд на Джея, и в выражении его лица безошибочное возбуждение. Он тоже помнит.

Я краснею.

Он, должно быть, замечает это, потому что приходит мне на помощь, сосредотачивая свое внимание на Мишель.

— Так я слышал, что вы с Джесси снова мнете друг другу киски. Что происходит?

Клянусь, я чуть не выплюнула апельсиновый сок, который пила.

— Ха-ха! — громко произносит Мишель. — Хорошая фразочка. Возьму на заметку. И, да, так и есть. У нас маленькая сексуальная связь. Это довольно увлекательно.

Джей пересекает комнату и садится с нами за стол. Он откусывает от моего наполовину съеденного рогалика так, словно это самая естественная вещь на свете. Я смотрю на Джея с насмешливым возмущением, на что он нагло мне подмигивает.

— Сексуальная связь? — спрашивает он беспечно. — Ты уверена, что это все?

Губы Мишель неуловимо поджимаются.

— Да. Почему ты спрашиваешь?

Он пожимает плечами.

— Просто мне кажется, она нравится тебе больше, чем ты хочешь признать.

Мишель бросает на меня раздраженный взгляд.

— Боже, Матильда, скажи ему. Я не привязываюсь. А если и привяжусь, то к мужчине. Не в обиду Джесси или еще что-то.

— О, так ты просто используешь мою подругу? Очень мило. Должно быть, очень гордишься собой.

Тон Джея на грани взбешенного, но тут что-то не так. Словно он симулирует гнев, чтобы добиться желанного результата. Мишель поникает, в ее глазах растет вина.

Она отвечает тихим голосом:

— Нет, я так не делаю. Пожалуйста, не говори этого Джесси.

— Какая тебе разница, если я скажу? Ты же сама сказала, что не привязана к ней.

— Да, но просто… ладно, слушай, ты ведь знаешь, какого порой иметь идеал человека, с которым ты хочешь быть? Например, ты всегда целишься на здоровых метросексуалов. Но затем встречаешь коллегу по работе, который немного занудный, и не знает ничего о стиле или красивой внешности. Ты сразу отвергаешь этого человека в качестве романтического интереса и заносишь в категорию друзей. Но затем узнаешь его лучше, проходит время, и начинает расти к нему влечение, потому что его характер или что-то в нем, будь то внутренний мир или что угодно, просто захватывает тебя. И тогда ни с того ни с сего ты обнаруживаешь, что у тебя возникают серьезные чувства к этому человеку, чувства, которые ты никогда не ожидал.

— Значит, Джесси — рабочая зануда? — говорит Джей, его рот расплывается в удовлетворенной улыбке.

Глаза Мишель расширяются, будто она не верит тому, что только что все это сказала.

— Что? Нет. Я не это имела в виду.

Джею достаточно вздернуть бровь, и она готова. Ее смятение ее же переиграло.

— Ладно, ладно, да, возможно, Джесси и *есть* занудная коллега по работе. Она, конечно, не зануда и ничего такого. Но, Боже, эта девочка просто такая клевая, она постоянно меня веселит. Я начинаю думать, что в итоге мы западаем не на внешность или пол. Мы влюбляемся в человека в целом, в их души.

Что ж, это было довольно… глубокомысленно.

Я со стуком опускаю кружку на стол.

— Ты влюбляешься в нее?

Мишель стонет и прикрывает лицо руками.

— Господи, какого фига я во всем этом признаюсь? — Она опускает руки и тычет пальцем в Джея.

— Ты — чертов прохвост. Это все ты. Знал, что я что-то скрывала.

Джей потягивает свой кофе.

— Эй, я всего лишь решил поболтать. Не знал даже, в чем собственно дело. Считал, что ты просто «лесби-туристка».

— Я предпочитаю термин «би-любопытная», если хочешь знать.

Джей смеется в кружку.

— Кажется, там было намного больше, чем любопытство.

С мгновение Мишель смотрит на него раздраженно, после чего переводит на меня мученический взгляд и берет за руки.

— О, Боже, Матильда, как на фиг это случилось? Я потратила годы на поиски мужчин, а в конечном счете меня охомутала женщина. Чувствую, что схожу с ума.

— Иронично, честное слово, — говорит Джей невозмутимо.

Я зыркаю на него глазами, чтобы замолчал, прежде чем повернуться к Мишель.

— Все не так плохо. На самом деле это — потрясающе. Чудесно испытывать искренние чувства к другому человеку. Разве тебе не приятно? Это должно быть приятно. Кого волнует, что она женщина?

Когда произношу это, чувствую, как Джей внимательно наблюдает за мной, и, да, в каком-то смысле я говорю о своих чувствах к нему.

Мишель делает дрожащий выдох.

— Это чувство самое приятное, и в то же время самое ужасное. Я не знаю, что из этого всего получится.

Потираю ее руки в своих и обращаюсь к Джею.

— Ты друг Джесси. Считаешь, она должна сказать ей о своих чувствах?

— Конечно. Сделай это.

Хм, не уверена, что это самый лучший совет. Мишель отстраняется, выпрямляясь на своем стуле.

— Нет, я немного подожду. Не хочу торопить события. Кроме того, я все еще пытаюсь разобраться в своих чувствах, что со мной происходит. — Мишель смотрит на свои часы. — Вот, черт. Только посмотрите на время. Мне пора идти.

— Ладно, давай встретимся после работы и тогда поговорим, хорошо?

— Да, звучит неплохо, — говорит она, наклоняясь и чмокая меня в щеку. — Позвоню тебе позже.

И на этом она нас покидает. Я перевожу свое внимание на Джея, который сидит теперь спиной, наблюдая за Эллен и Поршей, как они щебечут ему из своей клетки у окна.

— Ну, — вздыхаю я. — У тебя действительно талант вытягивать из людей правду. Жаль, что у *меня* нет такой способности.

Он поворачивает голову, чтобы посмотреть мне в глаза, и хватает за коленку, поглаживая пальцем по колготкам.

— Ты ведь сказала, что можешь подождать, родная.

Я шмыгаю носом, вспоминая принятое прошлой ночью решение, — быть терпеливой с ним.

— Могу.

— Ну, тогда прекрати пытаться вызвать у меня чувство вины. Это не сработает.

— Хорошо.

Его красивые глаза исследуют меня, прежде чем опуститься к шее. Протягивая руку, он проводит большим пальцем по синяку.

— Прости за это. Иногда сам не осознаю своей силы.

— Да ладно, — шепчу я. — Ничего страшного не произошло.

Между нами наступает момент зрительного контакта. Разрываю его, когда иду взять свой рогалик, и вижу, что он полностью исчез.

— О, Боже, ты съел весь мой завтрак, — говорю я, пытаясь сдержать улыбку, когда пихаю Джея в плечо.

Он перехватает руку и притягивает меня к себе. Наши губы рядом, и я думаю, он может меня поцеловать. Вместо этого, что-то проносится в его глазах, и он отпускает, отступая.

— Я приготовлю тебе что-нибудь взамен. Что ты хочешь? Яйца?

Изучаю его, задумываясь, почему он не поцеловал меня, гадая, какая мысль, по моему примечанию, пробежала у него в голове.

— Ага, — отвечаю я. — Согласна на яйца.

***

На следующий день, когда я сижу на скамейке, обедая в парке недалеко от офиса, подходит мужчина и садится рядом. Я смотрю на него краешком глаза, думая, что откуда-то его знаю, но не могу понять откуда.

— Прелестная погодка, не считаете? — спрашивает он невзначай.

— Да, замечательная, — говорю я и откусываю от своего сэндвича. Мне не особо нравится, когда незнакомцы пытаются завести со мной разговор. А дальше замечаю, как мужчина берет прядь моих волос и потирает ее между пальцами. Я вздрагиваю и быстро отодвигаюсь, теперь уже поворачиваясь к нему, чтобы разглядеть повнимательней. Мои волосы проскальзывают сквозь его пальцы.

Это мужчина, с которым Джей встречался в порту, тот, что был в костюме с тату на шее. Мои глаза округляются, когда я рассматриваю его. Его пребывание здесь не кажется простым совпадением.

— Что вы хотите? — спрашиваю я, вставая с лавки, тут же забыв про обед.

— Ты ведь узнаешь меня, не так ли, дорогая? — говорит мужчина с сильным городским акцентом.

Я повторяю свой вопрос, на этот раз запинаясь.

— Ч-что вы хотите?

— Я знаю, что ты следовала за своим парнем в ту ночь. Знаю, что видела меня. Это было ошибкой с твоей стороны, дорогая. Передай своему парню, что теперь я знаю, кто ты такая, и если он попытается снова меня подставить, то я приду за тобой.

Таращусь на него с открытым ртом, в то время как мужчина встает со скамейки с зажатой под мышкой газетой и, больше ничего не сказав, просто уходит. Тем же вечером, когда Джей приходит домой, я буквально затаскиваю его в свою комнату, чтобы мы поговорили. Вся на нервах, я рассказываю ему о встрече с мужчиной в парке. Некоторое время Джей нахмурившись смотрит на меня, прежде чем разразиться потоком бранных слов.

— Черт, черт, черт, — сжимая кулаки, ругается он, его челюсть начинает подергиваться.

— Думаешь, нужно позвонить в полицию? — спрашиваю обеспокоено. Понимаю, что согласилась не задавать ему больше вопросов, поэтому сдерживаю себя, чтобы не поинтересоваться, кто именно этот мужчина.

Он отходит от меня, расхаживая по комнате, затем возвращается обратно и нежно пробегает рукой по моему лицу, глаза Джея впиваются в меня. В выражении его лица читается волнение, какое-то смятение.

— Нет, он не приблизится к тебе. Я обо всем позабочусь. Не нужно беспокоиться.

Смотрю на него, сглатываю и киваю.

Проходит неделя, а я все меньше и меньше сплю, но повод не из приятных. Каждую ночь лежу без сна, сердце колотится, поскольку желаю, чтобы Джей пришел ко мне. Но он этого не делает. На самом деле, он, кажется, совсем отстранился. Джей ни слова не сказал о расставании, но держит дистанцию, и это убивает меня.

Он больше меня не хочет?

Это имеет какое-то отношение к мужчине в парке?

Мне удается проводить с ним время только по вечерам, когда он подходит и садится рядом, в то время как я работаю над нарядами. Вижу его за завтраком и за ужином, но это не считается, поскольку там присутствует папа. При нем мы не можем ни о чем поговорить.

Сегодня пятница и Мишель встречается с Джесси, так что мы не осуществляем нашу обычную ночную вылазку. Она еще не рассказала Джесси о глубине своих чувств, а решила действовать по обстоятельствам. Раз она недоступна, я планирую провести вечер за шитьем. Работаю над новым дизайном чайного платья, которое собираюсь сделать в разных размерах и в нескольких вариантах рисунка ткани. Я нашла его в одном из старых маминых альбомов по дизайну, и очень воодушевилась, когда подумала, как придам ему свой штрих.

Когда платья будут готовы, я повешу их на манекены, сфотографирую и выложу на Etsy. Это амбициозный проект, ведь обычно я делаю вещи по заказу или просто шью одно с уникальным дизайном предназначенное только для одного человека.

Но учитывая прошедшую неделю, я чувствую, что мне необходимо полностью занять чем-то свой мозг. Таким образом, у меня не будет возможности думать о Джее.

Легок на помине. Он входит в комнату, когда я чиркаю карандашом в своем дизайнерском альбоме, занося туда замеры. Он садится по другую сторону стола, хватает яблоко из фруктовой вазы и начинает есть. Я вскидываю голову и мгновенно об этом жалею. У него потемневшие глаза и взгляд, который я уже научилась распознавать как «желание».

Его челюсть двигается, пока он жует яблоко, и я быстро отворачиваюсь. Есть что-то такое в жестких линиях его работающей челюсти, перед чем мне чрезвычайно сложно устоять.

Проходит долгая напряженная минута.

— Что ты делаешь?

— Работаю над новым дизайном, — отвечаю с трудом. Когда на секунду мои глаза встречаются с его, уголки губ у него начинают приподниматься. Хочется ударить его за то, что находит меня забавной.

— Клево. Хочешь продемонстрировать его мне, когда оно будет готово?

— Не особо.

— Ну ладно тогда. — Громкий хруст надкусанного яблока раздается на всю комнату.

Я опускаю карандаш и вздыхаю.

— Ты не мог бы есть его где-нибудь в другом месте? Клянусь, ты, должно быть, самый шумный пожиратель яблок за все времена.

Он пожимает одним плечом.

— Мне нравится здесь. И я люблю есть яблоки.

То, как его голос понижается на втором предложении, отдает двусмысленным намеком. Это провоцирует меня настолько, что я резко отвечаю:

— В этом я не сомневаюсь, Джейсон. Уверена, ты любишь, есть разные сорта яблок.

Черт возьми, неужели я только что это сказала? Убейте меня сейчас же.

— На самом деле, я верен только одному яблоку, — парирует он.

От того, как пляшут и светятся его глаза, мне хочется рассмеяться. Ненавижу то, как он делает это со мной. Наш разговор сейчас на грани смехотворности. И все же я не свожу его на нет.

— Ты не можешь быть верен только одному яблоку. Как только оно съедено, то уже исчезло, тебе нужно искать новое.

— О, я мог бы есть свое яблоко снова и снова, даже не испытывая нужды искать новое.

— Может, твое яблоко не хочет быть съеденным. Может, твое яблоко устало от твоих способов поедания.

Он наклоняется, упираясь локтем о стол, взгляд Джея становится еще темней.

— Совсем наоборот, мое яблоко любит быть съеденным. На самом деле мое яблоко сейчас немного капризничает, потому что его не ели уже некоторое время.

Вот же дармоед! Хочу потянуться через стол и дать ему хорошую увесистую оплеуху. Вместо этого успокаиваю себя и скрываю эмоции за безразличием. Я помню его слова с той ночи в открытом кинотеатре.

«Пожалуйста, не добивайся большего даже, если кажется, что я хочу тебя до боли, даже, если я сам буду добиваться»

Именно это он сейчас делает? Добивается?

— Не осознавала, что у яблок есть пол и эмоции.

— Ага, ну, каждый день учишься чему-то новому.

Я больше ничего не говорю. Просто беру свой карандаш и возвращаю внимание к бумаге передо мной. Хоть я и не смотрю, могу буквально чувствовать, как веселая улыбка на лице Джея устремлена прямо на меня.

Я зарисовываю очертания платья, все это время чувствуя взгляд Джея на себе, как жаркое прикосновение. Он продолжает есть свое яблоко, и осознание того, что он считает, будто выиграл наш маленький завуалированный спор, бесит меня до чертиков.

Проходит некоторое время, прежде чем Джей снова заговаривает.

— Завтра я переезжаю на новое место.

Его слова удивляют меня. Как-то я позабыла, что он съезжает. Была больше сосредоточена на инциденте с мужчиной в парке и том факте, что он отдаляется от меня. Неожиданная мучительная боль пронизывает грудь. Я кладу на нее руку, пытаясь стереть это чувство.

— Ой, точно. Куда ты переезжаешь? — Не смотрю на него, потому что если сделаю это, могу сломаться.

— Гранд Канал Док.

— О, шикарно, ничего не скажешь! — признаю я, пытаясь скрыть боль за шуткой. — Работать тоже собираешься в Гугле? Так ты будешь в двух шагах от офиса. Сможешь наслаждаться всеми прерогативами в качестве любимца империи зла с отличными ресторанами и кафешками прямо у тебя перед домом.

Джей смеется.

— Знаешь что, это очень сильно смахивает на болтовню, которую нес агент по недвижимости.

Настороженно ему улыбаюсь.

— Могу представить. Так ты устраиваешь новоселье?

— Это пентхаус, и, да, я устраиваю барбекю на террасе в воскресенье. Вы с отцом приглашены. Думаю, Джесси приведет Мишель.

В глубине души нахожу странным, что он из одной комнаты переезжает в целый пентхаус только для него одного. То есть, почему сразу же не снять пентхаус, если он мог себе это позволить? Возможно, он лишь недавно получил деньги. Я бросаю взгляд на ногти.

— Ну, мне нужно проверить свой очень забитый календарь мероприятий и тогда отвечу тебе по этому поводу.

Жду, что он посчитает мои слова смешными, потому что мы оба знаем, что большую часть своего свободного времени я провожу в уединенном занятии шитьем. Хотя, с тех пор как в моей жизни появился Джей, оно не было таким уж уединенным. Но вместо этого он сужает глаза и изучает меня со всей серьезностью.

— У тебя горячее свидание или что? Оуэн звонил? — он произносит это имя, словно пытается проглотить стекло, и как признано, от этого я испытываю небольшое удовлетворение.

— Нет, у меня не назначено горячего свидания. И, да, он звонил, чему я была удивлена, учитывая, как катастрофически прошло наше второе свидание, по твоей милости. Тем не менее, я объяснила ему, что в настоящее время не готова к отношениям. Он очень благосклонно к этому отнесся.

Джей молча сидит со сложенными перед собой руками. Мне становится неловко под его пристальным вниманием, поэтому решаю на сегодня собрать свои вещи и пойти на боковую.

— Не уходи, — говорит он и тянется за моим запястьем, когда я прохожу мимо.

— Я устала, — отвечаю ему, идя дальше, а рука Джея опускается, когда я покидаю комнату.

Уже за полночь, а я все еще не могу уснуть, ворочаясь в кровати. Сдергиваю свои пижамные штаны, потому что мне слишком жарко. Громкий храп папы из его комнаты отдается эхом по коридору, и я завидую его сну. Слышу, как Джей вышагивает за соседней дверью, но если обычно меня это успокаивает, сейчас просто выводит из себя.

В глубине души понимаю, что это не раздражение, а душевная боль.

Когда завтра он уедет, я буду по нему безумно скучать. Мне хочется схватить его и крепко обнять, дать понять, как тяжело мне его отпускать.

Вскоре его вышагивание замедляется и наступает тишина. Слышу, как Джей выключает свет, как скрипит его матрас, когда он залезает в кровать. Часы на прикроватной тумбочке громко тикают у меня в ушах. Чем больше концентрируюсь на них, тем громче они становятся, словно насмехаются надо мной.

Отсчитывая секунды до отъезда Джея.

Будь я храброй, то прямо сейчас пробралась бы в его комнату и дала ему что-то, чем бы он меня запомнил. На самом деле, думаю, что, возможно, чувствую себя немного храброй, потому что тело двигается само по себе. Я почти не издаю ни звука, когда открываю свою дверь и делаю несколько маленьких шажков по коридору к комнате Джея. Петли на дверях издают легкий скрип, когда захожу вовнутрь, комната погружена в темноту.

Положив руку на стену, нащупываю дорогу к его кровати. Происходит какое-то движение, затем Джей шепчет:

— Что ты делаешь, родная?

— Не могла заснуть.

Теперь я на его кровати, стягиваю покрывало. Джей прочищает горло и кладет руки мне на плечи, словно собирается остановить. Когда мои глаза привыкают к темноте, разглядываю его обнаженную грудь, маленькую дорожку волос, спускающуюся от пупка в боксеры. На мне ничего нет, кроме футболки и хлопковых трусиков.

Джей пожирает меня таким же взглядом, каким поглощаю его я.

— Ты не должна, — бормочет он, но его глаза говорят, что должна.

Нависая над ним на коленях, я склоняюсь и нежно целую его грудь. Его тело вздрагивает от прикосновенья. Прошла неделя с последнего нашего контакта и каким-то образом я знаю, что он желал меня так же, как я его, даже если по какой-то неведомой причине заставил себя держаться подальше.

Вползаю к нему между ног, обхватывая одно из бедер Джея своими, и втягиваю его сосок в рот.

Кружу вокруг соска языком, увлажняя и распаляя.

— Охренеть, — чертыхается он, его рука поднимается к моему лбу и убирает волосы.

Я трусь об его бедро, испытывая нужду, оставляю дорожку из поцелуев от одного соска к другому, затем вниз по его идеальной груди и прессу. Провожу носом по тазовой кости, когда достигаю резинки боксеров, его грудная клетка быстро вздымается, а дыхание учащается.

— Что ты делаешь? — рычит он, а я получаю удовольствие от этого звука. Мне нравится мучить его.

— Пробую тебя на вкус, — шепчу я, высовывая язык, чтобы лизнуть его кожу. — Я так сильно по тебе скучала.

Его тело дергается.

— Ага, тебе лучше распробовать поскорее или я тебя трахну.

Стону. Его слова возбуждают меня. Когда приспускаю боксеры с бедер Джея, его потрясающе твердый член высвобождается. Вдыхаю его запах, а Джей накрывает ладонью мою щеку, его глаза сияют.

Целую головку, и он стонет, сильно сквернословя.

— Тебя послали на землю, чтобы терзать меня, в этом я уверен, — выдыхает он.

Открываю рот и прихватываю пару сантиметром. Его рука крепче сжимает мою щеку. Опускаю голову и медленно вбираю всю его длину. Его тело превращается в натянутую пружину, рот — фонтан прелестных богохульств, пока я ублажаю Джея, посасывая и порхая языком по уздечке его члена.

Похоже, последнее ему особо нравится, так что я проделываю это многократно.

Одной рукой стискиваю его напряженное бедро, а другой прихватываю яички, и чувствую, как солоноватые капли предсемени наполняют мой рот. Увеличиваю скорость, и он шарит по мне, его руки тянутся, проскальзывая мне под топик, чтобы накрыть ладонями мою голую грудь.

Стону на его члене, когда он щипает меня за соски, и из него вырывается самый мужественный звук, — полурык-полумурлыканье. Чистейший секс. Горячая жидкость изливается мне в рот, когда он кончает, а я продолжаю его посасывать, вытягивая каждую капельку до последней.

Разрядившись, напряжение покидает его тело, а сам он иссяк. От того как во взгляде Джея светится обожание, когда он смотрит на меня, поглаживая большим пальцем мои губы, чувствую, что со своей задачей я справилась. Он еще не скоро это забудет.

Джей подтягивает меня наверх и устраивает у себя под боком, моя голова покоится у него на груди. Пальцами провожу по очертаниям его татуировок. Изучаю их, чувствуя, что они рассказывают историю, но та скрыта от меня. Хотелось бы мне каким-то образом нажать на выключатель и подсветить слова.

Дыхание Джея выравнивается, и мне кажется, он уснул, но затем его рука начинает двигаться вниз по моему бедру. Своими ловкими пальцами Джей раздвигает мне ноги, потирая киску, прежде чем найти мой вход. Он быстро и резко вводит в меня два пальца. Я скулю.

Рот Джея опускается на мою грудь, ловя ее, глаза приклеены к моим. Он трахает меня рукой, большим пальцем нажимая на клитор, заставляя почувствовать себя, словно балансирую на грани. Мой взор затуманивается удовольствием.

— Да, кончай для меня, родная. Хочу видеть эти содрогания, — мурлычет он, его рот выпускает мой сосок, чтобы глотнуть воздуха.

Это не занимает много времени. Одним яростным, сильным толчком пальцев и круговым движением большого пальца по моему клитору я распадаюсь. Мой оргазм длится долго. Теряю счет количеству волн, прокатившихся через меня. Джей удерживает пальцы в моей глубине, теперь лишь лениво двигая ими туда-сюда. Его рот слегка приоткрывается, и я вздыхаю.

— Я не могу так быстро снова кончить, — умоляю его.

— Я и не пытаюсь этого сделать. Просто наслаждаюсь ощущением тебя.

Проходит минута, заполненная моими крошечными стонами и его рыками одобрения.

— Почему ты был таким отстраненным всю неделю? — спрашиваю, ненавидя зависимый тон моих слов.

— Пытался держаться от тебя подальше, пока все это не закончится. Тот инцидент в парке был слишком опасен, а я не могу подвергать тебя такой опасности снова.

Вздыхаю, когда Джей извлекает пальцы, скользя ими по моей киске, прежде чем притянуть меня к себе и заключить в объятия.

— Пока не закончится что?

— Судебное разбирательство. Все прочее.

Положив руку ему на грудь, я отстраняюсь, пораженная сказанным им.

— Судебное разбирательство может затянуться на год. Ты собираешься держать меня на расстоянии все это время? — говорю я с комом в горле. Джей пытается притянуть меня обратно к себе, но я отодвигаюсь еще дальше. Ранее мне было слишком жарко. Теперь же очень холодно. Нащупав нижнее белье, я натягиваю его.

— Родная, я не могу допустить, чтобы ты снова попала под перекрестный огонь. Это слишком опасно. Одно то, что мне приходится заставлять себя ждать, должно показать тебе, насколько я беспокоюсь.

Я гневно жестикулирую.

— Если дело в этом, тогда зачем позволил мне зайти сюда сегодня?

— Потому что охренительно сложно устоять перед тобой. Я пытался, но когда ты заходишь сюда и предлагаешь мне себя, я не в состоянии сказать нет.

— Ты жалеешь об этом?

— Нет, конечно же, нет. Пожалуйста, пойми, что я чертовски тебя обожаю, но это не наше время, детка. Пока нет. — Джей тянется ко мне и берет мою руку в свои, смотря с мольбой в глазах.

С трудом сглатываю, заставляя себя забыть жалость, хотя его ласковые слова отчасти смягчают мою решительность. Слезы застревают в горле, но мне удается прошептать:

— Хорошо. Этого больше не случится.

Развернувшись, выхожу из комнаты как раз до того, как начинаю плакать.

— Матильда, — окликает Джей надорванным голосом, но я не оборачиваюсь.

ГЛАВА 25

На следующий день Джей занят переносом из гостевой комнаты своих вещей и их складыванием в собственную машину. Мы вместе завтракаем, но за исключением нескольких испытывающих, напряженных взглядов, он не упоминает о произошедшем прошлой ночью. И, по правде, я этому рада. В данный момент я довольно чувствительна, поэтому в любом случае не уверена, что смогла бы выдержать такую беседу. Возможно, я просто разразилась бы слезами.

Не успела оглянуться, как мы с папой стоим на крыльце, прощаясь с Джеем. Папа, похоже, не рад его отъезду так же, как и я, но вижу, что он пытается этого не показывать.

Ненадолго наша маленькая семья из двух человек увеличилась до трех.

Джей очень долго смотрит на меня, затем удивляет нас обоих, когда притягивает к себе и заключает в крепкие, продолжительные объятия. Впоследствии папа косится на меня со странным выражением на лице, но я стараюсь не обращать внимания. Думаю, он подозревает, что между нами что-то происходит, но еще ни разу не заикнулся об этом. Джей хлопает папу по плечу и пожимает ему руку, после чего направляется к своей машине. Папа выкрикивает ему вслед, что они увидятся завтра на барбекю.

Я все еще сомневаюсь, нужно ли идти. При мысли о том, чтобы находиться рядом на протяжении всей драмы его судебного разбирательства, но фактически не быть с ним, пока она не закончится, мое сердце словно разбивается.

В итоге, я все-таки иду на барбекю. В основном из-за того, что папа мог бы решить, будто что-то не так, если бы я этого не сделала, но главное, потому что провести даже один день, не увидев Джея, — для меня пытка. Мне нужна очередная доза. Мы приезжаем к его новому обиталищу с бутылкой вина. Он впускает нас внутрь, и мы поднимаемся на лифте на самый верхний этаж. Как я и ожидала, здание модное, весь фасад сделан из стекла и стали.

Джесси открывает дверь, когда мы туда добираемся.

— О, входите, входите, — приветствует она нас. — Джей как раз разжигает снаружи барбекю. Надеюсь, никто из вас не вегетарианец.

На это папа неистово смеется. Очевидно, сама мысль о том, чтобы не есть мясо, для него смехотворна. Я ожидала, что апартаменты Джея будут заполнены друзьями, но тут только Джесси, Мишель и парочка человек, которых я встретила в ночь его шоу. Я чуть не смеюсь, когда Джесси подходит к Мишель, чтобы поцеловать ее в губы, а папа с удивлением на них взирает.

— Ну и ну, — говорит он себе под нос.

Я пихаю папу локтем.

— Не придавай особого значения.

Папа кивает, вот и вся реакция. Как и меня, его особо не волнует, что люди решают делать в своей личной жизни. Я оглядываю квартиру, в то время как папа присаживается на диван с другими. Здесь пока не так много мебели, всего лишь несколько разнобойных предметов. Интересно, почему он не перевез с собой кушетку, но я рада, что он этого не сделал. Возможно, это означает, что он все еще собирается время от времени заглядывать и проводить со мной время. Вот только не знаю, хорошо ли это будет для меня в эмоциональном плане.

Нахожу кухню и кладу вино охладиться в холодильнике. Когда оборачиваюсь, Джей стоит в двух шагах от меня, и я подпрыгиваю.

Его губы изгибаются.

— Почему бы тебе не чувствовать себя как дома?

Я стараюсь не подавать вида, хотя мне больно его видеть.

— Нигде не могла найти хозяина, вот и решила сама отыскать дорогу.

Теперь он широко мне улыбается, но с толикой печали.

— Вот как? Выглядишь прекрасно.

Опускаю взгляд на свое простое платье и робко пожимаю плечами. Он сокращает расстояние и у меня перехватывает дыхание. Однако, Джей не дотрагивается до меня. Вместо этого тянется в обход, снова открывает холодильник и достает поднос с мясом для бургеров, накрытый пищевой пленкой.

— Хочешь помочь мне? — спрашивает он неуверенно.

— Ладно.

Его сразу захлестывает облегчением.

— Здорово. Прихвати булочки для бургеров.

Делаю, как он говорит, и следую за Джеем на террасу. Это замечательный солнечный летний денек, и из нового дома Джея открывается великолепный вид на воду. Джей начинает готовить мясо на модном новом барбекю, которое, должно быть, купил специально для этого новоселья, или же тот прилагался к квартире. Тут же стоят садовый столик со стульями, поэтому занимаю себя тем, что раскладываю тарелки с салфетками.

Закончив, снова разворачиваюсь, а Джей тем временем стоит возле барбекю. Но он не сосредоточен на готовке. Все его внимание на мне. От его взгляда у меня в животе возникают бабочки.

— Прекрати смотреть на меня так, — говорю я недовольно, потирая себе грудь. У него есть привычка причинять моему сердцу боль, лишать мои легкие воздуха.

Джей завлекающе наклоняет голову, отчего становится только хуже.

— Как так?

— Словно ты пристаешь ко мне глазами, — выпаливаю я.

Он отвечает мне долгим и низким смехом. Я едва могу выдержать любовь в его взгляде.

— Ладно, я попробую перестать. Но если для тебя это станет слишком, в этой квартире очень красивая ванная. В ней ты можешь снова потереть себя, чтобы снять напряжение. Я тоже приду послушать, если это поможет.

Ну, вот, опять Джей подначивает меня.

Медленно моргаю, прежде чем нахожусь с довольно мастерским ответом. И говоря «мастерским», имею в виду дерьмовым.

— Почему бы *тебе* не отправиться *потереть* себе?

Он вскидывает бровь.

— Я не тру себе, родная. А передергиваю.

— О, Боже, заткнись! — неожиданно хихикаю, заглядывая внутрь дома, чтобы убедиться, что никто не был достаточно близко, чтобы услышать.

— Ты слишком охренительно мила, когда смущена.

Я молчу. Разговаривать с Джеем, похоже, только доводит меня до неприятностей, от которых приходится менять нижнее белье. Да, я это сказала.

Пару минут спустя он всех зовет, и подает еду. Мы сидим, разговариваем и попиваем вино, в общем, просто погружаемся в приятную атмосферу. Я обнаруживаю, что тоже веселюсь, несмотря на то, что приходится старательно избегать пронзительных взглядов Джея. Хотелось бы, чтобы он прекратил, потому как рано или поздно кто-нибудь да заметит.

Вечер приближается к концу, и папа решает, что пора закругляться. Мне пока не хочется уходить, поэтому Джесси предлагает попозже подвезти меня. Стоит папе уйти, я становлюсь немного менее замороченной. По крайней мере, теперь его не будет здесь, чтобы заметить странности между мной и Джеем.

Потягиваю вино и позволяю беседе протекать без моего участия, глядя на открывающийся снаружи вид. Релаксация не затягивается, потому что минуту спустя рядом со мной выдвигается стул, и на него опускается Джей.

— Так тебе нравится мое новое обиталище?

Я киваю.

— Ага, красивое. И отличное месторасположение.

Он отпивает немного пива и какое-то время молчит, затем спрашивает:

— Думаешь, ты бы могла представить себя живущей в таком месте?

В его голосе слышится неуверенность, что совсем ему несвойственно.

— Уверена, могла бы. Это ведь не трущобы. Но думаю, я всегда буду жить с папой. Ему будет одиноко без меня, — отвечаю, не думая. Когда вижу выражение лица Джея, до меня вдруг доходит значение его вопроса. Он хочет знать, буду ли я с ним однажды жить. Здесь. Когда закончится все безумие и он сможет, наконец, поведать мне все, о чем сдерживается.

Вау.

Просто… вау.

И снова появляется боль в груди. Только на этот раз она приятная. Вроде как. Этот мужчина серьезно опасен для моего сердца. Он только и делает, что удивляет меня на каждом шагу.

— Тебе придется когда-нибудь переехать, Матильда. Ну, знаешь, посмотреть на мир. Уверен, твой старик не захотел бы, чтобы ты оставалась с ним только потому, что считаешь это своей обязанностью.

— Я не поэтому остаюсь там. Мне нравится жить дома. Он уютный. И, кроме того, у нас с папой больше никого нет.

Даже произнося эти слова, понимаю, что это ложь. Проживание с папой, словно любимая игрушка, которую я всегда слишком боялась выпустить из рук. Порой думаю, что сама себе внушаю, будто он нуждается во мне больше, чем есть на самом деле.

Джей хватает мою руку и нежно сжимает.

— Вы не *единственные* друг у друга. — Его тон серьезный, пылкий.

Втягиваю воздух. Очередные уколы в груди.

— Так, хочешь сказать, что теперь у нас есть и ты?

— Да, именно это и хочу сказать, — бормочет он, склоняясь ближе. У меня захватывает дух.

— Совсем не ощущается, что ты у нас есть. Честно сказать, не знаю, на какой стадии нахожусь с тобой в тот или иной день. Ты хочешь быть со мной, но не можешь этого сделать. Насколько мне известно, ты в любой момент можешь исчезнуть, вернуться в Америку, чтобы устраивать представления в Лас-Вегасе или в каком-нибудь другом гламурном месте.

— Вот как? Ну, ты ведь помнишь наше маленькое соглашение? Мы договорились, что ты поедешь со мной в следующий раз, когда у меня там будут выступления, так что как видишь, это неправда. У тебя есть я, Матильда. Всегда. — Он делает паузу, и его голос становится тише. — Ты моя.

Я закрываю глаза, его слова для меня уже перебор.

— Я скучаю по тебе, — шепчу ему. — Скучаю по тому, как ты спишь по другую стороны стены, по звуку твоих шагов.

Глаза Джея становятся печальными.

— Меня не было только один день.

— И поэтому, это страшно. Я не должна так сильно по тебе скучать.

— Это не продлится вечно. Поверь мне. — Большой палец Джея выводит утешающие круги на внутренней стороне моего запястья, и я таю.

Долгое время мы просто сидим вот так, день вокруг нас близится к закату, городской шум доносится из ближайших окрестностей. Уже наступает темнота, когда приходит Джесси и говорит, что может забрать меня домой.

— Все в порядке. Я отвезу ее, — вмешивается Джей.

Смотрю на него, опускаю взгляд на наши переплетенные пальцы, прежде чем убрать свою руку.

— Я должна идти. Уже поздно, а утром у меня работа.

Джей пытливо смотрит.

— Уверена?

— Ага, — говорю я, дыхание вырывается со свистом. — Уверена.

Мы крепко обнимаемся, и пока иду до двери, всю дорогу чувствую, как Джей не спускает с меня глаз.

***

Всегда считала медиацию неприятным процессом. Чтобы попытаться найти решение своему разногласию, две противостоящие стороны встречаются с третьим нейтральным участником, нанятым сыграть между ними посредника. Эта частая мера, применяемая на раннем этапе в стремлении сохранить деньги. Если удастся прийти к соглашению, то все могут избежать больших затрат от обращения в суд.

Я с самого начала знала, что организованное между Джеем и Уной Харрис предварительное заседание будет бурным, и не ошиблась. Я также опасалась, что Джей не собирался принимать какие-либо предложения от газеты. Для него это все было частью танца, частью каких-то непонятных, хранимых им секретов, а нам приходилось соблюдать формальности.

В назначенное утро папа в прекрасной форме двигается размашистой ритмичной походкой, хотя обычно ходит медленно. Он наслаждается каждым мгновением, работая над этим делом, и мне кажется, у него большие надежды на то, что сегодня удастся достигнуть соглашения. Мне не хватает духу пошатнуть его оптимизм.

Я не стремлюсь там находиться, но папа настаивает, чтобы я присутствовала, делала заметки и тому подобное. Мы приходим в комнату переговоров рано: я, Уилл, папа и Джей. Посредник ожидает нас. Мужчина по имени Джон Сноу. Да, я не шучу. Джей и я обмениваемся ребяческим взглядом, когда здороваемся с ним. Мы оба знаем значение его имени. Вспоминаю ту первую ночь, когда Джей въехал, как мы ужинали, и он поддразнивал меня насчет футболки *Игры Престолов*. Глубоко в животе возникает резкая боль ностальгии.

В любом случае, посредник Джон Сноу совсем не похож на Джона Сноу с ТВ. А жаль.

Мы располагаемся за длинным столом и начинаем готовиться к заседанию. Джей занимает стул рядом со мной, и когда садится, его рука находит мою коленку и сжимает ее. Я бросаю на него взгляд *«прекрати это»*. Его глаза в ответ говорят *«нет»*.

Рука все еще у меня на ноге, когда прибывает Уна Харрис и те, кого можно описать не иначе, как свита. С ней как минимум четыре поверенных. Я рассеяно осматриваю ничем не примечательных на вид мужчин и женщин в дизайнерских костюмах, прежде чем мой взгляд встречается со смутно знакомым лицом. Мои глаза перемещаются от этого лица прямо на Джея. Когда один из поверенных упоминает имя мужчины, мои подозрение многократно усиливаются.

Джею придется хорошенько объясниться.

Среди сопровождающих Харрис находится Брайан Скотт, владелец *Дейли Пост*. В принципе, ничего удивительного. Я знала, что он вполне мог прийти сюда. Чего не ожидала, так это, что узнаю его.

Он старый бизнесмен, на которого Джей смотрел той ночью в казино. Мужчина, который покинул офисы *Дейли Пост*, пока Джей устраивал свое уличное представление, и у которого он что-то украл.

Джей последний раз сжимает мою коленку, прежде чем отпустить. Он в курсе, что я знаю.

Безусловно, он понимал, что я вспомню мистера Скотта. Мог бы, по крайней мере, как-то предупредить, даже если не готов полностью все объяснить.

Тогда мой рот в данный момент не был бы так нелепо раскрыт. Я пытаюсь вернуть себе самообладание, подхватывая лежащие передо мной файлы и укладывая их в очень аккуратную стопку.

Посредник формально представляет стороны и обрисовывает, как будет проходить заседание. Глаза Джея сужены почти в щелочки, когда он смотрит на Брайана, сидящего прямо напротив него с другой стороны стола.

Иисусе.

Если бы взглядом можно было убить, то Брайан Скотт был бы выпотрошен и порублен на мелкие кусочки, а эти кусочки были бы осторожно завернуты и потоплены на дне океана. Я, наконец, понимаю, что подразумевала Джесси, когда говорила о «сделать начисто» взгляде Джея. У него определенно есть способность заставлять людей чувствовать себя некомфортно, даже не двинув мускулом или не сказав и слова.

Не могу понять свирепость его неприязни к этому мужчине. Я знаю, что он владеет газетой и все такое, но это Уна его порочит.

Кстати о мисс Харрис, на очень краткий миг наши глаза пересекаются через стол. Не уверена, зачем она смотрит на меня, но быстро перевожу свое внимание на что-то другое. Как я уже сказала, эта женщина вызывает во мне мурашки. Сегодня ее волосы закручены в ракушку, губы красные, и на ней надето черное кожаное платье. Не шучу. В целом, образ очень *роковой женщины*. Вообще-то, вполне ей подходит.

Заседание идет своим чередом, и один из поверенных Брайана Скотта делает предложение.

— Мы готовы произвести единоразовую выплату мистеру Филдсу в размере двадцати пяти тысяч евро, чтобы компенсировать любые потери, которые он мог понести в своей карьере из-за опубликованных статей. Мисс Харрис также готова написать статью об отказе от своих заявлений о мистере Филдсе, наряду с официальным извинением в форме письма. В обмен, мистер Филдс прекратит все судебные разбирательства против мисс Харрис и издательства.

Если не ошибаюсь, то кажется, слышу, как Джей хмыкает. Он наклоняется вперед, опираясь локтями на стол и сжимая ладони вместе.

— Думаю, я пас.

— Сначала мы должны это обсудить, — говорит папа.

— Нет нужды. Я не заинтересован в их двадцати пяти штуках или извинении мисс Харрис, — говорит Джей пренебрежительным тоном. Он выговаривает «извинении», словно это пошлое слово. Брайан Скотт шепчет своему поверенному, и тогда он вносит поправки в предложение.

— Мы увеличим выплату до пятидесяти тысяч, а мисс Харрис запланирует интервью на «Radio One», где принесет извинение в прямом эфире.

На это Уна стреляет в сторону Брайана очень недовольным взглядом и цепко складывает руки на груди. Ясно, что она не рада идеи интервью на радио. Ответный взгляд Брайана бесстрастен. Вживую он кажется довольно обычным, безобидным пожилым человеком, но под поверхностью есть что-то мерзкое. Что-то позволяющее предположить, что он не тот, с кем тебе захотелось бы быть врагами.

— Вау, Брайан, — говорит Джей фальшивым дружелюбным голосом. — Так ты действительно не хочешь, чтобы это дерьмо добралось до суда? Я пытаюсь понять, как у хрена может оказаться такая гигантская киска.

Думаю, каждый человек в этой комнате втянул воздух в один и тот же момент. Я прикусываю губу, на полном серьезе пытаясь не рассмеяться. Была уверена, что Джей скажет нечто подобное в предполагаемо официальной, профессиональной обстановке.

Папа громко кашляет.

— Мистер Филдс, такого рода язык крайне неподобающий. — Он бросает на Брайана Скотта примирительный взгляд. — Прошу прощения за поведение моего клиента.

— А я не прошу, — говорит Джей, люто буравя Брайана.

— Не стоит извинений, — говорит Брайан, пренебрежительно махая папе. — Я знаю, с каким быдлом имею дело.

О, Боже.

— Да вы только посмотрите на это. — Джей сильней наклоняется над столом, внимательно изучая Брайана. Затем поворачивается к папе. — Знаете, что этот взгляд означает, Хью? Эта едва приподнятая верхняя губа? Она демонстрирует отвращение. Я внушаю тебе отвращение, Брайан? Ты считаешь меня отвратительным?

Взгляд Брайана скользит мимо Джея, прежде чем остановиться на папе.

— Не могли бы вы держать своего клиента под контролем, мистер Брэндон. Он позволяет эмоциям взять над собой вверх.

— Знаешь, кого я нахожу противными? — продолжает Джей, его глаза темнеют. — Старых дегенератов, вроде тебя.

Ладно.

— Серьезно, — восклицает Уна. — Нам не стоит терпеть такое поведение.

— Она права, — вставляет, наконец, Джон Сноу. — Мистер Филдс, вы должны быть более уважительны. Суть этого заседания не в том, чтобы перебрасываться колкостями. Мы пытаемся прийти к соглашению, удовлетворяющему обе стороны.

Джей откидывается на спинку стула, руки опускаются по бокам. Не в состоянии удержаться, тянусь к нему и переплетаю наши пальцы под столом. Несмотря ни на что, я должна показать ему свою поддержку. В ответ он крепко их сжимает.

— Почему я должен быть уважителен, когда Брайан не проявляет этого в отношении меня? — спрашивает Джей небрежно.

Один из поверенных произносит:

— Я извиняюсь за комментарий моего клиента. А теперь могли бы мы вернуться к обсуждаемому вопросу.

— Я говорю не о том, что он назвал меня быдлом. Мне это до одного места. Речь о том, как он смотрит на меня. — Отпуская мою руку, он снова наклоняется вперед, обращаясь на этот раз к Уне. — Тебе ведь все обо мне известно, Уна? Почему бы не сказать мистеру Скотту, откуда я знаю, что он обо мне думает?

— О, да, — отвечает Уна, кажется, довольная предоставленной возможностью заговорить. Она поворачивает голову к Брайану. — Мистер Филдс был воспитан своим дядей, Киллианом Филдсом, одним из самых главных ученых по поведенческой науке в Соединенных Штатах. Вот откуда у него эти маленькие… ментальные фокусы.

Последнюю часть она произносит презренным тоном.

— А, — выдает Брайан, на краткий миг испытывая на вид дискомфорт, прежде чем к нему возвращается бесстрастное выражение лица. — Что ж, это очень интересно. Но мне бы хотелось вернуться к делу. У меня не так уж много времени.

— О, в таком случае ты можешь бежать прямо сейчас. Я решил, что не заинтересован в урегулировании вопроса. Увидимся в суде, — говорит Джей, складывая руки. Думаю, он мог бы также изощренно выставить свой средний палец.

Брайан долгую минуту пристально смотрит на Джея, и тот отвечает тем же непоколебимым взглядом. С тех пор как Уна пришла, Джей едва ли обращал на нее внимание, и для меня все становится на свои места. Думаю, он нацелен вовсе не на Харрис, несмотря на все те ужасные вещи, что она написала о нем.

Мне кажется, его настоящая цель Брайан Скотт, и я понятия не имею, почему.

Уна поднимается с места и берет Брайана под руку.

— Пойдем, давай не будем больше тратить время на его шарады. — Брайан кивает ей и позволяет провести себя к двери.

Джей резко усмехается, пока наблюдает, как они уходят.

— Ага, давайте, идите. Охренительно идеальная парочка, мусорный мешок и мусорная корзина.

Я сразу же прикрываю рот рукой, когда он это произносит, смех вот-вот готов вырваться наружу, ведь черное кожаное платье Уны уж очень похоже на мешок для мусора. А самое печальное, что она, скорее всего, заплатила за него больше, чем я зарабатываю в месяц.

Папа неодобрительно смотрит на Джея, а Уилл сурово сидит на своем стуле. Думаю, ни один из них не доволен тем, как ведет себя Джей. Теперь мне стыдно, что не предупредила их, потому что с самого начала ожидала подобного.

В тишине мы покидаем комнату, Джей идет позади меня. Стоит нам выйти на улицу, он спрашивает:

— Как насчет ланча? Я угощаю.

— Нет, — отвечает папа. — У меня сейчас нет аппетита. Но спасибо за предложение.

— У меня тоже, — говорит Уилл, и они оба начинают двигаться в сторону офиса, который находится недалеко отсюда. Я осталась с Джеем наедине, мимо проносятся звуки дневного уличного движения.

— Видимо, они недовольны мной, — замечает он.

— Нет. — Пытаюсь подавить улыбку. Я не должна хотеть улыбаться, но было так смешно, когда Джей поносил Уну и Брайана. В смысле, с этими двумя, небось, никогда так не говорили. Держу пари, половину их жизни им лизали задницы.

Джей засовывает руки в карманы.

— Так ты пойдешь со мной на ланч, Ватсон? Ну же, не оставляй меня одного.

Бросаю на него взгляд и больше не могу сдержаться. Смех вырывается и его просто невозможно остановить. Смеюсь так сильно, что уже хватаюсь за живот.

Джей улыбается.

— Что? Над чем ты смеешься?

— Просто, — удается выговорить мне, после чего следует очередной приступ смеха. — Ну и выражение лица было у Брайана, когда ты назвал его киской. Он действительно этого не ожидал.

Джей закидывает руку мне на плечи и ведет вперед.

— Да, да, я забавный мудак. Мы идем обедать.

Мне кажется, но не уверена, что в крутой тачке у обочины дороги вижу Уну Харрис и Брайана Скотта, наблюдающих, как мы удаляемся. У меня получается успокоиться только тогда, когда мы доходим до кафе.

ГЛАВА 26

Проходят месяцы. После пары недель болезненного дистанцирования от меня, Джей начинает захаживать к нам домой. Он показывается почти каждый вечер, и мы вместе сидим, каждый занят своими делами. Джей создает абсолютно новое шоу с нуля, что, несомненно, займет довольно много времени, чтобы все это провернуть.

Похоже, магия и иллюзия не даются легко. Они требуют такой самоотдачи, что доходит чуть ли не до одержимости. Мой маленький пошивочный бизнес растет, и Джей даже помогает мне создать сайт. Этот мужчина гений по части компьютеров. Он также помогает мне с заказами, упаковыванием и разносом посылок на почту, что отчасти растапливает мое сердце.

Мы редко касаемся друг друга, но когда делаем это, между нами взрываются фейерверки. Безмолвные взрывы. И все это от невинной ладони на моем локте. Наши руки случайно соприкасаются. Порой он нежно распускает мои волосы из небрежного хвоста и собирает его заново.

Люблю, когда Джей пробегает пальцами по моим волосам.

Я всегда думала, что чтобы иметь отношения, нужен секс. Но в действительности это не так. Без секса я стала ближе к Джею, чем когда он у нас был. Да и все равно секс у нас продлился недолго.

И, тем не менее, я жажду его.

Не дождусь того дня, когда он позволит себе задержать свои прикосновения, чтобы они превратились в нечто большее. Терпеливо жду, чтобы цирк, которым стало его судебное разбирательство, закончился.

Газеты в Ирландии и Великобритании прознали о деле, и за недели, оставшиеся до дня суда, оно притягивает много внимания. С приближением этого дня я замечаю, что в Джее зажигается какое-то электричество. Ожидание облегчения, что все это закончится.

За неделю до суда я возвращаюсь домой поздно, пробыв пару часов у Мишель дома, проведя беззаботное время вместе с ней и Джесси. Да, за прошедшие несколько месяцев их сексуальная связь превратилась во что-то постоянное. Не уверена, поднимал ли кто-то из них тему отношений, но, похоже, именно так и случилось.

Они счастливы вместе, что теперь совсем для меня неудивительно. Просто надеюсь день, когда Мишель решит, что хочет вернуться к мужчинам, никогда не наступит.

В холодную январскую ночь на улице темно, и я пытаюсь нащупать ключи от дома в своей сумке. Когда достаю их, чья-то рука в перчатке грубо опускается на мой рот и сильное тело жестко прижимает меня к двери.

Чувствую, что-то острое упирается мне в живот, и тогда мужской голос угрожает:

— Закричишь, и я зарежу тебя.

Мое сердце быстро стучит, пот проступает по всему телу.

Не кричу. И не могла бы это сделать, даже если бы хотела. Я в слишком большом потрясении, чтобы вообще как-то реагировать.

Рука, прикрывающая мой рот, поднимается к моим волосам, хватая копну и сильно оттягивая. Из меня вырывается сдавленный всхлип, но он едва слышен. Про себя думаю: *«Это ли тот человек из парка, который, наконец, решил выполнить свою угрозу?»*.

— Ты передашь Джею Филдсу сообщение, — продолжает голос, один звук которого режет мне слух.

Могу лишь кивнуть.

— Скажешь ему, что если он покажется в зале суда на следующей неделе, мы придем за тобой снова, и в следующий раз оставим отметку.

— Мы? — Там есть кто-то еще, помимо безликого человека?

Снова киваю, и давление исчезает. Несколько секунд стаю на месте, не в состоянии развернуться, но думаю, что слышу цокот каблуков вместе с ботинками, когда они уходят. Где-то неподалеку заводится машина и слышен рев мотора; мое тело, наконец, начинает двигаться. Я поворачиваюсь и быстро выбегаю на дорогу — как раз вовремя, чтобы увидеть, как черный автомобиль ускоряется. Окна без тонировки, и не уверена, подводит ли меня зрение, но вижу Уну Харрис, уставившуюся на меня с пассажирского сиденья с безумной улыбкой на лице.

Какого черта?

Это был вовсе не человек с парка. Мои руки дрожат, пока пытаюсь найти телефон. Вытаскиваю его и быстро набираю номер Джея.

— Ватсон, — тепло отвечает он.

— Ты мне нужен, — мой голос наполнен страхом, который занимает каждую клеточку моего тела по мере того, как произношу слова.

— Ты дома? — спрашивает он, но теперь уже серьезно.

— Да.

— Буду через десять минут.

Заходя домой, пытаюсь не шуметь, зная, что папа спит наверху. Я только что пережила один из самых страшных моментов в своей жизни, второй был, когда убили маму, но тогда едва ли был какой-то звук. Все произошло так быстро, нечего даже и говорить, а сейчас я все еще чувствую нож, который безликий человек прижимал к моему животу.

Уна Харрис совсем не та, кем кажется, потому что женщине, которую я сейчас видела, определенно не чуждо видеть напуганных до смерти людей, угрожать им, чтобы заполучить желаемое.

На нетвердых ногах я закрываю парадную дверь и прохожу в кухню, включаю свет и сажусь за стол. Не знаю, сколько прошло времени, когда дверь открывается, и в нее целеустремленно входит Джей. Он видит меня сидящей там, белой, как привидение, и сразу же склоняется надо мной, беря мои руки в свои.

— Ватсон, что случилось? — спрашивает он с видом, будто хочет кому-то причинить боль.

— Я... кто-то напал на меня, когда я возвращалась домой. У них был нож.

Его глаза потемнели как никогда, а хватка стала сильнее.

— Что? Ты ранена? Видела их лица? — Его руки стали ощупывать мое тело в поисках ран, которых не было.

Садистская улыбка Уны Харрис начала всплывать в голове, и мое сердце бешено заколотилось. Мне предстояло сказать Джею о том, что человек угрожал навредить мне, если на следующей неделе он покажется на судебном заседании. Но я смотрю ему в глаза и вдруг понимаю, что не могу этого сделать. Не могу сказать ему. Если я это сделаю, то тогда все *эти месяцы*, потраченные на судебные разбирательства, будут впустую. Он не сможет отчистить свое имя, и, возможно, никогда не сможет восстановить свою карьеру.

Я этого не сделаю.

Почему-то понимание того, что Уна Харрис готова даже нанять какого-то головореза, чтобы угрожать мне телесными повреждениями, прибавляет мне больше решимости увидеть, как она получает то, чего заслуживает.

— Они не навредили мне. Думаю, просто пытались запугать. — Делаю паузу, думая на ходу. — Они пытались выхватить мою сумочку, но подъехала соседская машина, и они убежали. Сейчас я в порядке. — Неприятно лгать ему, но как однажды сказал Джей: неизбежное зло повсюду в этом мире.

Он притягивает меня в объятия.

— Иисусе, ты не должна так поздно возвращаться в одиночку. В следующий раз убедись, чтобы с тобой кто-то был. Или, черт возьми, позвони мне, я лично провожу тебя домой.

Он слишком взволнован, чтобы прочесть меня, что хорошо, иначе он бы понял, что я вру напропалую. У меня сжимается в груди от осознания как на него повлияло, что я подверглась опасности. Просто он всегда начеку. Я редко видела, чтобы от него что-то укрывалось. До этого момента.

— Хорошо. Я просто не подумала.

Он крепко меня обнимает.

— Не допускай этого снова. Я убью кого-нибудь, если с тобой что-нибудь случится. Ты единственная, кто удерживает меня от этого шага.

Слова Джея окутывают, словно теплая ласка, в то время как я пытаюсь избавиться от вины, что была нечестна с ним. Мы стоим так долгое время, а потом Джей провожает меня до комнаты. Он говорит, что переночует на диване на случай, если бандит решит вернуться.

Следующим утром, когда папа обнаруживает его там, Джей рассказывает все, что произошло. Папа настаивает, чтобы мы вызвали копов. Я не хочу вовлекать полицию, иначе придется врать снова, но от этого никак не отвертеться.

К счастью, за месяцы, проведенные вместе, я углубилась в книжную коллекцию Джея. Совсем недавно я прочла одну про язык тела, так что я знаю достаточно, чтобы суметь соврать, когда офицеры приедут домой.

И все же я не могу не волноваться об угрозе. Они сказали, что если Джей пойдет в суд, то мне причинят вред. Мысленно возвращаюсь в день переговоров, когда мы с Джеем смеялись на улице.

Уна и Брайан тогда наблюдали за нами, и должно быть заметили какие-то признаки, указывающие на то, что Джей заботится обо мне. Иначе они не стали бы утруждаться и угрожать. Ведь я всего лишь помощница юриста.

В течение следующих нескольких дней собираю несколько видов хорошего оружия, чтобы защитить себя, включающих сигнализацию при нападениях, перцовый баллончик (что категорически запрещено в Ирландии) и швейцарский армейский нож. Я также учусь самозащите по видео на Ютубе. Не смейтесь. Если Уна Харрис и ее головорез вернутся снова, я буду готова. *«А самое важное»,* — напоминаю я себе, — *«никогда не оставаться одной»*.

Они не нападут на меня, если я не одна. По крайней мере, убеждаю себя в этом.

К сожалению, все эти беспокойства и тревоги берут свое, и за день до дня суда Джея я заболеваю самым тяжелым гриппом в своей жизни. Я говорю не о тех сильных простудах, которые люди называют гриппом, а именно самым настоящим гриппом, от которого каждый мускул и кость в теле болят, от которого едва соображаешь, чтобы вспомнить свое имя, а когда с тобой разговаривают, отвечаешь лишь лихорадочной тарабарщиной.

Папа находит мне временную замену, потому что очевидно — в моем текущем состоянии я ничем не смогу помочь на суде. Но я и не жалуюсь. Суд — это обычно часы скуки, сопровождаемые несколькими минутами чего-то интересного. Джей не знал о моей болезни до утра в день суда. Я лежу на кровати под одеялами в своей самой удобной пижаме, когда парадная дверь открывается и закрывается.

Папа ушел из дома около часа назад, значит, это может быть только единственный человек. Шаги Джея раздаются на лестнице, и он направляется в мою комнату. Сперва он стучит в дверь.

— Не входи, — взываю слабо. — Я заразна, а тебе нельзя болеть на этой неделе.

— К черту, родная, — отвечает Джей, входя внутрь комнаты и садясь на край кровати. Он кладет руку мне на лоб, чтобы определить, есть ли у меня температура, на лице Джея вырисовывается беспокойство. — Черт, ты горишь.

— Знаю. — Шмыгаю я. — Тебе надо идти. Правда. Я не прощу себя, если ты подхватишь грипп.

Джей хмурится и берет мою вспотевшую руку в свою.

— Мне очень хотелось, чтобы ты была там сегодня. Чувствую себя храбрее, когда ты со мной.

— Ты самый храбрый человек, которого я знаю. У тебя получится. Надеюсь, через несколько дней мне станет лучше и я смогу присутствовать во время вынесения приговора.

Джей проводит рукой по волосам, и я осматриваю его. На нем надет модный светло-серый костюм, синий галстук и белая рубашка. Он выглядит потрясающе красивым.

— Ты выглядишь восхитительно, — удается выговорить мне, и глаза Джея теплеют.

— Спасибо, и ты тоже. — Он наклоняется и нежно целует меня в лоб.

Я слабо усмехаюсь.

— Уверена, никогда не выглядела настолько восхитительно.

— Ты всегда выглядишь восхитительно, Матильда, — говорит он и уходит.

У меня нет телевизора в спальне и, после проведения двух часов за чтением, становлюсь нетерпеливой. Мне хочется узнать, что происходит в суде. Я знаю, что новостной канал будет вести об этом репортаж, поэтому с большим усилием умудряюсь спуститься вниз в гостиную. Превращаю диван в кровать и ложусь. После всех этих действий у меня уходит еще двадцать минут на то, чтобы просто полежать, прежде чем появляются силы найти пульт и включить телевизор.

Переключаю на главный двадцатичетырехчасовой новостной канал и жду, когда всплывет судебное разбирательство. И в этот момент репортер кратко рассказывает о деле и показывает кадры

прибытия Джея с папой в Верховный суд. В отличие от большинства приходящих в суд людей, пытающихся избежать прессы, Джей сверкает ослепительной улыбкой перед одной из камер.

Даже его улыбка по телевизору сводит мое сердце с ума. Внутри зарождается надежда, что спустя столько времени, как только дело закончится у нас с Джеем появится шанс быть вместе.

Затем показывают прибытие Уны и Брайана — мой гнев всплывает на поверхность. Если эта стерва думает, что может запугать меня, то она дико ошибается. Хотелось бы увидеть ее лицо, когда она поняла, что Джей появился, а ее угроза не сработала.

Смотрю каждую секунду новостного канала того дня, а в обед появляется Мишель, чтобы накормить меня супом. Позже тем вечером я возвращаюсь в кровать и вырубаюсь, проспав до утра следующего дня. Когда просыпаюсь, чувствую себя более отдохнувшей, потягиваюсь и бросаю взгляд в сторону, удивленная видеть Джея, сидящего облокотившись подбородком на руку.

— Привет, — шепчу я. — Который час?

— Пол восьмого, — отвечает он. На Джее другой костюм — в отличие от вчерашнего этот синий, а сам Джей, похоже, только из душа. Запах одеколона этого мужчины бьет в нос, и я глубоко вдыхаю его.

— Как прошел вчера суд?

— Неинтересно, но сегодня будет намного веселей.

— Да? И почему же?

— Смотри новости и увидишь, — отвечает он таинственно.

Он не стал распространяться дальше. Вместо этого помог мне спуститься вниз и приготовил завтрак, несмотря на то, что мне под силу проглотить лишь несколько кусочков сухих тостов и чашку сладкого чая. Они с папой ушли вместе и мне предстоял очередной день бездумного глядения в телевизор на диване. Хоть Джей и сказал смотреть новости, не думаю, что у меня получится лицезреть повторяющиеся часами заголовки, поэтому решаю взамен включить сериал.

После нескольких эпизодов проверяю новости, и спустя несколько минут появляется репортаж о деле Джея. Диктор — чопорная блондинка — сидит за столом и читает текст:

«В суде по делу Джея Филдса и Дейли Пост произошло шокирующее открытие. Сегодня присяжные узнали, как журналистка Уна Харрис использовала нелегальные методы расследования для своих статей об американском иллюзионисте. Не было найдено никаких доказательств в подтверждение многих из ее заявлений о его прошлом, но более того, выяснилось, что мисс Харрис взломала телефон и электронную почту мистера Филдса, чтобы собрать информацию о его частной жизни.

Представитель мистера Филдса продемонстрировал улики деятельности мисс Харрис и даже предоставил доказательство, что Уна Харрис пыталась прослушать апартаменты, в которых он проживал в то время вместе со своей подругой — мисс Джессикой Ханлан.

Джессика Ханлан была вызвана в качестве свидетеля, чтобы объяснить, как она обнаружила жучок, убираясь по дому. Мисс Ханлан заявила, что понятия не имела, что это такое, но позже нашла профессионала, чтобы идентифицировать этот предмет. Теперь многие задаются вопросами о честности Дейли Пост и насколько такого вида практика обыдена среди ее работников.

Были выбраны присяжные из шести мужчин и шести женщин, которые вынесут приговор, и ожидается, что судебная тяжба закончится на следующей неделе».

Ого. В последние несколько месяцев я работала только над делами Уилла, поскольку папа тратил все свое время на подготовку к судебному процессу по диффамации, так что все это для меня ново. Такого рода скандал мог бы совершенно погубить газету, не говоря уже о том, чтобы привести к другим разбирательствам против них в будущем.

Я откинулась обратно на диван. Хотелось бы находиться там. Могу только представить, как вызвали Джесси в качестве свидетеля. Она, возможно, была рада находиться в центре внимания.

Тем вечером папа и Джей вернулись домой с китайской едой. Я сажусь за стол и берусь за свой куриный суп с лапшой, пока они обсуждают события дня. Судя по постоянной улыбке папы, я понимаю, что дела пока идут хорошо. После того как заканчиваю есть, Джей помогает мне подняться в свою комнату, чтобы я смогла вздремнуть. Он целует меня в лоб и говорит, что я должна отдохнуть. После чего они с папой закрываются в кабинете, чтобы подготовиться к завтрашнему дню.

На какое-то время я отключаюсь, а затем просыпаюсь, отчаянно нуждаясь сходить в туалет. Спешу в ванную и делаю свое дело, а когда выхожу, замечаю, что свет в кабинете папы включен и они до сих пор там. На самом деле, кажется, что у них завязался спор. Какого черта?

Я подкрадываюсь к двери и прислушиваюсь.

— Это неприемлемо, Джейсон. Как ты мог скрывать от меня подобное? У нас уже два дня идет судебный процесс. Два дня! Ты должен был рассказать об этом месяцы назад, — говорит папа расстроенным голосом. Кажется, я никогда прежде не слышала, чтобы он обращался к Джею полным именем. Да и вообще никогда не слышала его таким сердитым.

— Я не мог сказать тебе. Ты ведь знаешь, что не мог, — отвечает Джей. Он звучал чуть спокойней, чем папа, хоть и не особо.

— Конечно, мог. Ты мой клиент, а мы, черт возьми, судимся с национальной газетой. Ты должен был рассказать мне все!

— Ладно, хорошо, а теперь подумай. Если бы я рассказал тебе все с самого начала, согласился бы ты взять мое дело?

— Конечно же, нет! Ради всего святого, половина из того, что ты объяснил мне, даже незаконно. Меня не волнует, что произошло в прошлом. Это... это... я так дела не делаю. Я не такой человек.

— Я это знаю, — говорит Джей. — Ты не такой зацикленный, как я. Ты хороший парень и можешь забыть об этом, а я не могу. — Джей делает паузу, в его голосе столько эмоций, что я с трудом себя сдерживаю. — Мне нужно это, Хью. И, что бы ты ни думал, тебе это тоже нужно. Ты этого заслуживаешь. После всего, через что ты прошел, ты заслуживаешь этой победы.

О чем вообще они говорят?

Повисает долгая пауза, и мне кажется, я слышу, как папа тихо плачет. Иисусе, я уже готова войти и прервать их, когда слышу, как он произносит дрожащим голосом:

— Подойди, сынок.

Опять тишина, а затем Джей говорит полным эмоций голосом:

— Я делаю это не только ради себя, но и для тебя и твоей дочери.

— Хорошо, — отвечает папа, все еще дрожа и тяжело вздыхая. — Я понимаю. Правда. И я уже слишком глубоко повяз, чтобы теперь отступать. Мы начали это вместе, так что закончим тоже вместе. Прости за все, через что тебе пришлось пройти, сынок. Мы разберемся с этими... с этими кошмарными людьми, обещаю.

Эм, что? Я чуть приотворяю дверь, и тихонечко, чтобы они не услышали, заглядываю в комнату. То, что я вижу, застает меня врасплох. Папа с Джеем обнимаются.

Они отстраняются и мое сердце колотится. Крадусь в свою комнату как можно тише и залезаю обратно в кровать. Несколько минут спустя слышу, как Джей выходит из кабинета папы. Дверь моей спальни открывается, и я задерживаю дыхание, зажмурив глаза и притворяясь спящей. Буквально чувствую, как Джей стоит там и просто наблюдает за мной. Затем слышу, как он глубоко вздыхает, прежде чем снова закрыть дверь и уйти из дома.

Я лежу так долгое время, снова и снова прокручивая их разговор в голове.

Оставшуюся часть ночи сплю спокойно и просыпаюсь рано, чувствуя себя намного лучше. Мое горло чистое, а мышцы уже не болят и голова больше не кружится. Сегодня решаю пойти на процесс. Принимаю душ и надеваю кремовую блузку с коротким рукавом и синюю юбку-карандаш, высушиваю и выпрямляю волосы. Крашусь немного больше обычного, мой естественный цвет лица после болезни выглядит чуть бледнее привычного.

Когда спускаюсь вниз, застаю папу, сидящим на своем обычном стуле, читающим газету и попивающим кофе. У него мешки под глазами, и, похоже, он даже не сомкнул глаз. Его разговор с Джеем снова всплывает в голове. Что бы это ни было, именно он не дал ему заснуть.

Уже некоторое время у меня были подозрения, что Джей делает что-то совсем незаконное. Не знаю, почему, но я верила ему в этом вопросе. Убедила себя, что он знал, что делает. Должно быть, он признался папе, признался во всем, во всех тех вещах, которые отказывался рассказывать мне до неопределенного дня в будущем.

Но я обещала ему, что не буду задавать вопросов, и мне нравится думать, что я держу свое обещание.

— Доброе утро, — говорю я, входя в комнату и засовывая хлеб в тостер.

— Матильда, — отвечает папа с вымученной улыбкой. — Выглядишь великолепно. Как ты себя чувствуешь?

— Намного лучше. Я уже позвонила временной заместительнице и сказала, что она нам больше не понадобится. Мне не терпится пойти.

Папа хмурится.

— Ты уверена? Это дело стало очень... сложным. Я бы совсем не возражал, если бы ты захотела не участвовать в нем. На свет вылезло много непристойных вещей.

— Ты о том, что Уна Харрис взломала телефон Джея? Я слышала новости.

Губы папы сжимаются в тонкую линию, а выражение его лица становится холодным, хоть это и не из-за меня.

— Это не все, что сделала эта женщина, милая. Похоже, она была безудержна в своих амбициях в течение многих лет, и у Джея есть доказательства всего этого.

Я уставилась на него.

— Откуда?

— Он был очень занятым человеком, делал свою домашнюю работу, — единственный ответ папы. Его тон какой-то печальный, печальный и... нежный. Словно по неизвестной причине он сочувствует Джею.

Мой хлеб выпрыгивает из тостера, напугав меня. Я отворачиваюсь от папы и иду за маслом. После завтрака появляется Уилл и везет нас к зданию суда, паркуясь по прибытию. Журналисты повсюду, словно муравьи над кусочком сахара. Джей ожидает нас внутри в одиночестве. Его глаза загораются счастьем и облегчением, когда он видит меня. К сожалению, после того как слышала их с папой вчерашний разговор, не могу сказать, что чувствую тоже самое.

Мне нужно знать правду. А прямо сейчас я могу с таким же успехом носить повязку на глазах. Просто надеюсь, когда придет время, я смогу принять что бы мне ни рассказали.

— Ватсон! Тебе лучше, — говорит он, притягивая к себе и заключая в теплое, к счастью дружеское объятие, учитывая, что папа и Уилл находятся здесь же. Когда мы заходим в зал заседания, я пробегаюсь по материалу на сегодняшний день, про себя высказывая раздражение за паршиво проделанную работу заместительницы. Все не там, где должно быть, и исправление ее ошибок займет у меня вечность. Нам приходится ждать прибытия судьи, на что может уйти Бог знает сколько времени.

Мои глаза перемещаются на Брайана и Уну, когда они входят, окруженные своей командой юристов. В отличие от Джея, который специально попросил папу представлять его в суде, Брайан нанял адвоката, парня средних лет, которого я на самом деле узнаю. Томас Дженкинс. Большинство людей юридической профессии в этом городе знают его, потому что он один из самых талантливых людей в бизнесе.

Я изучаю Брайана, сужая взгляд. В нем должно быть что-то есть, что-то под обычным внешним видом, отчего Джей так сильно его ненавидит.

— Ты в порядке, родная? — спрашивает Джей, врываясь в мои мысли. Очевидно, он заметил, как я смотрю на Брайана.

Бросаю на него взгляд, а затем опускаю глаза на бумаги передо мной.

— Да, просто... с этим парнем что-то не так, знаешь ли. Я не могу понять, что именно, потому что он выглядит таким обычным.

Джей потирает подбородок с задумчивым выражением на лице.

— Ты когда-нибудь читала Ханну Арендт? — я видимо выгляжу потерянной, потому что Джей поясняет дальше. — Она политический теоретик.

Качаю головой.

— Нет, я никогда не ходила в колледж, Джей. Люди, которые не были в колледже, обычно не читают политических теоретиков.

Не уверена, почему язвлю ему. Возможно, потому что знаю, что Джей точно знает, что «не так» в Брайане, но мне об этом не скажет.

— Я тоже не был. Но, да, я понял, о чем ты. В любом случае, она написала книгу о судебном процессе нацистского лейтенанта по имени Адольф Эйхман в 1960-м. Арендт была еврейкой, которая

покинула Германию во время правления Гитлера, а во время судебного процесса этому парню пришлось встретиться со всеми злодеяниями, которые он совершил. Вещами, которые мог придумать только монстр. Тем не менее, его обследовали психологи, и определили, что он не был психопатом, что по факту он был полностью нормальным. Отчего Арендт сделала вывод, что совершенно обычные повседневные люди были способны на преступления, которые в основном ассоциируются лишь с самыми извращенными, злобными членами общества. Она назвала это банальностью зла. Вот что ты видишь, глядя на Брайана Скотта, Матильда. Он обыденный, заурядный, будничный, похожий на точную копию любого другого профессионала его возраста, и все же...

Он прерывается и отворачивается. Я чувствую, как затаила дыхание.

— И все же что, Джей? — спрашиваю я нетерпеливо.

— Судья здесь, — говорит он, разворачивается и потирает руки. — Похоже, сейчас начнется вечеринка.

Затем появляется папа, быстро переговаривая с Джеем, и у меня нет возможности расспрашивать далее. Оглядываясь через плечо, вижу Джесси, сидящую в зале, она ободряюще улыбается и машет мне. Я машу ей в ответ и устраиваюсь на своем месте.

Не знаю, почему, но кажется, нам предстоит длинный и интересный день.

ГЛАВА 27

Папа собирается вызвать свидетеля, женщину по имени Эмма Филан, которая работает на Уну Харрис в качестве личного помощника. На самом деле, я потрясена, что они уговорили ее свидетельствовать. Честно говоря, не уверена, что Уна была в курсе, потому что стоило вызвать миссис Филан, и ее рот раскрылся от удивления.

Наблюдаю как ее шок переходит в бешенство, когда она поднимает эти кошачьи зеленые глаза на свою работницу. Или, правильней сказать — «бывшую сотрудницу»? Скорее всего, таковой она станет уже до конца сегодняшнего дня. Я наблюдаю, как женщина занимает место свидетеля, и секретарь берет с нее клятву. Проходит минута, прежде чем понимаю, что знаю эту женщину. Это львица, от которой нам с Джеем пришлось спасать Джесси, когда та пыталась заняться с ней групповухой вместе со своим мужем.

Что. За. Ешкин. Кот?

Украшения и развратный наряд, в котором она была в первую нашу встречу в казино, исчезли. Теперь ее волосы зализаны назад в аккуратный пучок, а на ней очень приличный брючный костюм. Моя голова сразу же поворачивается в сторону сидящей в зале Джесси. Она с озорством подмигивает мне, когда я губами произношу: *какого черта?*

Что-то прогнило в Датском королевстве, ведь правда, я нисколечко не поверю, что это простое совпадение. Пытаюсь перехватить внимание Джея, но он стоически смотрит вперед.

Папа встает для допроса свидетеля. Он держит голову высоко, несмотря на то, что его хромота заметна, а костюм недорогой и поношенный. На секунду забываю о своих подозрениях. В это мгновение я просто горжусь своим отцом, человеком, прошедшим через столько и проведшим так много времени, работая над паршивыми мелкими тяжбами, выступившим сейчас вперед, чтобы представлять интересы истца в одном из самых громких судебных исков этой страны за последние годы.

Я невероятно горжусь им.

— Где вы работаете, миссис Филан? — спрашивает папа.

— Я была личной помощницей Уны Харрис последние шесть лет, — отвечает Эмма, крепко держа руки на коленях.

— Вы можете назвать себя довольным работником?

Она хмурит брови.

— Простите?

— Вы счастливы на своей работе? — уточняет папа.

Эмма на долю секунды бросает взгляд на Уну.

— Я бы не сказала именно так.

Когда я смотрю на Уну, вижу, как ее рот сжимается в плотную линию. Кто-то явно недоволен.

— Вы несчастливы на своей работе?

— В некотором смысле — да.

— Почему вы несчастливы?

Эмма долго не отвечает. Она наклоняется к микрофону, слова будто вертятся у нее на языке, прежде чем она произносит:

— Из-за того как обращается со мной шеф.

Присяжные начинают переговариваться, а папа продолжает:

— Какого рода обращение вы имеете ввиду?

— Ну, порой она бывает грубой. Иногда угрожает и оскорбляет. Она также заставляет меня выполнять поручения, которые мне неприятны.

— Вы не могли бы пояснить, какого рода поручения и почему они вам неприятны?

— Она постоянно заставляет меня забирать ее лекарства. Мне неприятно, потому что это не входит в мои рабочие обязанности. Мои функции в основном заключаются в администрировании.

Со своего места в зале суда Уна громко фыркает от раздражения. Когда смотрю на Джея, его руки скрещены, а на лице едва заметная улыбка. Затем изучаю Эмму, и чего скрывать, она бы предпочла находиться где угодно, но только не тут в качестве свидетеля, независимо от того, насколько она несчастна на своей работе. Каким-то образом Джей принудил ее быть здесь. Точно вам говорю.

Папа подходит к столу, подбирает несколько листов бумаги и передает их Эмме.

— Вам знакомы эти документы, миссис Филан?

— Да.

— Где вы видели их прежде?

— Мисс Харрис регулярно посылала меня к своему доктору за этим рецептом, прежде чем отправить в аптеку за лекарством.

— Был ли обмен деньгами?

— Да.

— Сколько денег?

Эмма потерла руку, прежде чем ответить:

— Где-то между двустами и пятьюстами евро.

— Вам не казалось это странным?

— Да, но задавать вопросы не было моей работой. Я выполняла много заданий мисс Харрис. Она очень занятая женщина.

— Не сомневаюсь. Вы платили также аптекарю, который заполнял рецепт, то есть сверх обычной цены за лекарства?

— Да.

О, Боже. Несколько человек в зале ахнули от удивления. Вполне очевидно, куда клонит папа, даже если на первый взгляд эта тема может показаться не относящейся к делу.

— По вашему личному опыту это обычная практика при покупке лекарства?

— Нет. Я никогда не платила за лекарства для себя таким образом.

— По вашему опыту общения с мисс Харрис, вы знали о какой-либо ее продолжительной болезни, которая бы требовала того лекарства, за которым она вас оправляла?

— Я не в курсе такого.

— А по вашему личному мнению, вы бы сказали, что мисс Харрис посылала вас приобретать эти лекарства, потому что была зависима?

— Не знаю. Иногда она вела себя в офисе непривычно раздражительной или растерянной, но я относила это на счет стресса.

— Протестую, — прерывает Томас Дженкинс. — Нет доказательств, что моя клиентка не больна, а такая линия допроса может компрометировать свидетеля.

Папа снова берет выписанные рецепты и передает судье.

— Обращаю ваше внимание на количество, которое выписывалось каждый месяц. Даже если мисс Харрис была серьезно больна, ни один законопослушный доктор не прописал бы такое количество лекарства.

— Отклонено, — говорит судья.

Папа возвращает свое внимание к Эмме.

— Вы когда-нибудь пытались отказаться выполнять приказы мисс Харрис?

Эмма сглатывает.

— Да. Несколько раз я отказывалась, и она угрожала уволить меня с работы. Она также говорила, что позаботится, чтобы я не смогла найти другую.

— И что вы чувствовали?

— Я боялась за свое жизнеобеспечение.

— И последний вопрос. По вашему личному мнению, считаете ли вы что мисс Харрис можно доверить вести журналистское расследование должным образом будучи под влиянием лекарства, которое она принимала?

— Нет.

— Спасибо, миссис Филан.

Томас Дженкинс выступает с перекрестным допросом, и хотя он проделывает очень хорошую работу допрашивая Эмму и отчасти спасая репутацию Уны, папин посыл был ясен. Уна Харрис зависимая, непригодная для выполнения своей работы, и поэтому ничего из того, что она написала о Джее, не может считаться заслуживающим доверия. Папа даже вызывает медицинского специалиста для дачи показаний о том, что принимаемые Уной лекарства могли мешать ей физически и умственно.

Когда судья объявляет перерыв в судебном заседании, я целенаправленно встаю со своего места. Хочу поговорить с Джесси. Догоняю ее, когда она собирается выйти из зала, хватаю за руку и практически тащу ее за собой наружу.

— Эй, полегче, Матильда! — восклицает она. — Ты мне так руку оторвешь.

— Хочу поговорить с тобой наедине, — говорю ей, ведя к женскому туалету, подальше от зала заседаний. Мы заходим внутрь, и там, к счастью, пусто.

Я отпускаю ее и упираюсь руками себе в бока.

— Что здесь происходит?

— Что ты имеешь ввиду?

— Чертова львица — помощница Уны Харрис, Джесси! Вы с Джеем думали, что я не вспомню ее? Я не дура.

— Послушай... — начинает она, но прежде чем произносит что-то еще, дверь открывается и входит Джей.

— Оставь нас, Джесси, — говорит он командным тоном.

— У нас тут разговор. И если ты не заметил, это женский туалет. Тебе сюда нельзя, — огрызаюсь я.

Джей даже не смотрит на меня.

— Джесси. Иди.

Без единого слова она спешит из туалетной комнаты, оставив нас с Джеем наедине. Ни с того ни с сего я чувствую, что задыхаюсь. Одно его присутствие высасывает весь воздух, как в хорошем, так и плохом смысле. Мгновение мы стоим в молчании, прежде чем он поворачивается и отходит закрыть дверь на замок. Когда Джей смотрит на меня, его глаза темны от гнева.

— Тебе нужно к черту успокоиться, Ватсон.

— С чего бы? Сперва я услышала вчера ночью, как вы с папой ссоритесь, а теперь львица из казино — помощница Уны Харрис? Мало того, она еще становится свидетелем. Я знаю, что обещала не задавать вопросов, но все становится просто смехотворным. Ты не можешь продолжать и дальше держать меня в неведении.

Что-то меняется в выражении лица Джея.

— Ты вчера слышала нас с твоим отцом?

— Да, — отвечаю я раздраженно. — Хотя особо ничего не поняла.

Джей приближается ко мне, припирая меня к стенке. Его рука поднимается к моей щеке, проводит по ней и опускается на шею.

— Я думал, ты спишь, родная.

Мурашки пробегают там, где он касается меня, и я сглатываю.

— Ага, как видишь, ты не единственный кто может притворяться.

Он смотрит мне прямо в глаза с грозным выражением лица.

— Я никогда не притворяюсь. Не с тобой. Хочешь, чтобы я сказал тебе правду? Ладно, вот тебе правда. Мы с Джесси давно наметили Эмму Филан. Джесси начала с ней флиртовать, сделала пару компрометирующих снимков и записала то, что произошло ночью, когда та с мужем пригласили ее на групповуху. Затем, Джесси *разъяснила* Эмме, что если она не станет свидетелем в судебном процессе, то эти снимки и запись могут попасть не в те руки. Вот и все.

— Это шантаж. И незаконно. Думаю там, откуда ты, это называют «плодом ядовитого дерева»[33].

— Мы не используем шантаж как улику. Мы используем шантаж, чтобы она дала честное свидетельство. Доказательства того, что Уна использует наркотики — легальные. Вообще-то миссис Филан передала их совершенно добровольно. Использованный метод убеждения — это неизбежное зло.

Я безрадостно смеюсь.

— Метод убеждения? Ладно, раз ты хочешь так это называть. Так сколько же в общей сложности ты совершил этого «неизбежного зла», Джей?

— Немного.

— Черт.

---

[33] Метафора в США, которая описывает улики, добытые незаконным путем. По логике источник (дерево) улик или сами улики испорчен, тогда все что собрано оттуда тоже испорчено.

Он улыбается.

— Мне нравится, когда ты ругаешься. Так, к сведению, это чертовски заводит.

— У тебя сейчас язык развязался? Серьезно? — Толкаю его в грудь, но Джей не шелохнулся.

Он берет мою руку и потирает большим пальцем в центре ладони.

— Не начинай меня ненавидеть. Дай мне еще пару дней. Несколько дней и обещаю, больше никаких секретов, ладно?

— Как ты можешь это оправдать? Эта бедная женщина, возможно, теперь потеряет работу. Тебя это вообще волнует?

На мгновенье у него появляется странное выражение лица. Джей не обращает внимания на мой вопрос, а просто отвечает:

— Просто подожди, Матильда. Дождись общей картины.

Я долго смотрю на Джея, но в его глазах одна лишь искренность. Глубоко вздыхаю. Большой палец Джея на моей ладони, заставляет меня дрожать. Он давно не подходил ко мне так близко, а я чувствую каждую клеточку его крупного твердого тела, прижимающего меня к стене.

— Хорошо, я подожду. Но клянусь, это должно быть что-то стоящее.

Теперь он водит ладонями верх-вниз по моим руками.

— Обещаю, так и будет. — Джей слегка выдыхает, его глаза бегают между моими. — Я очень хочу поцеловать тебя.

Безмолвно объясняю ему, что целоваться прямо сейчас неразумно. Он отвечает так же, что принимает вызов.

— К черту, — ругается он. — Я поцелую тебя.

Не успеваю отстраниться, как губы Джея уже на моих, а язык проникает в мой рот. Из меня вырывается глубокий стон, и Джей обхватывает мое лицо ладонями. У меня так долго этого не было, чувствую его поцелуй повсюду — между бедер, в своих затвердевших сосках, на кончиках своих жаждущих пальцев, когда они крепко сжимаются на лацканах его костюма.

Руки сами по себе начинают расстегивать его рубашку, залезая под нее, чтобы почувствовать кожу этого мужчины. Обычно я так легко не поддаюсь, но мне это нужно. Я не могла коснуться его так долго. Мы сблизились и, все же между нами была стена. Джей стонет, когда касаюсь его, глажу ладонями его грудь. Рука Джея перемещается между моими ногами, приподнимая юбку и хватая меня *прямо там*. Я громко стону.

Ручка двери дергается, кто-то с другой стороны пытается войти, и мы отстраняемся с затрудненным дыханием. Отпускаю его и пробегаю рукой по волосам.

— Нам лучше пойти перекусить, прежде чем вернемся в зал.

Потемневший и разгоряченный взгляд, которым Джей меня награждает, дает понять, что это наипоследнейшее, чего бы ему хотелось. Но мы оба знаем, что тут последнее место, где мы должны этим заниматься, поэтому он, наконец, отвечает:

— Ага, тогда давай так и сделаем.

Говорю ему, что догоню, и он уходит, успев прошептать мне на ухо:

— Я чертовски люблю твой вкус.

Дрожу от его слов и горячего дыханья на моей коже. Затем запираю дверь, быстро иду в туалет и привожу в порядок свой внешний вид. Возвращаясь, поворачиваю за угол и чуть ли не наталкиваюсь на Уну Харрис. Ее обычно уложенные волосы слегка растрепаны и, похоже, она так сильно кусала губу, что та стала кровоточить. К тому же, ее зрачки сильно расширены.

— Смотрит на меня, словно думает, что лучше, — бормочет она, запах алкоголя бьет мне в нос. Если мои предположения верны, то она под чем-то *и* пила. Иисусе, она выбрала худшее место, чтобы показать себя.

— Я бы предпочла вовсе не смотреть на тебя, Уна, — говорю, вскидывая подбородок.

Она размазывает кровь по рту и машет в мою сторону пальцем.

— Так ты не испугалась той ночью? А должна бы. С твоей стороны было бы разумно бояться. — Она протягивает руку и проводит ей по моему шраму. — Напомни, как ты его получила?

Я сразу отстраняюсь от ее прикосновения.

— Не помню, чтобы говорила тебе. А теперь, пожалуйста, уйди с моей дороги.

— Уна, достаточно, — слышится твердый голос Брайана Скотта. Он подходит к ней и обхватывает рукой за талию.

Возле меня появляется Джесси и спрашивает:

— Ты в порядке, Матильда? — она бросает пронзительный взгляд в сторону Уны.

— Да, все хорошо.

— Ты кто вообще, черт тебя возьми? —спрашивает Уна, вновь невнятно произнося слова.

— Не твое чертово дело, — отвечает Джесси, складывая руки и поднимая глаза на Брайана. — Тебе бы лучше привести ее в порядок. Сейчас она в жутком состоянии.

— Да, — говорит Брайан стальным голосом. — Так и собираюсь сделать. До свиданья, дамы.

Он уводит Уну, а та чертыхается напропалую.

— Отвали от меня, Брайан. Я прекрасно могу идти сама.

— У этой стервы больше проблем, чем у Vogue, — бормочет Джесси себе под нос и я смеюсь.

Оставшаяся часть дня тянется довольно медленно, больше никаких крупных разоблачений не происходит. Я покидаю здание суда вместе с папой и Джеем, пресса накидывается на нас с вопросами, на что они получают четкий ответ «без комментариев». Мы быстро находим машину Джея, и он довозит нас до дому. В отличие от вчерашнего дня, он не остается на ужин, а наоборот — сразу же уезжает, как только высаживает меня и папу.

На следующий день заседание проходит таким образом: второй помощник Уны (да, у этой женщины два личных помощника) занимает место свидетеля. Это парень и он говорит все практически противоположное сказанному Эммой Филан днем ранее, разрисовывая Уну как идеального, самого щедрого шефа, которого только можно пожелать. Затем папа вызывает Уну для дачи показаний, и вот тогда-то все становится намного интересней.

— Мисс Харрис, в две тысячи четвертом году вы написали разоблачающую статью о личной жизни члена парламента — Виктора Нугента?

Глаза Уны, устремленные на папу, превращаются в щелочки.

— Да, в то время я писала о политике и обнаружила, что мистер Нугент пользовался услугами проституток.

— И как вам досталась эта информация?

— У меня есть осведомители, — резко отвечает Уна. — У всех журналистов есть.

— Вы прослушивали его телефон или взломали компьютер, как у моего клиента?

— Какое это имеет отношение? — протестует Томас Дженкинс. — Мы здесь не для того, чтобы обсуждать прошлые статьи. Мы здесь говорим о статьях, написанных мисс Харрис о мистере Филдсе.

— Заверяю вас, моя линия допроса весьма относится к делу, Ваша честь, — говорит папа судье.

— Продолжайте, — говорит судья, привычно махнув рукой.

— Вы можете ответить на мой вопрос, мисс Харрис, — произносит папа,вновь поворачиваясь к Уне.

Ее односложный ответ звучит напряженно:

— Нет.

— Мистер Нугент покончил с собой через несколько месяцев после того, как вы раскрыли эту историю. Вы знаете об этом?

— Конечно, да.

— Вы считаете себя ответственной?

Ее глаза превращаются в щели.

— Нет.

— Как вы считаете, если бы вы не написали той статьи, мистер Нугент был бы до сих пор жив и здоров?

— Я не могу этого знать. Но скажу, что Виктор Нугент должен был быть добропорядочным членом общества, а то, что он делал, нужно было разоблачить.

Серьезно, ирония здесь просто смехотворна. Уна Харрис осуждает чью-то личную жизнь после всего, что выяснилось о ней самой. Видимо, каждый герой своей собственной истории.

— И вы приложили огромные усилия, чтобы разоблачить его, мисс Харрис?

— Я не понимаю, что вы подразумеваете под «огромными усилиями», — заявляет Уна твердым голосом.

— Вы взламывали его личную электронную почту?

— Нет.

— Спасибо. На этом все, мисс Харрис.

Уна покидает трибуну и возвращается на свое место, в то время как папа берет папку и передает судье.

— Я представляю записи того, что в две тысячи четвертом году был произведен вход в личный почтовый ящик Виктора Нугента с домашнего компьютера Уны Харрис. Электронные письма также включены вместе с копией статьи мисс Харрис, которую она опубликовала в *Дейли Пост* несколькими днями позднее. Как вы видите, в статье была использована информация из этих писем, почти дословно.

У меня, правда, нет слов. Хотелось бы работать с папой над этим делом, а не с Уиллом, как я работала в последние несколько месяцев, потому что честно, не думаю, что выдержу еще сюрпризов.

Следующие несколько дней полное безумие. По всей стране люди в гневе на *Дейли Пост* и каждый телевизионный канал, радиостанция и газета взывают, чтобы издательство закрыли. Уну прозвали дьяволом, а Брайана — тем, кто дал ей базу для работы.

Однако самый большой сюрприз еще впереди. И хотя магии в этом никакой нет, мне нравится думать об этом как о престиже Джея. Его большой финиш и бесспорно последний гвоздь в двойном гробу Уны Харрис и Брайана Скотта.

ГЛАВА 28

Это предпоследний день судебного процесса. Завтра присяжные вынесут решение. Я вполне уверена, что Джей получит довольно значительную компенсацию, но всегда есть шанс, что все может измениться. Несмотря на все улики, выставленные против них, команда юристов Брайана и Уны все же смогла спасти часть дела.

Папа собирается вызвать еще одного свидетеля. Этим утром репортеры показались у нашего дома в поисках заявлений от папы, поэтому мы все на нервах стараемся добраться до зала суда вовремя. Зато, Джей спокойный, как огурец. На нем его любимый костюм, тот, что светло-серый, и выглядит он так же прекрасно, как и всегда.

В Джее есть какое-то умиротворение, словно суматоха в голове устаканивается.

Я так занята восхищенным разглядыванием его великолепного профиля, что не слышу, как папа вызывает последнего свидетеля. От присутствующих в зале и присяжных раздаются потрясенные охи. Брайан встает со своего места, пробегая рукой по седеющим волосам и выглядя совершенно сбитым с толку, в то время как Уна с обезумевшим выражением лица бледнеет, словно привидение.

— Что, черт побери, происходит? — спрашиваю сидящего рядом со мной Уилла.

— Ты, что, не слушала? — шепчет он оживленно. — Дэвид Мерфи выступает свидетелем.

— А?

— Дэвид Мерфи. Волонтер Джея. Тот, о ком Уна написала, что он умер от сердечного приступа.

Клянусь Богом, наверное, сейчас еще слишком раннее утро, потому что мой мозг отказывается воспринимать сказанные им слова.

— Не понимаю.

— Боже, Матильда. Разве Хью тебе не сказал?

— Нет. Они с Джеем держали рот на замке относительно деталей дела, — отвечаю я, чуть дрожа. — Так, Дэвид Мерфи жив?

— Да! — восклицает Уилл.

Не понимаю, как это возможно. То есть, Уна, возможно, и коварная, но не думала, что она может быть настолько тупа. Ведь у нее должно же было быть какое-то доказательство смерти человека, прежде чем она решила опубликовать статью? А Джей! Боже. Все это время он водил всех за нос, ни разу никого не поправив, когда упоминали о сердечном приступе Дэвида.

Что за фигня. Это же... замечательно.

Не могу поверить, что хитрый, умный обманщик и мерзавец сумел такое проделать.

А сейчас у меня нет слов.

В итоге мне удается взять себя в руки достаточно, чтобы осознать — сейчас разверзнется ад. Уна вскакивает и кричит на Джея, который спокойно сидит на своем стуле, с иронично вздернутой бровью и призрачной улыбкой удовлетворения на губах.

— Это возмутительно. Человек, сидящий в качестве свидетеля, не может быть Дэвидом Мерфи. Я в собственных руках держала его свидетельство о смерти! — ее до этого бледное лицо превращается в красное от гнева, когда Уна тычет пальцем в Джея.

Судья громко бьет молотком, призывая Уну держать себя в руках.

— Ты в этом уверена, Уна? — небрежно спрашивает Джей, вращая монету между пальцами с экспертной точностью. — Дэвид Мерфи — довольно распространенное имя в стране. Возможно, ты перепутала его с кем-то другим.

— Не перепутала. Я видела! Ты это сделал. Ты с самого начала знал, что он не был мертв.

— Мисс Харрис, — говорит судья. — Пожалуйста, сядьте.

Уходит еще несколько минут на восстановление порядка, и папа начинает допрос.

— Приятно с вами познакомиться. Полагаю, я должен начать с просьбы уточнить — кто вы?

Дэвид улыбается. На самом деле, он вполне симпатичный, ему, возможно, за тридцать, с копной густых каштановых волос.

— Я Дэвид Мерфи.

— Тот самый Дэвид Мерфи, который принял участие в телевизионном шоу мистера Филдса в качестве волонтера?

— Все верно.

— И вы живы?

Усмехается.

— Надеюсь на это.

Папа берет паспорт, свидетельство о рождении и водительские права, и передает их Дэвиду.

— Это ваши документы?

— Так точно.

Судья просит показать идентификационные документы Дэвида, прежде чем папа мог бы продолжить опрос.

— Вы имеете какое-нибудь представление, как мисс Харрис могла прийти к заключению, что вы мертвы?

— Нет. Сразу после того, как я закончил съемки с Джеем, эмигрировал по работе в Австралию, но недавно вернулся домой. Меня не было здесь, но я точно не был мертв.

— Спасибо, мистер Мерфи. Это все, что я хотел спросить.

Адвокат Брайана и Уны, Томас Дженскинс, сразу же встает со своего места, явно желая закидать Дэвида вопросами.

— Мистер Мерфи, прежде чем моя клиентка опубликовала статью, она собрала несколько документов свидетельствовавших, что вы умерли от сердечного приступа. Эти документы впоследствии пропали из охраняемого места, где они хранились. Даже копии и оригиналы государственных и больничных записей пропали без следа. Вы что-нибудь об этом знаете?

Дэвид склоняется к микрофону.

— Нет, не знаю.

Хм, даже если он не знает, то Джей наверняка в курсе. Поглядываю на него краешком глаза, мой взгляд сужается от настороженности и легкого трепета.

— Мистер Филдс нанял вас, чтобы вы инсценировали свою смерть?

Теперь Дэвид громко смеется.

— Нет, конечно, нет. Это не кино, мистер Дженкинс. — Я замечаю, что несколько членов присяжной комиссии пытаются подавить улыбки.

Рот Томаса Дженкинса превращается в недовольную тонкую линию.

— Мою клиентку, мисс Харрис, заставили поверить, что мистер Филдс заплатил большую сумму денег вашей матери на расходы на организацию похорон. Вы что-нибудь об этом знаете?

— Да, знаю. Джей дал моей маме деньги, но не для похорон. Это был займ для ремонта дома, который теперь полностью оплачен. Я не совсем понимаю, с чего ваша клиентка решила, что они на похороны.

Папа выходит вперед и обеспечивает суд необходимыми доказательствами займа. Адвокат Брайана и Уны кидает еще парочку умных вопросов Дэвиду, но у того безупречные ответы на каждый из них, даже с легким намеком, что, прежде всего, у Уны никогда не было документов, о которых она заявила.

После перерыва на обед, Томас Дженкинс вызывает свидетеля, парня по имени Блейк, который, видимо, работал оператором на шоу Джея и который, по заявлению Уны, был ее осведомителем последние два года. Она также заявляет, что это Блейк изначально проинформировал ее о смерти Дэвида.

Они все кажутся уверенными, что Блейк докажет, что что-то было неладное и Уну одурачили, заставив поверить, что Дэвид был мертв. Тем не менее, когда Блейк занимает место свидетеля, он отрицает любую связь с Уной и утверждает, что никогда не говорил ей, будто Дэвид Мерфи умер. Уна заявляет, что все ее дела с Блейком происходили с глазу на глаз, поэтому у нее попросту нет доказательств, что такие встречи имели место быть.

И снова все это попахивает трюкачеством Джея. Мне становится чуть ли не жаль Уну. Я даже начинаю задумываться, не спланировал ли Джей все, еще до того как она написала хоть одно слово о нем.

Что только приводит к целому вороху других вопросов.

Судья просит присяжных отправиться в совещательную комнату и обсудить все, для вынесения вердикта. Я даже не сомневаюсь, что решение будет в пользу Джея. На самом деле, это кажется

единственным заключением. Мое сердце колотится от страха не в ожидании вердикта. Если к этому времени я и узнала что-то о Джее, так это то, что на все его действия есть своя причина, и больше всего мне хочется знать — зачем он все это организовал.

Почему он хотел уничтожить Уну Харрис и Брайана Скотта?

ГЛАВА 29

Обсуждение присяжных затягивается вплоть до следующего дня. Мы все подъезжаем к зданию суда с утра пораньше на оглашение вердикта. Я и Джей особо не разговариваем, но зато происходят многозначительные переглядывания, с моей стороны наполненные невысказанными вопросами.

Брайан Скотт уже там со своей командой, а вот Уны Харрис нигде не видать. Утром в новостях было сообщение о том, что после скандала со взломом телефона и электронной почты, Дейли Пост собираются закрыть. Катализатором выступила даже не история с Джеем, а вызвавшая гнев по отношению к издательству история Уны с разоблачением личной жизни Виктора Нюгента, за которой вскоре последовало его самоубийство.

Всю страну привел в негодование тот факт, что Уна получила информацию незаконно, и читатели полностью бойкотируют Дейли Пост. Если газета закроется, то более сотни людей потеряют работу, и я не уверена, как мне к этому относиться.

По требованию судьи, председатель присяжных встает, чтобы огласить вердикт. Секретарь спрашивает ее, пришли ли присяжные к единому мнению, на что она просто отвечает: «Да».

— Находите ли вы ответчика виновным или невиновным? — спрашивает секретарь.

— Виновен, — отвечает председатель присяжных.

— Это единогласное решение?

— Да.

Вот так сюрприз. Но под «сюрпризом» я подразумеваю, что в этом нет ничего удивительного. Джей с папой пожимают руки и похлопывают друг друга по плечу в знак победы. Я рада за них, правда. Папа кажется таким счастливым, и это так замечательно. Я не видела, чтобы он так улыбался со смерти мамы.

Брайан Скотт излучает потоки ненависти на Джея через весь зал одними лишь глазами. Хотя Джей этого не замечает, в основном потому что его внимание зафиксировано исключительно на мне. Он кажется... опасается.

Как я сказала, признание виновности неудивительно. Что удивительно, так это сумма денег, которую получает Джей в качестве компенсации. Два. Миллиона. Евро. Нет, я не шучу. Очень много для этой страны. Я ожидала сотню тысяч, может, две, но чтобы два миллиона? Вау.

Как только у Джея появляется возможность, он оказывается возле меня с засунутыми в карманы руками.

— Ватсон, нам нужно поговорить.

— Я... я неважно себя чувствую. Кажется, мой грипп еще не прошел. Поеду домой и прилягу.

— Но я всех угощаю праздничным обедом. Ну же, я хочу, чтобы ты там присутствовала.

Глядя в его глаза, у меня не поворачивается язык сказать ему «нет», поэтому я слегка киваю. Он кладет свою руку мне на поясницу и выводит из здания суда. Пресса толпой ожидает нас, и Джей настаивает, чтобы я была рядом с ним, пока он делает заявление.

Я немного ошеломлена, потому что обычно ни за что бы не согласилась появиться вот так в телевизионном эфире. Уверена, этим вечером заявление Джея будут показывать на каждом новостном канале. И я буду там же с ним, вероятно, с комически растерянным выражением лица.

Все происходящее после вынесения вердикта кажется размытым. Не успела я опомниться, как сижу в милом итальянском ресторане с Джеем, папой и Уиллом, поедая пасту карбонара и пытаясь понять, почему у меня каша в голове. Как будто я заключена внутри одной из тех вращающихся оптических иллюзий, которые вызывают головокружение лишь от одного взгляда на них.

В темных уголках моего мозга находится информация, которая просто жаждет прорваться, чтобы помочь мне понять, что происходит на самом деле.

Джей почти не отводит от меня свой пытливый и напряженный взгляд. Папа с Уиллом дружно болтают об успехе дела, когда я отодвигаю стул и встаю под предлогом похода в дамскую комнату.

Но туда не иду.

Вместо этого выхожу из ресторана и ловлю такси до дома. Однако, добравшись до места, перспектива оказаться внутри кажется мне удушающей, поэтому решаю прогуляться и проветрить

голову. Я перехожу дорогу и иду в сторону променада, а найдя пустую лавочку, сажусь на нее и смотрю на воду.

Не знаю, сколь долго я просидела там, как что-то падает рядом со мной. Я кошусь влево и вижу стопку старых писем, перевязанных веревкой. Чувствую, как кто-то нависает надо мной. Джей.

Я не поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него.

— Что это? — спрашиваю я с любопытством, подбирая их и раскладывая на коленях.

— Письма, написанные моей мамой, — отвечает он. — Почему ты вот так убежала из ресторана? Мы беспокоились о тебе, а ты не отвечала на телефон.

Прячу лицо под ладонью.

— Блин. Прости. Он на беззвучном режиме. Мне просто нужно было немного свежего воздуха. Письма?

Он обходит скамейку и садится, устраивая руку на спинку. Я чувствую его жар.

— Да, хочу, чтобы ты прочла их. Когда я был еще ребенком, мне казалось она писала дневник, но это не так. Она писала письма моему дяде. Она писала ему каждую неделю, а этот мерзавец никогда не отвечал ей. Он читал их, а затем откладывал. Думаю, для него это был эксперимент, чтобы посмотреть, как долго она продолжит писать, ни разу не получая ответа.

— Немного жестоко. Это тот дядя в Америке? К которому ты уехал жить?

Он заправляет мне прядь волос за ухо, и от этого прикосновения по телу пробегает приятная дрожь.

— Да. Просто прочти их. Они обрисуют тебе более ясную картину. Затем я объясню все остальное.

Я снова опускаю на них взгляд.

— Ладно.

Он печально и ласково улыбается мне.

— Давай. Отведем тебя домой. — Беря меня за руку, он помогает встать.

— Почему ты выглядишь таким печальным? — останавливаюсь и кладу руку ему на грудь, глядя на него.

Глаза у него слегка слезятся, и он шепчет:

— Потому что боюсь тебя потерять. А если ты решишь, что не хочешь меня, не уверен, что смогу отпустить тебя.

Меня разбирают эмоции.

— Джей.

— Просто прочти письма, — умоляет он.

Я собираюсь с духом, молча киваю, и мы возвращаемся домой. Когда мы заходим в прихожую, я поворачиваюсь к нему, но он исчез, вечный иллюзионист.

Желая уединения, иду сразу в свою комнату и развязываю веревку, которая скрепляет всю пачку писем. Я просматриваю их и замечаю, что они были сложены по датам. Я с осторожностью вскрываю первое и разворачиваю лист.

Дорогой Киллиан,

Не слышала о тебе месяцами. Знаю, ты наслаждаешься своим уединением, но я скучаю по нашим беседам. Детьми мы были очень близки. Ты помнишь? Мы заставили папу перенести твою кровать в мою комнату, чтобы не спать по одиночке. Я скучаю по этим дням. Детство кажется таким тяжким, но потом оглядываешься назад и понимаешь, это были самые легкие дни в твоей жизни.

В прошлом году мы переехали в новый дом. Он нуждался в ремонте, но с небольшим косметическим ремонтом мы смогли его неплохо обновить. Ничего такого восхитительного, но местность здесь чудесная. Так тихо. Мирно. Правда район стал довольно популярным. Совсем недавно приходил застройщик и предложил выкупить место. Я пригласила его на чай, и он рассказал мне о своих планах построить новый отель прямо там, где стоит наш дом. Он был замечательным мужчиной.

Иногда я забываю, что бывают хорошие мужчины. Я столько времени с Люком, что кажется будто они все монстры. Не знаю, как долго я еще смогу быть за ним замужем. Теперь он причиняет боль не только мне. Он взялся уже и за Джейсона и Джека.

Я хочу продать дом, взять половину денег и убежать от него, забрав с собой мальчиков. Когда я рассказала Люку о предложении, он позвонил этому человеку и сказал, что продаст дом по двойной цене. Он ведет себя совершенно неразумно, и я не думаю, что он получит такую сумму денег за это место.

Боже, как же хорошо рассказать тебе обо всем. Излиться. Пожалуйста, напиши мне ответ, если есть время. Я бы позвонила тебе, но Люк до сих пор не подсоединил телефон, а я ненавижу пользоваться общественными телефонами.

Кстати слышала о твоей новой работе преподавателем в университете. Тетя Мойра приезжала несколько недель назад в гости и рассказала мне. Должно быть очень волнительно. Хотелось бы узнать, как ты там справляешься.

Твоя любящая сестра,

Филлипа.

Из всего письма я зациклилась на части: "*Теперь он причиняет боль не только мне. Он взялся уже и за Джейсона и Джека.*" Мои глаза наполняются слезами. Я читаю следующие несколько писем. В них больше описывается как Филлипа, мама Джея, борется с депрессией и справляется с физическим насилием со стороны своего мужа. В них несколько раз упоминается, что застройщик приходил к ним домой, когда муж был на работе. Я понимаю, что их дружба растет и превращается во что-то большее.

Филлипа ни разу не упомянула его имя до седьмого письма. Она страшится, что ее муж узнает, но застройщик желает продолжить их тайную связь. И вот тогда-то она наконец упоминает его имя.

Брайан.

Я долгое время смотрю на имя, пытаясь понять, простое ли это совпадение или что-то значит. Затем вытаскиваю телефон и гуглю «Брайан Скотт». Разумеется на его страничке в Википедии расписано как он пришел из бедного рабочего класса и что по слухам в молодые годы был ростовщиком, прежде чем вступил в сферу недвижимости, а вскоре создал свою газету Дейли Пост.

Боже.

У матери Джея была интрижка с Брайаном Скоттом.

Я перехожу к следующему письму, замечая, как они становятся все более и более отчаянно вопрошающими совета. Похоже, этот Брайан не принц из сказки, как она изначально думала. Судя по всему, он теперь угрожает, что расскажет ее мужу об их связи, если она каким-то образом не убедит того подписать бумаги и продать их дом. Она также упоминает, что однажды заявилась девушка Брайана, ругаясь и крича на Филлипу, чтобы та держалась подальше от ее парня.

Все это становилось для нее перебором.

Она пытается заставить своего мужа подписать бумаги, но он упрямый, жадный человек и отказывается продавать дом, если Брайан не готов заплатить за него непомерную сумму денег. Брайан на это не ведется. Похоже, он такой же упрямый и жадный. Филлипа подумывает взять ту небольшую сумму, что она припрятала и скрыться вместе со своими мальчиками. Она больше не может выносить происходящего.

Она хочет исчезнуть.

На этом письма заканчиваются. Мое сердце колотится. Что произошло между последним письмом Филлипы и ее смертью? Судя по датам, оно было написано незадолго до гибели семьи Джея и его вынужденного отъезда жить со своим дядей. Мне просто нужно знать.

Я надеваю туфли и вызываю такси, указывая водителю ехать прямо к апартаментам Джея. Пару месяцев назад он дал мне запасной ключ, сказав, что так честнее, поскольку у него до сих пор был ключ от нашего дома. Я поднимаюсь на лифте до самого верхнего этажа и выхожу, иду по коридору и останавливаюсь, дойдя до квартиры Джея.

Мне не приходится использовать ключ, потому что дверь выбита.

Мое потрясение длится лишь мгновенье, затем я заставляю себя действовать, вытаскиваю телефон и набираю экстренную помощь. Я шепчу в трубку на случай если человек или люди, которые ворвались в квартиру все еще там. Женщина на другом конце заверяет, что полиция уже в пути.

Я должна выйти наружу и ждать их прибытия. Так будет логичней всего. Но, похоже, логика мне отказывает, потому что я перешагиваю через выбитую дверь. В моей сумке до сих пор лежат сигнализация при нападении, перечный спрей и швейцарский армейский нож. Я вытаскиваю перечный спрей, который скажем так не совсем легален в нашей стране. А под «не совсем легален» я имею в виду

нелегален. Мне пришлось заказывать его в интернете, решив, что нарушение закона было необходимым злом, чтобы защитить себя. Снова эта фразочка. Возможно, мы с Джеем больше похожи, чем я думала.

Все тихо, когда я делаю шаг вовнутрь, но затем слышу громкие и отчаянные голоса. Они исходят с террасы. Медленно двигаясь по квартире, я подхожу к двери, которая ведет на балкон, но останавливаюсь на пороге, прячась за дверной рамой.

Если раньше мое сердце скакало, то теперь оно вылетает в стратосферу.

Джей стоит у перил, окружающих террасу, а перед ним обезумевший на вид Брайан Скотт с нацеленным прямо на Джея пистолетом.

— Зачем ты это сделал, а? Зачем?! — вопрошает Брайан.

То, насколько мастерски он держит оружие, заставляет меня подумать, что это не первый раз, когда он угрожает кому-то под дулом пистолета. Тем не менее в нем есть какое-то безумство, что далеко непрофессионально. Даже не сомневаюсь, что он сейчас настолько зол, что может воспользоваться оружием.

— Отпусти эту чертову штуковину и я расскажу тебе, — говорит Джей резким голосом, и все же слишком спокойным для подобной ситуации. Он смотрит на Брайана, который не опускает пистолет, вздергивает бровь и садится на шезлонг.

— Нет? Ну ладно тогда, продолжай нацеливать его на меня, если от этого твой член кажется тебе больше.

— Ты уничтожил мой бизнес, мою карьеру, мою жизнь! Я воспользуюсь им. Клянусь, я сделаю это, — кричит Брайан.

Джей смотрит на него как на истеричную домохозяйку, чей чистый ковер затоптали грязными башмаками.

— Я не сомневаюсь в тебе, Брайан. Человеку оставшемуся ни с чем, нечего терять, верно? — говорит он и в его словах сквозит злобный тон.

Джей вытягивает сигарету из за одного уха и спичку из за другого. Чиркая спичкой по подошве ботинка, он подносит ее к сигарете и прикуривает, выпускает большое облако дыма и поглядывает на Брайана. После этого его глаза меняются, лицо превращается во что-то жесткое и загадочное. Чистая ненависть сочится из его пор, полностью направленная на человека, стоящего перед ним.

Никогда не видела его таким. На ум приходит хамелеон, который может стать кем-то другим одним лишь изменением мышц лица. Он выглядит опасным. Впервые я чувствую, что могу мельком увидеть измученную, болезненную душу, которая была спрятана под поверхностью. И она такая же реальная, как и остроумный очаровашка, которого я узнала.

— Полагаю, я должен начать с простой части, — говорит Джей. — Филдс была девичья фамилия моей мамы. Хочешь рискнуть предположить какая у меня была фамилия от рождения?

— У меня нет времени играть в загадки, — выплевывает Брайан.

Джей выдыхает еще один клубок дыма и стряхивает пепел.

— Нет, я на это и не рассчитывал. Моя настоящая фамилия МакКейб. Джейсон МакКейб, припоминаешь?

Глаза Брайана расширяются и его хватка на пистолете на секунду ослабевает, затем он берет себя в руки.

— Ты лжешь.

— Нет. Тогда ты хотел купить дом моих родителей. Отец артачился по этому поводу, поэтому ты решил завести интрижку с моей мамой, затем шантажировал ее этим, чтобы она заставила отца продать дом. Ты не рассчитывал, что отец окажется таким злым говнюком, и когда он начал выдвигать требования, ты разозлился. Ты хотел что-нибудь сделать, что заставило бы мою семью покинуть дом, и вот тогда твоя маленькая подружка Уна стала нашептывать тебе на ухо.

— Мне нравится думать о ней как о твоей личной леди Макбет, но с более низким IQ. Уна ревновала к времени, которое ты проводил с моей матерью. На самом деле она ненавидела маму за то, что отвлекала твое внимание от нее. Она хотела убрать ее с пути, поэтому убедила тебя, что поджечь наш дом будет хорошей идеей. Что пожарные прибудут вовремя, чтобы спасти наши жизни, но как только наш дом будет уничтожен, родители сразу же продадут тебе землю. Поэтому как мужчины во всем мире,

которые позволяют своим членам руководить собой, ты сделал как предложила Уна. Вот только пожарные не приехала вовремя, верно, Брайан?

Джей уже на ногах и делает шаг в сторону собеседника, его пыл растет с каждой секундой.

— Ты организовал все это, потому что тот пожар убил твою семью? — отвечает Брайан, отступая на шаг, лишившись почвы под ногами.

— Да, но погоди, есть еще кое-что, — говорит Джей. — Ты заполучил наш дом, но тебе необходимо было купить еще один, чтобы твой проект продвинулся. Семья, жившая по соседству, была также непреклонна в продаже дома, потому что они слишком любили его, чтобы переезжать куда-то еще. Тебе не впервой было угрожать, чтобы получить желаемое, поэтому ты приказал своим людям однажды ночью ворваться к ним в дом, чтобы нагнать на них страху. Но один из твоих людей перегнул палку и выстрелил в жену. Ты знаешь чья это была жена?

— Это было очень давно, — бормочет Брайан, на его лбу проступает пот.

— Я и не думал, что ты вспомнишь, что только доказывает — ты заслужил всего, что я тебе сделал. Знаю, что мы не единственные, кто пострадал от твоих деяний. Ты испортил столько жизней, что уже потерял им счет. Отдаю должное, это сделало тебя богатым. Но знаешь, как говорят, Брайан, за каждым большим богатством скрывается большое преступление, а твои преступления неоспоримы. До сих пор не имеешь представления, чья это была жена?

Брайан поднимает пистолет выше.

— Иди к черту. Мне плевать. Мне пофиг. Ты хорошенько меня поимел.

Джей тушит сигарету и встает с места. От его дальнейших слов мне кажется, я упаду в обморок.

— Это была жена Хью Брэндона. Того самого человека, который представлял меня в суде. Тот, кто разнес твою газету, все то, что ты построил за счет своего эгоизма, злобный выродок. Вполне поэтично, не находишь?

Я разворачиваюсь и оседаю на пол, кусочки пазла сами собой соединились в голове. Когда я была маленькой, дом соседей сгорел, а Джей был тем мальчиком, с которым я играла и за которым присматривала. Уна Харрис и Брайан Скотт были виноваты, что тот дом сгорел. Они были причиной развала моей семьи из-за смерти мамы.

Вот почему Джей это устроил.

Он сделал это ради нас. Ради моей и своей семьи. Мои глаза наполняют слезы, скорбь и признательность сливаются в единое целое.

Теперь голос Брайана более спокойный, но не в хорошем смысле. Я пытаюсь собраться, достаточно, чтобы уделить внимание происходящему. Медленно встаю, осматривая квартиру Джея в поисках чего-нибудь напоминающего оружие. У меня в руке все еще сжат перечный спрей, но не уверена, что он поможет. Что если Брайан рефлекторно нажмет на курок, когда я прысну в него?

К сожалению, если то что он говорит правда, то он все равно его нажмет.

— Спасибо, что все прояснил мне, Джейсон. Теперь я могу сделать то, за чем пришел сюда, — готовит Брайан мертвым монотонным голосом.

— Ты собираешься стрелять в меня? Валяй, — говорит Джей, и вот тогда его глаза смотрят на меня. Все это время он знал, что я здесь! Он делает едва заметный кивок на спрей, что я держу, но я не понимаю, что это означает. Он хочет, чтобы я воспользовалась им? Или наоборот?

У меня лишь доли секунд, чтобы решить, и как раз перед тем как Брайан спускает курок, я выскакиваю на балкон, целясь ему прямо в глаза. Брайан скулит, когда спрей достигает цели, и пистолет выстреливает. Джей отскакивает прямо через край балкона и я ахаю от потрясения. Думаю, пуля все таки его настигла. Брайан роняет пистолет, хватаясь за свое лицо и я подбираю его.

С меня градом течет пот, грудь вздымается и сердце колотится. Мне никогда не приходилось держать оружие, но я направляю его на Брайана, как раз когда несколько человек в форме врываются в квартиру. Они забирают у меня пистолет, и я отдаю его, все еще находясь в шоке. Они надевают на меня наручники, но у меня нет слов, чтобы объяснить им что произошло. Я таращусь на перила, через которые перескочил Джей, но затем замечаю руки, держащиеся за край.

Меня окатывает облегчение, когда он подтягивается обратно на балкон.

Он не прыгнул, а держался за решетку. На рубашке кровь, в том месте, где его задела пуля. Я сосредотачиваюсь на этом, пока он в гневе разговаривает с офицерами, веля им сию же минуту снять с

меня наручники и объясняя, что пистолет принадлежал Брайану, а я только защищала себя. Как только их сняли, Джей ведет меня к дивану и усаживает, успокаивающе потирая мне плечи и глядя на меня проникновенно и выжидательно. Слышу, как он говорит офицерам, что на террасе есть камера наблюдения, и они смогу увидеть на пленке все, что произошло.

Проходит время.

Я остаюсь на своем месте, пытаясь понять, как худощавый, беспризорный мальчик, с которым я играла будучи ребенком, мог быть тем же человеком, с которым я познакомилась поближе. Как я не узнала его? Понимаю, он выглядит совсем не так как раньше, но мне нравится думать, что что-то в его глазах заставило бы меня вспомнить.

Что-то в его озорной улыбке.

Потому что, вспоминая об этой улыбке, я вдруг понимаю, что это та самая улыбка, которую он часто демонстрировал мне, когда мы играли детьми. Слезы снова просятся наружу, сердце стучит.

Он не был в моей жизни так долго, но я так сильно о нем заботилась. Вспоминала о нем, как об одном из самых важных друзей моего детства, о нем и его брате. Его бедный младший брат, который погиб из-за Брайана и Уны.

В тот самый момент, когда я впервые увидела его тогда в офисе, я почувствовала связь. Но даже предположить не могла, что это потому что я знала его. А он знал меня.

Теперь я все понимаю. Понимаю, почему Джей совершил все это. Я понимаю его потребность в возмездии. Но почему он не рассказал мне с самого начала? Почему хранил секрет все эти месяцы?

Не успела я опомниться, квартира уже была убрана, Джей кое-как вставил дверь до прихода мастерового утром, и мы одни. Он тихо подходит и вытирает мои слезы подушечками пальцев.

— Почему ты не рассказал мне? — шепчу я, пытаясь поймать его взгляд. Я хочу смотреть на него часами, просто впитывать контуры его лица. На короткую минуту, там на балконе я подумала, что он мертв. Наступает момент молчания. Он смотрит на меня, пока я снова не поднимаю на него взгляд, затем начинает говорить.

— Потому что хотел, чтобы ты увидела меня, настоящего меня. Не хотел, чтобы глядя на меня, ты вспоминала побитого, худощавого, печального ребенка с умершей семьей.

— Мне нравился тот ребенок. И мне нравится этот мужчина. Это бы ничего не изменило.

Джей пробегает рукой по волосам и встает с места. Он проходится по комнате, а затем снова садится обратно, крепко берет мои руки в свои и смотрит в глубину моих глаз, очень-очень глубоко.

— Если бы я рассказал тебе кто я, тогда пришлось бы поведать весь план. Ты бы ни за что на него не согласилась. В тебе слишком много чести, а я не хотел вовлекать тебя ни в какие темные дела, которые мне пришлось совершить, чтобы устроить этот судебный процесс. Поэтому же я держал тебя на расстоянии. Не хотел, чтобы то что было между нами строилось на секретах, которые я не мог тебе рассказать. Ты бы рассказала отцу, и тогда он бы ни за что не согласился представлять меня в суде. А мне было необходимо, чтобы он это сделал. Мне было необходимо, чтобы именно он низверг Брайана и Уну, потому что это они разрушили вашу семью, разбили его жизнь. Знаешь ли, я наводил много справок о твоем отце, прежде чем вернулся сюда. Он выпустился как самый лучший в своем классе, выиграл несколько громких дел до того, как умерла твоя мама. А затем все покатилось к черту. Его уверенность резко упала. Я хотел вернуть ему хоть что-нибудь из того что он потерял.

Я смотрю на него с открытым ртом, сердце сжимается. Он сделал это ради моего папы. Я никогда не думала, что кто-то действительно заботился о нас, кроме нас самих. Но это было неправдой. Был мальчик, выросший в мужчину, который достаточно заботился, чтобы бороться за нас. И теперь я кажется снова заплачу.

— Тише, родная, не плачь, — говорит Джей, слезы в моих глазах его расстраивают.

Он подносит мою руку к той стороне своей груди, где набита тату шестерки червей. Он по-прежнему без рубашки, после того как приехали парамедики и забинтовали рану, где его задела пуля.

Он берет мой палец и кладет на одно из татуированных сердец.

— Вот это ты, Матильда. — Передвигает его к следующему. — А это я. — И к следующим. — Вот это мой брат. Это мама. Вот это твой папа, а это твоя мама. Шесть сердец, помнишь? Шесть людей, о которых я больше всего забочусь. Я сделал это для всех нас.

Он снова двигает мою руку к другой стороне груди, где нарисован кубистический дизайн и проводит моим пальцем по нему в форме буквы «М», тут я вдруг понимаю, что тату это иллюзия, а в этой иллюзии спрятана первая буква моего имени.

— Вот это тоже ты, самая важная часть, — бормочет он и я вздыхаю.

— Ты сделал ее для меня? — шепчу я, не веря своим ушам.

— Да, Матильда. Я могу сказать тебе, что ты моя, но тебе необходимо знать, что это и меня касается. Я тоже принадлежу тебе.

Сердце колотится. Не могу найти подходящих слов.

Он подносит руку к моей шее, к моему шраму и начинает потирать.

— Я дал тебе лишь половину из тех писем. В остальных — гораздо больше подробностей об Уне и Брайане. Однажды в кабинете дяди я искал деньги, чтобы сбежать и наткнулся на них. Убежав я забрал их с собой, а после прочтения внутри меня начала образовываться черная дыра. Я знал, что должен что-то предпринять, чтобы исправить то, что произошло с моей мамой и братом. Они были для меня целым миром. На отца было плевать. Он мог хоть в аду гореть. Годами во мне копился гнев. Потом я начал профессионально заниматься магией и встал на ноги. Начал наводить справки о Брайане с Уной, узнавая где они сейчас, и понял, что должен с ними расправиться. Они были на вершине успеха, и из того что я мог понять, чтобы попасть туда, они разрушили жизни многих людей.

Затем я вспомнил вашу семью, как проведенные в вашем доме вечера стали самыми счастливыми в моей жизни. Мне стало любопытно и я поискал информацию о вас и обнаружил газетную статью о взломе, описывающую как твоя мама была застрелена, а вы с отцом избиты и ранены. Я представил тебя маленькой девятилетней девочкой атакованой взрослым мужчиной и так разозлился, что мог кого-нибудь убить. Я расследовал дальше и выяснил, что твой дом был продан компании Брайана, и понял, что это он стоял за взломом. Тогда-то мой план и разросся. Я собирался отомстить уже не только за себя, но также за тебя и твоего отца.

Он все еще потирает мой шрам.

— Папа ведь знает? Об этом вы спорили той ночью.

Джей вздыхает.

— Да, пришлось рассказать ему. Дошло до того, что половина имеющихся у меня улик не имела для него никакого смысла, поэтому ему нужно было знать.

— Ты должен был мне рассказать.

— Ты ведь знаешь, я не мог. Все должно было пройти гладко. Я не мог рисковать.

Я отстраняюсь от него.

— Глупости. Я бы никому не рассказала, сохранила бы твой секрет.

Он не обращает внимание на мой гнев, просто продолжает говорить:

— Впервые я увидел тебя уже взрослой два года назад, на улице перед офисом твоего папы. Ты несла охапку кофе на вынос, едва справляясь чтобы не уронить. Боже, ты была такой чертовски красивой. Мне хотелось подойти и помочь тебе, представиться, но необходимо было подождать. После я много раз за тобой наблюдал, надумывая себе причины, чтобы пойти и проведать тебя. Ты никогда не видела меня, пока я не пришел на назначенную встречу. Мои чувства к тебе начали расти. Сначала мне казалось, я заботился о тебе как о сестре, но потом я увидел в тебе женщину и пропал. Ты была красива... и я тонул.

— Ты… ты следил за мной без моего ведома?

Он прочищает горло.

— Не говорю, что это было логично или хорошо с моей стороны. Но мне нужно было видеть тебя, даже если и издали. Я стал зависим. А потом реально понял, что не мог рассказать тебе о своем плане, пока все не закончится. Я не мог рисковать. Мне нужно было, чтобы ты влюбилась в меня, потому что сам уже был по уши влюблен в тебя.

Мое сердце останавливается, вот прям буквально перестает биться.

— Что? — шепчу я.

— Я был влюблен в тебя, — повторяет Джей. — Я люблю тебя. Думаю, я любил тебя еще будучи ребенком.

В его глазах я вижу насколько искренние его слова.

Эпичная любовь.

Вдруг до меня доходит. Эпичная любовь, которой мне всегда хотелось, все это время была со мной, и она совсем не похожа на то, что я представляла. Она лучше, потому что настоящая. Она не идеальная или красивая. Она полна ошибок и самопожертвования, а иногда даже уродства. Неожиданно я понимаю, что все плохое, что совершил Джей в прошлом, не имеет значения. Мои чувства к нему, вот что важно, и ничто в этом мире этого не изменит. Я снова не нахожу слов и меня трясет.

Джей продолжает:

— Если бы я прямо с порога сказал тебе кто я такой и что делаю, возможно, ты бы не захотела иметь со мной ничего общего. Поэтому я стал твоим сожителем. Твоим другом. Мы узнали друг друга. И даже если ты сама себе не признаешься, я знаю, что ты любишь меня, родная. Я вижу это прямо там, в этих восхитительных голубых глазках.

Он берет мое лицо в руки, большими пальцами поглаживая линию подбородка, его голос приглушенный. Я дрожу.

— После того как моя семья погибла в пожаре, я остался у вас дома. Возможно, ты не помнишь, но я плакал в подушку. Ты зашла ко мне в комнату, залезла в кровать рядом со мной и всю ночь обнимала меня. Я никогда этого не забуду. Мы были еще детьми, но думаю, в ту самую ночь ты уже украла кусочек моего сердца.

Слезы начинают катиться по щекам, но он вытирает их.

— Я помню. Слышала, как ты плачешь. Подумала, тебе снится кошмар, поэтому я зашла, чтобы тебя проверить.

— Мне никогда не снятся кошмары, когда ты со мной, Матильда, — говорит он.

— У меня... — комок в горле встал. — У меня так много вопросов.

Его глаза становятся печальными, и на секунду кажется, что я сказала что-то не то. Но печаль быстро исчезает, и он притягивает меня глубже на диван, к себе на колени.

— Тогда спрашивай.

Мы сидим так часами, и он мне все рассказывает. Как у него ушли годы, чтобы придумать свой план. Как в начале он вообще не думал, что тот сработает, но сама мысль о мести, об освобождении была утешительной для него. Вероятность того, что однажды он воздаст всем по заслугам. Каждую ночь он вышагивал подле кровати, перечитывая свой план, иногда добавляя новые детали и это помогало ему заснуть.

Затем пришло время тяжелой части. Он знал, что для осуществления задуманного ему понадобится помощь сомнительных личностей, поэтому пытался установить связь с человеком по имени Симус Краули, могущественным криминальным авторитетом в городе. Это был тот же человек с подозрительными охранниками, которого я видела той ночью в доках. Тот, что подходил ко мне в парке.

Джей заплатил Симусу, чтобы он посодействовал с подделкой документов о смерти Дэвида Мерфи. Он также помог Джею с исчезновением этих документов перед началом судебного процесса. Вот почему он взял кое-что у Брайана Скотта в тот день перед зданием Дейли Пост. Это была его карточка доступа, и она нужна была Джею, чтобы проникнуть в архив газеты. Мысль о том, что Джей как-то связан с боссом мафии вызывает у меня беспокойство, но он заверяет, что его долг перед Симусом был полностью оплачен. Угроза Симуса в мою сторону была лишь демонстрацией силы, чтобы гарантировать, что Джей оплатит свой долг.

Дэвид Мерфи и оператор, который якобы был осведомителем Уны Харрис, были частью плана. Как и Джесси, они много лет дружат с Джеем, обязаны ему за многие услуги, которые тот для них сделал, поэтому они согласились ему помочь. Блейк стал работать осведомителем Уны задолго до того, как они начали снимать, зарабатывая ее доверие, чтобы она точно поверила ему про информацию о смерти.

Касательно ТВ шоу, Джей работал над ним только с небольшим количество людей, которым он мог доверить секрет относительно смерти Дэвида Мерфи. Телевидение приостановило шоу только после выхода статьи Уны Харрис, а Джей позволил им ей поверить, просто ни разу не поправив, что на самом деле Дэвид жив. Поскольку изначально в шоу были инвестированы в основном его деньги, канал особо не потерял, когда в итоге программу отменили за несколько месяцев до судебного процесса.

И если на то пошло, как он вообще узнал, что Уна захочет написать об этом историю? Сейчас я под строгим наказом об этом не распространяться. Но скажу так:

Неожиданный интерес папы к обновлению нашей комнаты и сдачи ее в аренду был НЕ его решением. Как и не было решением трех волонтеров на шоу Джея написать название группы, книги и картины, которые они написали. Все это очень умно, а сила подсознательного внушения поразительна. Так что нет, Джей на самом деле не волшебник и не обладает «божественным даром суперчтения мыслей» (Джерри Бурк, 2013, Hotmail). Давайте просто скажем, что если бы вы смогли раскрыть мозг этого мужчины и посмотреть внутрь, то это стало бы по-настоящему просветляющим опытом.

На самом деле к тому времени, когда он заканчивает все рассказывать, у меня уже болит голова.

— Не могу поверить, что ты столько времени посвятил этому, — говорю ему. — Столько усилий, я чувствую себя недостойной этого.

Рука Джея покоится на спинке дивана. Он проводит другой по моим волосам.

— Никогда не сомневайся в своей ценности для меня, Матильда. Вся моя жизнь, вся моя карьера — это вложение большого количества времени для получения единственного результата, который иногда длится всего лишь мгновенье. Каждая иллюзия отнимает часы, недели, месяцы планирования, и каждая из них того стоит. Во многом то, что я делал чтобы воздать справедливость ради наших семей было зеркалом этого процесса, и я не жалею об этом ни минуты. Знаешь почему?

— Почему? — шепчу я.

Он встречается со мной взглядом.

— Потому что каждый шаг привел меня сюда. К тебе.

Его рот так близко ко мне, что я практически чувствую его вкус. Наши дыхания сливаются, наполненные нуждой, которую мы так долго подавляли. Я облизываю губы, и он с жадным взглядом наблюдает за этим движением. А уже в следующую секунду его рот опускается на мой, и он целует меня с безудержной страстью. Мое тело льнет к его, руки хватаются за ремень в желании, чтобы его брюки исчезли.

— Прошло чертовски много времени, — бормочет он, посасывая мою шею. — Ты знаешь, как сильно я хотел поцеловать тебя, распробовать тебя за эти последние несколько месяцев?

Я стону.

— Сильно.

— Да, сильно, — сипит он. — Так сильно, что мне можно уже выдавать диплом по мастурбации.

Меня разбирает смех.

— Джейсон, пожалуйста, больше никогда не говори «диплом по мастурбации».

— Почему нет? Хорошо звучит. — Его рука опускается мне между ног, под юбку, и прямо сквозь трусики. Я скулю, когда он глубоко просовывает в меня пальцы и громко выругивается.

— Мне это не нравится.

— Ты любишь это. — Один толчок.

— Нет. — Еще один.

— Да, любишь. — Теперь его пальцы двигаются быстро вперед-назад, и больше мне не хочется разговаривать. Но все же я не могу оставить последнее слово за ним.

— Нет.

— Да. Ты чертовски любишь это и меня ты тоже любишь.

Я вздыхаю, наши глаза скрещиваются. Он смотрит на меня, все еще лаская меня пальцами.

— Попробуй только возразить. Пожалеешь, — продолжает он с потемневшим сексуальным взглядом.

— Я...

Он кладет другую руку мне на рот, чтобы я замолчала, подхватывает меня и несет в свою комнату. Я была в его спальне лишь несколько раз, и когда он кладет меня на кровать, прежде чем снять с меня каждую вещичку, то вся трепещу.

Я лежу, грудь вздымается, а он отходит от меня. Но уже через секунду он восхитительно обнаженный вновь забирается на меня, разводит мои ноги, а его рот сразу опускается к моей киске. Я вскрикиваю, как только его язык касается моего клитора.

Джей прав. Прошло слишком много времени.

Он в безумии работает надо мной, мы оба отчаянно жаждем друг друга. Он поднимает на меня свои тлеющие глаза, и мои щеки вспыхивают. Мне нравится, как быстро он может раздеть меня догола, буквально и фигурально. Я с обожанием запускаю пальцы ему в волосы, мое сердце настолько переполнено, что может разорваться. Мое тело напрягается и я знаю, что скоро кончу.

Оргазм накатывает быстро и мощно, и когда меня сотрясает удовольствие, я страстно выпаливаю:

— Я люблю тебя, Джей. Очень сильно люблю.

Он улыбается мне своей изогнутой эффектной улыбкой и отвечает:

— Да, любишь. Я тоже люблю тебя, Ватсон.

— Иди сюда, — бормочу я, отстраняя его от своего тела и притягивая к губам.

Наши языки переплетаются, а его эрекция дразнит меня между ног. Одним движение, сильным толчком бедер он оказывается глубоко во мне. Мы разрываем поцелуй и смотрим друг на друга.

Одной ладонью он прихватывает мое лицо, в его глазах благоговенье.

— Ты мой дом, Матильда, — выдыхает он, его слова как клятва. — Теперь я чувствую себя умиротворенным. Ты моя.

Я стону, а по телу пробегают мурашки.

— Скажи это, — требует он.

— Я твоя, — выдавливаю я, чувствуя, что готова взорваться любовью к этому человеку, которая бежит во мне. — Я твоя.

Восхитительная улыбка играет на его губах, а на висках блестит легкая испарина. Его рот на моем, когда он шепчет:

— Все верно, а я твой.

Часами он поглощает меня своим телом, его страсть безгранична, а душа — идеальная пара для моей. Он занимается со мной любовью до самого рассвета, обозначающего совершено новый день.

ГЛАВА 30

Спустя пару дней в почтовом ящике находим письмо для меня и папы. Я сразу же узнаю почерк на конверте, безумные беспорядочные каракули принадлежащие Джею, что вызывает у меня широкую улыбку. И от этого я еще больше хочу его открыть и посмотреть содержимое. Крошечный штамп в углу конверта в форме сердца с шестеркой внутри тоже выдает его.

Уже несколько дней он вел себя загадочно, организую какого-то рода представление. Если честно, я умираю от любопытства узнать, что все это значит, и представляю, что в конверте может быть наводка.

Открывая его, достаю маленькую квадратную карточку. Это приглашение.

Мисс Матильда Брендон и мистер Хью Брендон сердечно приглашаются присоединиться к мистеру Джею Филдсу на исключительном вечере в Пейнт Селлар в эту субботу, 8 февраля в 8 часов вечера.

Я переворачиваю карточку, но там пусто. Пейнт Селлар то самое место, где в прошлый раз у него проходило шоу, но в приглашении не упоминается о представлении, поэтому я не совсем уверена, куда мы идем.

Папа поглядывает через мое плечо.

— А, — говорит он, — загадочное приглашение от твоего парня. Интересно, что он для нас припас.

Я поворачиваюсь к папе и улыбаюсь. Недавно я села с ним и рассказала, что мы с Джеем пара. Вообще-то я не знала, чего ожидать, но уж точно не его односложного ответа: "Наконец-то!"

Думаю, когда дело касается нас с Джеем, папа всегда видел больше, чем хотел показать.

Он сжимает мое плечо и забирает у меня приглашение, переворачивая его, чтобы посмотреть если там что-то еще, так же как сделала я.

Затем он поднимает голову и причудливо мне улыбается с легким проблеском эмоций в глазах.

— Молодой Джейсон возьмет тебя в приключение, Матильда. Обещай мне, что насладишься каждым его мгновением.

Я смотрю на него, пытаясь понять смысл, потом сжимаю его руку и просто отвечаю:

— Конечно.

Всю свою жизнь я была осторожна, никогда по-настоящему не отрываясь. Думаю, это способ папы сказать мне отбросить всякую осторожность. Прокатиться на американских горках.

И я планирую наслаждаться каждым подъемом и спуском.

***

В субботу мы своевременно приезжаем на место встречи, как было указано. Среди зрителей только около тридцати или сорока человек, рассевшихся по всему залу. По сравнению с толпой восторженных фанатов, которых я видела на его первом представлении, эти люди кажутся не очень рады находиться тут. По сути от них исходит атмосфера неохотного принятия.

Я замечаю Джесси и Мишель сидящих в нескольких рядах от сцены, поэтому беру папу под руку и веду к ним.

— Привет, — говорю я, занимая места рядом с Джесси, — знаешь, зачем мы тут?

Джесси пожимает плечами.

— Если честно, он держал меня в неведении. Так что я тоже не в курсе, как и ты.

Я киваю ей.

— А что насчет этих людей? Мне кажется, они не очень рады быть здесь.

Джесси улыбается.

— Да, у меня тоже такое ощущение. Уверена все станет понятно, когда Джей покажется. Да, и кстати, ты слышала, что Брайан был обвинен в попытке убийства, а против Уны были выдвинуты обвинения в хакерстве компьютеров?

— Серьезно! — восклицаю я, у меня отвисает челюсть.

— Серьезно, — говорит Джесси.

Во мне формируется какое-то странное удовлетворение. Кажется заведомо правильным, что эти двое наконец получат то, что заслужили после того, как разрушили столько жизней. И я должна поблагодарить за это Джея.

Прежде чем успеваю сказать что-нибудь еще, гаснет свет и на экране в глубине сцены появляется видео. На видео показывают лотерейные номера последней неделе, выходит симпатичная блондинка и называет номера шаров. В зале слышится бормотание и затем короткое видео заканчивается. Начинается другое видео, в котором показывают Джея, стоящего в гостиной своих апартаментов. Он смотрит в камеру и начинает говорить.

— Полагаю, вы все интересуетесь, зачем вас сегодня пригласили.

Мужчина в переднем ряду презрительно усмехается:

— Да, в этом ты прав.

— Полагаю, правильней сказать, что я не самый ваш любимый человек. Вы все потеряли работу из-за меня. Мое судебное дело прикрыло вашу газету, и я, возможно, последний человек, которого вы бы хотели сейчас видеть, поэтому буду краток. Я прошерстил каждого человека, работающего на газету, и только тридцать три из вас оказались чистыми. И вот вопрос, который я вам всем задам — играли ли вы в лотерею на прошлой неделе? Полагаю, вы скажете «нет» или что «играли, но вам не повезло». Ну на самом деле я прошу вас изменить свое мнение. Все тридцать три из вас играли.

Среди аудитории раздается несколько удивленных возгласов, но по большей части все еще скептично настроены. Джей на видео вытаскивает из кармана маленький кусочек бумаги и держит перед камерой.

— Видите эти числа. Кто-нибудь узнает их?

Я сосредотачиваю взгляд на бумажке. Это лотерейный билет, а выбранные цифры те самые, что были названы в предыдущем ролике. Выигрышные номера! Вздохи неверия заполняют зал. Я в изумлении смотрю на Джея на экране, не понимая как такое может быть на самом деле. Невозможно предугадать лотерею. Просто невозможно.

Почти каждый тут находится в замешательстве.Улыбка Джея на видео сравнима с масштабами чеширского кота, когда он подходит и берет камеру. Он переносит ее на кухонный стол, на поверхности которого аккуратно разложены десятки конвертов с адресами и штампами. Джей показывает конверты и продолжает говорить за камерой.

— Кто-нибудь узнает эти места? — спрашивает он.

Одна женщина поднимается с места и говорит:

— Это мой адрес!

— Если вы посмотрите очень внимательно, — говорит Джей с экрана, — вы заметите, что каждый конверт адресован тем, кто сейчас в зале. Внутри каждого конверта чек выписанный на получателя. Выигрышная сумма лотереи на прошлой неделе составила более четырех миллионов евро. Поскольку все вы участвовали и выиграли, каждый из вас теперь богаче на сто двадцать пять тысяч евро. Надеюсь, это компенсирует полосу неудачи, которая была у вас всех в последнее время. — Он опускает обратно камеру и она снова направлена на него. — Если посмотрите на нижний левый угол этого видео, увидите, что я снял его вчера, а сейчас я собираюсь отправиться на почту. Завтра утром проверьте почтовый ящик — возможно, вы найдете маленький сюрприз. — Он улыбается в камеру и видео отключается.

Аудитория полностью оживляется, зал заполняют возгласы недоверия. С помощью какого-то странного ловкачества, Джей только что выиграл для всех в лотерею.

Это какой-то магический трюк. А был ли это вообще трюк?

Хочу спросить, как он это сделал, но его нигде не видно. А затем словно по волшебству я чувствую на себе чей-то взгляд. Разворачиваюсь и вижу в конце зала Джея. Он улыбается, кивает мне, чтобы следовала за ним, после чего разворачивается и, не оборачиваясь, направляется по коридору ведущему наружу. Я поднимаюсь с места и спешу за ним. Джей идет медленно, чтобы я смогла его догнать, выходя на мостовую Тэмпл-Бара. Толпы гуляк субботней ночи в массовом порядке заполняют улицы своими пьяными криками и веселым смехом.

Он поворачивается ко мне, его глаза загораются своим фирменным пост магическим лукавым озорством. Я сияю, глядя на него, качая головой. Он берет меня под руку.

— Добрый вечер, Ватсон. Не желаете прогуляться?

Молча киваю и мы идем по улице, пока я не останавливаюсь и вновь не поворачиваюсь к нему лицом, уверенно положив ладони ему на грудь.

— Ладно, я должна спросить. Это было на самом деле? Ты правда только что магическим образом выиграл лотерею для этих людей?

Он улыбается.

— Хотел бы послушать твою теорию.

— Хмм, я подумала, может ты использовал деньги от компенсации, но там было два миллиона, а не четыре.

С одной приподнятой бровью он говорит мне:

— Вообще-то я отдаю свои деньги от компенсации в качестве пожертвование в благотворительный центр для помощи жертвам домашнего насилия.

Я смотрю на него с изумлением.

— Серьезно?

Он проводит большим пальцем по моему подбородку.

— Да. Уверен, часть твоей добродетельности передалась мне, — бормочет он, почти рассеяно, пока его глаза обследуют мои черты.

— Вот не надо. Ты всегда был хорошим. Слишком хорошим. Но скажи мне, пожалуйста, было ли реальным то что я сегодня видела на видео.

Он долго смотрит на меня, в уличном свете фонарей его глаза сверкают коричнево-зеленым.

— Ты правда хочешь узнать ответ? — переспрашивает он. — Разве не волнительней просто ничего не знать, придумывая бесконечные возможности? Например, что я гений и разгадал какую-то математическую формулу вероятностей, чтобы предсказать лотерею. Может, я подкупил парня, выбирающего шары, чтобы создать систему. — Он замолкает, смеется и вытаскивает из своего кармана тот же билет, что показывал на видео. — Может, я подделал этот билет и просто даю им свои деньги. Может, я экстрасенс. Может, я очень хорошо провел время за игрой в покер. Возможности могут продолжаться бесконечно, Ватсон, но мы оба знаем, что загадка лучше, чем правда. Так почему бы нам не жить с магией? Быть снова ребенком и верить в фантастическое. Жизнь намного веселей с маленьким дымом и зеркалами.

Он дьявольски мне подмигивает.

Качаю головой, не в состоянии сдержать улыбку. Я тыкаю пальцем ему в грудь и широко улыбаюсь.

— Вы, мистер Филдс, просто невыносимы.

Он смеется.

— Это ложь. Ты находишь меня очаровательным. Я знаю, когда ты врешь, помнишь?

— А я когда-нибудь упоминала, как это ненавижу?

— Тебе и не нужно, — его голос полон любви. — Я также знаю, когда ты ненавидишь.

Что-то всплывает в моей голове и я качаю перед ним пальцем.

— Ха, но я соврала тебе однажды, а ты так и не узнал.

— Вот как, — говорит он снисходительно. — И когда же это было?

— Той ночью, когда на меня напал бандит. Это не было случайностью. Уна была там.

Его улыбка медленно расползается.

— Тогда я тоже знал, что ты врала. Разве ты не заметила на следующее утро, что мои костяшки были разбиты?

— Нет. И что это означает? Ты ведь всю ночь провел на диване.

— Не всю. Я выскользнул, нашел урода, которому Уна заплатила, чтобы припугнул тебя, и позаботился, чтобы он этого больше не повторил.

Я гляжу на него потрясенная.

— Откуда ты узнал?

— Я задал тебе несколько невинных вопросов, понаблюдал за твоей реакцией и догадался обо всем остальном. Нужно очень сильно практиковаться, чтобы суметь мне соврать. — Он делает паузу, голос становится мягким и сексуальным. — А я слишком одержим тобой, чтобы не различить каждое из твоих слов.

Такой ответ одновременно бесконечно радует и чертовски бесит меня.

— Это... ладно, вроде как круто.

Он ласково посмеивается и обхватывает меня за талию, быстро притягивая к себе. Я утыкаюсь в его плечо, вдыхая его запах.

— И я люблю тебя, — шепчу я.

Он поднимает мой подбородок и захватывает мой рот в медленном, затяжном поцелуи, пока не заканчивается воздух.

— Да, верно.

Несколько прохожих посвистывают и одобрительно кричат в нашу сторону. Он так крепко меня держит, что я чувствую, как у него в кармане вибрирует телефон, нарушая наш маленький момент.

Я хихикаю, прерывая поцелуй.

— Это мобильный вибрируют у тебя в кармане или ты просто рад меня видеть?

Он криво улыбается, доставая телефон, чтобы ответить.

— И то и другое.

Он не отпускает меня во время разговора. Не знаю, с кем он говорит, но он отвечает множеством «да» и «нет», прежде чем закончить на «Отлично, значит скоро увидимся».

Я наблюдаю, как он сует телефон обратно в карман и притягивает меня ближе, прижимаясь губами к моим вискам.

— Кто это был? — спрашиваю я.

Его ответная ухмылка вызывает во мне дрожь, в хорошем смысле.

— Это был мой агент из Штатов. Пора тебе выполнить наше соглашение, родная.

— Хм?

— Меня только что заказали на несколько представлений. Мы едем в Вегас, дорогая.

Я уставилась на него с открытым ртом, вспоминая время, когда он рассказал мне, как делал один из своих трюков, а в обмен я должна была в следующий раз поехать с ним в Америку, когда у него там будут шоу. Похоже, я действительно собираюсь сдержать данное папе обещание, и позволить Джею взять меня в приключение.

С трудом сглатываю, по коже проходит дрожь, и я взволнованно отвечаю:

— Похоже, что да. Не могу дождаться!

ЭПИЛОГ

Несколько месяцев спустя. Лас-Вегас, штат Невада.

Чертыхаюсь, когда случайно протыкаю палец иголкой. Костюм, который я сшила для Джея к его следующему представлению, почти готов. До недавнего времени я выкраивала только платья, но раз я теперь постоянный член его команды стилистов, на меня снизошло вдохновение создать что-то по настоящему оригинальное. Что-то, что будет представлять только его.

Если мама сверху наблюдает за мной, думаю, она бы гордилась. Я вобрала то, чему она меня учила и сделала из этого карьеру. У меня ушло две недели подготовить нового секретаря для папы, но теперь наконец мои дни в адвокатской конторе остались позади.

Я даю стилистические советы и создаю свои собственные дизайны. По мне так лучше и быть не может.

Финальную часть костюма нужно шить вручную — крошечное красное сердце в углу левого лацкана, а я была так сильно сосредоточена, что умудрилась уколоться до крови. Я засовываю палец в рот и иду искать пластырь. Найдя его, обматываю порез и возвращаюсь к шитью. Пробегаю рукой по красивой, темно-синей ткани, по настоящему гордясь проделанной работой.

Не могу дождаться, когда устрою тем самым Джею сюрприз. В последние несколько недель я украдкой снимала с него размеры, заверяя, что костюм будет сидеть идеально, но он понятия не имеет, чем я занималась. Когда я снова собираюсь вдеть нить в иглу, вдруг понимаю, что на моей коже что-то холодное. Опускаю взгляд и ахаю, прикрывая рот рукой от удивления.

На моем пальце самое красивое обручальное кольцо с бриллиантом, которое я когда либо видела, и его определенно не было секунду назад. Я не свожу с него глаз казалось бы вечность. Снова встаю, подхожу к зеркалу возле кровати и смотрю на свою руку через него. Затем краешком глаза замечаю Джея, стоящего в дверном проходе с улыбкой на губах и искрящегося любовью.

Вот так все бывает, когда твой парень иллюзионист. У него есть привычка появляться из тонкого воздуха, а глубоко внутри он просто большой ребенок, который преуспевает благодаря озорным проделкам и придумыванием разных способов, как удивить людей.

Возможно, его детство было украдено взрослыми, но он возвращает это детство с каждым новым трюком, который создает. Уже месяцы я полностью нахожусь под его чарами.

— Что это? — спрашиваю я, оборачиваясь и протягивая ему руку; сердце колотится, а голова отказывается верить самому очевидному объяснению этого бриллианта, который сейчас находится на моем безымянном пальце.

— Оно твое, — отвечает сообразительный мерзавец по существу, в то время как мое сердце дзинькает тысячью сентиментальных, неясных, умилительных эмоций.

Мои глаза мгновенно наполняются слезами от любви, а щеки вспыхивают розовым от нервного возбуждения.

— Джейсон, я не собираюсь заставлять тебя объяснять, как это кольцо оказалось у меня на пальце, но я должна настоять, чтобы т-т-ты сказал, зачем его надел, — запинаюсь я от волнения.

Он подходит ко мне и берет мои трясущиеся руки в свои, поднимает их и кладет на свою грудь, смотря на кольцо и поглаживая его большим пальцем.

— Я хочу, чтобы ты принадлежала мне. Хочу поведать всему миру, что ты моя. Поэтому я надел его тебе, Ватсон.

Я смаргиваю слезинку и продолжаю держать глаза закрытыми, шепча:

— Ты должен задать вопрос.

Его горячее дыхание опаляет мои щеки, когда он склоняется. Он сцеловывает мои слезы, затем утыкается носом мне в висок:

— Ты выйдешь за меня, Матильда? — спрашивает он нежно.

Тогда я открываю глаза и поднимаю на него взгляд, сразу же отвечая:

— Да, о, Боже, да.

После этого он берет мое лицо в свои руки, и целует меня, пока я не начинаю тянуть его за рубашку, пытаясь найти самый быстрый и эффективный способ избавить его от одежды. Мне не

приходится долго думать, потому что он отстраняется, глаза его сверкают, пока он начинает раздеваться, отбрасывая вещи. Я наблюдаю, пожирая каждый сантиметр его освобожденной от одежды кожи. Но будучи уже обнаженным, он не подходит ко мне. Вместо этого он идет туда, где я оставила костюм.

Оборачивается, встречается со мной нежно взглядом и спрашивает:

— Для меня?

Мое сердце сжимается.

— Да, Джей, для тебя.

Он улыбается, когда видит крошечное очертание сердца, которое я вышила на ткани, проводит по нему пальцем, но не произносит ни слова. Его молчание говорит само за себя. Затем он начинает его примерять. Минутой позже он полностью одет и я подхожу и встаю перед ним, поправляя воротник.

— Хорошо выглядишь, будущий муж, — улыбаюсь я ему.

Он горячо улыбается и рычит от удовольствия, поднимая меня на руки и бросая на кровать. Он устраивается сверху на мне, темные глаза горят желанием:

— Я хочу быть твоим мужем *сейчас*. Не хочу ждать.

Я хихикаю.

— Как думаешь, как скоро папа с Джесси смогут добраться сюда? Ты ведь знаешь, что они будут в бешенстве, если устроим свадьбу без них.

Джей склоняет голову на бок, словно обдумывает.

— Возможно, пару дней?

— Это пугающе скоро, Джей. Ты в этом уверен?

Он склоняется и нежно кусает меня за шею.

— Никогда в своей жизни не был более уверен.

Я таю от его слов.

— Ладно, тогда у меня только одно правило.

— И какое же? — спрашивает он, не особо обращая внимания, в то время как его губы опускаются по моей шее.

— Нас не будет женить Элвис, — твердо заявляю я.

Он замирает и громко хохочет, теперь смотря на меня.

— Ладно, договорились. А что... скажешь о министрах в шляпах?

Я тыкаю пальцем ему в грудь, едва сдерживая смех.

— Шерлок Холмс нас тоже не будет женить, Джейсон. Ни за какие коврижки.

Его улыбка становится еще шире.

— А как насчет того, чтобы я был одет как Шерлок, а ты как Ватсон?

— Теперь ты специально дразнишь меня, — отчитываю его, но не могу перестать улыбаться. — Одежда это мой бизнес. Я собираюсь надеть на свадьбу красивое платье, Джей. И никаких компромиссов.

— Думаю, я переживу, — бормочет он мне на ухо, его рука шарит под моей юбкой. — По крайней мере, я буду с нетерпением ждать, когда смогу снять его с тебя.

Когда он зарывается лицом в мою грудь, я вовсе забываю о свадебном платье, Шерлоке Холмсе, Джоне Ватсоне, Элвисе и случайно появляющемся бриллиантовом кольце. Я теряюсь в этом восхитительном мужчине, который превратил мою жизнь в приключение и показал мне чудо из чудес.

С Джейсоном Филдсом рядом со мной, мир — довольно волшебное место.

КОНЕЦ

БОНУС

***Пр. автора**: действие происходит между двадцатой и двадцать первой главой Шестерки сердец. Джей и Матильда на вечеринке по случаю дня рождения Джесси, а Матильда пригласила с собой Оуэна.*

Джей.

Ну ладно, я чертов придурок из-за того, что ревную. У меня нет на это прав. Я прекратил наши отношения с Матильдой, потому что пытаюсь быть хорошим парнем. Даже говоря это, мне все еще хочется ударить самодовольного дебила, сидящего на заднем сиденье моей машины, прямо в лицо.

Он принес ей корзину хлеба. Не знаю, почему меня это бесит больше, чем, если бы он принес цветы, но так и есть. Только я могу ее кормить. Сантимент, конечно, нездоровый, но это моя привилегия, ясно?

И знаете что, мне хочется, чтобы он на меня косо посмотрел, и я смог бы начать что-то. Только проблема в том, что он не сводит глаз с моей девушки, и это еще больше меня заводит. Он смотрит на нее своими глупыми щенячьими глазами, словно она самое прекрасное, что он когда-либо видел. Черт, я даже не сомневаюсь, что она самое прекрасное, что нам когда-либо приходилось видеть, отчего мне хочется ослепить его за один только взгляд.

В подобных случаях мне бы хотелось не уметь так хорошо читать людей, потому что тот факт, что он хочет трахнуть ее, вполне очевиден. Что-то шевелится у меня в груди, что-то уродливое и собственническое.

Так что да, у меня проблемы с управлением гневом.

Сжимая кулаки на руле, чувствую, как кровь течет по венам словно расплавленная лава.

Откровенная ярость.

Я тяжело сглатываю, пытаясь усмирить свой пыл. Даже когда я зол, у меня по-прежнему есть мои классные особые навыки. Ну вы понимаете. Мой разум мечется, пока я везу нас к Джесси, пытаясь придумать какой-нибудь умный и предприимчивый способ расстроить это маленькое ночное рандеву. Так будет неправильно, очень неправильно, но я подумываю сделать хитрый гипноз, чтобы этот парень казался скверным. Будет довольно легко заставить его подумать, что он курица, и чтобы кудахтал по всей квартире, как настоящая марионетка.

Но подобный трюк будет полностью указывать на меня.

Так что нет, я буду выше этого. Не хочу расстраивать свою девочку. К тому же, в последнее время я старался использовать свои «силы» во благо. Будем просто надеяться, что моя способность контролировать себя продлится до самого конца вечера.

Кстати о моей девочке, на ней надето это красное убийственное платье, отчего мне сложно здраво мыслить. Чертовски сложно. Я припарковываю машину и осматриваю ее тело, задержавшись на ее чертовски сексуальных каблуках, которые вызывают у меня желание провести дорожку языком, покусывая, по этим соблазнительным ножкам. Холмики ее груди вздымаются с каждым ее вздохом. Это очень завораживает.

Черт, возможно, это меня загипнотизировали.

— Я могу оставить это здесь? — спрашивает она своим сладким восхитительным голоском.

Я смаргиваю, отводя взгляд от ее мягкой, роскошной груди и поднимаю голову, чтобы встретиться со светло-голубыми глазами. Уходит доля секунды, чтобы понять, она говорит о проклятой корзине с хлебом. Никогда в своей жизни я не был так зол из-за хлеба.

— А как же правило покупать цыпочкам кучу цветов? — огрызаюсь на нее. На самом деле мне не хотелось, меня просто убивает разговаривать с ней подобным образом. Лишь сама мысль о другом мужчине, притрагивающемся к ней, вызывает у меня желание нанести тяжелые телесные повреждения. Никто и не скажет, что у меня иногда тоже бывает с головой не все в порядке.

— Мне кажется это милым. Я люблю хлеб. И вообще, какое твое дело? — спрашивает она в ответ, сузив глаза. Боже, во мне загорается что-то опасное, когда она бросает мне вызов.

Выхватывая у нее корзину, запихиваю ее на заднее сиденье и тяжело сглатываю. Мне нужно проветриться, черт побери. Затем выдаю ей по-настоящему выдающуюся фразу:

— Ты любишь хлеб, — долго и упорно смотрю на нее. Мои глаза оценивающе бегают между ее. Наблюдая, как она общается с Оуэном, довольно очевидно, что она думает о нем чисто платонически, словно они были братом и сестрой. Отсюда напрашивается вопрос, зачем она вообще позвала его сюда?

— Прости, я постараюсь быть приветливым, — говорю ей мягко.

— Спасибо, — шепчет она.

Пока мы едем в лифте к квартире Джесси, я пытаюсь сдерживать себя, чтобы не накинуться на нее с поцелуями. Моя девочка так чертовски съедобна, что мне невыносимо. Эти губы.

А это платье. Это чертово платье.

Она поглядывает на меня из-под своих ресниц, пока мы поднимаемся, и это почти окончательно меня добивает. Я сильно прикусываю внутреннюю сторону губы, чуть ли не до крови. Двери лифта раскрываются, и я не могу удержаться и кладу руку ей на поясницу, выпроваживая ее. Она тихо вздыхает от прикосновения, и мне нравится, что жар моей руки воздействует на нее.

Интересно, возбудило ли ее это слегка. Если бы я просунул руку под ее платье, она была бы сейчас горячей и изнывающей по мне.

Черт. Надо пресечь эти мысли на корню. Не об этом следует думать. Когда мы добираемся до Джесси, Матильда осматривается, ее широко распахнутые глаза все впитывают. Эти апартаменты довольно впечатляющие, и мне нравится наблюдать, когда она испытывает для себя что-то новое. Иногда она бывает совершенно открытой и полной любопытства.

По мне, так идеальная аудитория в лице одного человека.

Кажется, я могу слегка пристраститься поражать ее своими трюками.

— Здесь восхитительно, — говорит она, пока я рассматриваю ее профиль. — Как она может ее себе позволить, работая в казино?

Я сильнее нажимаю рукой ей на поясницу и отвечаю:

— Джесси поигрывает в покер. У нее получается еще лучше, чем у меня. Выигрыши помогли ей купить это место. Было время, когда у Джесси не было дома. Ее семья отвергла ее, поэтому владеть чем-то своим для нее очень важно.

— Ох, — отвечает она, выпуская воздух, на ее лице читается сочувствие. — И у тебя когда-то не было дома. Для тебя это тоже так важно?

Боже, я не выдержу, если она будет так смотреть на меня, ей даже невдомек, что лезет мне прямо в душу. О чем это я? Она уже там слишком глубоко находится.

Я сглатываю, поглядывая на нее.

— Важнее, чем все остальное. Но дом для меня это не крыша и четыре стены — это люди. Моя настоящая семья мертва, поэтому мне нужно создать свою собственную.

Я говорю, что дом это люди, но на самом деле это лишь один человек. Она. Каждое мгновенье, что я провожу с ней, кажется, что я наконец там, где должен быть, и видимо поэтому ее сегодняшний ухажер превратил меня в зеленоглазого монстра. Я продолжаю смотреть на нее, вдыхать тонкий аромат ее духов, и тогда перед нами появляется Джесси. На ее лице большая глупая праздничная улыбка, а значок «94» говорит о том, что она уже выпила рюмку или семь.

Я притягиваю ее в объятия и вручаю подарок.

— С днем рождения, Джесс.

— Ага, — говорит Матильда. — Счастливого дня рождения. Даже не знала, что ты настолько старая.

— В наши дни хирурги творят чудеса, — отвечает Джесси, и продолжает, похлопывая меня по плечу. — Рада, что вы снова разговариваете.

После чего отходит.

Куда ж без этого, может, она и лучшая моя подруга, но любит подливать масло в огонь. Она прекрасно знала, что делала, сказав это.

— Ты рассказал ей, что произошло? — Матильда поворачивается ко мне и спрашивает, похоже, слегка раздраженная сим фактом.

Я вздергиваю бровь, про себя подумывая отомстить Джесси каким-нибудь хитроумным и неожиданным способом. Стоило принести ей праздничный торт в виде члена, который видел в магазине. Как ни странно, они продают их для девичников. Бог с ней...

— А ты как будто не говорила Мишель, — возражаю я.

Матильда складывает руки и выпячивает бедро, подчеркивая свои изгибы, и отвечает равнодушно: «Ладно», — затем гордо уходит. И да, я наблюдаю за ее сексуальной виляющей попкой до самого балкона, где она присоединяется к Мишель и чмошному повару.

Я правда не в силах наблюдать, как она с ним общается, поэтому направляюсь к холодильнику и вытаскиваю пиво. Болтаю с парой человек. Одна цыпочка хочет, чтобы показал ей фокус с картами, так что я вытаскиваю колоду и тасую, весь такой обаятельный и ослепительный, карты разлетаются повсюду как тихая симфония на бумаге. Я едва сосредоточен на трюке, потому что в голове у меня лишь образы Оуэна, прикасающегося к моей девочке.

Я проделывал его так много раз, что это уже привычка. Мне даже не приходится думать о нем. Большинство фокусов требующих ловкости рук лишь дело практики. Если повторять что-то тысячи раз, станешь в этом настолько быстр, что никто и не увидит, как ты снимаешь часы с их запястий или вытаскиваешь кошельки с внутреннего кармана пиджака, когда стоишь прямо перед ними. Тут главное две вещи: сноровка и отвлечение внимания. Добавьте чуточку скорости, всплеска уверенности и вы летите.

Возьмите для примера дни, когда я занимался карманным воровством. Если красть, то лучше это делать в паре. Я тусовался с тем еще типчиком из Чарльстоуна, его звали Дон. Ему было не больше семнадцати, но по взгляду в его глазах можно было предположить, что он будущий хладнокровный убийца. Мы с Доном отлично запомнили свою рутину. Нашей целью становились самые оживленные торговые и туристические районы, потому что они кишели легкой добычей, а мы были голодные, отчаянные дети. Мы могли наметить какого-нибудь броского болвана, махающего своим телефоном так, словно у него было денег больше чем здравого смысла. Дон был по части отвлечения: он натыкался на человека и рассыпался в извинениях, тогда как я был по части сноровки: прогуливался мимо и облегчал его карманы. И быстро сваливали.

Как видите, все просто.

Группка, собравшаяся вокруг меня, хлопает, когда заканчиваю свое представление и я улыбаюсь, а глаза инстинктивно ищут Матильду. Она до сих пор на балконе с Оуэном, и он прикасается к ее руке.

Он. Прикасается. К. Ее. Руке.

Ну все, думаю, настало время положить этому конец раз и навсегда. Взяв пиво с собой, я целенаправленно выхожу наружу. Теперь они довольно уютно сидят за столом. Я беру на себя смелость присоединиться к ним, выдвигаю стул напротив Матильды и усаживаюсь. Ничего не говоря, вытаскиваю сигарету из кармана и зажигаю. Говнюк принимает это за желание завязать разговор.

— Слушай, я видел, как ты делал там фокус с картами. Это твое хобби? — спрашивает он.

Я невозмутимо отвечаю:

— Нет, не хобби. Это мое средство существования.

— Ну ничего себе. Здорово. Много зарабатываешь?

— Немного. — Кручу шеей из стороны в сторону и вращаю плечами. Вы бы знали, как меня напрягает вся эта мутотень. Оуэн сглатывает, смотрит на меня непонимающе и поворачивается к моей девочке.

— Кстати, Матильда, мне очень нравится твое платье. Я говорил, насколько потрясающе ты сегодня выглядишь?

Я подавляю усмешку. Это платье было надето не ради него. Она нацепила его для меня, и мне это известно, чтобы помучить меня, отчего мне хочется пригнуть ее к ближайшему столу и преподать ей урок. Качаю головой и делаю глоток пива, пытаясь думать о чем-то спокойном.

— Спасибо. Если честно, я сама его сшила, — тихо отвечает она.

— Правда? Впечатляет. Знаешь, я был так рад, что ты снова захотела со мной увидеться. Я уже было начал терять надежду.

Иисусе. Громко вздыхаю и говорю шепотом:

— Мог бы и позвонить ей.

Матильда в ту же секунду поворачивается ко мне, ее голубые глаза пылают вместе с растущим раздражением. Разве так ужасно, что я рад обращенному на меня вниманию.

— Что это было? — спрашивает она резко.

Оу, чувствую, будет ВЕСЕЛО. Не в силах сдержать усмешку, говорю ей небрежно:

— Ничего. Я разве что-то сказал?

— Ага. Думаю, сказал.

Это уже что-то. Я склоняюсь и продолжаю провоцировать ее:

— Ну, думаю, ты ошибаешься.

Но это не срабатывает, потому что в ту же секунду она решает игнорировать меня и говорить с Оуэном. Они болтают, а я не сдаюсь и, вмешиваясь, продолжаю строить из себя говнюка и быть настоящей задницей. Вижу, как ее это бесит, от чего я получаю несказанное удовольствие. В следующую секунду она быстро встает с места со сверкающими глазами и задвигает свой стул обратно.

— Ты… ты ведешь себя как мудак, — кричит она на меня, берет Оуэна за руку и уходит прочь. Я заканчиваю курить и разминаю челюсть, наблюдая как они проходят по квартире. Минуту или две спустя вижу, как она возвращается, что мне по душе. Зажигаю еще одну сигарету и жду, когда она подойдет ко мне.

— Чмошный повар уже ушел? — говорю я веселым голосом, широко улыбаясь и выдыхая дым.

— Ага, ты ведь постарался. Какого черта ты тут разыгрывал? Ты был таким… таким подлым. Совсем на тебя не похоже.

Ладно, теперь мне немного стыдно. Мне не нравится, как она смотрит на меня. Хочу, чтобы она смотрела на меня так же, как в тот раз в ее спальне, когда я заставил ее кончить, с ленцой и с любовью. Хочу, чтобы она всегда так на меня смотрела. Не могу придумать ни одного подходящего слова, поэтому просто молчу.

Матильда продолжает говорить:

— Ты задел его чувства, он же был только мил с тобой. Мне не нравится эта твоя черта, Джей. Какой бес тебя попутал?

Отведя взгляд на мгновенье, я сжимаю рот в тонкую линию и стараюсь не чувствовать себя виноватым. Я не должен был позволять себе быстро сближаться с ней. От этого у меня бардак в голове и отвлекает мое внимание от долгой игры, которую я затеял. В конце концов я убираю сигарету и склоняюсь к ней, решив, что честность лучшая политика.

— Мне он не нравится, — ворчу я.

— Он ничего тебе не делал.

— Ох, позволю себе не согласиться, — смеюсь я резко.

Следующие несколько секунд мы переглядываемся, и в течение этих мгновений мне представляется, как я забрасываю ее на плечо и несу в гостевую спальню Джесси совсем не для разговоров. Каждая частичка меня умирает от желания показать ей свои чувства с помощью своего тела.

Когда вмешивается Мишель, момент разрушен:

— Все в порядке?

— Оуэн ушел домой, — говорит Матильда и отводит взгляд, который я хочу вернуть в ту же секунду.

— Ну не переживай ты. Наверное, он просто устал.

— Не-а. Джей вел себя как настоящий засранец. Поэтому он и ушел, — снова взрывается она и уходит прочь, назад в квартиру.

Мишель смеряет меня своим хладнокровным взглядом.

— Надеюсь, ты не играешься с моей подругой, — говорит она резко, складывая руки на груди.

— Мои намерения чисты, поэтому можешь остыть, — отвечаю я непочтительно, мечтая о еще одной сигарете, хотя уже выкурил две подряд. Клянусь, этой ночью я могу слететь с катушек.

Мишель косится на меня.

— Вот уж не думаю, что у тебя когда-нибудь были чистые мысли в отношении Матильды. При каждом твоем взгляде на нее я буквально ощущаю, как секс витает в комнате.

— По ней не скажешь, но эта девушка любит ходить вокруг да около, — я чуть не смеюсь.

— Я не собираюсь причинять ей боль, ладно?

— Ага, лучше не стоит. Иначе придется иметь дело со мной, а я известна тем, что пользуюсь шпильками в качестве оружия, — угрожает она, задирая свою туфлю мне на показ.

Я посвистываю.

— Не сомневаюсь в этом.

— Умный мальчик.

И она уходит, а я отправляюсь еще за пивом. Немного погодя мое чувство раздражения стремительно растет и превращается в чистый неподдельный гнев. Какой-то новый мудила танцует с моей девочкой, танцует и лапает ее повсюду. Я едва помню свои движения, но в следующую секунду я отрываю его от нее и бью в морду этого ублюдка.

Мы скалимся друг на друга, а Матильда убегает расстроенная. Да, теперь я действительно накосячил. Парой минут спустя нахожу ее в своей старой комнате, лежащей на спине руками прикрывая лицо. Я тихо отворяю дверь и захожу внутрь. Позволяю глазам не сдерживаясь пробежаться по ее сексуальному телу, пользуясь редким моментом, чтобы впитать ее, пока она не осознает. Направляясь к кровати, в моем разуме уже проплывают способы, как ее уложить под себя и она будет изнывать от желания. Она убирает руки и открывает глаза, слегка вздрогнув, когда видит насколько близко я подошел. Я нависаю над ней, кусая свою губу, чтобы набраться силы воли.

Как я вообще мог подумать, что сила воли мне поможет? Она нужна мне как воздух.

— Я не хочу сейчас видеть тебя, — шепчет она и у нее перехватывает дыхание. Иисусе, мне ненавистна мысль, что я причина ее печали.

Мои глаза снова сами по себе путешествуют по ее телу, задерживаясь на изгибе ее бедер.

— Почему нет? — спрашиваю я.

— Ты только что беспричинно ударил Стюарта! Какого черта это было? У тебя проблемы с контролем гнева?

Вот черт, чувствую, как кровь бежит по венам, теряю самообладание и огрызаюсь:

— О, так дело в «Стюарте»? Только парень, которого ты пригласила, ушел, как ты тут же перекинулась на другого? Высший класс, Ватсон.

Ну да, я сразу сожалею о сказанном. Ее глаза становятся свирепыми от страсти, и она начинает ругаться:

— Ты серьезно? Обвиняешь меня в недостойном поведении? Ты начал все это своим ехидством по отношению к Оуэну, так что не будем сваливать вину на меня.

— Я же сказал, что он мне не нравится. И этот Стюарт мне тоже не нравится. Ты должна быть более разборчивой в том, кому позволять себя лапать.

Она слезает с кровати и атакует меня. На самом деле меня это застает врасплох, и я отступаю. Она тычет мне в грудь и ее последующие слова глубоко меня задевают.

— Тебя не должно это заботить, Джейсон! Ты хочешь, чтобы я была для тебя лишь другом, забыл?

Я опускаю на нее взгляд, моя грудь вздымается, дыхание учащается. Она так близко, что я чувствую жар, исходящий от ее тела. Я беру ее палец, которым она тычет мне в грудь, и держу его, меняюсь ролями и направляюсь к ней, припирая ее к стене, чтобы она не смогла убежать.

— Меня заботит, — признаю я чуть ли не мучительно. — Друзья заботятся друг о друге.

Ее губы опускаются в уголках, и она хмурится.

— И это все? Друг присматривает за своим другом?

— Да, — отвечаю я, сглатывая, и сразу же меняю свое решение. — Нет. Черт. Не думал, что будет так сложно.

— Что?

В течение следующих секунд принимаю решение, ведь я больше не могу сдерживаться, а в этом вечере есть что-то, отчего мне хочется заявить свои права. Нужно, чтобы она знала, что я чувствую, что она для меня всё.

— Я не хочу, чтобы ты встречалась с Оуэном, — признаюсь я и она едва слышно вздыхает.

— Почему нет?

— А еще не хочу, чтобы ты танцевала с мудаками типа Стюарта.

Склоняясь к ней, наблюдаю, как она облизывает губы, у меня появляются более яркие образы о том, как часами буду исследовать ее рот. Я занимаю каждый миллиметр ее личного пространства, моя плоская твердая грудь прижимается к ее мягкой и округлой. Мгновенно у меня появляется стояк. Вижу, что она замечает его, слегка извивается, и от этого мне еще сильнее ее хочется.

— Почему? — шепчет она, и этот звук самый соблазнительный, что я когда-либо слышал.

Черт, почему она делает меня таким слабым? Неистовая волна неудовлетворенности быстро наполняет меня, и я бью руками по стене по обе стороны от нее. Она подпрыгивает, и я склоняю голову, при этом мое дыхание щекочет ее лицо, и, наконец, сдаюсь, выкладывая ей то, что было у меня на уме все последнее время:

— Потому что ты моя.

Ее вздох побуждает меня к действию, и мой рот тут же захватывает ее нежные великолепные губы, язык проскальзывает в ее горячий гостеприимный рот. Мне нужно быть внутри нее, ощущать, как она крепко обхватывает меня.

Ага, вот тебе и долгая игра.

Сегодня мной руководят тело и сердце, и хоть раз я позволю себе иметь то, что хотел очень долго. Она облегчает мое бремя, потерявшись в ней, темнота и желание мести, которое меня поглощает, становятся немного светлее.